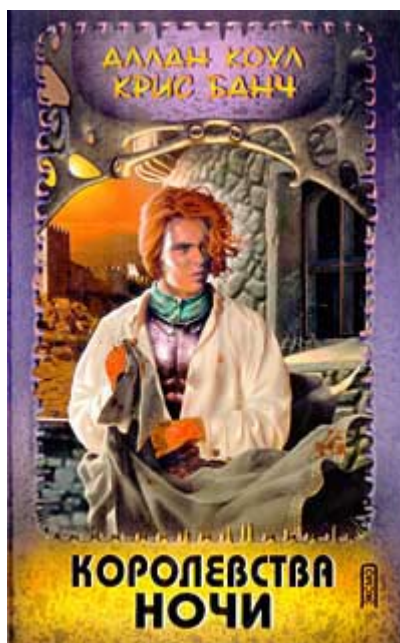

Аллан Коул Кристофер Банч Королевства Ночи

Далекие Королевства – 3

Библиотека Старого Чародея, Распознавание и вычитка — Николай Борзенков
<http://www.oldmaglib.com/>

«Королевства Ночи: Фантастический роман»: Эксмо; М.; 2001

ISBN 5-04-008163-4

Оригинал: Allan Cole, “Kingdoms of The Night”

Перевод: А. Яковлев

Аннотация

Амальрик Антеро, в прошлом великий воин, — уже глубокий старик, считающий, что его жизнь подходит к концу. Но правнучка его друга Яноша Серого Плаща Джанела заражает его духом авантюризма и заставляет вновь поверить в собственные силы. Они отправляются на поиски Королевств Ночи — средоточия человеческой мудрости...

Аллан КОУЛ, Кристофер БАНЧ КОРОЛЕВСТВА НОЧИ

Посвящается Чарльзу и, как всегда, Лил Карен

Книга первая СЕРЫЙ ПЛАЩ

Глава 1 ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Кто бы ни читал это, запомни: я — Амальрик Эмили Антеро из Ориссы. И знай: этот дневник и люди, везущие его, находятся под защитой моей и моего семейства. Если же ты

поможешь доставить их быстро в целости и сохранности в Ориксу, тебе будет выплачено две тысячи золотых монет.

Но берегись — не вздумай задержать моих слуг или помешать им в выполнении возложенной на них миссии, — последствия для тебя, твоей семьи и твоих потомков окажутся самыми ужасными.

И в этом я клянусь в шестой день месяца морозов в пятнадцатый год эры Ящера.

Мой самый любимый племянник, Гермас! Я пишу тебе из Далеких Королевств — из *настоящих* Далеких Королевств, а не из той фальшиво-сказочной Ирайи, которую мы с Яношем Серым Плащом открыли почти пятьдесят лет назад. Теперь-то я понимаю, как мы ошибались: чудеса тех отдаленных королевств, что очаровали нас тогда, бледнеют по сравнению с тайнами и волшебством этого царства.

Бедный Янош. Он предал все, что имел, и даже душу саму, полагая, что истины обитают именно там, в Ирайе. А все обернулось чудовищной ложью.

Старина Янош — тот Янош, что некогда был моим другом, — сам бы посмеялся сейчас над этим самообманом.

— Самые лучшие шутки богов те, — сказал бы он, — после которых ты оказываешься полным дерьмом. Человек, полагающий себя мудрецом, блуждает во тьме. И только тот, кто понимает, что он *действительно* глуп, имеет шанс увидеть истину.

Я теперь понимаю, он сам догадывался о том, что наше победное открытие Далеких Королевств приведет его к гибели. Ведь, в конце концов, после *такого* открытия что еще интересного оставалось Яношу на этом свете? Как жаль, что нет его сейчас, а то бы он мог порадоваться тому обстоятельству, что главные открытия еще впереди.

А теперь должен предупредить, Гермас, что, когда ты будешь читать эти строки, я, скорее всего, буду уже мертв.

Не печалься. Жизнь я прожил длинную, по большей части счастливую и насыщенную множеством событий и приключений. Я и сам удивляюсь, как, учитывая все то, что произошло после нашего прощания, у меня еще остается сил водить пером.

В том возрасте, когда большинство людей уже думают о душе и выбирают себе эпитафию на надгробный памятник, я отправился в мое последнее грандиозное путешествие. Я пересек Восточное море, высадился на далеком неизведанном берегу, переправлялся через реки, которых нет на карте, пустынные земли и заснеженные горные перевалы. Я видел, как разбивались в прах мечты и вновь возрождались. Не многим мужчинам и женщинам была дарована жизнь, подобная моей. И теперь, когда я пережил столько приключений, сколько хватило бы не одному человеку, я могу с уверенностью заявить: боги, может быть, и не слишком любили меня, но, во всяком случае, я пользовался некоторой их благосклонностью.

Но довольно болтать. Эта книга, в отличие от первой, не досужее чтиво.

Сейчас я пишу для того, чтобы предупредить, а не поучать.

Нам грозит серьезнейшая опасность со стороны сил, суть которых я только начинаю понимать. Скоро враги мои придут за мной. И, если я не справлюсь с последней моей задачей, другой *должен* подхватить упавшее знамя. Им можешь стать ты.

Вот смысл этих записок.

Хоть писать приходится в спешке, я не стану избегать подробностей, ибо глаза более внимательные, нежели мои, смогут увидеть то, чего не разглядел я. Внимательно же вчитывайся в эти неровные строки, мой любимый племянник. И ищи совета у наших самых мужественных и проницательных друзей.

Поведай им, чем окончилась история, обрушившаяся на нас. И, если погибну я, пусть *они* остановят короля Баланда.

Все началось в месяц цветов. Вокруг моей виллы все цвело, наполняя воздух ароматом. Ласковые ветры наигрывали на садовых колокольчиках, издававших тихую мелодию, а из окна моего кабинета видна была пара влюбленных, идущих по травянистому лугу, и вспугнутые птицы взлетали из-под их неведомо куда бредущих ног. А дальше располагалась поляна, на которой резвились жеребят.

Но все эти красоты были не для меня. Я сидел перед камином, разожженным не по сезону, грея косточки, плед окутывал мои старческие ноги, в руках я согревал бокал бренди и проклинал эту несчастную жизнь, превратившуюся для меня под конец в муку. Я оплакивал Омери — подругу моей жизни. Она умерла год назад, и теперь в углу сада возвышался небольшой надгробный памятник, на поверхности которого была выгравирована она, играющая на флейте.

Вот уж не думал, что переживу ее. И это удваивало боль от столь стремительной ее кончины. Только что она была моей любимой живой Омери, полной смеха, музыки и мудрости, — а в следующее мгновение... труп. В ночь перед ее кончиной мы занимались любовью. Воспоминание об этом до сих пор меня радует. Несмотря на возраст, нас тянуло друг к другу с прежней страстью. Она уснула в моих объятиях. И ночью мне снилось, что мы снова молоды и бредем по неизведанным краям в поисках новых ощущений.

На следующее утро перед пробуждением мне приснилось, как она играет на свирели. Музыка приветствовала наступление рассвета, наполняя свежестью прохладный утренний воздух.

Но я обнаружил лишь, что ночью пришел и ушел Черный Искатель. Омери, бледная и холодная, лежала рядом. И никакой свирели.

Такая трагедия случилась со мной не впервые — во время чумы я потерял мою первую жену и дочь. Но тогда я был молод. И впереди была жизнь, и оставались надежды. И теперь, сидя в кабинете, я вспомнил о тех богатствах, которые я и Серый Плащ обнаружили в Далеких Королевствах, и о тех чудесных предметах, которые я привез с собой из некогда мифической страны. Но самым главным чудом была Омери — придворная флейтистка самого короля Домаса. Именно она исцеляла меня и наполняла дни мои смыслом.

Я знаю край, где считается не только приемлемым, но и достойным восхищения умение добровольно уйти с Черным Искателем. Есть жрецы, получающие почетные доходы от вспомоществования в таком деле. Они потчуют своих клиентов эликсиром, вызывающим самые радостные воспоминания. Они погружают человека в теплую ароматную жидкость и насылают заклинание, превращающее боль в наслаждение. И скорбящий — тот, кто твердо верит, что ему осталось только одно — сложить груз жизни и захлопнуть за собой дверь, — берет освященный нож, призывает смерть и вскрывает себе вены.

Я размышлял над подобным исходом, когда ко мне вошел Квотерволз. Представляю, какое жалкое и печальное зрелище я являл собой. Он даже застонал, словно говоря: «Ну вот, мой господин, *опять!*»

Квотерволз возглавлял мою домашнюю охрану — высокий, могучий мужчина, пышущий здоровьем. Бывший пограничный стражник, рекрутированный из одного кочевого племени, признающего власть Ориссы, он оказался толковым солдатом и дослужился до лейтенанта. Но домашние неприятности, а именно, долг совершить кровную месть, вынудили его дезертировать. К сожалению, когда его дела уладились и с врагами было покончено, он был арестован за измену присяге.

Квотерволз находился в тюрьме, когда его дело попало мне на глаза. Я спас его от уготованной ему участи, о чем потом изредка сожалел, и он оказался у меня на службе в качестве главы охраны. С работой он справлялся хорошо, и сожалел я лишь о том, что порою он обращался со мной не как с мужчиной, а как с глупым и слабым стариком.

Когда Квотерволз увидел меня, лицо его помрачнело, брови нахмурились, а приветливая улыбка исчезла.

— Вы не одеты, мой господин, — укоризненно сказал он. — А нам надо поторопиться, чтобы не опоздать на церемонию.

— Я не еду, — сказал я. — Пошли мои извинения и скажи, что я заболел.

Я изо всех сил старался выглядеть больным, потрогал лоб — нет ли жара — и тут же вздохнул, словно подтвердились мои наихудшие опасения.

— А на мой взгляд, вы здоровы, — сказал он. Затем посмотрел на бокал бренди и на полупустой графин. — Снова жалели себя, мой господин, не так ли? Одному Тедейту

ведомо, на что вам жаловаться. Ведь вы богаче, чем допустимо любому человеку. К тому же глава самой грандиозной торговой империи в истории Ориссы. Любимы и почитаемы всеми. Или почти всеми. Потому что есть кое-кто, считающий вас обычным смертным.

— Ты имеешь в виду себя? — сказал я.

— Да, мой господин, — ответил он. — Кто же еще позаботится о таком капризном старикашке и отведет от него руку наемного убийцы, который бы всех нас избавил от хлопот?

— Ну не наглей, — огрызнулся я. — Мне лучше знать, болен я или нет.

— Мой господин, — сказал он, — если вам нужна вежливая ложь, то не стоило нанимать главой вашей охраны человека, подобного мне.

Несмотря на мрачное настроение, я с трудом подавил улыбку. Соплеменники Квотерволза, мужественные и честные люди, отличались еще тем, что всегда говорили одну неприкрытую правду. Ничто не могло заставить их солгать, даже требования приличий, принятых в ориссианском обществе.

— Ваша единственная болезнь, мой господин, — продолжил он, — заключается в большом количестве скопившегося внутри уныния. Вам нужен свежий ветер, солнечный свет и хорошая компания. Так что шевелите конечностями, господин Антеро, потому что именно это вас и ожидает.

— Ты не только искусный фехтовальщик, ты еще умелый, но, к сожалению, назойливый лекарь, — сказал я. — Проклятие, я хочу остаться в одиночестве! Я *стар*. Я имею *право*.

— Прошу прощения, мой господин, — отозвался Квотерволз, — но у меня есть бабушка, которая на двадцать лет старше вас. Так вот она встает в четыре часа утра до сих пор, чтобы подоить козочек и отправить их пастись. И нечего из себя изображать хилняка, хотя вы и можете в него превратиться, если будете вести себя подобным образом.

Я еще сердился, в глубине души продолжая цепляться за скорбь. Но Квотерволз пошел до конца, изгоняя мое дурное настроение.

— Вам предстоит присутствовать при спуске корабля на воду, — продолжал он. — Ваша семья и работники давно готовились к этой церемонии. И вы обещали не только присутствовать, но и благословить судно.

— А я передумал.

Квотерволз скривился.

— Это не только невежливо, но и считается дурной приметой, мой господин. А если с кораблем что-нибудь впоследствии случится? Пираты нападут или потонет в шторм? Это случится оттого, что вы не благословили судно.

— Только не ври мне, что ты веришь в эту суеверную чепуху, — проворчал я.

Квотерволз пожал широкими плечами.

— Я человек сухопутный, не моряк, — сказал он, — но как только я оказываюсь в море, то забываю всю свою отвагу и первым плюхаюсь на колени, если задует сильный ветер. Вот когда *по-настоящему* боги дают о себе знать. — Он засмеялся. — Но вам-то ведь об этом ведомо больше, мой господин, нежели мне, — сказал он. — Ведь это же вы знаменитый Антеро. Сокрушитель демонов. Спаситель невинных девиц. Самый великий путешественник со времен основания мира.

И тут он напустил на себя скорбный вид.

— Как жаль, — сказал он, — что такой человек превратился просто в труху.

— О, ну хорошо, — сказал я. — Я поеду... Ты только заткнись. Но если я простужусь и умру, вся вина падет на твою голову.

— Готов испытать судьбу, мой господин. — Он засмеялся. — Ну а теперь все-таки шевелите конечностями, чтобы слуга мог вас одеть.

С этими словами он вышел.

Я допил бренди и с размаху хватил бокалом об пол. Вот же сын кочевой шлюхи! Уж я его проучу! Но как только кровь во мне взыграла, я тут же понял, что вновь оказался в

дураках. Этому Квотерволзу впору обращаться за лицензией в гильдию воскресителей. Вы только посмотрите, как он обратил мою жалость к себе в гнев, а гнев — во вновь появившийся интерес к жизни...

Я засмеялся и кликнул слугу. Надо поторопиться, или я опоздаю на спуск корабля.

Я выглянул в окно и увидел, что гулявшие по полю любовники скрылись. Однако глаз у меня еще был достаточно острый, чтобы разглядеть, где высокая трава предоставила им благоухающее ложе. И я видел, как в том месте ритмично движется растительность.

Что ж, может быть, денек предстоит не такой уж и плохой.

В юности длительная поездка от моей загородной виллы до Ориссы воспринималась как удовольствие. Путешествие верхом по сельской местности мимо мирных ферм, через тенистые леса и мелодично журчащие ручейки всегда наполняло меня энергией. Но город уже вырвался из старых границ, и теперь от моих дверей его отделяла какая-то миля. Ферм осталось не много, а значительную часть леса вырубили на древесину для постройки домов и кораблей.

Как ни любил я наш город, но я не был слеп и видел, что застраивается он в каком-то беспорядке. С той поры, как первый ориссианин счел это местечко достаточно удачным, чтобы поставить здесь свою рыбацью лачугу, прошло немало времени, и теперь уже любое свободное пространство рассматривалось участком, прекрасно подходящим под застройку. Местность была очень неровной, и теперь некоторые многоэтажные здания поднимались на такую высоту, что нависали над улицей, целиком погружая ее в тень. Такие здания напоминали мне скученность старой Ликантии — города, многие поколения бывшего нашим заклятым врагом, пока моя сестра, Рали, не перехитрила его архонтов, не одолела ликантиан и не сровняла их город с землей.

Мое дурное настроение вновь напомнило о себе, когда я подумал о Рали. Теперь таких героев уже нам не увидеть. Я восхищался собственной сестрой еще с младенчества. И, если говорить правду, мои подвиги по сравнению с ее деяниями выглядели жалко. Она была воином из воинов. Командиром женской гвардии маранонок. Рали преследовала последнего архонта Ликантии до края света, что уже само по себе было самым грандиозным путешествием в истории. И она догнала его и уничтожила, тем самым спасая Ориссу от гибели. Рали была благословенна — или проклята, кому как нравится, — магическим талантом, который мог бы соперничать со способностями наших лучших воскресителей.

Она пропала вместе с экспедицией в холодные южные края много лет назад. И теперь каждый день я просыпался в ожидании новостей о ее возвращении. Или ужасной правды, что она все-таки погибла.

Похоже, все мои ровесники уже отошли в вечность. Я пережил и друзей и врагов. Может быть, поэтому я ощущал свою ненужность. Что-то слишком затянулся час моего ухода, на радость молодым поколениям.

Коляска подпрыгнула на ухабе, вернув меня к реальности от грустных раздумий. А ведь я не раз уже обращался в Магистрат с жалобой на отвратительное и все более ухудшающееся положение дорог, требующих срочного ремонта. Их состояние грозило не только опасностями во время езды и причиняло неудобства, но становилось и зияющей дырой, куда уходили наши прибыли. Товары и фургоны портились на этих дорогах, пока городские головы сражались за более комфортабельные кабинеты для себя или устраивали публичные церемонии.

— Это не наша работа, а воскресителей, — отвечал главный магистр. — Мы платим приличные деньги из городской казны, чтобы их заклинания предохраняли дороги от износа. Они клялись, что последнее заклинание должно проработать не менее десяти лет. Но не прошло и года, а вы только посмотрите на состояние наших дорог!

Главный же воскреситель возражал, что именно Магистрат совершает ошибку, строя дороги из столь скверного материала, что никакая магия не в силах защитить их. На это следовала очередная язвительная реплика из Магистрата, ну и так далее, а тем временем дороги и мосты продолжали разрушаться, поскольку делом никто не занимался.

В результате победу одержал Магистрат. Поскольку мало кто доверял магистрам, но зато все посматривали искоса на чародеев. Столь скверной общественной репутации воскресителей способствовали и их провалы за прошедшие несколько лет.

Дар магического знания, который я привез из Ирайи, во многом способствовал нашему процветанию. Мы повелевали погодой, отчего возрастала урожайность зерновых и лучше плодились стада; мы очищали реки; процветали леса и поля, дающие нам рыбу и дичь; мы даже свели на нет проявления чумы, нападавшей ранее на нас, когда ей вздумается, той самой чумы, что некогда забрала моих Диосе и малышку Эмили.

Но за последние несколько месяцев в магических защитных стенах появились трещины. Сначала болезни напали на рогатый скот. На зерновые обрушился прожорливый жучок. А на рынках колдуньи требовали денег, угрожая иначе напустить неизлечимую проказу. В моем доме как-то испортилась целая кладовая мяса. Раньше достаточно было обычного заклинания воскресителей, чтобы такого не случилось.

И естественно, что основная часть вины за это ложилась на воскресителей. Людные дискуссии на тему: какими ленивыми, алчными и вороватыми стали наши кудесники — не утихали. Сперва я мало обращал на это внимания — подобные происшествия казались мне второстепенными, но потом принял их близко к сердцу.

В дни моей юности воскресители являлись заклятыми врагами семейства Антеро. Они обладали огромными незаконными доходами, окружив себя непроницаемой стеной таинственности, а кое-кто из них даже вступил в заговор с принцем Равелином из Ирайи против нашей страны. Мой родной брат Халаб пал жертвой их злодейства. Но с течением времени происходили изменения. Двери знания в храме Воскрешения теперь были открыты любому человеку, обладающему соответствующим талантом, а сами чародеи принесли клятву работать только ради общественного блага. Но увы — не переделать человеческую природу, — не у всех были чисты сердца и помыслы.

Вот о чем я размышлял, когда моя коляска проезжала мимо холма, на котором возвышался храм Воскрешения. Некогда он одиноко стоял на самой вершине, окруженный стенами, за которые запрещено было заходить простым гражданам. Но теперь и здесь постройки разрослись по террасам холма. Даже при свете дня обитель кудесников излучала какое-то сияние, а воздух — тяжелый от запаха серы — дрожал и жужжал от скоплений энергии. Я разглядел группу новичков, идущих на занятия под присмотром сурового наставника-воскресителя. Хоть я и не считался магом, но книги, которые им предстояло изучить, были мне хорошо знакомы. В них содержалась мудрость Яноша Серого Плаща или, по крайней мере, та часть его знаний, которую я смог запомнить, а потом и повторить.

Его теории, его поиск естественных законов развернули колдовство в нужном направлении. Впервые в истории магию изучали на предмет причины и следствия. Существовала даже группа молодых магов, размышлявших над одной из догадок Яноша — не является ли энергия магии частью энергии более общей. Чародейством любая вещь может быть превращена в другую, может быть перемещена, удвоена, защищена или уничтожена. Серый Плащ полагал, что одни и те же силы воздействуют на падающий предмет, на стремительно текущий поток, на скачущую стрелку компаса, на яростную жару и на сам свет, позволяющий видеть эти обычные чудеса. Он полагал, что все предметы — как в нашем мире, так и в духовном — созданы из крошечных зерен изначальной субстанции и подчиняются единому закону. Осталось только открыть этот единый закон, и все становится возможным. Эти-то поиски и являлись главной задачей Серого Плаща. Он думал, что близок к этой цели, когда мы оказались в Далеких Королевствах. И я верю, что он достиг бы своего, если бы дело не обернулось против него, не уничтожив его самого.

Коляска повернула к речным пристаням, и я оказался в тех кварталах, где некогда преследовал красавицу Мелину — злую волшебницу плоти, околдовавшую похотью мою душу во времена юности. Тогда это было опасное место, где прогнившие строения скрывали притоны наслаждений, которые вряд ли когда-нибудь еще появятся в Ориссе.

Те развалюхи снесли, и на их месте поднялись модные многоквартирные дома. Улицы

стали шире, на них расположились дорогие таверны, салоны мод и магазины с ювелирными побрякушками для богатых горожан. И если бы сейчас здесь появились личности, подобные Мелине или ее своднику Лиго, их тут же препроводил бы отсюда бдительный стражник.

Наверное, изменения произошли здесь к лучшему. Но каждый раз, проезжая по широкой чистой мостовой мимо зеленых садов этой улицы, я слегка сожалел о прошлом, как о потерянной драгоценности.

Мы повернули за угол, и впереди показались склады и речные берега. Люди в рабочей одежде, с отпечатком тяжелого труда на лицах, мозолистыми ладонями и натруженными мышцами расходились в стороны, давая проехать моей коляске. Некоторые из них приветствовали меня. Некоторые объясняли своим детям, кто я такой.

Может быть, это говорит тщеславие, но я считаю себя справедливым человеком, который честно платит людям за честный труд. Я богат, но этим не хвастаю. По отношению же к людям труда я всегда проявлял щедрость и сочувствие. Однако же существует мнение, что даже добрые торговцы все меряют на деньги, будь то трудовое время, товары или женская красота. Даже мечта путешественника открыть неизведанное превращается у купца, в конечном счете, в торговый маршрут.

Так что не так уж я и хорош, каким хотел бы себя видеть. Но все же одну достойную вещь я в своей жизни сделал. И я говорю не о той экспедиции, которую мы организовали с Яношем. И даже не о том благословении, что я привез из путешествия жителям Орииссы. Предмет моей гордости то, что именно я показал пример людям моего класса, освобождая рабов. Некоторые и по сей день ненавидят меня за это. Но их ненависть также придает мне силы.

Перед торговыми причалами мы повернули и поехали к судоверфи, где готовился к спуску мой новый корабль.

Между причалами и верфью травянистый широкий берег реки был свободен от построек и являлся своего рода парком, где отдыхали семьи, парочки или просто одинокие мечтатели. Тут вдоль реки шел каменный парапет, чтобы никто не поскользнулся и не упал в воду во время дождей или снегопада.

А месяц цветов в этом году был дождлив, и разбухшая река стремительно несла вниз свои воды. Ударяясь о камни облицовки, вода упорно стремилась смыть их со своего пути, отчего над рекой поднимался легкий туман. Облака этой битвы, которую камень мог в конце концов и проиграть, окутал мою коляску, когда мы проезжали мимо. Запах воды взволновал меня, и я почувствовал, как обострилось восприятие, как захотелось вновь отправиться в дальнюю дорогу. Я увидел корабль с потрепанными штормами парусами, идущий к причалам, и мною овладело то же чувство благоговения, которое я испытывал ребенком, играя на берегах реки.

Корабль был стар, с облупившейся краской; его корпус и паруса покрывала соль. Но каким бы старым он ни был, по реке он двигался величественно. Этот корабль повидал много морей, берегов, был крепко потрепан штормами. Ветер донес от него запах смолы, а мои ноги почти почувствовали выскобленные твердые доски палубы. Я представил себе горизонты, покачивающиеся передо мной, килевую качку, хлопанье парусов, босоногих моряков, взлетающих на мачты.

Ей-богу, мне нравилось странствовать! Тут наши пристрастия с Яношем были одинаковы. Он был искателем, а я — бродягой. Он был поглощен мыслью дойти до цели. Я же был счастлив только в пути. Странно, подумал я. Серый Плащ всю жизнь сражался с трудностями, закаляя характер. Для него отправиться в путь было вполне естественно. Я же вырос в роскоши и вообще не знал никаких забот, пока вместе с ним не ввязался в это дело с Далекими Королевствами. И тут-то меня поразила та особенная болезнь.

Симптомы ее — учащенный пульс, мурашки на спине и внезапное, неконтролируемое отвращение к существующему в данную минуту окружению. Болезнь нападает без предупреждения. Ее может вызвать вид заморского купца или пришедший издалека караван с товарами. Но могут быть опасны и небольшие события: звук ветра, запах сырой кожи

порой вызывают воспоминания о месте и времени, где ничего не существует, кроме манящей дороги.

Над водой разносился голос лоцмана, выкрикивающего отметки глубины воды, и мне пришлось подавить невольный вздох. Я подумал: твои путешествия закончены, Амальрик Антеро. Приключений больше не будет. Ты слишком стар, мой друг. Слишком.

Квотерволз закричал на толпу, чтобы дали дорогу, и подобранные в масть вороны втащили мой поскрипывающий скелет на верфь, где семейство Антеро, наши друзья и работники собрались для обряда благословения корабля и последующего пиршества.

Приглашенные музыканты оживляли празднество. Огромные куски мяса вращались на вертелах над огнем. Повсюду стояли столы с яствами, а сонмы слуг сносили с подносами освежающих напитков среди толпы. Каждый надел свой лучший наряд, а в этом месяце костюм должен был быть как можно цветастее, в соответствии с образом весенней Орииссы. Запахи, звуки и цвета захлестнули меня, так что я уже стал нервничать, с нетерпением дожидаясь окончания дня.

Так много людей поприветствовали меня сегодня, что уже почти ничего не трогало. Мой сын Клигус, раздвигая толпу широкими плечами, пришел ко мне на помощь. На нем был лучший мундир, а на шее у него сверкали три тяжелые золотые цепи, что свидетельствовало о звании генерала.

— Отец Антеро! — вскричал он своим громким басом, который так нравился народу. — А мы уж боялись, что вы занедужили и не сможете почтить нас своим присутствием.

Я глянул на Квотерволза, который ответил мне иронической ухмылкой, пожал плечами и отвернулся. Я пожал руку сына с внезапным раздражением.

— Занедужил? — сказал я. — С чего ты решил, что я занедужил? Да я никогда в жизни не чувствовал себя лучше.

Мой сын засиял улыбкой, похлопал меня по плечу и объявил во всеуслышание:

— Слышали? Отец Антеро сказал, что никогда в жизни не чувствовал себя лучше. Его слова должны всех нас вдохновить. И ей-богу, человеку действительно столько лет, на сколько он себя чувствует! И вот перед вами, мои друзья, находится доказательство правоты этих слов. Великий господин Антеро стучится в дверь семидесятилетия, но по-прежнему в боевой готовности и полон сил.

Он обнял меня. И мне ничего не оставалось, как терпеть все это, чтобы не унижить его перед лицом друзей.

Я раньше сильнее любил сына. В самом деле. Но став взрослым, он приобрел привычки, раздражающе действующие на меня. Клигусу перевалило за сорок, он отличился на военной службе. Впрочем, я не знал, насколько хороший он солдат, несмотря на его победы. Но он искусно оперировал общественным мнением, и ему казалось, что его все любят только за солидный голос, обходительность и способность навязать любому свое мнение. К тому же, мне казалось, он злоупотребляет нашим именем, называя меня отцом Антеро в присутствии всех, полагая, что одно имя обеспечивает ему авторитет. В результате кое-кто его побаивался, кое-кто уважал, но, насколько мне было известно, любили его немногие. И его собственный отец, как ни стыдно признать, теперь не принадлежал к последним.

Чувствуя себя предателем по отношению к единственному ребенку — сыну от счастливого брака с Омери, — я заставил себя улыбнуться и вновь взять его за руку. Клигус расцвел от удовольствия.

— Рад видеть тебя, сын мой, — сказал я и обратился ко всем: — А теперь не пора ли начать празднество? Перед нами судно, которое нуждается в благословении, пища, которую необходимо съесть, и целая река напитков, которые ждут не дождутся, пока их выпьют.

Мои слова были встречены с энтузиазмом громкими восхвалениями всего рода Антеро. Клигус откровенно гордился собой.

Пока мы шли к стапелям, где должно было состояться благословение, Клигус шепнул

мне:

— Ты обещал, что мы поговорим, отец. О моем будущем и будущем нашей семьи.

Клигус намекал на грядущие изменения. Уже не первый месяц он и другие члены нашего семейства приставали ко мне с просьбами назвать имя преемника главы коммерческой империи Антеро. Как мой единственный сын, Клигус, естественно, на этом месте видел себя, отвергая права многочисленных моих племянников, племянниц и кузенов. Я же не был уверен в том, что именно он лучше всего подходил на эту роль, и потому всячески оттягивал момент решения. Отсрочки эти воспринимались Клигусом весьма болезненно. Чем дольше я тянул, тем больше он страшился, а чем больше страшился, тем больше нервничал и потому говорил и делал не то, что нужно.

Хотя я и сейчас не был готов к обсуждению этой темы, тем не менее, постарался вложить в ответ максимум уверенности:

— Я вовсе не забыл своего обещания, — сказал я. — Этот разговор значит для меня среди моих самых неотложных дел.

— Так когда же он состоится? — напирал сын. — Судя по тому, как ты хорошо выглядишь, мы уже можем встретиться и все обсудить.

Сомнения во мне мешались с чувством вины, и потому я огрызнулся:

— Встреча состоится, когда я буду готов, и ни минутой раньше. Клигус покраснел.

— Извини, отец, — сказал он. — Я вовсе не хотел проявить неуважение к тебе.

Я увидел у него глаза Омери и этот упрямый подбородок и тут же пожалел о своей резкости.

— Не обращай внимания на мое настроение, сынок. Я просто задумался о своем.

Это его ободрило.

— Так, значит, скоро увидимся?

— Я же обещал, — сказал я.

На берегу возвышался огромный павильон, украшенный знаменами, лентами и полотнищем, где была выткана карта наших разветвленных торговых путей. Павильон скрывал стапели с кораблем.

Когда я взбирался по ступенькам на платформу, мне сверху помахал рукой красивый молодой человек.

— Дядюшка Амальрик! — сказал он с искренней радостью. Он схватил с подноса у слуги бокал с холодным ароматизированным вином и протянул мне. — Если выпьешь его быстро, дам еще. — Он засмеялся. — У меня тесное знакомство с парнем, который оплачивает все это.

— Вот это племянник, — сказал я, принимая бокал от Гермаса. — И пусть боги знают, что мы настроены серьезно! — Я выпил половину содержимого бокала, и вино удвоило мою радость оттого, что вижу этого любимого родственника. — Вот так надо встречать приятеля, — подмигнул я Клигусу и тут же пожалел об этом. Клигус рассердился, ревниво косясь на Гермаса.

— Ты в самом деле думаешь, что это полезно, отец? — сказал он. — Вино в такую рань?

Я сделал вид, что не слышу — вот одно из преимуществ почтенного возраста, — улыбнулся и сделал еще глоток.

Клигус так посмотрел на Гермаса, что и без слов было ясно *значение этого взгляда*. Он считал юношу разгильдяем худшего сорта, потворствующим самым глупым желаниям престарелого отца. Гермас подчеркнуто ответил таким же взглядом. Я был даже несколько озадачен — чем же заслужил Клигус такую ненависть моего племянника.

Мой сын имел основания видеть в нем соперника. Гермасу было двадцать пять лет. Он был внуком моего покойного брата Порсемуса. Увидев его впервые, я сразу же почувствовал, что он более соответствовал образу того ребенка, который должен был бы появиться у нас с Омери. Умный и честный, он прекрасно понимал, что высокородное положение еще ничего не говорит о его человеческих и деловых качествах. У него также не

было таланта к торговому искусству, как и у меня в его возрасте, но он возмещал это напряженным трудом и потому рос в моих глазах с одновременным продвижением вверх по ступеням иерархии моей торговой империи. А недавнее его открытие — путешествие в далекие варварские земли за Джейпур — еще больше добавило ему признания. С любых точек зрения это был грандиозный успех.

И если кто-то еще сомневается в справедливости утверждения, что пути богов неисповедимы, пусть обратит внимание: Порсемус был самым ленивым, трусливым и бесталанным из многочисленных детей моего отца. Как старший по возрасту, он рассчитывал принять дела у Пафоса Карима Антеро. Но отец, мудрый человек, увидел божью искру во мне — тогда просто прожигателе жизни — и принялся обучать меня с заботой и пониманием, с которыми я, к своему стыду, не относился к собственному сыну.

Мой отец не только поддержал мою экспедицию к Далеким Королевствам, но и, обойдя всех родственников, к особому неудовольствию Порсемуса, назвал перед своей смертью меня главой семейства. А ведь я был тогда на год моложе Гермияса. И вот теперь я находился в положении моего отца. Вернее, в положении чуть худшем. Он-то был вынужден выбирать одного сына из остальных. Мне же приходилось размышлять — не предпочесть ли племянника, даже внучатого племянника, собственному сыну. Не знаю, как кто, но я теперь, наверное, был готов поступить, как Пафос.

Я опустошил бокал и посмотрел на племянника, в ожидании обещанного второго. Гермияс перехватил мой взгляд и подал мне новый бокал.

— Впереди нас ждут ветра, дядюшка, которые вызывают страшную жажду, — сказал он. — А моя обязанность — следить, чтобы матросы ни в чем не испытывали недостатка.

— Что ж, — сказал я, — матрос готов поднять еще один парус. — Я опустошил и этот бокал и отставил его, предлагая поменять на следующий.

И тут Клигус выпалил:

— *Прошу тебя*, Гермияс. Не подначивай его!

Он протянул руку, чтобы отодвинуть Гермияса, но наткнулся на полный бокал, и его содержимое вылилось на мою тунику.

— Посмотри, что ты наделал, Клигус! — сказал Гермияс, пытаясь вытереть винное пятно рукавом собственной туники. — Да и с каких это пор ты стал решать за отца? Человеку ни к чему сын, судящий поступки родителя.

И я вновь отметил антипатию Гермияса к моему сыну. За этими высказываниями скрывалось нечто большее, чем соперничество за место наследника.

— Ничего бы не произошло, — прошипел Клигус, — если бы ты не навязывался. И это моя обязанность служить отцу, а не твоей.

Он тут же быстро огляделся и, казалось, с облегчением увидел, что рядом не оказалось других родственников.

— Господа, — укоризненно сказал я, не желая тратить время на глупый спор, да еще после того, как с таким трудом сам выбрался сюда. — Немного вина, будь то внутри или снаружи, — я потер пятно, — не повредит.

Гермияс смешливо фыркнул, приходя вновь в веселое расположение духа. Клигус же засуетился, то ли из-за своего неуклюжего поступка, то ли из-за того, что так явно выказал свою антипатию к Гермиясу, — мне трудно было понять.

— Пожалуйста, прости меня, отец, — сказал он. — Отправить Квотерволза домой, за чистой туникой?

— Не утруждай себя, — сказал я. — На меня не в первый раз проливают вино. Хотя в последний раз это произошло в третьеразрядной таверне, и тот малый намеревался залить мне глаза, прежде чем броситься с ножом.

— И что же произошло? — спросил Гермияс, хоть и знал ответ, поскольку эту историю в различных вариантах я рассказывал не первый год.

— Он убил меня, — сказал я.

Гермияс рассмеялся над излюбленной шуткой дядюшки, да и Клигус счел за лучшее

сдержанно хмыкнуть.

— Преисподняя и зеленые черти! — воскликнул кто-то неподалеку. — Ребятишки, неужели же это и есть хозяин? Пьяный и с пятнами вина на тунике?

День словно стал ярче, когда я обернулся и попал в объятия Келе, женщины, которую я имел честь называть другом, и моего самого доверенного капитана дальнего плавания. Келе была невысокой и стройной, как и ее отец Л'юр, который служил у меня капитаном еще в экспедициях к Далеким Королевствам. Он умер несколько лет назад. Я очень скучал по нему, и дочка его делала все, чтобы восполнить эту потерю.

Келе похлопала меня по спине.

— Слышала, что вы померли или даже хуже того, хозяин, — сказала она.

— Что же может быть хуже, чем смерть? — спросил я.

— Жидкая овсянка и диетический хлеб, — сказала она. — Приятно убедиться, что в тавернах врут насчет вашего здоровья.

Я увидел, как Квотерволз наблюдает за мной издали, и покраснел.

— Врут не врут, но я действительно никогда себя так хорошо не чувствовал.

Келе была настолько близким другом, что тут же поняла всю фальшь моих слов, но, что важнее всего, — и виду не подала. И, пока она, поддерживая беседу, сообщала мне свежие новости о друзьях и врагах, я думал, как мне благодарить богов за то, что они ниспослали мне ее. Ей чуть перевалило за сорок, как и Клигусу, и в своих плаваниях она набралась громадного опыта. Множество пиратов испытали остроту ее ножа, и немало торговцев-обманщиков отдали должное ее деловому чутью. Когда Гермияс отправился совершать свое открытие, капитаном его судна я выбрал Келе. Если бы его неопытность завела в беду, я был уверен, что Келе выведет экспедицию к цели.

Но в ее словах я ощутил внутреннее напряжение. И увидел, как взгляд ее перескакивает с Гермияса на Клигуса. Брови тревожно подрагивали. Уж ее-то чутью на неожиданности в морских туманах я мог доверять — не раз испытано. Неужели же впереди волны плескались о камни отмели?

Толпа заволновалась, и к павильону подъехала черная, украшенная символами карета главного воскресителя. Все стихло, когда лакей подбежал, откинул золоченые ступеньки и открыл разукрашенную дверь. Появившийся человек был высок и худ как скелет. Смуглое лицо выглядело еще темнее и мрачнее из-за густой черной бороды. Черно-голубую тунику его окаймляла золотая полоска. Когда он шагнул из кареты, все в благоговейном страхе подались назад.

Палмерас поднял голову, и его горящий взгляд пролетел над толпой коршуном, остановившись на мне.

— Антеро, старый пес! — загремел он. — Проклятие какого демона вам надо, чтобы получить у вас выпивку?

С этого и началось благословение.

Палмерас принадлежал к новому типу ориссианских воскресителей, являвших собою как чародеев, так и политиков. Среднего возраста — а стало быть, молодой для занимаемого им положения, — он распространял свое влияние далеко за пределы холма, на котором стоял храм кудесников. Если бы не инстинктивная настороженность всех нас при виде воскресителей, он мог бы стать одним из самых популярных людей в городе.

Пока его помощники занимались приготовлениями к церемонии, Палмерас направился ко мне, с трудом пробиваясь сквозь толпу, где многие хотели с ним пообщаться. Этот только на первый взгляд суровый, но обаятельный и воспитанный человек с каждым — будь то простой рабочий или благородный господин — обращался как с важной персоной. Он обладал способностью запоминать даже детали — поздравлял седовласого плотника с рождением внука, а благородную даму с проявлением прекрасного вкуса при разведении сада в загородном доме.

Незадолго до того, как все было готово, он прихватил выпивку для нас обоих и отвел меня в сторону, бросив взгляд на Клигуса и Гермияса, демонстративно стоящих спиной друг

к другу.

— Какое трогательное проявление родственных чувств, — сказал он сухо. — Прямо тепло от самого сердца.

Я вздохнул.

— Думаю, у тебя на уме нечто большее, чем спуск корабля, — сказал я. — Я не верю, что главный воскреситель явился сюда ради такого пустяка, пусть корабль и принадлежит его старому и верному другу.

Палмерас рассмеялся.

— Такое циничное подозрение недостойно тебя, Амальрик.

— Зато я не ошибаюсь, — сказал я.

— Да, — сказал он. — И все равно недостойно.

— И я так полагаю — все дело в том, когда же я выпущу бразды правления и назову имя преемника в семейном деле, то есть сына, не так ли?

— Ты промахнулся в предположениях, мой друг, — сказал Палмерас. — Большинство из нас знает, что ты колеблешься между сыном и племянником. Поэтому ты и оттягиваешь с решением.

— Не совсем, — сказал я. — Если бы мне предстояло сделать объявление о решении завтра, то единственным наследником я провозгласил бы Клигуса.

Палмерас иронично усмехнулся.

— И мы действительно услышим об этом завтра? Прекрасно! Я могу предупредить моих помощников? Или это пока только между старыми друзьями?

Я засмеялся.

— Ты стал глуховат, воскреситель. Я ведь сказал, если бы мне предстояло сделать объявление завтра.

Палмерас принял серьезный вид.

— Так, значит, это правда, — сказал он. — Гермас является кандидатом.

— Я этого не говорил.

— А в этом и нет необходимости, — сказал Палмерас. — Весь город жужжит об этом, друг мой. Хочешь ты того или нет, но только чем дольше ты оттягиваешь свое решение, тем увереннее народ считает, что Клигус утратил твое расположение и преемником станет Гермас.

Я продолжал упорствовать. Волосы мои из ярко-рыжих уже превратились в белые, но упрямства я не утратил.

— Народ может болтать все, что угодно, — сказал я. — На мое решение это никак не влияет.

— Но во славу твоей любимой Ориссы, — сказал Палмерас, — дело надо делать быстрее. Наши друзья в Магистрате встревожены. Ведь такая неопределенность в одном из самых авторитетных городских семейств вызывает нестабильность в коммерции и политике.

— Неужели? — удивился я. — Но если они так считают, почему бы им самим не прийти ко мне? Уж не являешься ли ты их посланцем?

— Если бы к тебе явился главный магистр, — сказал он, — разве бы это не усилило слухи? — Он с минуту вглядывался в мое лицо, пытаясь понять, слежу ли я за его мыслью. И, убедившись, что я слушаю, он продолжил: — Никто из нас не собирается влиять на решение Амальрика Антеро или подгонять его. Однако я уверен, что ты понимаешь, к каким волнениям приводит задержка с решением. От твоего дома, друг мой, веют ветры, надувающие паруса власти. За власть начинается борьба. Даже здесь! Посмотри на лица вокруг тебя, взглядишь в сына и племянника, с нетерпением ждущих, кому же носить корону.

Я огляделся. Да, Палмерас был прав.

— Так я передам в Магистрат, что ты не будешь тянуть долго? — спросил воскреситель.

Я кивнул, и Палмерас продолжил:

— Всем тогда станет полегче. Времена нынче тревожные. Никто уже так не доверяет

лидерам, как раньше. И я не виню людей. Заклинания получаются или неверные, или слишком слабые. Все почему-то ухудшается. Достаточно посмотреть на состояние Большого Амфитеатра. Шокирующе! Просто шокирующе. А в последнее время, похоже, и наша внешняя торговля стала страдать.

Тут Палмерас задел недавно ставшую для меня особенно больной тему. Уже два или три года ни одна из наших экспедиций не открывала новых и успешных торговых маршрутов. И если большинство вернулось с сообщениями о враждебности новых земель, то некоторые вообще пропали. И, когда я глядел на карту уже исследованного мира, мне казалось, что даже многие знакомые территории потеряны для нас.

Тем сильнее заботил меня Клигус. Если предстоит открыть новые земли и вернуть утраченные, был ли он тем Антеро, который способен на это? Свои способности он до сих пор почти не проявил.

Несмотря же на свою юность, а может, благодаря ей, Гермияс производил впечатление человека, умеющего твердо держаться намеченного и не сворачивать с пути в случае ненастья.

— Вопрос из любопытства, — сказал я, — и без далеко идущих выводов. Что бы я ни сказал...

— Понимаю, понимаю, — перебил Палмерас. — Кто больше нравится народу? Клигус или Гермияс? — Палмерас задумался, затем сказал: — Из этих двух у Гермияса более многочисленные и горячие сторонники. Его дом и окрестности так и кишат гермиасианцами. Каждое утро вдоль улицы к его дверям выстраивается очередь желающих снискать его расположения. Но не думай, что у твоего сына нет поддержки. Хотя она исходит в основном из среды военных, и при этом самые яростные сторонники принадлежат к офицерам и солдатам его собственного полка.

— Интересно, — сказал я. — Спор не на равных... если вообще это можно назвать спором.

Палмерас рассмеялся.

— Купец-деспот, — сказал он. — Интересный образ для представителя вашей профессии. Я представлял себе торгашей людьми более покладистыми.

— Избавиться от торговца легче, чем от короля, — сказал я. — Если мой товар плох, а цены завышены, ты всегда можешь обратиться к моему конкуренту.

— Это так, — сказал он. — Но есть и такой вопрос... Если Клигус не подходит... это означает конец семейству Антеро.

Он смотрел на меня, стараясь понять, какие чувства борются во мне. Под пронизательным взглядом мага я ощутил, что трезвею. Палмерас разделял мои сомнения и страхи.

Юный воскреситель ударил в гонг, возвещая, что все готово, и тем самым спасая меня от необходимости давать окончательный ответ. Мы поспешили занять наши места на церемонии.

Сказанная мною речь не являла собою образца красноречия, поскольку я ее не репетировал; я отделался общими фразами. Я поблагодарил всех за то, что пришли, и говорил то, что принято говорить в таких случаях: о новом корабле, о новых приключениях, о возрождении и так далее. Опыт в выступлениях у меня имелся огромный, но, несмотря на славу красноречия, я все же страшился, что утону в трясине ощущения того, что каждое мое слово сегодня будет восприниматься с особым вниманием. И сторонниками Клигуса, и поклонниками Гермияса, и нейтральными. Все будут искать двойной смысл в моих словах. Поэтому я напускал туману, где только мог, и в результате из речи вообще пропал всякий смысл.

Затем грянул хор, зазвенели гонги, и сквозь толпу двинулись воскресители, помахивая дымящимися кадилами с ладаном. Замычали два белых быка, которых вели к месту жертвоприношения. Чтобы их рев не омрачал нашего праздника, воскресители подули дымом магических трав на их морды. Животным пустили кровь, умертвили их и из туш

вырезали лучшие куски.

Восемь крепких молодых послушников взошли к нам на возвышение, неся фигуру Тедейта — главного из богов, покровителя кораблей и путешественников. Одна рука скульптуры была вытянута вперед ладонью вверх, принимая приношения, а другая держала большую чашу. Загрохотали барабаны, зазвучала молитва, в животе идола разожгли печь, и из губ показалось пламя.

Палмерас и я двинулись к изображению божества, по бокам от нас шли четверо чародеев, несущих доски с жертвенным мясом и бочонок крови забитого быка.

Главный воскреситель был блестящим режиссером и все свое искусство вложил в настоящее действо. Откинув назад полы своей мантии, чтобы они развевались на ветру, дующем с реки, он драматически вскинул руки вверх, обращаясь к небесам.

— О великий Тедейт, — возгласил он, и голос его, усиленный магией, загремел над толпой, — вновь мы предстаем перед тобой, прося благословения. Твоя доброта к путешествующим и ищущим безмерна. И вот уже много веков выказываешь ты свое особое благоволение к народу Ориссы, который трудом и торговлей в мире и чести пребывает со всем светом. Наши караваны и суда несут твое величественное имя в самые глухие уголки, где оно освещает тьму невежества и указывает нам путь. Сегодня рождается новое судно Ориссы. С ним связаны наши мечты и упование на будущее. Мы просим тебя, о великий Тедейт, прости над ним свой сияющий щит, дабы миновали его все несчастья.

Палмерас выхватил из рукава свой жезл и высоко поднял его. Остальные воскресители склонили головы, концентрируя свою энергию в помощь ему.

С кончика жезла с треском сорвалась молния.

Чародеи с подношениями шагнули вперед.

Толпа благоговейно замерла, когда идол подал признаки жизни. Железные руки бога вытянулись навстречу поданному в ладонь мясу и крови, льющейся из бочонка в чашу. Открылся рот Тедейта, выпуская языки пламени, и его рука опустила мясо внутрь. В воздухе разнесся аромат поджаренной говядины. Поднялась и вторая рука, вливая кровь в ненасытную пасть божества. Идол застыл, и толпа со стоном удовлетворенно выдохнула. Тедейт принял приношения.

Палмерас еще несколько раз взмахнул жезлом, и из головы статуи извергся черный дым, становясь все гуще и гуще и образуя непроницаемое облако. В дыму заплескали искрящиеся молнии, завиваясь в столб, уходящий вверх опрокинутой воронкой.

— Прошу тебя, о великий Тедейт, — проревел Палмерас, — присматривай за нашим кораблем. Мы молим тебя, отнесись к нему по чести.

Дым рванулся к огромному полотнищу павильона, скрывающему корабль, в мгновение ока окутал его и с шипением ворвался внутрь. Палмерас протянул вперед руки, и тент затрепетал от магической силы находящегося внутри дыма. Вылетели подпорки, развязались веревки, и гигантский тент начал подниматься все выше, открывая взору ярко раскрашенные деревянные конструкции нового судна.

Палмерас выкрикнул:

— Прочь!

И тент, раздувшись, как парус, отлетел в сторону, полностью открыв корабль.

Мне не раз доводилось видеть эти представления — причем хочу отметить, что в исполнении Палмераса они выглядели наиболее эффектными, — и тем не менее у меня перехватило дыхание. А ведь я знал, чего ожидать. Не многие вещи трогают так глубоко, как рождение нового корабля.

Палмерас шепнул, обращаясь ко мне:

— Быстрее — имя судна? Я совсем забыл спросить.

Наречение нового корабля — событие очень важное. Создатели его и жрецы провели не один день, советуясь и выбирая. Имя, данное при рождении нового корабля, оказывает влияние на его будущее, как и человеческое имя — на судьбу человека. В любой портовой

таверне вам расскажут массу историй о кораблях с неудачными названиями или о несчастливых названиях, приводящих к беде. И некоторые из этих историй действительно правдивы. По моей просьбе был составлен целый список названий водолюбивых птиц. Я сократил его, оставив самых любимых: буревестника, лебедя, крачку и ибиса. В далекой стране, которую я однажды посетил, я видел целые стаи этих изящных, похожих на аистов птиц, летающих над гладью чудесных озер. Ибис с его неброской красотой черно-белого оперения обожествляется в том краю, и, если вы хоть раз увидите, как он расхаживает на длинных тонких ногах по мелководью с вытянутым, копьеподобным клювом, вы поймете почему, особенно если посчастливится наблюдать полет в полуденном бризе. Вот это имя я выбрал и прошептал его Палмерасу:

— «Ибис».

— Прекрасно! — сказал он и, на мгновение забыв свое положение главного воскресителя, как и все остальные, застыл в восхищении.

«Ибис» выглядел чудесно. Он не обладал хищными обводами военного корабля и не имел такой скорости. Он представлял из себя типичного торговца — девяноста футов в длину и двадцати в ширину, — построенного для плавания в любых морях и для перевозки грузов и людей с удобствами. При полной оснастке для морского плавания у него была одна мачта, сейчас же, по случаю церемонии, на палубе возвышался лишь флагшток, на котором развевались разноцветные знамена. Корму занимал ют со штурвалом, середину — главная палуба, а нос — полубак, где хранились паруса. На корме же находились большие каюты, освещенные громадными квадратными иллюминаторами.

Судно идеально подходило для исследования новых морей, завоевания новых союзников для ОриССы и новых торговых партнеров для Антеро. Помимо парусов на вооружении судна находились шесть больших, длинных весел. Может быть, в море его будет покачивать чуть сильнее, но зато с такой мелкой осадкой и маневренностью на веслах оно могло подняться вверх по реке или на парусах быстро проскочить опасные рифы, при этом оставаясь достаточно грациозным, чтобы произвести впечатление на какого-нибудь вождя варваров. Хотя оно могло брать на борт двадцать пять пассажиров, при этом его команда могла не превышать семи человек. Я любил мои корабли, гордился ими и потому приказал выкрасить это судно в яркие, радующие глаз цвета, которые в то же время не соперничали бы с яркостью небес и моря, по которому ему предстояло вскоре идти в плавание. Недоставало единственного судового украшения — носовой фигуры, работа над которой требовала не только искусства скульптора, но и магии. Через несколько дней она должна быть готова. Семейство, занимавшееся из поколения в поколение этой работой, отличалось в своем деле тщательностью, почти педантичностью, да и к тому же считалось дурным предзнаменованием устанавливать носовую фигуру до того, как на корабле подняты паруса.

Ко мне приблизилась Келе. Она держала в руках зелено-золотую керамическую бутылку с благословляющим напитком внутри. В надлежащий момент мне предстояло разбить этот сосуд о борт корабля, тем самым официально нарекая его.

— Я бы отдала свою левую сиську, чтобы только получить его под свою команду, — прошептала она.

Я улыбнулся, тронутый ее желанием, и осторожно забрал у нее бутылку. Палмерас кивнул, давая мне сигнал готовности.

Судно покоилось на спусковых салазках деревянной конструкции, которая должна была помочь спустить корабль на воду. Корпус удерживался на месте толстыми балками, упиравшимися в колодки под углом. Направляющие были смазаны жиром.

Палмерас поднял жезл, и толпа стихла. На фоне этого резко наступившего безмолвия одинокий громкий голос привлек к себе общее внимание.

— Будь ты проклят! — услышал я возглас сына. — И ты осмелился поверить незнакомцу, а не мне, родственнику?

Все обернулись и увидели стоящих нос к носу Клигуса и Гермаса. Оба настолько были увлечены ссорой, что не заметили, как оказались в центре всеобщего внимания.

— Сейчас не время продолжать этот спор, — сказал мой племянник.

— Как ты можешь распространять эту грязную клевету? — не мог успокоиться Клигус. Рука его метнулась к кинжалу. Но Гермияс вцепился ему в запястье.

Я пришел в себя и обрел голос.

— Эй, вы, оба! Забыли, кто вы и где находитесь?!

Мои слова вернули их в чувство, и они замолчали, вспыхнув от неловкости. Я свирепо оглядел толпу и указал всем на корабль. Взгляды собравшихся стали вновь устремляться к происходящему. И так много злости было в моем жесте, что даже Палмерас, всем своим видом выражавший: «Я же говорил тебе», тут же принял безучастный вид.

Я поднял руку, и музыканты грянули какой-то кошачий концерт, быстро перешедший в звуки, напоминающие плеск волн

Все еще злясь, я размахнулся бутылкой. Но не решился бросать, словно услышав слова обратившегося с мольбой корабля не омрачать его удачу в таком ужасном эмоциональном состоянии, как у меня.

— Сейчас я успокоюсь, — прошептал я себе под нос.

Я швырнул бутылку, и она разбилась о борт корабля. Воздух наполнился густым ароматом благословляющего напитка.

— Перед лицом всех присутствующих, — объявил я, — нарекаю его «Ибисом». И да будут ко всем благосклонны попутные ветра!

Палмерас принялся делать пассы руками, и воздух затрещал от энергии посылаемых им заклинаний. Судно тронулось с места и так гладко скользнуло в воду, так величественно, словно морж, входящий в море.

Зазвучали приветственные крики и музыка. Вокруг меня толпились ориссиане, поздравляя Антеро с прибавлением в их флоте. Тут уж празднество развернулось не на шутку. Зашипело мясо на вертелах, хлынуло рекой вино, пустились в пляс пары, молодые и старые.

Клигус исчез, видимо, сорвать на ком-нибудь дурное настроение. Гермияс выбрал момент, чтобы подойти ко мне и извиниться.

Я махнул на него рукой.

— Я не собираюсь говорить тебе, что ты поступил как дурак, — сказал я. — Если же хочешь выслушать мои укоры и узнать, насколько я зол, выбери другое время. Но если ты тот, за кого я тебя принимаю, то надеюсь, ты пострадаешь молча, чего ты и заслуживаешь.

Гермияс покраснел и склонил голову. У него хватило ума промолчать.

— Но мне хотелось бы знать, из-за чего такого серьезного вы устроили ссору посреди всего этого.

Гермияс покачал головой.

— Я не скажу. И прошу тебя, дядюшка Амальрик, не настаивай. Мне бы очень не хотелось навлечь на себя твой гнев отказом отвечать. Однако мне придется промолчать.

Я понял, что нет смысла требовать ответа. В конце концов, он тоже был из семейства Антеро, а уж с нами в упрямстве никто не мог сравниться.

Поэтому я подозвал Квотерволза, коляску и отправился домой.

Так этот день ввел меня в еще более сложное положение, нежели было до того. Я больше не мог откладывать решение. Но и решить ничего не мог.

Я отправился в сад виллы, послушать игру фонтана над усыпальницей моей матери. Она умерла, когда я был еще мальчиком, и у меня осталось смутное детское воспоминание о ней. Их восполняли лишь рассказы моей сестры Ради.

Не странно ли, что такой старый человек, как я, нуждался в успокоении и материнском совете? Странно или нет, но мне это требовалось. И тут осветилась другая грань моей тоски, и я ощутил, что скорблю о Ради, сестре-воине, чей здравый смысл не раз оказывал мне услуги в прежние дни. И, в конце концов, из памяти всплыло лицо Омери и ее флейта, которая всегда выводила меня из любого мрачного состояния.

Я был Амальриком Антеро, чье богатство и удача вызывали зависть многих. Но в

минуту слабости мне не на кого было положиться.

И ни к кому не мог я обратиться за советом.

За стенами сада послышался звук копыт. Кто-то подъехал на лошади. Затем незнакомый голос стал окликать кого-нибудь в доме. Я поднялся с каменной скамьи и подошел к зарешеченному окну в садовой стене.

Возраст не сказался на остроте моего зрения. Я увидел женщину.

Молодая, с пышными волосами и формами, она сидела в седле серого жеребца прямо и уверенно. Из-под зеленой охотничьей туники выглядывали мускулистые ноги, плотно обтянутые черными рейтузами. На темных вьющихся волосах элегантно держалась шляпка с длинным, в цвет туники, пером. На шее поблескивала простая цепочка из серебра или платины. В ушах блестели серьги из такого же металла. Она сняла длинные по локоть перчатки, открыв взгляду широкие серебряные браслеты на запястьях.

Женщина нетерпеливо хлопнула перчатками по седлу и спешила. На земле она оказалась не такой высокой, как первоначально можно было бы судить по длинным ногам. Двигалась она с гибким изяществом, полным энергии и естественного кокетства. Я отметил, что ее высокие сапоги стоят немало, пусть они и здорово износились в дороге. Узкую талию путешественницы перетягивал прочный ремень с большими заклепками; на одном боку висел тонкий кинжал в ножнах, на другом — нечто похожее на кожаный футляр с магическим жезлом.

Она вновь окликнула обитателей дома. Вышел привратник, и хотя я не мог слышать, о чем они говорят, но догадался, что спрашивают меня. Слуга покачал головой, мол, нет, хозяина нельзя увидеть. Дескать, он отдыхает и приказал не беспокоить.

Это была правда. Но любопытство взяло верх над усталостью, и я послал первого попавшегося слугу сказать привратнику, что я передумал и чтобы эту женщину пригласили в дом.

Когда она вошла в сад, неся через плечо большую потертую кожаную сумку, я не разочаровался, разглядев ее поближе. Она оказалась темноглазой красавицей, несомненно высокого происхождения, судя по благородству черт. Только легкая горбинка на носу — след от неудачно сросшегося перелома — смазывала ее точеное совершенство.

Но я был слишком стар, чтобы поддаваться этим чарам, и впечатление на меня произвела не ее внешность. В глазах ее отчетливо светился ум. Я никогда не встречался с ней, но мне показалось, что мы знакомы давным-давно. Она улыбнулась, сверкнув белоснежными зубами на фоне смуглой кожи, вновь напоминая мне кого-то очень знакомого.

Второй удар поразил меня, когда она заговорила, и я услышал ее голос. Он был очень знаком, и я ощутил, что какой-то старый призрак рельефно проступает из мешанины образов моей памяти.

— Добрый вечер, господин Антеро, — сказала она, кланяясь.

— Добрый вечер, моя госпожа, — сказал я. — Благодарю вас, что скрасили скуку старика. Прошу вас объявить мне ваше имя и сообщить, чем я могу быть вам полезен.

Она перевела дыхание и собралась с силами, словно ей предстояла задача, к которой она давно готовилась, но все равно испытывала нерешительность в осуществлении давно задуманного.

Но когда ответила, голос был ровен.

— Меня зовут Джанела Кетер Серый Плащ, — сказала она. — Я правнучка Яноша Серого Плаща, человека, которого вы некогда с гордостью называли другом.

Я пошатнулся и чуть не упал. Ее облик и тембр голоса не оставляли сомнения в том, что она говорит правду.

Но последующие слова поразили меня еще больше.

— Что же касается цели моего визита, — сказала она, — то я приехала сюда предложить вам отправиться со мною к настоящим Далеким Королевствам.

— Что вы хотите этим сказать? — запинаясь, пробормотал я.

— Вы и мой прадед ошибались, господин Антеро, — сказала она. — Далекие Королевства еще не открыты. И только я знаю, как их отыскать.

Глава 2 ДЖАНЕЛА

Этот шутник случай не раз заставлял меня врасплох. И мне хочется верить, что я достойно управлялся с этим паяцем. Мне удавалось договариваться с каннибалами, приводить в веселое расположение духа раздраженных великанов, обманывать демонов, пожиравших по сотне душ за обедом и оставлявших меня на десерт. Но вот уж не думал, что придется столкнуться с призраком Яноша Серого Плаща, сообщающего мне, что история с ним еще не окончена.

Стоявшая предо мною молодая женщина не была призраком и не была Яношем, хотя и могло показаться, что это так. Невозможно было обмануться в этом сходстве. У нее были прозорливые глаза Яноша, его сардоническая улыбка, высокие упрямые скулы и голос, к которому невозможно было не прислушаться. Еще не зная о ее способностях, я мог бы сказать, что она — колдунья. Она излучала ауру магической энергии, только и ждущей случая, чтобы распрямиться тугой пружиной.

Мне требовалось время, чтобы прийти в себя. И время подумать. И поэтому по возможности спокойнее я сказал:

— Полагаю, нам обоим, моя дорогая, не мешает глотнуть бренди.

Я кликнул слугу, чтобы он достал бутылочку лучшего и накрыл нам в кабинете. Когда я привел ее туда и стал показывать различные драгоценные безделушки, привезенные из путешествий, то понял, что надетая мною маска спокойствия сделала свое дело. Девушка побледнела, напряглась и едва скрывала удивление оттого, что на меня ничуть не подействовало сказанное ею. И я подумал, вот сейчас она изумляется, что же за каменное сердце бьется в этой старой груди. Знала бы она, насколько я был потрясен на самом деле.

Но сделав пару глотков спиртного, она вновь была готова возобновить охоту на льва, притаившегося в своем опасном логове.

— У меня есть доказательства моей родственной связи с Серым Плащом, — объявила она.

Джанела без колебаний показала бы их, если бы я потребовал, а я должен был потребовать. Осторожности мне было не занимать — ведь сколько раз меня пытались обмануть, особенно используя имя Яноша.

Джанела раскрыла сумку, более вместительную, чем можно было бы судить по первому взгляду, и стала копаться в ней. Хотя внутри полно было всякой всячины, и загадочной и обычной, она быстро нашла то, что искала, и разложила на столе передо мною документы. Здесь имелись документы с позолоченными буквами от полудюжины королей и принцев, которых я хорошо знал и которым доверял. Имелись и другие доказательства, включая рекомендательные письма от магов, обучавших эту девушку колдовству. Они расхваливали Джанелу Кетер Серый Плащ — правнучку Яноша — как способную ученицу, которая превосходила даже своих учителей и которая, несмотря на молодость, уже обладала квалификацией колдуна-мастера.

И, перебирая эти документы пальцами, столь же непослушными, как и мысли, я понимал, что догадка моя оказалась правильной. В качестве решающего доказательства она развернула свиток из самой Ирайи, где утверждалось, что она является дочерью одного из благороднейших семейств, осыпанного милостями короля.

Я прочитал фамилию семейства и отметил несоответствие.

— Здесь ничего не говорится о фамилии Серый Плащ, — сказал я, посмотрев на девушку с подозрением.

Джанела кивнула, блестя глазами и горя желанием убедить меня.

— Моя прабабушка, которую звали Сендора, — сказала она, — имела фамилию Ликус.

Именно эта фамилия тут и указана. Это семейство прославлено красотой своих женщин. За исключением Сендоры, известны они и своей благочестивостью.

— Понятно, — сказал я. — То есть вы хотите сказать, что являетесь плодом тайной любви? Ребенком, так сказать, незаконнорожденным?

— Конечно, — горделиво сказала она, криво усмехнувшись. — Моя прабабушка прокралась в постель к Яношу.

— Ну его-то я хорошо знал, — сказал я. — Лучше, чем любого другого человека. Но я никогда не слышал, чтобы он говорил о каком-то ребенке, тем более о ребенке в Далеких Королевствах.

— В Ирайе, — поправила она. — Я ведь уже сказала вам, мой господин, что вы и Янош ошибались. Далекие Королевства находятся совсем в другом месте.

— Мы вернемся к этому позднее, дорогая, — сказал я. — Я думаю, вы не будете возражать, если я буду так называть вас. Я знаю, что это звучит старомодно, а некоторые современные женщины даже обижаются, когда их так называешь, но я слишком стар, чтобы избавляться от давних привычек.

— Вы можете меня называть так, как вам нравится, — сказала она, — лишь бы это напоминало вам о Сером Плаще.

Я отхлебнул бренди, чтобы подавить смешок. Серый Плащ она или нет, но впечатление умеет производить. Она подготовилась к этой встрече получше иных цепких купчишек и не поддавалась моим попыткам отвлечься от темы, намеченной ею с такой тщательностью. Все в ней — и обворожительная улыбка, и манера держаться — говорило о том, что девушка уверена в себе и знает, чего хочет.

— Продолжайте, — сказал я.

— Вы в самом деле сомневаетесь, — спросила она, — что у моего прадеда был ребенок?

Она рассмеялась. Это мне понравилось. Хотя в этом смехе не было громовых раскатов, как у Яноша, но слышались та же раскованность и ирония, что пленили меня при первой встрече с ним.

— Его победы над женщинами, — сказала она, — стали легендой. Еще бы, ведь охваченных страстью представительниц слабого пола от девственниц до уважаемых матрон было у него больше, чем у любого известного мужчины.

По блеску в ее глазах я понял, что и ей не чужд опыт в делах такого рода. Страстность натуры выказывала еще одну черту, унаследованную от Яноша. Я усмехнулся, вспомнив, как Серый Плащ, владевший многими языками, не раз говаривал, что лучший учебник по чужому языку находится в объятиях женщины, говорящей на нем.

— Сколько языков вы знаете? — как бы между прочим спросил я.

Она посмотрела на меня удивленно.

— Двадцать. Я говорю на них свободно. И достаточно хорошо еще на двадцати. А почему вы спросили, мой господин?

— Просто так, — сказал я, чувствуя легкое смущение. — Дело не в репутации Яноша, — продолжил я. — Но когда мы вместе находились в Ирайе, то, как иностранцы, держались подальше от дочерей высокородных господ. Янош, естественно, заглядывал в зланные места. И там он, конечно, участвовал в оргиях. Впрочем, вашу прабабушку я нисколько и ни в чем не осуждаю. Джанела пожала плечами.

— Сендора была молода, — сказала она. — Ей было не больше шестнадцати. Когда она увидела Яноша при дворе Домаса, то влюбилась без памяти — что вполне естественно в таком возрасте. Однако, как вы справедливо заметили, им бы не удалось довести это дело до нормальных брачных отношений. Но она была решительной девушкой. Она подкупила одну куртизанку, чтобы та отвела ее в то место, где совершались такие оргии, которые посещал Янош. И она выказала в отношениях с ним такую страсть, что их роман тянулся достаточно долго. А если бы он знал правду о ее происхождении, то они бы мгновенно расстались, но он, к сожалению, вскоре умер.

— Итак, Сендора забеременела, — сказал я. — И должен был бы разразиться грандиозный скандал.

— Когда семья наконец узнала о том, что она в положении, — сказала Джанела, — и о том, что всему причиной чужестранец, да еще и скоропостижно умерший, — они предприняли стремительные действия. Они нашли возможность и отправили прабабушку в храм Девственниц.

Я знал об этом храме. В нем несколько раз в году непорочные девицы из наиболее набожных семейств Ирайи предлагали свою девственность богам. И должны были отдаваться любому мужчине, оказавшемуся там в ту ночь. Считалось, что в тело этого мужчины вселялся бог и принимал от девы дар целомудрия.

— Другими словами, — сказал я, — ребенок был объявлен зачатым от бога.

Джанела фыркнула.

— Учитывая тщеславие моей прабабушки, — сказала она, — в этом заявлении звучала почти что истина. — Она отпила бренди, лукаво улыбаясь одними глазами. — Я слышала, что в ту ночь, когда Сендора отдавалась в храме, там оказался какой-то на редкость уродливый бродяга. Он был столь потрясен оказавшейся в его объятиях великолепной чистой плотью, что на следующий день покончил с собой, понимая, что больше в его жизни не произойдет ничего столь же чудесного.

— Но даже если ваша семья и пустилась на столь экстренные меры, чтобы избежать скандала, — сказал я, — скептики все равно должны были оставаться при своем. И неизбежно пошли бы пересуды.

— Именно поэтому ее выдали замуж за землевладельца, жившего в своей деревне, — сказала Джанела. — Там родилась моя бабушка и потом тоже вышла замуж за помещика и произвела на свет мою матушку. Ни одной из женщин, рождавшихся в этих браках, не позволялось покидать деревню, чтобы не раскрылся старый фамильный секрет.

— Но *вы-то* покинули, — сказал я. Лицо Джанелы потемнело от гнева.

— Я не та женщина, которую можно удержать в кандалах, — сказала она. — За это семья отреклась от меня, как и я от них. Я, по праву рождения, взяла фамилию моего прадедушки и вот уже десять лет занимаюсь тем, что пытаюсь претворить в жизнь его мечту.

— Но если семья отказалась от вас, — сказал я, — как же вы живете?

— У меня есть собственные деньги, — сказала она. — Моя прабабушка знала не только науку страсти. И она понимала, что если всю жизнь следовать правилам, которые диктуют родственники, то останешься беспомощным. И всю жизнь она откладывала сбережения в надежде, что ее дочери понадобится независимость. К этим сбережениям добавляли деньги и бабушка, и моя мать. Так что если я и не так богата, как вы, мой господин, то достаточно состоятельна.

— А ваша мать тоже отказалась от вас? — спросил я.

— Моя мать умерла, — сказала она так печально, что я счел за лучшее не вдаваться в подробности. Как человек, уже не раз испытывший горечь потерь, я ее понимал. — И я так считаю, — сказала она, — что оказалась единственной рожденной с настоящим духом Серого Плаща, поэтому-то мне и удалось вырваться из той тюрьмы, которая хоть и была шикарно обставлена, но все равно оставалась тюрьмой. Первое заклинание, которое удалось произвести мне в детстве, я применила для ремонта сломанной куклы. А было мне тогда не более трех лет. У куклы была глиняная голова, она разлетелась вдребезги, когда я уронила игрушку, и я была так безутешна. Но внезапно я поняла, что в состоянии снова сделать ее целой. И сделала.

— Вы только пожелали, чтобы голова оказалась целой? — поинтересовался я. — Или что-то сделали?

Она задумалась.

— Да, сделала, — сказала она. — Я представила себе эту куклу такой, какой она была до того, как упала. И тогда... я просто протянула руку *в то место* и поменяла сломанную на целую.

Я кивнул. Янош именно так некогда описывал такой же несложный фокус. Правда, тогда был скорпион, а не кукла. И мы тогда не были одиноки, потому что сидели за обеденным столом у Мортациуса, а уж он был *очень* непростой хозяин. Я содрогнулся от того воспоминания.

— Итак, вы убедились, что я именно та, за кого себя выдаю? — торопливо спросила она, спеша перейти к другой теме, которой я страшился.

Мне ничего не оставалось, как ответить:

— Да.

Она отодвинула документы в сторону и достала что-то еще.

Я невольно вытянул шею, чтобы рассмотреть это, но предмет скрывался у нее в ладони.

— Вы даже представить себе не можете, как давно я мечтала об этой встрече, — сказала она. — Серый Плащ и Антеро снова вместе. За прошедшие годы я несколько раз собиралась предпринять это путешествие. Но удерживали меня не только моя молодость и неопытность, но еще и отсутствие необходимых для вас доказательств. Чтобы собрать все эти свидетельства, мне пришлось разъезжать из страны в страну, от одного кудесника к другому. Я занималась у многих выдающихся магов в надежде, что в будущем хоть сколько-нибудь приближусь к уровню могущества прадедушки. И где бы я ни находилась, повсюду собирала сведения о Далеких Королевствах. Читала я и ваши книги. И книги вашей сестры. Вы, может, и не знаете этого, но Рали внесла значительный вклад в дело разгадки этой тайны. Откровенно говоря, я еще не до конца уверена в том, как сложатся собранные мною разрозненные фрагменты, но в том, что это фрагменты нужной картины, сомнения нет.

— Да ведь дело не в том, как много вы изучили и как далеко путешествовали, — сказал я. — А дело в том, что вы не туда расходуете себя. Если бы только удалось вам сбросить с себя очарование образа Яноша Серого Плаща, вы бы поняли, что просто мучаете себя, лишь бы походить на него. Забудьте об этом, дорогая. Употребите свой талант, свою энергию и ум на то, чтобы устроить собственную жизнь, а не на то, чтобы исполнить цель чужой жизни. Я уже побывал там, моя милая. Мы уже прошли по той дороге с Яношем плечом к плечу. Мы хоронили товарищей. Мы многое преодолели. И в конце концов добились успеха. Мы нашли Далекие Королевства. И теперь прикажете мне не верить собственным глазам?

— Значит, не верьте, — сказала она. И открыла предмет, который прятала.

Это была маленькая серебряная фигурка. Я сразу же узнал ее. У Яноша на цепочке висел ее двойник. Это была копия той танцующей девушки, с теми же вскинутыми над головой руками; одна рука держала перо, а другая — шарф, замерший в полете. Лицо девушки-танцовщицы светилось счастьем, словно после следующего прыжка она полетит, свободная, как птица.

Моя рука потянулась к фигурке, словно ведомая магической силой. Джанела опустила ее в мою открытую ладонь.

— Смотрите же! — сказала она. — Я отдаю вам... Королевства Ночи!

Едва танцовщица коснулась моей плоти, как ожила. Она закружилась, а ее легкое платье вихрем взметнулось вокруг обнаженной фигуры, дразняще мельком показывая ее изящные ножки и маленькую, но крепкую грудь. Но это был танец не похотливого соблазнения, что демонстрируют куртизанки. Танцовщица выглядела непорочной, словно не сознавая, что может быть объектом не только искусства, но и страсти.

Но это только поначалу фигурка показалась точно такой же, какую демонстрировал мне Янош, убеждая в существовании Далеких Королевств. Та была сломанной и потертой, и только по мере приближения к Ирае недостатки фигурки исчезали. Но чем внимательнее я вглядывался, тем сильнее менялась картина. Я вытаращил глаза, когда музыка стала звучать громче, а все вокруг танцовщицы и вокруг меня куда-то пропало — такое волшебство Янош бы оценил.

Она танцевала посреди зала неслыханного богатства. Роскошь ковров не поддавалась описанию. Стены, на которых они висели, гладкие, молочного цвета, отливали редким жемчужным светом. И пока оркестр, достойный королевского двора, играл в оркестровой

яме у сцены, где она танцевала, благородная публика — мужчины и женщины в костюмах, невиданных мною раньше, — не сводила глаз с артистки. За всем этим зрелищем наблюдали красивый монарх и его прекрасная королева. Они восседали на двойном троне, сделанном из того же матового драгоценного материала, что и стены. Король был юн, с длинными мускулистыми руками и ногами. У него было открытое лицо с красивыми, тонкими чертами и бородой такой же золотой, как и обруч, который он носил вместо короны. Королева также была юна и очаровательна, с бледной гладкой кожей, ее черные волосы волнами ниспадали из-под изумрудной короны. Я увидел, как король наклонился что-то шепнуть королеве. Она улыбнулась, и ее красота стала просто ослепительной, так что если бы я был юношей, эта улыбка просто разбила бы мое сердце.

Несмотря на миниатюрные размеры действия, богатство и роскошь заставили меня почувствовать себя униженным. Я ощутил себя незначительным, невежественным варваром, примерно таким же, каким я ощутил себя, впервые представ вместе с Яношем перед королем Домасом в Ираيه. Но с этим ощущением пришла и злость на то, что вот тут, перед собой, я видел тот уровень жизни, которого лишен был мой народ. Я ощутил страстное желание оказаться при том дворе.

Джанела шепнула:

— Смотрите внимательнее, мой господин.

Я вгляделся, выискивая, что же пропустил в своем восторге. И тут я увидел его, развалившегося в ленивой позе в самой лучшей ложе.

Это был демон, одетый в человеческое платье. У него была морда волка, с надбровной дугой большой обезьяны, нависавшей над единственным желтым глазом. Он протянул вперед когтистую лапу. Из нее свисала роза, и я ощутил, как у меня мурашки побежали по телу, словно во всем происходящем было что-то неприличное. Он засмеялся, обнажая длинные клыки, и швырнул цветок на сцену. Тот упал у ног артистки, теряя лепестки. Танцовщица сбилась с ритма; она посмотрела на загубленный цветок, затем подняла глаза на демона. Отпечаток ужасного отвращения и страха исказил ее совершенные черты. Но тут же она улыбнулась и продолжила танец.

Я откинулся назад, оглядывая зал, в котором разглядел тут и там сидящих демонов. Ясно было видно, что сидящие здесь же люди, делая вид, что ничего особенного не происходит, все же стараются избегать контактов с демонами, оставляя свободные места вокруг каждого такого чудовища.

Джанела коснулась рукой танцовщицы. Та застыла, вновь превратившись просто в фигурку, а видение исчезло. Силой воли подавил я дрожание рук, отдавая талисман обратно ей.

— Теперь-то вы мне верите, мой господин? — спросила она доверительно, понижая голос.

Я мог бы и тут поспорить. Указывая, например, на то, что с помощью магии можно создать такую фигурку, руководствуясь описанием из моей же книги. Или на то, что роскошь сцены еще не свидетельствует о том, что она находится в мифических настоящих Далеких Королевствах, которые она нарекла какими-то «Королевствами Ночи». И многое еще мог бы я сказать, выстраивая несокрушимую стену логики, о которую бились бы ее мечты.

Но ей этого не требовалось. Она подняла совсем другое знамя — знамя Веры.

Я смотрел на нее и видел Яноша в ее глазах, а я никогда не мог устоять перед Яношем, устремляющимся к истине.

И потому я ответил:

— Да.

Джанела смахнула фигурку в сумку, закрыла клапан и встала.

— Подумайте об этом, мой господин, — сказала она. — А потом поговорим, когда вам будет удобно.

Джанела повернулась, чтобы уйти.

— Где мне найти вас? — спросил я, несколько сбитый с толку ее желанием уйти

побыстрее.

— На постоялом дворе «Урожайный месяц», — сказала она. — Я там зарегистрировалась под моей ориссианской фамилией — Кетер.

Тут же она улыбнулась улыбкой Яноша и добавила:

— Вряд ли есть смысл давать повод к разговорам, что еще один Серый Плащ объявился.

И она ушла.

Воспоминания все подбирались и подбирались и наконец нахлынули на меня стремительным потоком. Мои приключения с Яношем потекли от чистого истока, от нашей случайной встречи в грязном переулке, и закончились в трясине недоумения, в которой я пребывал и по сей день. Одно воспоминание вдруг явилось с особой ясностью: воспоминание о Кулаке Богов. Чтобы не путаться в памяти, я торопливо достал из письменного стола рукопись, в которой детально описывались наши экспедиции. Я торопливо листал страницы, которые очаровывали многих, представленные в виде книги на полках букинистических лавок.

Я отыскал описание видения, которое посетило нас в храме Воскрешения, когда мы с Яношем добивались благословения на первое путешествие: *...на горизонте торчали вершины горного кряжа. Они возвышались над землей подобно громадному кулаку. В кряже насчитывалось четыре квадратных вершины, а пятая была похожа на прижатый к кулаку согнутый большой палец. Вершины были образованы черными вулканическими скалами и покрыты снегом, который нестерпимо ярко сверкал на солнце. Тропа между большим пальцем и указательным полого поднималась вверх, образуя перевал в этом черном кряже. Перевал к... «Далеким Королевствам», — благоговейным шепотом закончил мою мысль Янош.*

Я залпом выпил мое бренди, чтобы успокоить нервы, и перешел к тому месту, где описывалось, как мы с Яношем застыли перед тем же самым порогом нашей долгожданной цели.

...Дальше возвышался горный кряж: В нем насчитывалось четыре вершины, а пятая была изогнута в виде гигантского большого пальца. Мы добрались до равнины, тянувшейся до Кулака Богов. Для снега было еще рановато, и мы сейчас оказались ближе, чем в моем видении, так что я мог рассмотреть складки на горных вершинах из черной вулканической породы. ...Я повернулся к Яношу... На несколько минут мы словно сошли с ума, потрясенно застыв, вытаращив глаза, затем что-то залепетали, не слыша друг друга... «Мы нашли», — сказал я.

Но мы не нашли. Теперь я отчетливо видел ошибку. Чтобы убедиться и сделать себе еще больнее, я перевернул страницы, остановившись на последней. Я оживил в памяти тот момент, ужасную минуту, когда пламя охватило погребальный костер Серого Плаща. И вот:

...Я стер влагу из глаз... Внезапно передо мной возникло очень четкое видение. Далеко на востоке, за сияющими морями, где, по слухам, люди не живут, игра света подняла над горизонтом горный кряж: Кряж походил на огромный сжатый кулак, а между большим пальцем и указательным я разглядел чистейшее снежное покрывало, сияющее на солнце. Этот скалистый кулак в точности соответствовал моему видению в тот момент, когда воскресители бросали кости, начиная гадание...

Я застонал, читая последнее предложение. Горный кряж, который я видел в моих обоих видениях, был вовсе не тот же самый, перед которым я лично некогда предстал, прежде чем начать подъем. Где же снег-то? Мы с Яношем списали его отсутствие на теплую погоду. Но, проклятие, погода-то тут была вовсе ни при чем. Горы, которые присутствовали в моем видении, были гораздо выше — и на такой высоте снег никогда не тает. И теперь, размышляя над всем случившимся, я припоминал и другие отличительные детали, которые мы тогда не заметили, будучи ослепленными близостью цели.

Я с треском захлопнул журнал. Наполнил бокал, опустошил и наполнил вновь. И продолжал в том же духе, пока — впервые за много лет — не надрался.

Когда вошел Квотерволз, чтобы проводить меня в постель, я решил, что это Янош, и принялся бранить его за то, что он оказался таким дураком. Еще более язвительно ругал я себя самого, поскольку все-таки я возглавлял экспедицию. Но хуже всего в данной ситуации было то, что Янош был мертв, а я — стар и с этим уже ничего нельзя было поделать.

Ничего.

Этой ночью мне приснилось, что я снова молод и сжигаем желанием так отличаться, чтобы отец мог мною гордиться. Я находился в лагере племени айфора и наблюдал за дикарской пляской в исполнении Яноша. Лезвие его ятагана блестело, мелькая в пламени костра, поражая толпы воображаемых врагов, населявших рассказанные им истории. Рядом со мною улыбалась доступная кочевница Тепон. Я вдыхал запах роз и мускуса, исходивший от ее распахнутой накидки, обнажавшей смуглую кожу и набухшие от желания груди. Я был молод, полон энергии и покрывал ее, как дикий пустынный жеребец, ухватив сзади за бедра. Она оглядывалась через плечо, смеялась и подгоняла меня. Она встряхивала головой, и ее черные длинные локоны взлетали, как грива чистокровной кобылки, требующей, чтобы жеребец был достоин ее дара. И в ту минуту все казалось возможным. Не было такого моря, которого бы я не переплыл, не было пустыни, которую я бы не пересек.

И Далекие Королевства принадлежали мне, стоило лишь протянуть руку.

Я выждал два дня, прежде чем снова увидеться с Джанелой. Этот старый купеческий трюк я применил, чтобы немного сбить с нее самоуверенность. Но когда мы встретились в ее скромных, но со вкусом обставленных апартаментах на постоялом дворе «Урожайный месяц», я увидел блеск победы в ее глазах. Одета она была как и прежде, разве что теперь поверх черного обтягивающего костюма натянула голубую шелковую тунику. Перо на шляпе сменилось также на голубое.

Я был настроен заставить ее поторговаться и испытать ее характер, примерно так же, как Янош в свое время испытывал мой.

Я позволил ей похлопотать вокруг меня, усадить около камина с большим бокалом хорошего бренди. Браслеты ее мягко позвякивали, пока руки летали над столом. Предчувствуя, что она неплохо подготовилась к встрече, я начал неожиданно:

— А почему, собственно, я?

Она нахмурилась, застигнутая врасплох.

— Что-то я не понимаю, — недоуменно сказала она.

— Почему вы хотите, чтобы именно я отправился с вами? — сказал я. — Ведь, в конце концов, виновником гибели вашего прадедушки являюсь все-таки я.

Она кивнула.

— Я знаю, мой господин, — сказала она. — Как знаю и то, что выбора у вас не было — вы должны были спасти собственную жизнь и свой народ от гибели. Я прекрасно осведомлена о многочисленных заблуждениях Яноша Серого Плаща. И должна признать, что после того, как впервые прочла вашу книгу, пришла в ярость. Я сочла, что вы лжете, описывая, какую злодейскую сделку Янош Серый Плащ совершил с принцем Равелином. Также я полагала, что вы лжете, утверждая, будто Янош предал вас.

— И что же заставило вас изменить мнение? — спросил я. Она задумалась, затем сказала:

— Во-первых, все остальное в вашей книге звучало очень правдиво. И вы не пытались себя выказать в выгодном свете. Вы с самого начала поклялись говорить одну правду, и ни в каких других местах я не обнаружила и намека на ложь. Вы полностью обнажились, ничего не скрывая; ясно было видно, как тяжело вам писать о человеке, который некогда был вашим другом, а затем предал вас. И в самом конце я поняла, что, несмотря на предательство, дружеские чувства к нему вы сохранили и после его смерти.

— Благодарю вас, — сказал я.

Поигрывая бокалом, я ждал продолжения, и Джанеле пришлось помучиться с завершением ответа.

— Тем не менее тогда я не изменила своего мнения, — сказала она. — Я никогда ни в

чем не полагалась на эмоции или слепую веру. Даже себе самой в таких случаях не доверяла. Поэтому я тщательно проверила ваши утверждения. И нашла, что они справедливы. Более того, вы во многом оказались добрее к моему прадедушке, чем иные.

Я пожал плечами.

— Фальшивый он был друг или настоящий, дело не в этом, — сказал я. — Никто не посмел отрицать, что он был великим человеком.

— Я преклоняюсь перед вами, мой господин, — сказала Джанела. — Год назад я прожила инкогнито в Ориссе несколько месяцев. И достаточно внимательно присматривалась к вам и вашему семейству. Я прочла все, что удалось, о вас и вашей замечательной сестре. Разговаривала я со многими и поняла, что даже враги уважают вас. Вы сами великий человек, Амальрик Антеро. Во многом столь же великий, как и Янош. Вот почему я и явилась к вам.

Я внимательно наблюдал за ней, пока она говорила, и убеждался, что она отвечает максимально откровенно. Но я ничем не выдал моих мыслей.

— Все это очень мило, — сказал я. — Но это лишь часть ответа. Вы ведь уже дали понять, что являетесь женщиной не без средств, так что мои деньги для организации экспедиции вряд ли вам нужны.

Джанела рассмеялась.

— Ну, насчет денег не надо торопиться с выводами, — сказала она. — Я сказала, что денег мне хватает, но я вовсе не так богата, как вы. И думаю, что даже очень не так богата. Тем не менее в ваших рассуждениях есть смысл. Меня к вам привели не финансовые соображения, а факты, мой господин. Все заклинания, произведенные мною, показали, что в одиночестве у меня мало шансов на успех. А вот с Антеро рядом шансы значительно возрастают. Я думаю, что то же самое ощущал и мой прадедушка, познакомившись с вами.

Я фыркнул.

— Тогда вам, может быть, стоит обратиться к какому-нибудь моему родственнику помоложе, — сказал я.

Джанела сузила глаза, и я понял, что упрямством она не уступит своему прадеду.

— Я ведь уже сказала, что внимательно присматривалась к вам и вашему семейству. Я совсем не думаю о вашем сыне Клигусе, поскольку надеюсь, что в конце концов мы с вами станем друзьями. Кроме того, только вы и ваша покойная сестра обладали настоящим магическим духом. Ясно, что ваши способности вы унаследовали от матери. Остальные же Антеро, похоже, до сих пор живут, не вынимая соски изо рта.

— Может быть, они просто слишком еще молоды, — сказал я. — Зато я слишком стар для путешествий. Я могу просто умереть в дороге, и что тогда с вами будет?

Джанела усмехнулась.

— Во всяком случае, в этот момент я все-таки буду близко к Королевствам Ночи, — решительно сказала она.

Что ж, ответ был жестким и честным. Затем она сказала:

— Что же касается вашего возраста, мой господин, то вы просто занимаетесь самоуничижением, потому что чувствуете себя бесполезным. Еще бы, ведь весь город только и говорит о вашем нежелании передавать другому знамя вашей империи. И я не сомневаюсь, что как только вы его действительно передадите, тут-то вы уж действительно станете ни на что не годным и никому не нужным.

Она склонилась ко мне, блестя глазами.

— Я предлагаю вам возможность вновь обрести себя самого, — сказала она. Говорила она негромко и хрипло. — Вы ошиблись в свое время, и теперь, когда судьба позволяет вам исправить ошибку, вы лишь ограничиваетесь ироническими репликами, это вы-то, человек, который был так близок к цели. Потом ее настойчивый тон сменился тихой мольбой.

— Поедьте со мной, Амальрик Антеро. То место, которое мы ищем, лежит на востоке, далеко за морями. На таинственных берегах за теми морями не бывал еще ни один человек из наших краев.

Она положила свою руку на мою ладонь. Ее рука была маленькой, но сильной. Девушка казалась настолько полной жажды поиска, что вся горела.

— Поедемте со мной, — повторила она. — И уж вместе мы наделаем великих дел.

Кровь молотом застучала в моих висках, речь ее глубоко взволновала меня. Должно быть, Джанела заметила это. Она улыбнулась и убрала ладонь.

— Не так уж вы стары, как думаете, — сказала она. — И, если вы только решитесь, времени, чтобы исполнить мечту, вполне достаточно.

Она была права. Во всяком случае, мне хотелось в это верить.

Наступила продолжительная тишина, прерываемая лишь треском пламени в камине.

— Вы сейчас дадите мне ответ? — спросила она. Я покачал головой.

— Нет, — сказал я. — Но обещаю дать его скоро.

Так я вывернулся из-под лавины ее обаяния и без слов удалился.

Не думаю, что этой ночью она заснула быстро. Я, во всяком случае, не смог.

Итак, земную жизнь пройдя до седьмого десятка, я оказался на распутье. Но куда бы ни собирался я повернуть, на пути вставала одна проблема. Я должен был выбрать преемника. Если я не сделаю этого, то все созданное поколениями Антеро окажется на краю пропасти.

Кого же выбрать? Клигуса или Гермияса? И вновь я составил списки, перечисляя в них все достоинства и недостатки обоих, стараясь не принимать во внимание эмоции. Но это мне не удавалось. Клигус, конечно, моя собственная кровь, но внутреннего отклика этот факт у меня не вызывал. С другой стороны, не слишком ли я становился романтичным, считая Гермияса полным энергии, искренности и того божественного безрассудства, которое и я проявлял в его годы?

Я закончил составление списков и пожал плечами. Ничего нового, ничто не изменилось. За одним исключением: что же приключилось за Узким морем, заставившее этих двух устроить склоку посреди крещения «Ибиса»?

Ни одного из них я не мог расспросить об этом, поскольку каждый мог бы соврать. И оставался лишь один надежный человек — Келе. Я вызвал Квотерволза и экипаж и отправился на ее поиски.

Я нашел ее в порту в механической мастерской, неподалеку от стоянки «Ибиса». На столе перед ней располагался стенд с бронзовым прутом на двух подставках. На пруте был закреплен искусно выполненный миниатюрный корабль. Келе осторожно прилаживала на деревянную палубу крохотные гири. Модель раскачивалась на пруте, раскачивалась и наконец опрокинулась, рассыпав гири по столу.

— Еще восемь тонн груза на палубу, и судно переворачивается, как китовая акула... — пробормотала она, занося записи в бортовой журнал. Тут она заметила меня и встала. — Господин Антеро, — начала она. — Вот не ждала, а то бы приказала подать вина... — Она оборвала себя. — Сдохшие боги морские! — сказала она. — Прошу прощения, я только сейчас разглядела, что на вашем лбу отпечатались скорбь и отчаяние.

Я через силу улыбнулся.

— Значит, хорошо, что я больше не хожу в море, капитан, коли по моему лицу так легко все прочитать.

И в самом деле, после стольких лет совместной работы и дружбы она, должно быть, с такой же легкостью читала по моему лицу, как на картах отметки глубин.

Она не ответила, а повела меня наружу из мастерской.

— Славный денек для прогулки, — сказала она.

— Через час будет дождь, — сказал подошедший Квотерволз.

— *Очень* славный денек, — продолжила она, — как раз для прогулки подальше от порта, где полно потайных местечек, где любой может спрятаться и подслушать то, что его не касается.

Квотерволз встревожено огляделся, словно ожидая, что вот-вот увидит того самого шпиона, о котором говорит Келе. Келе *всегда* была сама осторожность. Если и был у нее любовник — а я, несмотря на все эти годы общения, и понятия не имел, есть ли таковой, —

то и он, наверное, мог узнать от нее не более, чем она бы этого захотела.

И это было одной из многих причин, по которым Келе являлась одним из наиболее доверенных моих мореплавателей, а не просто обычным капитаном корабля. Она служила моими глазами и ушами в заморских краях, а в некоторых случаях и моим полномочным послом, пусть и без верительных грамот. Другим ее талантом была способность передавать любой разговор *именно* так, как он и происходил, и хотя она в обычной жизни выражалась по-моряцки, с сольцой, но запросто могла симитировать речь воскресителя или принца, словно родилась в этом звании.

Мы двинулись по набережной. В этот день гуляющих здесь было не много, поскольку действительно над головой бродили дождевые тучи.

Келе, как обычно, ждала, пока первым заговорю я. Но едва я приступил к расспросам, она отчаянно замотала головой.

— Только не это, мой господин. Я не могу... и не хочу говорить об этом.

— Но почему? Мне позарез нужно знать, что происходит между ними, и нужен твой совет.

— Во-первых, Гермияс взял с меня слово, что я сохраню в тайне ту ночь в Джейпуре, когда тот человек... когда это произошло. Во-вторых, я не дура, мой господин.

— Но я никогда и не считал тебя таковой.

— Зато любой, кто влезает в семейную свару, наверняка дурак, если не хуже. И в таком случае не буду ли я лучшим советником, если придержусь свой язык?

Итак, инцидент, или что там еще произошло, случился в Джейпуре. В этом далеком порту пересекались пути кораблей и торговых караванов, уходящих на запад. Именно оттуда начиналась экспедиция открытия Гермияса, там он нагрузил своих выючных животных, чтобы отправиться осваивать новые торговые территории. Джейпур был опасным городом, где союзник только и ждал момента, чтобы предать тебя, а друг оставался другом, пока ему было это выгодно. При этом утверждалось, что преступность в городе очень невысокая. В самом деле, там все было узаконено, а самые выдающиеся воры заседали в правительстве. Короче, это место я всегда считал весьма неприятным.

Я помолчал, не торопясь с ответом и осторожно выбирая слова.

— Я мог бы сказать, капитан, что пошлю туда своих агентов и выясню, что же там произошло. Но мне необходимо знать прямо сейчас. На карту поставлено нечто большее, чем умиротворение двух Антеро, едва не дошедших до поножовщины на верфи.

И я рассказал Келе кое-что о происшедшем, не объясняя, правда, кто такая Джанела, и не упоминая о Королевствах Ночи. Однако коли уж я решу поехать на их поиски, то своим флагманским кораблем я выберу «Ибис», а капитаном, естественно, Келе, если она не против. В настоящий же момент ей достаточно знать лишь то, что путешествие предстоит долгое и опасное.

Келе проводила взглядом два траулера, проходящие с сетью по устью реки. — Ублюдок, ублюдок, ублюдок, — пробормотала она. — И теперь мне надо пройти между подветренным берегом и рифом. И если я не расскажу вам... — Она помолчала. — Ведь вы мой хозяин, и мой первый долг... Так вот... — вновь последовала затянувшаяся пауза. — Сколько людей работает на Антеро? — спросила она.

Этот вопрос меня озадачил, но я вспомнил, что у Келе всегда собственный подход к разрешению любой проблемы.

— Около пяти тысяч. Но если еще учесть наших субподрядчиков, все наши торговые дома за границей и открытые в прошлом году фактории, то, конечно, гораздо больше. Но непосредственно — пять тысяч, — сказал я.

— Итак, если выбор ваш окажется неправильным, — сказала она, — то пять тысяч человек будут благодарить за все произошедшее именно меня и мою клятву. Преисподняя и зеленые черти!

— А может быть, бренди поможет тебе быстрее принять решение? — спросил я, пытаясь облегчить ситуацию. — Или тебе нужно время подумать?

— Эта история не для таверны, господин Антеро. Никто не должен ее слышать. И уж если я собираюсь нарушить слово — что толку тянуть с этим? Но одно условие — если я не выполняю обещание, данное Гермиясу, вы должны поклясться, что он никогда не узнает об этом. По крайней мере, до того момента, когда умолчать дальше будет просто невозможно.

— Клянусь, — сказал я.

— Помните, — начала Келе без вступления, — пять или шесть лет назад генерал Клигус отправился в Джейпур?

Разумеется, я помнил. Ведь то событие явилось настоящим триумфом моего сына, поскольку я полагал, что он совсем не подходит для выполнения этой задачи. Тем не менее он справился прекрасно, покрыв себя славой и заставив меня задуматься, не слишком ли я резок с ним и, может быть, он действительно обладает необходимыми дипломатическими способностями, ловкостью и здравым смыслом, благодаря которым воздвиглась и продолжала укрепляться империя Антеро.

Джейпур управлялся советом, численность которого зависела от того, какая фракция в нем брала верх. В то время к власти как раз пришла группа, объявившая, что довольно Джейпуру пребывать лишь орудием в руках богатой и сильной страны, что пора бы ему занять подобающее место под солнцем. Речь шла об Ориссе. После этого джейпурцы заявили, что они собираются установить дополнительный пятнадцатипроцентный налог на все караваны, грузы, корабли, торговые сделки, что означало удвоение цены наших товаров — пятнадцать процентов на грузы, прибывающие в город, пятнадцать процентов на торговую сделку в городе и еще пятнадцать процентов на товары, покидающие город. А в то время почти двадцать процентов всех товаров, прибывающих с запада, в том числе и с далеких островов Кониин, проходили через Джейпур.

Для торговцев Ориссы ситуация складывалась просто нетерпимая, и мы не без оснований сравнивали правителей Джейпура с пиратами Узкого моря, с той только разницей, что последние действовали кинжалами, а первые — декретами. В Магистрате прошло несколько скандальных совещаний, приведших к решению, что надо что-то предпринимать, и немедленно. Некоторые из моих коллег, особенно горячих голов, предлагали карательную экспедицию. Я же советовал ограничиться дипломатической миссией, в составе которой, конечно же, должны были присутствовать и военные, чтобы показать Джейпуру, что у Ориссы в арсенале имеются не только слова.

Мою идею подхватили, но раздули, как свиной пузырь в сезон забивания скота. Военные не просто включились в состав дипломатической делегации, но и собрались ее возглавить. Я спорил, но безрезультатно, поэтому пришлось аккуратно пойти на попятную и задуматься, кто же в нашей армии обладает необходимым тактом и обаянием. Пока я размышлял, Клигус и его сторонники действовали. При всеобщем одобрении он был назван главой миссии. И я уже ничего не мог изменить. Да и как я мог возражать против Антеро, тем более собственного сына?

Итак, они отплыли, а мне оставалось лишь в унынии рассылать письма моим многочисленным партнерам в землях вокруг Джейпура, призывая их готовиться к небольшой, глупой, но, очевидно, неизбежной в ближайшем будущем торговой войне. Я был уверен, что Клигус начнет ссориться с джейпурским советом, намеренно оскорблять его, вызывая восстать против могущества Ориссы, а для этого, прежде чем вернуться домой, по дороге еще и скинет пару статуй их богов.

К моему изумлению, ничего подобного не произошло. Надо признать, что Клигусу сопутствовала удача, хотя последняя зачастую и рядится в одежды неудач. Не прошло и недели со дня прибытия делегации в город, как трое из членов совета заболели и умерли. Их замена не могла пройти без последствий, включивших в себя и взятки кое для кого из местных властителей, в результате чего угроза дополнительных налогов испарилась, как дым из храмовой курильницы.

Клигус по возвращении заслужил целый день празднования в свою честь, а его имя в конце года громко зачитали жрецы в главном храме в списке тех ориссиан, к которым боги

должны быть наиболее благосклонны.

В общем, я все хорошо помнил.

— Когда мы с Гермиясом прибыли потом в Джейпур, — продолжила Келе, — присутствие Антеро довело толпу до белого каления, но ни Гермияс, ни я не обращали на это ни малейшего внимания. Другое дело — цены на караванных животных. Они здорово подсакивали, когда узнавали, что прибыл Гермияс Антеро и собирается снарядить торговый караван. Он занимался своими делами, а я проводила время, уточняя по карте те проклятые песчаные острова к западу от города, у которых чуть не посадила корабль на мель несколько лет назад, если бы не вмешательство провидения. Остальные занимались закупкой тех тысяч мелочей, которые могли бы понадобиться в путешествии. На третий день, в поздний час, когда мы с Гермиясом сидели у него и беседовали, в дверь постучал хозяин постоянного двора и сказал, что какой-то человек хочет поговорить с нами.

— Уже поздно, — сказала я Гермиясу. — Скорее всего это какой-нибудь жулик, как и все они здесь, в Джейпуре, если не хуже того.

Гермияс рассмеялся.

— Пока, мой дорогой капитан, наше путешествие обходится без приключений. И нам как раз не хватает стычки с разбойником, дабы было что рассказать дома.

Он приказал хозяину привести сюда человека и подать ему выпить, что он пожелает.

Я отодвинула стул, чтобы никто не зашел за спину, и проверила, под рукой ли кинжал. Гермияс по молодости еще не усвоил, что о стычках лучше рассказывать, чем участвовать в них.

Вошедший человек выглядел совершенно обыкновенно. Одетый скромно, он производил впечатление вполне приличного человека. В толпе на него никто бы не обратил внимания — типичный торговый агент или клерк из городского совета. Он представился как Пелват.

Гермияс спросил, чем он занимается. Тот напустил на себя лукавый вид и сказал:

— Ваша милость может называть меня садовником.

— Поскольку мы в Джейпуре не собираемся задерживаться более недели, зачем нам садовник? — удивился Гермияс. — Так что, видимо, я пока не совсем понял цель вашего визита.

— Садовник ходит по своему участку и решает, какое растение надо полить и обиходить, а какое выкорчевать и выбросить, — туманно объяснился гость.

— Наемный убийца! — догадалась я, чувствуя, как слегка сжался желудок.

Пелват ничего не ответил, и на лице его ничего не отразилось. И, как я поняла, он вообще не обратил на меня ни малейшего внимания, поскольку, судя по всему, его интересовал только Гермияс, который тоже напрягся.

— Я — Антеро, — сказал он. — А нам нет необходимости нанимать убийц. Ни сейчас, ни когда бы то ни было. И что вообще могло привести вас ко мне?

Я увидела, как покраснело его лицо от злости, когда он понял, кто сидит перед ним. Пелват поднялся.

— Прошу прощения, что побеспокоил вас, мой господин, в столь поздний час и за... недоразумение. Просто дело в том, что несколько лет назад я уже оказал некоторые услуги вашему родственнику, и он, по крайней мере, убедился, что мой клинок остр и точен.

— Кому? — спросил Гермияс.

— Генералу Антеро. Не думаете же вы в самом деле, что те члены совета заболели так вот своевременно и умерли, несмотря на все старания кудесников и лекарей, по чистой случайности? Просто потому, что боги разгневались на них? Искусный садовник не только умеет отличать цветы от сорняков, но и знает, как надлежащим образом вывести красивое растение.

Гермияс побелел от гнева.

— Пошел вон! — рявкнул он, и рука его устремилась к столу, где в ножнах лежал его кинжал. Я тоже потянулась за оружием. Но в этом не было необходимости. Пелват

поклонился и исчез в ночи. И больше мы о нем никогда не слыхали. А мы с Гермиясом проговорили до рассвета. Нам почему-то показалось, что наемный убийца сказал правду...

Так она закончила свою историю, смущенно глядя на меня. Я несколько раз в процессе ее рассказа порывался заговорить, но все же совладал с эмоциями.

— Келе, ты вновь сослужила мне добрую службу, и не просто как верный слуга, но как надежный друг, — сказал я наконец.

— Хотелось бы верить, — сказала она, встревожено глядя на меня.

Говорить больше было не о чем. Мы расстались, и я вернулся на виллу. Я передал все мои распоряжения на этот день Квотерволзу, а сам скрылся в кабинете, где и провел не один час в размышлениях.

Итак, мой сын добывает свою славу не только при помощи взяток, но и при помощи наемных убийц. Хорошенькое дело. И это Клигус. Мой сын.

На следующий день я проснулся необыкновенно бодрым и даже радостным. Глядя на тусклый рассвет, я пришел к выводу, что меня бы следовало приговорить к званию самого худшего родителя в истории Ориссы. Но что сделано, то сделано, и поскольку я дожил до такого возраста, когда дней оставшихся насчитывается гораздо меньше, чем прошедших, то, стало быть, самое время предпринять решительные действия.

Я послал за Джанелой, и, когда она присоединилась ко мне в саду и удобно устроилась на ковре, который слуги постелили для меня на траве, я сразу взял быка за рога. Все, кто знал мои приемы в торговом деле, немало бы удивились, насколько я сейчас выпадал из привычной роли. Но мне было наплевать на собственный имидж. Мне нужны были ясные ответы на ясные вопросы.

— Вы доказали, что мы с Яношем ошиблись, — сказал я. — А теперь объясните, почему вы так уверены, что эту ошибку можно исправить? И почему мы неправильно истолковали легенду о Далеких Королевствах?

Джанела поняла мое настроение и, увидев глубоко затаившуюся печаль в моих глазах, сразу же обратилась к сути дела.

— Дело не в ошибочном толковании этих мифов, мой господин, — сказала она. — Просто, как это часто случается, старые мифы со временем сильно изменяются. И как исследователь я по сравнению с вами имела некоторые преимущества. Я установила, что существует две разновидности этих мифов. Новейшая разновидность появилась вскоре после открытия вами Ирайи и стала наиболее популярной. Как вы знаете, Ирайя и вообще весь Вакаан возникли на руинах более древнего государства, основанного старейшинами...

Я кивнул. Серый Плащ искал ответы на загадки природы в книгах, оставшихся как раз от того таинственного народа.

— Более древние мифы пошли с эпохи Тьмы. Когда — как сейчас учат школьников — и были уничтожены старейшины.

Я тоже в детстве упивался мифами о золотых людях, некогда, как утверждалось, правивших землей. По сравнению с теми мудрыми людьми мы, нынешние, были просто дикарями, как утверждали эти легенды. В распоряжении золотых людей были все знания, все искусства, все, что делает жизнь достойной своего названия. Но тысячу лет назад или более случилось грандиозное несчастье, и старейшины исчезли, оставив нам лишь руины, посещая которые мы чувствовали себя недостойными наших предков.

— Я нашла подлинные факты в тех старых мифах, — продолжала Джанела, — изучая историю происхождения моего собственного народа. Вначале мы были кочевниками, изгнанными с родных земель теперь уже забытыми врагами. Когда мы наткнулись на руины старейшин и их сокровищницу знаний, наше будущее процветание уже было гарантировано. Нам и самим приходилось слышать легенды о Далеких Королевствах, и мы решили, что Вакаан как раз и есть то самое место. Затем уже народы в других краях начали думать, что *мы* и есть тот самый мифический народ, и мы, преследуя собственные интересы, поддерживали такие слухи. Это заставляло потенциальных врагов страшиться нас и позволяло нашим правителям ограждать нас от дурного влияния, и — уж если говорить

начистоту — это давало нам ощущение собственного превосходства над остальными.

С этой чертой народа Ирайи я был знаком. Первое, что я в них заметил, — слабый интерес к происходящему вне их страны и уверенность, что остальные народы живут в варварстве и невежестве. Так что даже один из моих товарищей по путешествию, сержант Мэйн, сказал: «Люди Ирайи так высоко задирают нос, что туда попадает вода, когда идет дождь».

— И вскоре я заметила вашу ошибку, — сказала Джанела. — В самых старых легендах утверждалось, что населенные живыми людьми, а не лежащие в руинах сказочные земли лежат совсем по другую сторону Восточного моря. И в тех легендах они назывались Королевствами Ночи. Как только я это выяснила, я взялась за те истории, где упоминалось именно это место. Где бы я ни путешествовала, я повсюду искала именно эти истории. В пыльных томах, хранилищах знаний кудесников и даже в лагерях кочевников, где легенды передаются из уст в уста на протяжении бесчисленного количества поколений. И все эти мифы совпадали в одном: старейшинам была навязана война с немыслимо могущественным и жестоким врагом. Оставшиеся в живых отступили за Восточное море, где они и ждут возможности вернуться.

Она похлопала по своей сумке.

— В одном из этих лагерей я и обнаружила танцующую фигурку, — сказала она. — Колдунья, у которой я ее купила, рассказала, что фигурка попала к ним в племя давно, еще в те времена, когда они совершили налет на последний караван, идущий с товарами из Королевств Ночи.

— Должно быть, это действительно было очень давно, — сказал я. — Уж мне ли не знать все эти торговые истории, но только я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь рискнул пуститься вплавь по этим водам.

— А я однажды пыталась, — сказала Джанела. — Но меня перехватила береговая охрана. Если бы не наши фамильные связи, то меня бы казнили после того, как мой корабль взяли на абордаж.

Я был поражен — и не только ее мужеством и целеустремленностью, но и тем, что жителям Далеких Королевств было запрещено совершать путешествия на восток. Хотя Вакаан и получил свое название в честь верховного бога старейшин, любой вакаанец становился весьма нервным, когда речь заходила о древних народах. Этого без причины не бывает. Все дело было в невыгодности сравнения вакаанцев с прежними могущественными обитателями их земли.

Тем не менее вакаанцы по-своему почитали старейшин. Например, близ Ирайи возвышалась гора, на вершине которой всегда дули западные ветры. У древних она считалась священной, на ней остались руины алтаря старейшин. Когда умирал великий вакаанский маг, его тело на погребальном костре превращалось в пепел и западный ветер уносил его прах на восток, за Восточное море, где, говорят, обитают боги. Именно там совершил я погребальную церемонию над Яношем. — А вы знаете, — вдруг спросил я, — что Янош и свет считал физической субстанцией? И что луч искривляется, уходя за горизонт?

На первый взгляд мой вопрос не имел ничего общего с предметом нашей беседы. Но Джанела мгновенно поняла, что к чему.

— Да, — сказала она. — Именно это и захватило мое воображение, когда я читала последние строки вашей книги. Там вы описали видение — Кулак Богов. Но это было не видение. Оптический фокус — искривление луча света — показал вам эти горы.

Едва сдерживая волнение, она принялась рыться в своей объемистой сумке. Оттуда она достала изрядно потрепанную карту и разложила ее между нами. Я склонился и увидел берег Вакаана, а дальше — Восточное море. За морем была обозначена береговая линия, а за ней — горы, реки и пустыни. А дальше, в глубине суши — дальше, чем хотелось бы, — я увидел набросок горного кряжа в виде кулака. Он был назван «Видение Антеро».

— Я стала составлять эту карту, — сказала Джанела, — как только приступила к своим

расследованиям. На нее я наносила все, что узнала из мифов о Королевствах Ночи. — Она смущенно улыбнулась. — По карте видно, сколько раз я принимала басни за истину.

Я рассмеялся вместе с ней. Во многих местах по карте погулял ластик.

Затем я сказал:

— Откуда начнем?

У Джанелы даже перехватило дыхание.

— Вы решились! — восторженно воскликнула она.

— Да, — сказал я, скрывая собственное волнение. — Я еду с тобой.

Глаза Джанелы засияли победным блеском. Но, беря пример с меня, она сохраняла спокойствие. Тонкий палец уткнулся в карту.

— Вот отсюда, — сказала она. — Плацдарм нашей атаки — здесь, в самой Ираيه!

Дабы скрепить нашу сделку, я послал за крепким спиртным. Как только слуга нам налил, Джанела сказала:

— Я должна задать вопрос, даже под страхом того, что он может ослабить вашу решимость. Прошу вас сказать мне, мой господин, какой именно аргумент заставил вас принять решение в мою пользу?

И я ответил:

— О, их много. Может быть, дело в том умении убеждать, которое ты унаследовала от своей прабабушки?

— Принимается, мой господин, — сказала она, — пусть даже ответ был скорее льстивым, чем по существу.

На самом-то деле больше всего мое решение диктовалось провалом веры в собственного сына. Как многое решил и провал веры в Яноша. Но я поклялся, что не допущу подобной ошибки с этой девушкой по фамилии Серый Плащ.

Я в этом смысле был в долгу у Яноша.

Я поднял бокал, провозглашая тост.

— На этот раз, — сказал я, — ошибки у нас не будет.

Глава 3

ВОЛК В ДОМЕ МАГИСТРА

Прошло несколько дней после моего решения, и странное чувство беспокойства овладело мною, преследуя по пятам. Я стал плохо спать, хотя со дня смерти Омери сон и так не был слишком крепким. Но теперь я просыпался незадолго до рассвета с ощущением страха. Словно я опять стал маленьким и жду, что меня вот-вот накажут за какие-то проказы.

Поначалу мне казалось, что моя тревога основана на том, что я еще не объявил мои планы семейству. Затем я подумал, что, может быть, подобно большинству известных мне стариков из-за неподвижного образа жизни я скопил в своем организме какую-то тухлятину, влияющую на мозг и вызывающую все эти мрачные мысли.

Я стал заниматься зарядкой, и не только из желания прочистить мозги, но и потому, что в таком состоянии старой развалины, в котором пребывал сейчас, просто не смог бы пройти весь предстоящий путь по диким землям. Я припомнил все те приемы, которые преподавал солдатам Янош Серый Плащ, и старательно принялся их выполнять утром и вечером. После обеда я обычно около часа плавал в садовом бассейне. Наняв мастера по фехтованию, несколько часов в неделю я проводил с ним, топча маты. Но все это было пустяками по сравнению с самыми сложными упражнениями. Каждое утро, встав до рассвета, я почти полностью обнажался и, будь на дворе дождь или солнце, бегал, взяв в компаньоны Квотерволза. Он-то сам занимался бегом и в летнюю жару, и в зимнюю непогоду, пристрастившись к этому со дня поступления ко мне на службу, и без конца повторял, насколько же хорошо эти пробежки влияют на него. Конечно, ведь в силу своей молодости он был избавлен от всех болячек, свойственных старости. Ну а если говорить правду, то я сопровождал в забегах Квотерволза совсем недалеко, отставая безнадежно, когда он начинал

подъем вверх, на гору Афену — до горы было три лиги, а там еще вверх целая лига.

Поначалу я вообще едва успевал отбежать от виллы, как вынужден был опускаться на колени, задыхаясь, как рыба на суше, но с каждым днем отвоевывал понемногу дистанцию у своей немощи. И я ощутил настоящую победу, когда смог пробежать так далеко, что очутился у подножия встающей из утренней дымки горы Афены.

Что касается питания, тут проблем не было; я не принадлежал к людям, набирающим с возрастом вес, а уж после смерти Омери и вообще перестал испытывать удовольствие от накрытого стола.

Я не знал, что думали домашние по поводу всего происходящего со мной, и, спросив об этом Квотерволза, был удивлен.

— Что ж, они полагают, вы хотите набраться силенок, чтобы у той девчушки после кувырканий в постели остались воспоминания.

Я никому особенно не рассказывал, кто такая Джанела и каковы наши намерения, — разве что Квотерволзу да еще паре человек, но совсем забыл, что люди, не имеющие фактов, сочиняют собственные объяснения, и при этом быстрее всех распространяются наиболее похотливые истории.

— Спасибо тебе, дружище, — хмуро заметил я. — Теперь-то я понимаю, видя твою озабоченность, откуда такая рождаемость в твоём племени.

Квотерволз заржал, не обижаясь. Самое замечательное в нем было то, что, в отличие от большинства людей, он обладал толстой, неранимой шкурой.

Немного поколебавшись, я поведал Джанеле о существовании проблемы, грозящей ее репутации. Я надеялся, что уж она-то придумала наименее пикантное объяснение своему пребыванию здесь.

Она лишь рассмеялась.

— А как вы думаете, что говорили каждый раз, когда я оказывалась под покровительством какого-нибудь мужчины? Да, иногда действительно такое происходило, но лишь по моему желанию.

Я сказал, что удивлен, как ей удалось найти такое множество столь деликатных покровителей и учителей, что с ними можно было спокойно сосуществовать, занимаясь лишь учебой. Лично я знал немало наставников, которые полагали, что их авторитет распространяется и на спальню их слуг и учеников.

— А дело было не в них, — сказала она. — Достаточно нескольких слов, иногда магических, иногда нет, чтобы мужчина изменил свои намерения, если он действительно что-то задумал. Я всегда удивлялась, как быстро от простой шутки их вставшая штучка быстренько превращалась в обвисшую тряпочку.

Я сообщил ей, что мог бы перечислить дюжину домов в Ориссе, где обитающие там девицы не поскупились бы, лишь бы узнать эти шутки и как их произносить. Она улыбнулась и сказала, что ее в данный момент совершенно не волнует, что говорят люди, и пусть эта проблема останется в стороне, если только уж дело действительно не примет скверный оборот.

— Если же вы будете возражать, тогда вы первый из встреченных мужчин с сединой в бороде, который отрицает слухи о том, что молодая девушка нашла у него под туникой нечто достойное внимания.

Так мы и покончили с этим делом, и я с изумлением убедился, что еще не разучился краснеть. Своим умением говорить на непристойные темы Джанела заставила бы самого Яноша гордиться ею.

Но ничто из происходящего не могло избавить меня от преследующего чувства страха. И я уже даже начал подумывать, не превратился ли я в одного из тех старых маразматиков, сидящих в парке и кивающих солнышку, припоминая дорогу домой, где можно в свое удовольствие пожевать беззубым ртом хлеб, размоченный в молоке.

Я вспомнил, что это ощущение настигало меня и прежде. Но это воспоминание явилось слабым утешением, потому что напомнило, когда это было и где. А происходило это во

времена наших с Яношем поисков Далеких Королевств. Ведь тогда нас преследовали колдуны, пытавшиеся любым способом уничтожить нас. Сначала архонты Ликантии. Я даже сплюнул при этом воспоминании и понадеялся, что сейчас их нечестивые души вопят в объятиях какого-нибудь демона ада. Намного хуже был присмотр за нами господина архонтов, принца Равелина, колдуна, соблазнившего Яноша, а затем и толкнувшего его на путь самоуничтожения, того самого злодея, с которым мне удалось покончить с помощью покойного брата в том призрачном городе возле Ирайи.

Вновь я почувствовал, что за мной наблюдают, вернее, даже ищут, как охотник прочесывает густые заросли в уверенности, что там притаился олень. Но кто за мной наблюдал, я и понятия не имел. И потому я старался не думать об этом, хотя не думать было трудно. Так же трудно, как купцу не думать о прибыли во время торговли.

К счастью, немало было важных дел, и самое главное — работы по окончательной доделке «Ибиса». Я отправил с быстрым курьерским судном инструкцию в Редонду, где у меня в порту стояли два корабля, приказывая произвести необходимый ремонт для подготовки к торговой экспедиции в районы, где могут случиться шторма. Таким образом их капитаны не смогли бы догадаться о наших намерениях, а вместе с тем были бы готовы к плаванию в открытом море. Когда они совершили необходимые приготовления, я приказал им прибыть и встать на якорь в устье Ориссы и ожидать дальнейших приказаний.

Мне стоило бы подготовить три судна класса «Ибис», но времени на это не было. А эти два корабля-близнеца «Искорка» и «Светлячок» являлись однопалубными суденышками для прибрежного плавания, меньше «Ибиса», менее маневренные и удобные для пассажиров, и вполне возможно, что при более близком с ними знакомстве там могли обнаружиться и другие недостатки.

Вхождение во все эти детали являлось делом очень важным, но при всей этой суете внутри у меня что-то сжималось, словно предупреждая, что я пропускаю нечто действительно очень важное.

А что именно, я обнаружил однажды вечером. Задувал студеной ветер, напоминая о зимних вьюгах, прерываемых дождевыми залпами, наступала та ночь, когда человек с радостью ждет, когда из темноты выплывет его дом с освещенными окнами, и уже предвкушает согретое бренди, поджаристую, начиненную специями курочку и, наверное, одеяло на своих коленях. Вот о чем я думал, нахохлившись в своем плаще, пока Квотерволз вез меня в коляске из центра Ориссы, где я провел хлопотный день в одном из банкирских домов, добиваясь выгодного кредита.

Я ощутил, как по спине пробежали мурашки. Не от страха, а... от предупреждения, что ли. Не чувство опасности овладело мной, а чувство, схожее с тем, которое настигает человека, выехавшего из дома и вдруг задумавшегося, не забыл ли он запереть входную дверь и не стоит ли вернуться и проверить.

— Квотерволз, — сказал я, — давай-ка к верфи. Я хочу осмотреть «Ибис».

Я не мог сказать ему, что я точно чувствую, потому что в девяти случаях из десяти человек, спешно вернувшийся домой, к своему смущению обнаруживает, что не только замок закрыт надежно, но и засовы задвинуты.

Джанела должна была бы находиться на корабле. Два дня назад я сказал, какая каюта ее и, поскольку ей предстоит там провести немало времени, пусть она займется созданием необходимых для себя удобств. Более того, ей там предстоит, очевидно, и принимать с визитом достаточно важных персон. Эти мои указания привели к тому, что на корабль валом пошли торговцы, декораторы, маляры и мебельщики, и мне пришлось подавить невольный стон, когда я подумал, что же теперь подумают в Ориссе о старом козле Амальрике Антеро, и его «торговом корабле, превращенном в плавучую спальню, и о его новой пассии с коротко стриженными темными волосами и глазами, заглядывающими в душу».

Но, боюсь, я выдал свою озабоченность, когда приказал пустить лошадей рысью. Квотерволз сурово глянул на меня, хлопнул вожжами лошадей по бокам и передвинул перевязь сабли так, чтобы рукоять была под рукой. Наверное, стоило бы сказать ему, что все

не так уж и скверно, что я просто вздорный старик, вообразивший невесть что.

Когда мы подъехали, на верфи никого не было — рабочие уже ушли по домам. Я выругался про себя, увидев, что фонарщик, наплевав на свои обязанности, не зажег огней, освещавших дорогу к месту, где стоял «Ибис». Правда, у трапа «Ибиса» горели два фонаря да светилося окно каюты Джанелы. Вокруг стояла полная тишина. Чувствуя себя еще более глупо, я выбрался из экипажа и пошел к судну. Квотерволз взглянул на меня скептически, но двинулся следом.

Едва мы приблизились, как с «Ибиса» донесся женский крик:

— Джанела! — Узнал его я, а Квотерволз уже побежал, выхватывая на бегу саблю. Я со всей возможной скоростью поспешил за ним, проклиная свою сытую и комфортабельную жизнь.

Внезапно из-за груды мешков перед Квотерволзом появились два человека. Сверкнула сталь, и один из них, попавшийся на выпад Квотерволза, заорал от боли, но второй успел ударить моего охранника дубинкой, и тот с причала полетел в воду.

Человек бросился ко мне, размахивая дубинкой, когда я, задыхаясь, подбежал к месту стычки. Раньше, когда я еще был молодец хоть куда, я бы с ним разделался как с цыпленком. Но, увы, не теперь, когда на мне висел груз лет. Все, что я успел, это сорвать с себя плащ и, подняв его над головой, раскрутить, как ловчую сеть. С благословения богов намокшая шерстяная ткань потяжелела, и от ее удара человек споткнулся, потерял равновесие и припал на одно колено.

Он не успел вскочить на ноги, а я, заметив какую-то жердь, уже схватил ее. На конце у нее было тяжелое утолщение, и я принялся размахивать этим орудием что было сил. Удар жерди пришелся нападающему по голове, и он упал навзничь. Теперь он лежал неподвижно, но я должен был чувствовать себя в безопасности и потому всем весом нажал ногой ему на горло.

Я ощущал, как сердце колотится о ребра, пытаюсь выскочить из груди. В нескольких футах я разглядел лежащее тело фонарщика, которому злодеи не позволили выполнить свои обязанности, чтобы воспользоваться темнотой. И я, оказывается, держал в руках тот самый шест, которым он пользовался, зажигая фонари на причалах, — на конце шеста была намотана просмоленная веревка.

На палубе «Ибиса» я разглядел какие-то фигуры и вновь услышал рассерженный крик Джанелы. Я побежал, спотыкаясь, с этой шутовской спичкой в руках. Пробегая по причалу, я увидел, как добравшийся до свай Квотерволз с трудом выбирается из воды.

«Ибис» был уже рядом, его палуба и фальшборт немного возвышались над причалом. На судне сражались четверо. Джанела отмахивалась кинжалом от трех нападавших, вооруженных саблями и одетых в темное. Я застыл в нерешительности, не зная, что предпринять. И тут же изумление овладело мною, когда я рассмотрел, как защищается Джанела.

Я еще никогда — *никогда* — не видел такой манеры драться, а уж я-то повидал тысячи боев, как тренировочных, так и смертельных. Описать эту манеру было легче, чем понять. Один из мужчин сделал выпад, и, когда рука его вытянулась в колющем ударе, Джанела скользнула навстречу ему, приближаясь вплотную, нанесла удар, и я услышал пронзительный крик. Второй занес над головой меч — тяжелый, двуручный — и нанес разящий удар. Джанела легко ушла в сторону, и оружие прочно воткнулось в деревянную палубу. Не успел он его вытащить, как в груди у него уже торчал кинжал.

Третий налетел на нее со спины, но, как и прежде, удар пришелся в пустоту. Правда, и Джанела, двигаясь быстро, была вынуждена оставить кинжал в груди второго нападавшего.

Теперь Джанела оказалась безоружной, и на нее напал первый. Но и его удар пришелся в пустоту.

Ощущение складывалось такое, что она предугадывала действия противников и успевала своими движениями устранять угрозы. Но, несмотря на все ее искусство, теперь она была обречена, оказываясь с голыми руками перед лицом двух вооруженных мужчин.

Я мгновенно понял это и, задыхаясь, бросился к сходням. У меняхватило ума ткнуть своим шестом в огонь одного из фонарей у трапа, и моя «спичка» загорелась. Вспышка огня заставила одного из мужчин оглянуться. Он что-то закричал и бросился мне навстречу. Может быть, я и был стар и ощущал свои годы, но еще никому, даже с трехфутовым дротиком, не говоря уж о сабле, не удавалось успешно действовать против человека, вооруженного десятифутовым копьем.

Как только он приблизился, я ткнул горящим шаром просмоленной веревки ему в лицо. Его длинные волосы загорелись, он закричал и попятился назад.

Последний злоумышленник, увидев, что остался без поддержки, выбрал в соперники Джанелу, к тому времени успевшую выхватить воткнувшийся в палубу меч. Это тяжелое оружие она держала с той же легкостью, что и кинжал. Теперь настала очередь мужчины закричать от страха, и он устремился к борту судна, намереваясь соскочить на причал.

Но там, с тяжелой дубиной в руке, поджидал Квотерволз. Бандит оказался в ловушке. Он повернулся, и на него налетела Джанела. Я понял, что он опытный фехтовальщик, поскольку, несмотря на опасность ситуации, продолжал обороняться и делать выпады. Раз за разом он попадал в пустоту... И наконец малому в грудь врезалось полтора фута стали, он захлебнулся кровью и умер.

Квотерволз прыгнул на палубу, злой от стыда, что не смог защитить меня. Он открыл было рот, но я раздраженно махнул рукой, заставляя его замолчать.

— Джанела! Ты пострадала?

— Нет, нет, — задыхаясь, выговорила она. — Эти ублюдки просто напугали меня, ворвавшись на судно. Но на мне ни царапины. — Она оглядела палубу. — Трое.

— На причале еще двое находились в засаде, — сказал я. — Одного убил Квотерволз, с другим разделался я.

Джанела кивнула, тяжело дыша. Я сообразил, что все еще держу в руках шест, и отбросил его в сторону. Упав в воду, он зашипел и погас.

— Слишком большая банда для столь незначительной поживы, — сказала она и невесело улыбнулась. — Золота у меня было совсем мало.

— Нет, — сказал я. — Я не думаю, что это грабители.

Оба, и Квотерволз и Джанела, удивленно посмотрели на меня.

— Видите ли, воры... они все трусливы, — пояснил я. — Я еще не видел, чтобы они стойко держались в схватке, разве что только загнанные в угол огрызались как крысы. Эти же люди держались до конца. Будь это воры, они должны были бы сразу броситься бежать, когда только появились мы с Квотерволзом.

Квотерволз кивнул.

— Да, я еще не слышал о таком грабителе, который стоял бы в стороне, когда другие нашли... золото, — осторожно закончил он, стараясь не подчеркивать то, что, возможно, хотели сделать с Джанелой.

Джанела улыбнулась.

— Господин Антеро, — сказала она, обращаясь ко мне официально в присутствии Квотерволза. — Я уверена, что вы считаете себя старым и ни на что не годным. Но вы проявили себя на этом причале как настоящий воин.

Я пробормотал что-то невнятное. Даже в юности я не знал, как воспринимать похвалу, да и затем не научился, но, признать, собственная храбрость удивила меня.

Чтобы уйти от этой темы, я подошел к одному из трупов. Тот лежал лицом вниз, одетый в плащ из дешевого домотканого сукна, с надвинутой на глаза шляпой, как это делал любой ночной бродяга Чипа.

— Схожу-ка я за стражей, господин Антеро, — сказал Квотерволз.

— Подожди минутку. — Я перевернул тело и выругался. И тут же услышал, как удивленно вскрикнула Джанела.

Шею человека охватывала тяжелая золотая цепь с драгоценными камнями. Они сверкали в свете фонарей. — Это не ворованное, — сказала Джанела. — Посмотрите на

рубашку.

Под маскирующим домотканым сукном открылась тончайшая шелковая зеленая рубашка.

Но меня удивило не ожерелье и не рубашка. Я узнал этого человека.

И я понял, что неприятности только начинаются.

— Да это господин Палик! — сказал сержант стражи. — Ничего удивительного, что он теперь валяется в луже собственной крови. Господин Антеро, вы и ваш слуга Квотерволз сослужили Ориссе добрую службу. Люди, подобные этому типу и его приятелям, расхаживая с важным видом по улицам и нарываясь на ссоры, полагают, что на них нет управы. Дурацкое самомнение. Да только вот уроки им впрок не идут.

Он обратился к своим людям:

— Несите его к остальным, — сказал он. — И пошлите кого-нибудь к его семье. Интересно, какому жрецу перепадет куча денег за похоронную церемонию и за то, чтобы не болтал лишнего.

Сержант накрыл лицо Палика полый плаща. Тело положили на носилки и понесли с палубы «Ибиса» на берег, где лежали остальные трупы.

— Вы собираетесь подавать в суд, господин Антеро?

— Нет, не собираюсь.

— Будем считать, что вы говорите сгоряча, и я пока не хочу вносить ваши слова в протокол. Возможно, днем, в более спокойной обстановке, вы передумаете. Семейство Палик предупреждали, и не раз, даже я лично делал это, они же на все закрывали глаза, утверждая, что мальчик просто дурачится, невинно развлекается. Они называли его мальчиком, даже когда ему стукнуло тридцать лет. — Сержант уже собрался было сплюнуть, но вспомнил, кто перед ним стоит, и сглотнул. — У него осталось два брата, похожие на него как две капли. Так что ежели тряхнуть их казну, может быть, это их образумит.

— Я сказал то, что хотел сказать, сержант.

— Что ж, хорошо, господин Антеро. Просто я думал... Впрочем, какое это имеет значение. — Сержант помолчал. — И все же младший Палик мог бы измениться к лучшему, если бы мы не прозевали подхвативший его ветер приключений, как он это называл. Год или полтора назад. Будь проклят тот, кто подтолкнул его на этот путь. Спокойной ночи, дамы и господа. — И сержант последовал по трапу за своими людьми.

Джанела с любопытством посмотрела на меня. Я подождал, пока сержант и его отряд скроются, а затем предложил ей и Квотерволзу пройти в каюту, где, можно было надеяться, нас не подслушают.

Палик, конечно, не был подарком. И я знал о нем больше, чем этот сержант. И ничего он не изменился, просто нашел покровителя для своих проделок. Если бы он не был человеком благородного происхождения, то о нем можно было бы сказать, что он нанялся, но, естественно, ни один человек этого круга не искал никакой оплачиваемой работы.

Вместо этого Палик стал «добрым приятелем» одного из наших молодых и быстро продвигающихся магистров, Сенака. Я слышал, что Палик настолько попал под его влияние, что с готовностью выполнял все, что тот ему приказывал.

И теперь я объявил, что намереваюсь нанести визит магистру Сенаку и потребовать у него объяснений, с каким заданием, если таковое вообще существовало, Палик сделал налет на «Ибис».

Квотерволз поднял брови.

— Неужели вы думаете, что это поможет, мой господин?

— Я хоть и стар, — надменно заявил я, — но еще не мертв. И я не позволю никому вмешиваться в мои дела. — Тем самым я в корне пресек любые возражения и увидел, как Квотерволз одобрительно кивнул.

Джанела нахмурилась.

— Что-то я никогда не слыхала о Сенаке, Амальрик. С чего это ему становится нашим врагом?

— Понятия не имею. Именно поэтому я и собираюсь спросить у него самого.

Квотерволз явно хотел что-то спросить. Я кивнул: перед Джанелой можно говорить не таясь.

— А не может так случиться, мой господин, что облачко над горой вы принимаете за ураган? Может быть, сержант прав и Палик просто предавался очередному своему безумству?

Я покачал головой. Не знаю почему, но я не сомневался в своих подозрениях.

— Возможно, — сказала Джанела, — ваши подозрения есть чем подкрепить. Сейчас мы это узнаем.

Она вытащила кинжал из ножен и вышла.

Квотерволз убедился, что дверь за ней закрылась плотно.

— Господин мой, — сказал он, — сегодня я потерпел поражение. И думаю, что мне стоит отслужить вам долг в другом качестве, нежели охранник. Человек, угодивший в такую дурацкую ловушку, недостоин носить саблю.

— Заткнись, — посоветовал я. — Тем более что я не вижу никаких ошибок с твоей стороны.

— Но...

— И все. Тема для дискуссий закрыта. А если хочешь искупить свои многочисленные грехи, в следующий раз, когда я спрошу твое мнение, сделай милость, солги. Квотерволз выпустил воздух сквозь зубы, но подчинился и замолчал. А я не стал добавлять, что в данной ситуации не он один выглядел по-дурацки. Принимая план Джанелы, я понимал, что нас могут подстерегать опасности, однако же при этом забыл, что всегда следует носить с собой нечто более острое, чем только язык. Может быть, мне и не стоило бы цеплять саблю на пояс — это привело бы к лишней болтовне досужих насмешников, — но стоило бы возить с собой оружие в коляске, да и с собою брать не одного охранника, а побольше. Я припомнил, что говорил мне Янош давным-давно, когда мы для нашего путешествия приобретали оружие в оружейной лавке.

Я тогда купил саблю, а он протянул мне еще и кинжал, говоря:

— Вот этим ты справишься с мясом, с ворами и убережешь себя. Сабля иногда неудобна, и ты можешь оставить ее у лагерного костра или привязанной к седлу в тот момент, когда она понадобится тебе позарез. А кинжал всегда придет тебе на помощь.

Уж об *этом-то* я мог бы позаботиться, и с этого момента решил, что Джанела всегда должна быть под охраной, а я не рискну никуда выехать, не имея еще двух спутников, помимо Квотерволза. Соответствующие предосторожности я приму и на вилле, чтобы ее охраняли день и ночь.

Джанела вернулась, держа кинжал перед собой, как жрец, возвращающийся со священного жертвоприношения. На обнаженном лезвии застыла темная жидкость.

— Кровь умеет говорить, — сказала она и, подойдя к своей сумке, принялась в ней что-то искать. Квотерволз поглядел на меня.

— Господин Антеро, я буду снаружи.

И не успел я ничего сказать, как он вышел.

— Еще один из тех, кто шарахается от магии, — сказала Джанела, доставая мешочек с пузырьками.

Она приготовила жаровню и насыпала в нее толченых сухих трав из пузырьков.

— Золотая ива... мирра... белая ива... Это не понравится вашим плотникам, — сказала она, соскребая засохшую кровь прямо на пол, — но этот клинок покажет нам образ, как нарисованный, и расскажет о нем.

На полу она нарисовала мелом два полумесяца и обвела линией пятна крови. Получился глаз. Сверху, снизу и по краям его она начертила четыре фигурки, а также буквы и слова на незнакомом мне языке. Протянув палец к жаровне, она что-то прошептала. Поднялся дымок от горящих трав, и вскоре их запах заполнил все помещение. Затем она стала приговаривать:

Кровь видит Кровь скажет Человек исчез Тайны открылись

Она проговорила это трижды, и между струйками дыма что-то замерцало, и показалась роскошная комната, в которую мы словно бы заглядывали через дверной «глазок». Перед нами стоял человек. Вот он стал расхаживать взад и вперед и что-то неслышно говорить. Я прищурился, пытаюсь понять, кто же это такой.

— Я не хочу делать изображение больше из-за боязни того, что... — начала Джанела, но осеклась. А я узнал этого человека. Это был магистр Сенак. Затем над жаровней сгустилась ночная тьма, и Джанела подбросила туда что-то еще. Сначала я ощутил отвратительную вонь, которая тут же сменилась приятным запахом осеннего леса, и темное облако рассеялось.

Я недоуменно посмотрел на Джанелу.

— Этот человек... — снова начала она.

— Это Сенак, — перебил я ее, — покровитель Палика.

— Я пыталась попасть в недавнее прошлое, используя кровь Палика, чтобы узнать его поступки и слова в последние несколько часов, — сказала она. — Но тут... этот взрыв темноты. И я не совсем понимаю, что он означает. Если я наткнулась на колдуна, то он меня обнаружил, вот почему я бросила в жаровню толченую кору дуба, чтобы прервать контакт. Но ведь Сенак не воскреситель, не так ли?

— Никогда не слышал, чтобы он имел дело с магией, — сказал я. — Вот и еще вопрос, который мы должны задать ему.

Джанела принялась складывать свои порошки. Закончив с этим делом, она закрыла сумку и озабоченно посмотрела на меня.

— Мы должны соблюдать осторожность, Амальрик. Я чувствую, что тропинка, по которой мы пустились в путь, не раз сделает неожиданный поворот.

Магистр Сенак являлся отпрыском одной из старейших и благороднейших фамилий Ориссы. Но несколько поколений назад это семейство оказалось в затруднительном положении, так что вынуждено было даже уехать из города. Тогда выяснилось — как выясняется все, касающееся известных фамилий, будь то рождение или смерть, — что семейству Сенак повезло и на своих землях они обнаружили золото.

Вновь семейство Сенак обрело состояние и вернулось в свой дом в Ориссе, заново отделанный мрамором и инкрустациями. В их саду зацвели невиданные экзотические деревья и цветы. Усадьбу окружала живая изгородь из колючего терновника, растущего в бесплодных землях, к тому же поговаривали, что они нанимали воскресителей, которые насылали охранные заклинания на усадьбу. У Сенака, ко всеобщему удивлению, не было охранников, не заводил он и собак, живя незамысловатой жизнью в окружении лишь горстки слуг.

Когда с обустройством было покончено, Сенак занял свою резиденцию. Не слишком тщеславный, он устраивал лишь четыре званых вечера в год в начале каждого сезона, но туда стремились попасть все, поскольку приглашения рассылались только самой элите ориссианского общества. Через несколько лет Сенак был избран магистром. Этому не мешали его молодость, изящество и красота, поскольку он отличался здравым смыслом и умением поддерживать умную беседу.

И теперь мне было очень интересно узнать, зачем ему понадобилось влезать в мои дела, и я был настроен весьма решительно, стремясь все выяснить до конца.

Мы вернулись домой, я разбудил четырех добрых молодцев — Якара, Маха, Чонса и Отави — и велел Квотерволзу хорошенько их вооружить. Якар и Чонс были садовниками, Мах — учеником повара, а Отави, как и его дед Ян, был моим главным конюхом.

Кстати, именно Ян мужественно стоял плечом к плечу со мной, когда в свое время толпа, околдованная магией Равелина, пыталась уничтожить Антеро. Отави габаритами дважды превосходил своего деда, излюбленным оружием которого был топор. Да и сам Отави с легкостью зарубал своей секирой быков, предназначенных для кухни.

Когда все были готовы, Джанела отвела меня в сторону.

— Когда мое заклинание не сработало, — сказала она, — то темное облако могло означать начало действия противозаклинания. И я не удивлюсь, если гусь предвкушает встречу с гусиной.

— Ты действительно подозреваешь магию?

— Я ничего не подозреваю и в то же время подозреваю все, — сказала она. — Но готовлюсь ко всему, что только может произойти.

Она попросила одного из слуг отвести ее на кухню и там занялась своими приготовлениями. Когда мужчины покончили с экипировкой, она вернулась, неся свою сумку и небольшой клеенчатый мешочек.

— Могу я попросить построиться ваших людей? — проговорила она. — Мне нужна слюна каждого из них.

Все, кроме Якара, с неохотой подчинились, ибо никому не нравилось отдавать часть себя в руки колдуна. Якар же упрямо помотал головой, пробормотав:

— Я таких штук избегаю.

Рассерженный Отави спросил, не позвать ли взамен другого слугу.

Но прежде чем я ответил, Джанела сказала:

— Ни один человек не должен делать это против собственной воли. А если его даже и заставить, то заклинание все равно не поможет или окажет слабое воздействие.

Эти слова явно принесли Якару огромное облегчение. Джанела достала из сумочки на поясе жезл и коснулась им тряпочки, на которой находилась слюна, затем извлекла два круглых зеркала и постучала по ним жезлом.

— Это для невидимого. А теперь для видимого, — сказала Джанела и прошла в оружейную комнату.

Она с видом знатока осмотрела полки с оружием и выбрала тонкую саблю, почти рапиру с заостренным лезвием и искусно отделанными рукоятью и гардой. Я выбрал излюбленную саблю с широким лезвием и простым эфесом, предназначенную для битв, а не для парадов, и нацепил ее на перевязь.

Под конец мы все надели под одежду тонкие кольчуги, при этом стараясь не выглядеть чересчур воинственно, и отправились на встречу с Сенаком.

К усадьбе Сенака мы подъехали с задов, стараясь привлекать к себе по возможности меньше внимания. Подъехав, привязали лошадей к коновязи у дома. Мы подобрались к воротам, и я жестом приказал своим людям сохранять тишину, пока Джанела принималась к воздуху, как хищница на охоте. Затем она нахмурилась и поманила меня к себе поближе.

— Очень странно, — сказала она. — Я не ощущаю никакой магии, хотя наверняка должна была бы почувствовать присутствие охранных заклинаний.

Она выглядела встревоженной.

Железные ворота на каменных опорах были громадными, но я знал, что они так хорошо сбалансированы, что достаточно толчка пальцем — и они откроются, если не на запоре, но в этот час они наверняка должны быть закрыты. Мы извлекли обернутые тряпками крючья и веревку — усовершенствованные орудия, о которых рассказал мне поступивший ко мне на службу исправившийся, если верить его словам, бывший вор. Он-то и поведал мне в свое время, что лучшее место для проникновения в чужой дом находится по соседству с тем местом, где стража наиболее бдительна. Так, например, лучше проникать через главный вход, нежели разбивать стекла, приподнимать ставни и протискиваться в окна.

Так оно и оказалось. Терновые деревья вымахали выше ворот. И когда я начал пролезать между воротами и нижними ветвями, там оказалось достаточно пространства. Должно быть, садовник немало гордился тем обстоятельством, что оставил достаточно места каменщику для кладки ворот. Так что весь наш перелаз обошелся бы нам лишь в несколько царапин. Я махнул рукой, приглашая остальных последовать моему примеру, но Джанела подняла руку. Вырвав пучок травы из земли, она повела им взад и вперед и зашептала:

Вот твоя кухня

Почувствуй ее движение
Ее скрывает ветер
Ее скрывает дождь
Порадуйся кухне
В этот самый час
Помоги кухне.

Она кивнула, разрешая мне продолжать движение. И шипы терна, от которых я ожидал уколов, вдруг смягчились и стали гнуться, подобно траве. И потому протискиваться мне было не тяжелее, чем через неколючий кустарник.

Как только все наши перебрались внутрь, я подождал, пока Джанела выяснит, нет ли поблизости сторожей. Но их не оказалось. Квотерволз тронул меня за плечо, и я разглядел в полумраке, как он рукой изобразил в воздухе круг. Я кивнул, и он исчез в темноте, бесшумный, как зверь на охоте. Несколько минут спустя он появился и развел руками — никаких сторожей.

Мы отодвинули засовы, открыли ворота, и я послал Маха и Чонса за лошадьми. Когда они вернулись, мы вновь затворили ворота, и я оставил этих двоих охранять наши тылы с наказом спастись бегством, если в доме поднимется переполох.

Мы впятером быстро двинулись по подъездной дороге к дому. Квотерволз настаивал, чтобы мы пробирались через сад, но я не согласился. Мы и так уже напоминали собою банду ночных убийц, а мне бы хотелось встретиться с Сенаком в открытую, а не в качестве головореза. Тем более что подъездной путь был заасфальтирован, а не покрыт гравием. Если мы и производили какие-то звуки, то они скрывались в порывах ветра и дождя. Поистине это была ночь для темных делишек.

Впереди светились огни. Кто-то в доме Сенака бодрствовал. Непосредственно перед домом мы затаились за негустыми деревьями, чьи хрупкие ветки, свисая вниз, касались наших лиц холодными пальцами, отчего у меня по спине пробежали мурашки.

Во дворе не было ни лошадей, ни повозок, лишь два огромных факела полыхали перед входом в дом. Дверь была распахнута, и из нее на двор падала полоса света. Посреди этой полосы лежало неподвижное человеческое тело.

Ни единого движения, лишь раскачивались ветки, и ни звука вокруг, лишь капли дождя бились о землю да шелестели листья. Сжав рукоять сабли, я двинулся вперед на разведку. Старые навыки вернулись ко мне. Я вспомнил, как подкрадываться, как подползать, как перебегать, хотя не сомневался, что со стороны такой старик, как я, выглядел смешно. Преодолев открытое пространство, я склонился над телом. Оно лежало лицом вверх, и в желудке у меня сжалось от этого зрелища. Может быть, мне и приходилось видеть вещи похуже, но только это было давным-давно и в памяти не осталось.

Несмотря на то что лицо жертвы было изуродовано, я все же узнал домоправителя Сенака, тем более что на нем была его ливрея, хоть и превращенная в лохмотья. Мне бы не хотелось вдаваться в подробности, но если вы можете себе представить тело, с которым вдоволь наигрались гиены, то вы имеете достаточное представление о том, что я увидел.

Я махнул рукой остальным, чтобы приблизились, сам же отошел от трупа. Квотерволз и Джанела ничем не выказали своих чувств при виде останков, чего нельзя сказать о двух других. У Квотерволза лишь отвисла челюсть. Его вопрос висел в воздухе: что могло убить этого человека? И за что? Я покачал головой. Все мы держали оружие наготове, за исключением Джанелы. Она сжимала в руках маленький клеенчатый мешочек, и оставалось лишь гадать, что за заклинания или снадобье она приготовила.

Она склонилась ко мне и прошептала: — Вот *теперь* я ощущаю магию. Воздух полон ею. Квотерволза я послал за остальными двумя. Теперь нам лишние сабли могли понадобиться. Через несколько минут они выбежали из темноты. Мои люди выглядели озадаченными. Я-то сказал им, что мы отправляемся к Сенаку обсудить нападение на корабль «Ибис», к которому он мог иметь отношение, а теперь что? Кто-то сам напал на дом

магистра? И мы превращаемся в отряд спасателей? Они смотрели на меня выжидающе, и я пытался придать себе решительный вид, но понимал в происходящем ровно столько же, сколько и они.

Мы поднялись по широким ступенькам крыльца к дверям и вошли. Дом был освещен, словно в ожидании гостей, но просторный вестибюль был пуст. Мы двигались по возможности бесшумно, но я мог бы поклясться, что слышал, как наше дыхание эхом отдается от сияющего мрамора стен и пола. Мы прошли по длинному коридору к гостиной, двери которой также были широко распахнуты.

Мы вошли в них, и я услышал, как кто-то из моих людей охнул от удивления.

В комнате, вытянувшись в линейку, стояли три длинных стола, накрытые для банкета. Белоснежный фарфор тарелок, серебро приборов и сверкающий хрусталь бокалов на фоне красных бархатных драпировок создавали атмосферу королевского приема. Только за столом отсутствовали обедающие да не суетились вокруг лакеи.

Блюда, полные снеди, и бокалы, наполненные вином, только и ждали, чтобы за них взялись пирующие. Но в помещении уже разносился запах разлагающейся пищи, словно банкет, едва начавшись, был прерван полгода назад.

К тому же я знал, что именно в этом зале магистр Сенак устраивал пиршество не далее как два дня назад.

Над столами с жужжанием кружили мухи. Вонь становилась все сильнее. Я, как и остальные, подался назад. Стоящий у дверей Квотерволз оглядывался, следя за тылами. А запах, казалось, заполнял уже весь дом.

Мы двинулись дальше по коридору. В его конце поднималась вверх лестница, ведущая, как я полагал, к личным кабинетам и спальням. Мне еще не приходилось бывать здесь выше первого этажа, да и никому из моих знакомых, насколько я знал, тоже не доводилось подниматься наверх. Справа обнаружилась закрытая дверь, за которой, по слухам, находилась библиотека Сенака; об этой комнате частенько говорили, что там хранятся странные и причудливые предметы, зачастую привезенные из тех стран, где ни одному из ориссиан бывать не приходилось.

Прямо посреди коридора разливалась целая лужа крови. Она раскинулась от стены до стены. Столько могло натесть явно не из одной жертвы. Мы миновали ее по возможности аккуратнее, но тем не менее оставили на белом мраморе пола липкие красные следы. Ни брошенного оружия, ни тел рядом с лужей крови мы не обнаружили.

Подойдя к лестнице, я решил было подняться наверх, но для начала счел необходимым заглянуть в библиотеку. Дверь я открыл рывком. В каждом углу этой темной, обшитой деревом комнаты с высоким потолком горели, оплывая, свечи.

А посреди комнаты находился ужас в обличье чудовища.

Оно было все в крови, а по коврам валялись разбросанные останки того, чем оно пирило.

Представьте себе чудовищного волка, но такого, что не привидится и пьяному охотнику, ибо длина зверя превышала двадцать футов. А теперь представьте, что у него не было шерсти, а лишь желтая, как пергамент, кожа, обтягивающая его невероятно худое тело, так что зверь выглядел словно ожившая мумия. И если у волка глаза сверкали желтым, то у этого зверя в глазах горел красный огонь. Изогнутые желтые клыки были в крови. Вместо волчьих лап у него были лапы льва с изогнутыми когтями, втягивающимися в подушечки. По всему помещению разносился запах разложения.

Чудовище издало звук — полурыв-полуизг собаки, напавшей на след.

Демон привстал на задние лапы и двинулся на нас, особенно не торопясь. К чему спешить — мы не могли скрыться от него, даже если бы это было и простое смертное существо.

Меня охватил страх, страх, которого я не знал уже много лет, но мне удалось вырваться из его объятий. Инстинктивно мы все рассыпались, как охотники, загоняющие в угол волка или медведя.

Джанела, выхватив свой жезл, нарисовала в воздухе небольшую окружность, затем обвела свою голову и еще один круг начертила перед собой. Она заговорила, и я был поражен спокойствием и уверенностью ее голоса, словно речь шла о ее планах на следующий день.

Зеркало лжет глаза обманывают
Нас много мы сильны
Клинки наши вдвойне прочны
Ненависть питает нас
Страх исчезает страх исчезает
Перетекая водою на нашего врага
Здесь и теперь законы
Правила нашего мира а не иного
Прибывший сюда подчинится им
Прибывший сюда поверит им
Смерть здесь
Истинная смерть
И нет ни ворот ни дверей
И не уйти отсюда
Тому кто обречен здесь.

Так и случилось, страх исчез, и пришло мужество. Я услышал, как рассерженно закричали мои спутники, когда заклинание подействовало на них.

По комнате еще разносился рык демона, но только в нем появилась высокая нота, словно он был готов уже испугаться и отступить под нашим напором.

Исполнилась и первая часть заклинания Джанелы, и теперь, глядя на горстку моих слуг, обращенных только что в воинов, я видел: словно рябь пробежала по поверхности пруда, и теперь к их числу добавился один, затем еще несколько, и вот их стало много.

Каждый из нас раздвоился, растроился, кроме Якара, отказавшегося подвергнуться заклинанию. Демон взревел громче и двинулся к нам на мягких подушечках лап. Может быть, Якар и страшился магии, но теперь и у него в груди билось сердце великого воина. Он заорал, причем издавая не боевой клич, а вопль слепой ярости, и бросился в атаку, размахивая саблей. Не солдат на самом деле и не воин, он размахивал ею, как дубиной.

Демон ударил передней лапой и рассек тело Якара почти пополам. Тот не успел упасть, как лязгнули челюсти демона, вырывая кусок плоти из тела моего бедного садовника. Ночное чудовище сглотнуло и издало торжествующий вой, от которого содрогнулись стены вокруг нас.

Я заставил себя шагнуть вперед, а Квотерволз бросился на чудовище сбоку. Демон замахнулся на Квотерволза, но тот ушел от удара и рубанул по лапе существа. Тварь взвыла, и из лапы хлынула кровь, но только не красная, земная, а какая-то зеленая, с золотым отблеском, темная.

Голова чудовища с обнаженными клыками повернулась ко мне, и клянусь, я увидел в его глазах, что он узнал меня и именно я являлся его единственной целью, ведь и загнанный медведь выбирает в жертву одного охотника.

Оно бросилось на меня, я постарался увернуться, но старые кости подвели, я поскользнулся на липком полу и тяжело рухнул навзничь. Все же я успел перекатиться на бок и выставить перед собой саблю, не для удара, а для парирования, и лапа чудовища наткнулась на острие.

Вновь разнесся жуткий вой боли, словно оно действительно могло чувствовать боль, и челюсти, сомкнувшись на клинке, вырвали его из лапы, как колючку. И вновь широко распахнулись челюсти. Квотерволз и остальные бросились мне на помощь, но все же они опаздывали.

Снова слышался голос Джанелы, хоть я и не видел, где она стоит и что делает. Голос по-прежнему звучал спокойно и уверенно, но на этот раз он разносился по всему помещению:

Эта грязь не наша
Этот ужас не здешний
Земля внемли
Земля защити
Земля появись
Дай мне песок пустыни
Дай мне ветер пустыни
Земля покажись
Помоги твоим сыновьям
Помоги твоей дочери
Мать-Земля услышь
Услышь мольбу.

Между мною и демоном возник небольшой смерч, похожий на те вихри, что встречались в пустынных землях за Гомалеей, и тут же я ощутил, как на меня налетают песчинки, жаля лицо, а ветер все усиливается и крепчает, превращая смерч в серый, а затем и в черный.

Демон-волк рыкнул и огрызнулся на вихрь, затем взвизгнул, почти как любое земное животное, на которое стремительно обрушиваются рои песчинок.

Ветер все крепчал, буквально засасывая меня, так что пришлось упереться в пол. Демон взвыл, но ветер взвыл еще громче и выл, пока уже больше ничего не стало слышно, кроме него.

Смерч, выросший от пола до потолка, начал двигаться, раскачиваясь, как танцовщица в соблазняющем танце, приблизился к демону и втянул его в свои объятия.

Монстр мучительно заревел, поднимаясь на дыбы, едва видимый за пеленой врывающихся в него миллионами крошечных лезвий песчинок, и из него хлынула во все стороны зеленая жидкость, я ощутил липкие брызги на своем лице.

Послышался последний вопль, и ветер стих, хотя я не сразу понял, что стоящий вокруг рев слышен лишь в моих ушах.

Демон приземлился на передние лапы, лишенный кожи, сорванной вихрем. Вновь он взвыл от гнева, словно не веря, что эти жалкие человечки нашли защиту от него, а затем тяжело упал набок.

Чудовище еще корчилось в агонии, когда Квотерволз подскочил с поднятой саблей, нанося удары по телу монстра, тут же рядом оказался Отави с топором, и голова чудовища отлетела от туловища.

Ко мне вернулся слух — в комнате стояла тишина. Лишь слышно было, как в углах комнаты потрескивают догорающие свечи.

Я поднялся. Смерть миновала меня, во всяком случае, в данную минуту, оставив телу наслаждение проходящей болью от падения.

Джанела оказалась рядом.

— Я... вовсе не была уверена, что *это* заклинание получится. Я лишь однажды производила его, да и то будучи в ученицах у мага.

Голос ее уже потерял спокойствие и уверенность, а лицо побледнело, как и у остальных.

Я уже собирался спросить, какому ее учителю обязан моим спасением, когда слышались громкие ругательства Квотерволза.

На полу в луже крови, на том самом месте, где валялась голова чудовища, лежала голова магистра Сенака.

Глава 4

ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Мы галопом отъехали от поместья Сенака. Позади остался охваченный ревушим пламенем дом, пожарные гонги звучали над городом. Мы намеренно устроили пожар, дабы скрыть все случившееся, хотя я чувствовал, что этим ночное дело не ограничится. Обойдя весь дом, мы обнаружили и остальных слуг Сенака в таком же виде, как и тело домоправителя. Мы не рискнули подняться наверх — Джанела сказала, что там все чуть ли не нашпиговано магией, и мы побоялись действия охранных заклинаний. Впрочем, никто не рвался обследовать до конца дом демона, пусть уже и мертвого.

Я лично поджег библиотеку и в разгорающихся языках пламени заметил, как меняется тело чудовища, но лишь с трудом начинает напоминать формы тела человека. Джанела отметила, что заклинание против этой твари обладало большим могуществом, если даже после смерти она не сразу принимала первоначальный вид.

Стараясь избегать открытых мест, мы кружным путем вернулись на виллу. Нас никто не заметил и не окликнул.

На вилле я приказал двум конюхам позаботиться о лошадях, а остальных пригласил к себе в кабинет. Уже светало, повара проснулись, и в кухне горел очаг. Но после смерти Якара и всего испытанного нами никто и думать не мог о еде.

Я приказал принести в кабинет вино и приправы, а Джанела подогрела напиток в камине. Я лично налил в кружки вино и подал каждому. Трое слуг неловко заерзали оттого, что им прислуживает хозяин, но ничего не сказали.

Я вознес молитву за Якара и сказал, что мы по всем правилам помянем его на днях. Он прибыл к нам из деревни в окрестностях Ориссы, но никто не знал, есть ли у него семья. Я заверил, что выясню этот вопрос и позабочусь, чтобы его домочадцы ни в чем не нуждались.

Когда все трое допили вино, я сказал, чтобы они отправлялись к себе и поспали, если, конечно, смогут. Я попросил их постараться никому не рассказывать о событиях ночи, и они поклялись.

Когда дверь за ними закрылась, Квотерволз сказал:

— Я помню свою первую битву и помню тот момент, когда впервые столкнулся с черной магией. И держу пари, что эти трое проведут несколько часов не смыкая глаз и тараща в пустоту.

— Они уснут, — сказала Джанела. — Я пошептала на вино, добавляя пряности.

Квотерволз слегка улыбнулся и поднялся.

— Ну тогда и я пойду поближе к постели, пока заклинание не сразило меня где-нибудь в коридоре. А то все будут думать, что я просто надрался.

Он ушел.

Джанела, прихлебывая из кружки, с любопытством поглядывала на меня.

— У меня есть вопрос, Амальрик, вернее, два. Вы могли бы попросить меня насрать на них заклинание молчания. А могли предложить и золото, чтобы держали язык за зубами. Почему же вы не выбрали ни того, ни другого?

— Мог бы, — согласился я. — Но только золото еще скорее развязало бы им языки. Я награжу их в свое время. Что же касается заклинаний на молчание или на беспамятство, то я не сторонник того, что человек, отдающий приказы, должен добиваться их выполнения, прибегая к услугам магии. Если только он не тиран.

Джанела одобритительно кивнула и перешла к другой теме.

— А ведь дело очень темное, — сказала она. Я криво усмехнулся.

— Чем больше путешествуешь, тем лучше понимаешь, насколько же все обманчиво. Один из самых уважаемых магистров Ориссы оказывается смертоносным демоном... да, можно сказать, что дело темное. Вернее, слабо освещенное по краям.

Джанела рассмеялась.

— А я хочу сказать, что поздно обнаружила присутствие Сенака, а ведь демоны, как правило, распространяют такую ауру, которую ощущают и не маги. Был ли он человеком? И каковы были его цели? Я ведь ничего не понимаю в ориссианской жизни.

— А я держу пари, что тот, кого мы звали Сенаком, и не был простым смертным. Стоит только задуматься об этом, как считается, когда-то обедневшем семействе, вынужденном жить вдаль, а затем, с обретением сокровищ, вернувшемся с триумфом в Ориссу, так и отдает дешевым романом. Я думаю, что на протяжении всех этих лет просто действовало мощное заклинание или даже серия заклинаний. А когда все это началось... Понятия не имею. Более интересный вопрос, *почему* это началось. И этот вопрос меня пугает.

Джанела сидела в ожидании продолжения. Я поведал ей о страхах, преследующих меня в течение последних нескольких недель, и как долго они продолжались, пока я не сообразил, что ощущаю в них то самое чувство, будто за мной наблюдают, и что в свое время, во времена нашего путешествия с Яношем, у меня уже были такие ощущения.

Джанела тихо выругалась.

— Вот и у меня такое же странное ощущение, — призналась она. — Но оно длится уже несколько месяцев. Я никогда не испытывала его ранее, поэтому мне не с чем сравнивать. Я-то полагала, что это ощущение испытывает любой, кто так или иначе пользуется магией.

— Так, значит, за нами обоими наблюдают.

— Вы и сейчас это чувствуете?

Я постарался отмахнуться от всех других чувств — от усталости, скорби по поводу гибели Якара, ужаса, вызванного демоном и схваткой с ним, тревоги за будущее — и попытался прислушаться к себе. Я содрогнулся. Я действительно ощущал, пусть и слабо, как издали за мной наблюдают.

Джанела прочла по моему лицу все.

— Я тоже чувствую.

— Итак, Сенак не являлся основным действующим лицом. У него есть... был хозяин.

— Возможно, — предположила Джанела, — это кто-то из Королевств Ночи. Или кто-то из других миров. Это не имеет значения, пока, во всяком случае. Но ведь мы еще и не начали нашего путешествия, а уже обрели могущественного врага.

— И у нас только один выход, — сказал я. — Мы должны выехать как можно быстрее. Рано или поздно объявится еще один Сенак или его призрак. А может быть, и сам хозяин.

Джанела странно улыбнулась.

— Вот теперь я понимаю, почему прадедушка выбрал вас товарищем по путешествиям. Вы решительный человек.

Я не ответил, лишь осушил кружку.

— Через три недели, — твердо сказал я, — мы отплывем в той стадии готовности, которая будет, и не позже.

Давненько мне не приходилось лично присматривать за подготовкой экспедиции, и потому я думал, что так и заржавею от сырости на этом корабле, тем более что речь шла об опасном путешествии, где опасности подстерегали с первого дня и где мы могли сложить свои головы где-нибудь в пустынных землях или в Королевствах Ночи. К тому же добавлялись проблемы, возникающие всегда в спешке, и к ним, как самые неизбежные, прибавлялись проблемы с моим преемником.

Подготовка, однако, прошла на удивление споро и заняла всего полторы недели. По моим подсчетам, на три корабля мне требовалось семьдесят пять человек. На двух судах уже были команды по пятнадцать человек, и потому мне требовалось набрать уже меньше людей.

Мы широковещательно не объявляли о готовящейся экспедиции. Но тем не менее слух о ней достиг ушей тех, кто хотел услышать. Мог раздаться стук в дверь, и на пороге, со шляпой в руках, объявлялся человек, которого я не видел уже лет десять. Он, запинаясь, начинал бормотать, что вот, мол, слышал, будто бы господин Антеро затевает экспедицию, и притом какую-то особенную, и может быть, господин помнит его по первым контактам с обитателями болот Буфде'ана, ведь времена-то были ужасные, ну а теперь вот хотелось бы

поехать, теперь Орисса так сильно уже не держит, ну и...

И еще один нанимался.

Так оно и пошло. У того оказывался приятель, а то и три товарища по прошлым приключениям, которых он и спешил представить. А иногда это оказывался человек из далекого прошлого, обремененный годами и изломанный ранами, полученными на моей службе, и теперь просивший за сына или племянника.

Других я находил сам, и необязательно из служивших мне, а иногда даже из числа моих конкурентов, мелких торговцев, отличившихся в собственных плаваниях к далеким берегам.

Некоторые являлись ко мне из числа домочадцев. Пришел Отави и сказал, что, если я не возражаю, он и остальные, те, кто был со мной в доме Сенака, поедут в экспедицию.

— Поскольку мы оказались в этом деле с самого начала, — сказал он, — то хотелось бы видеть и как оно закончится. Кроме того, мне надоело слушать, как отец только и говорит о том, что сейчас уже нет таких людей, которые были во времена моего деда Яна.

Все это меня бесконечно радовало, особенно приятно было узнать, что Мах из учеников уже вот-вот готов стать настоящим поваром. Я уже достаточно наслушался историй о том, что множество экспедиций терпели крах из-за расстройств желудка, а не из-за копий врага или неподчинения приказам начальников. Как справедливо замечал Квотерволз:

— Любой дурак без малейших усилий может стать несчастным, если захочет.

Я обрисовал Келе в подробностях предстоящую экспедицию и спросил, не желает ли она стать адмиралом этого крошечного флота. Келе усмехнулась и сказала, что если бы я ее не попросил, то она бы испереживалась, считая себя причиной моей гибели. И она набрала дополнительное число опытных моряков для «Ибиса» и двух других судов.

Квотерволз лично отобрал двенадцать человек, бывших солдат пограничной охраны. Видимо, не он один в свое время дезертировал из полка и не вернулся в часть. Выяснилось, что их полным-полно в Ориссе, и они занимаются тем, чтобы в Ориссе, как выразился Квотерволз, «все делалось по правилам».

Все они были опытными уличными бойцами, одни помоложе, другие постарше, и я с радостью принял их. Из их числа я мог бы назначить и офицеров.

Что же касается досужих разговоров, то принято считать, будто люди, отправляющиеся в экспедиции, да еще такие опасные, как эта, принадлежат к какой-то особой породе. Может быть, и принадлежат, но только не к той, о которой поется в эпических поэмах. Любители таких сказок представляют себе красивого, светловолосого юношу с решительным выражением лица и стальными мускулами, немногословного, целеустремленного, искусно владеющего арканом и несколькими иностранными языками и умеющего убивать без оружия, лишь тем, что боги даровали. И этот человек не хочет от жизни ничего, лишь бы оказаться в логове льва с улыбкой на устах и с песней в сердце.

Такого рыцаря без страха и упрека я и сам искал не один год, а если бы нашел, то потребовал бы от Ориссы восстановить систему рабовладения, чтобы этот малый вечно служил у меня.

Позвольте же мне сравнить этого эпического героя с одним из *настоящих* моих храбрецов, Пипом. Когда Пип выпрямляется во весь рост, а случается это редко, он на целый дюйм не достигает пяти футов. Когда он взвешивается, стрелка не заходит за отметку в сотню фунтов — он настолько худ, что Квотерволз на полном серьезе утверждает, будто Пипу надо три раза наклониться, прежде чем появится тень. Пип родился в Чипе, и до тех пор, пока я не нанял его двадцать лет назад, он никуда не выезжал из города и полагал, что здесь и окончат дни свои. Пип — мой лучший разведчик. Изворотливость ума, верно служившая ему в переулках Ориссы, не подводила его у Лаозии и в пустынных землях к западу от Рифта. Пип не мог закончить ни одного предложения не выругавшись, а по завершении какого-нибудь путешествия все дни проводил в сетованиях на то, что, похоже, его обманули при распределении доходов от экспедиции. Отправиться куда-нибудь без него означало для меня то же самое, что отправиться без моей сабли или без Квотерволза.

И потому, наследник мой Гермас, позволь вкратце перечислить мне те качества,

которые необходимы, на мой взгляд, любому пускающемуся в путешествия, на тот случай, если и ты отправишься на поиски моих останков.

Во-первых, идеальный для такого случая человек должен обладать чувством юмора, при этом направленным и на себя самого. Если такой человек не в состоянии посмеяться над своим положением, лежа в какой-нибудь грязной дыре после целого дня пути с грузом, достойным слона, да еще после того, как выясняется, что нет воды помыться, я никогда не возьму его с собой в поход. Разумеется, рассматриваемый кандидат не должен быть и тупицей, хотя что такое тупость? Если человек болтает на десяти языках, но при этом не выучился читать и писать, можно ли его назвать тупицей? Не думаю.

Во-вторых, я требую, чтобы человек содержал себя и свое снаряжение в чистоте, или, во всяком случае, в той чистоте, которую позволяют иметь дорога и погода. Даже после тяжелого рабочего дня такой человек всегда должен быть готов к новому заданию или в случае необходимости браться за дело даже без приказания. Требуется и крепкое здоровье, хотя мне приходилось шагать плечом к плечу с такими людьми, которые, я мог бы поклясться, находились при последнем издыхании, но тем не менее тащились лига за лигой, лига за лигой.

Что же касается мастерства и талантов — каждый из таких должен обладать достаточными знаниями, чтобы быть компетентным в своем деле. Разумеется, в компании не окажется лишним человек, умеющий бросать нож в середину монетки с дюжины шагов десять раз подряд, но я с радостью поприветствую и того, кто, сообразив, что вот-вот вспыхнет потасовка, найдет слова, чтобы утихомирить гнев, или, по крайней мере, найдет возможность избежать потерь в этой схватке, пусть и путем бегства. Всяким мастерством можно овладеть, будь то разговор на иностранных языках, способы убийства или даже умение вести переговоры, — хотя именно в последнем случае требуется талант особенный, ну а мы, Антеро, в этой области одарены щедро.

Есть и еще одно или два качества, о которых я не могу умолчать. Идеально подходящий для такого случая парень должен считать оседлую жизнь невыносимо скучной, настолько скучной, что он предпочтет совершить глупую ошибку и присоединиться к какой-нибудь экспедиции, где можно скорее мучительно погибнуть, нежели разбогатеть и обрести славу. Такой человек ни в коем случае не должен быть привязан к дому. Человек, привязанный к Ориссе, в ту же минуту, как река унесет его на более-менее значительное расстояние от храма Воскрешения, сразу же начнет проситься на берег. Ностальгия ослепляет не хуже усталости или глупости.

И я был необычайно горд в тот день, когда отыскал семьдесят пять таких героев, или, если угодно, дураков, и при этом еще не знал, как вежливо отклонить услуги еще ста пятидесяти, которые явились сами или с рекомендациями от Квотерволза или Келе.

А на следующий день воскреситель Палмерас вызвал меня к себе.

Собственно, я ожидал вопросов на тему о том самом таинственном огне, покончившем с Сенаком и всеми его домочадцами. Эта тема являлась излюбленной в болтовне на рынке. К тому же я не настолько еще выжил из ума, чтобы полагать, будто нескольких минут работы огня будет достаточно, чтобы скрыть произошедшее от воскресителей Ориссы, натасканных, как гончие, идти по следу, оставленному магией.

Даже если бы случившееся и осталось невыясненным, я не мог бы покинуть так просто Ориссу, мой дом и мою семью, не предупредив при этом хоть кого-нибудь о темной опасности, которая вновь могла бы начать кружить над городом. Просто я еще не был до конца уверен, кому рассказать обо всем. Ведь даже если ты и Антеро, все равно не так просто во время приема где-нибудь в храме Воскрешения или в Цитадели Магистрата вдруг взять и объявить, что вот, мол, да, я взял да и разделался с одним из ведущих магистров Ориссы, и только потому, что мне показалось, будто он намеревается убить меня; но не переживайте, поскольку, дескать, и не человек он вовсе, а обычный демон, и вам стоит быть поосторожнее, ибо вокруг могут обретаться или вот-вот откуда-нибудь появятся еще демоны.

И, когда пришел этот вызов, я испытал облегчение оттого, что он не из Магистрата, а от воскресителя, поскольку магия — это все-таки по его ведомству, и к тому же кому, как не Палмерасу, быть судьей в таких делах.

Признаюсь, я немного нервничал, прибывая в храм. Но меня вежливо и без охраны, что казалось добрым знаком, встретил один из помощников Палмераса, старший маг с красной лентой поверх мантии. Тут же препроводили в приемную, а не в ту громадную темную пещеру, где обычно воскресители проводят свои слушания на самые опасные и таинственные темы, что тоже меня порадовало. Но мне не предложили выпить что-нибудь освежающее, что было уже не так здорово. К тому же Палмерас появился в официальном своем наряде, что тоже не способствовало сердечности встречи.

Палмерас предложил мне сесть, а сам занял место за прямоугольным столом. Он долго не начинал разговор, рассчитывая, что грандиозность его кабинета внушит мне благоговение. Но терпение — вторая натура торговца. И наконец он заговорил.

— Я полагаю, господин Антеро, — и меня не обрадовал его официальный тон, — вы уже знаете о странной смерти магистра Сенака.

— Да.

— В связи с этим... меня и других членов Совета... заинтересовали некоторые аспекты данного дела.

— Неудивительно.

Нечто похожее на улыбку искривило губы Палмераса.

— Амальрик, я не хотел бы играть с тобой в прятки. Не будешь ли ты столь любезен и не расскажешь ли, что же произошло на самом деле? Клянусь, что разговор этот происходит неофициально, хотя и должен предупредить, что дело весьма серьезное и, если объяснения окажутся неудовлетворительными, результатом может быть обвинение тебя в преступлении.

Если бы разговор происходил в Магистрате, я бы заткнулся и согласился бы отвечать только в присутствии соответствующего состава суда. Но сейчас было другое дело. Я считал Палмераса другом, точнее, насколько Антеро вообще мог бы считать воскресителя другом.

И я сказал, что ему будет известно все. Но я потребовал, чтобы он поклялся в сохранении тайны: если только он не сочтет, что обстоятельства, окутывающие гибель Сенака, потребуют уголовного расследования, то все рассказанное не должно дойти до ушей его приятелей из Совета. *Пока время и условия не сделают таковое необходимым.*

Палмерас вновь скривил губы, но на этот раз точно в улыбке.

— Только Антеро, — вздохнул он, — могут себе позволить ставить условия главному воскресителю и в деле, за которым вообще может последовать Каменный Поцелуй. И я только потому соглашаюсь на эти условия, что, может быть, знаю об этом деле больше, нежели ты полагаешь. Вскоре после того, как пожар был потушен, я был вызван в поместье Сенака одним из офицеров стражи, который уже давно увлекается делами магии. Он попросил обследовать место на этот предмет. Я подозреваю, что у этого человека больше чем просто талант, хотя он и отрицал это. Я был несколько раздосадован тем, что он вызвал именно меня, а не воскресителя меньшего ранга. Но я выполнил его просьбу и открыл кое-что необычное. А теперь поведай мне твою историю.

Что я и сделал, начиная с появления Джанелы и кончая отъездом от дома Сенака. Мне пришлось отвлекаться в тех местах, где я рассказывал о том, кто такая Джанела, и там, где речь шла о ее убежденности в том, что настоящие Далекие Королевства так и не открыты. Палмерас сначала послал за вином, а затем сходил в свои апартаменты за магическими материалами, с помощью которых образовал вокруг нас купол молчания, чтобы даже его приятели-воскресители не могли подслушать нашу беседу. Наконец я закончил повествование.

— Я упомянул о *необычном*, — задумчиво сказал он. — Но случившееся гораздо темнее и глубже, чем я полагал. И сразу же позволь заверить, что я абсолютно доверяю тебе. Среди всего прочего, обнаруженного мною в момент извлечения следов магического из руин дома Сенака, я отыскал и признаки того, что обитавшая там магия имела совершенно

непонятное происхождение, явно не из нашего мира. С подобным мне не приходилось сталкиваться, и я о таком не читал. Поначалу я решил, что эти следы принадлежат той женщине, которую вся Орисса считает героиней твоего безумного романа, однако же этим следам уже более шести лет.

— Но ведь как раз тогда, — вспомнил я, — Сенак, или как там его, и прибыл из отдаленных районов и реставрировал свой дом.

— Именно так. Это вызвало у меня *крайнее* любопытство, и я произвел еще несколько заклинаний. Я хотел подробно исследовать останки тел, которые указывали, что с ними расправились как раз в то время, когда с вами на причале разговаривал сержант стражи. К тому же некоторые обнаруженные предметы говорили о страстной увлеченности Сенака колдовством. Но тут у нас не суд, Амальрик, хотя я по-прежнему горю желанием узнать побольше, но уже и в других областях. И что же дальше? Ты и юная госпожа Серый Плащ *должны* продолжить поиски. Должен признаться, что я был несколько ошеломлен появлением в нашем городе потомка великого Яноша Серого Плаща, и жаль, что обстоятельства складываются так, что мы не можем соответствующим образом отметить столь знаменательное событие. И я без всяких вопросов допускаю, что *действительно* существуют эти Королевства Ночи, до которых можно добраться. Но при чем здесь Орисса? И что означает присутствие этого демона? Я помню, ты в своих записках упоминал о наблюдателях, таинственных часовых, предупреждавших покойного короля Домаса, да вечно воссияет его память. Не был ли господин Сенак наблюдателем своего рода? Служащим другому миру?

Я откровенно сказал, что не знаю и что те несколько заклинаний, торопливо сотворенных Джанелой, ничего не показали.

— Зато я знаю, — сказал он. — Знаю, что Орисса в опасности и нам надо быть настороже. Как в военное время, хоть я и сомневаюсь, чтобы к нашим воротам маршем подходили вражеские армии, во всяком случае, не сейчас. Палмерас надолго задумался.

— Да, — наконец сказал он. — Мы — или, по крайней мере, те воскресители, которых я выберу, чтобы доверить этот секрет, с твоего разрешения, — должны стать часовыми. Часовыми и воинами. Мне уже доводилось слышать, что находиться рядом с Антеро — это наверняка угодить в какую-нибудь презанятную историю, при этом та персона, которая мне это поведала, торопливо добавила, что теперь больше жизни ценит обычную скучную жизнь. Итак, что вам нужно от нас, Амальрик? Чем может помочь Орисса?

— Сохранение тайны по возможности на больший срок. — Я и сам не понимал, почему это так уж жизненно важно, но внутренне не сомневался. — А кроме этого, у нас почти все есть. Ну, может быть, я попросил бы об одном одолжении. Если вдруг Джанеле понадобятся какие-нибудь магические материалы, не могли бы вы их мне предоставить? В качестве курьера я бы использовал Квотерволза, которому доверяю как себе, поскольку появление Джанелы в храме вызвало бы лишние пересуды.

— Договорились.

Палмерас снял заклинание молчания и проводил меня до двери.

— Хотел бы, — сказал он с некой тоской, — выкроить время и место потолковать с правнучкой Серого Плаща. Если, как ты утверждаешь, у нее огромный талант, то мне еще многое хотелось бы узнать, несмотря на мнение людей о моих и так громадных познаниях. Да. Жизнь, как я полагаю, иногда нечто большее, чем просто череда упущенных возможностей.

И вот еще что, господин Антеро, — продолжил он, вновь переходя к официальному обращению. — Прежде чем вы пуститесь в путь, вы *должны* сделать одно дело.

Его взгляд мага пронзил меня насквозь. Больше он ничего не сказал. В этом и не было необходимости. Я знал, что он имел в виду.

Но с этим делом все обстояло не так уж хорошо. Мне ведь предстояло провести негласное расследование того инцидента в Джейпуре. Обязан я был собрать доказательства и других грехов Клигуса, в наличии которых я не сомневался. Затем я должен был вызвать

сына пред мои суровые очи — при этом опираясь на задокументированные доказательства его преступлений — и осудить его. Сообщить ему, что как сын, пусть даже не как просто человек, он глубоко разочаровал меня. Далее, следовало изгнать его из Ориссы — отправить в обеспеченную ссылку в какое-нибудь отдаленное место, пригрозив, что если он нарушит условия ссылки, то не только будет лишен какого-либо финансового содержания, но и столкнется с обнародованием всего списка его преступлений.

Я долго обдумывал намеченное, но все же решимости до конца у меня не хватило. После того как я объявил Гермиясу, что назначаю его наследником, в качестве отступного для Клигуса я обговорил отчисление приличного процента от доходов империи Антеро в его пользу до конца жизни.

Клигус этим не удовлетворился.

— Как же ты мог так поступить со мной, отец? — вскричал он после того, как в приватной беседе в моем кабинете я изложил ему мое решение. — Ты же уничтожаешь меня!

— Наоборот, — сказал я. — Я сделаю тебя очень богатым человеком.

— Но ведь я же твой сын, — сказал он. — Все решат, что ты отказался от меня.

— Если ты внимательно прочтешь мое завещание, — сказал я, — ты увидишь, что в нем я восхваляю твои военные заслуги и заявляю, что именно в качестве генерала ты принес много пользы Ориссе.

— Никто этому не поверит, — сказал он. — И я стану посмешищем города и в глазах друзей.

Он грохнул кулаком по столу.

— Это проделки Гермияса, да?! — заорал он. — Он оговорил меня. Залил тебе уши грязью.

— Гермияс не сказал ни слова против тебя, — сказал я.

— Я не смирюсь с этим, отец, — сказал он. — Я не успокоюсь, пока все не переверну. Клянусь.

Я вздохнул. Настала пора показать ему розги.

— В таком случае, — сказал я, — ты действительно будешь уничтожен. Я внес дополнительный пункт в завещание, в котором указываю, что, если мое решение будет опротестовано, ты вообще ничего не получишь.

— Всю мою жизнь, — сказал Клигус, — я жил в твоей тени. Не важно, что я делал, я был известен лишь как сын Амальрика Антеро. Я не принадлежал себе. Я был лишен возможности заявить о себе лично. И вот теперь, когда ты уезжаешь, я все равно не получаю возможности пойти собственной дорогой. Только теперь ситуация стала еще хуже. Теперь-то уж люди скажут, что я вообще никогда ни на что не был годен. Меня начнут презирать. Насмехаться надо мной.

Слезы наполнили его глаза.

— Почему же ты так обходишься со мной, отец? Чем я заслужил это?

— Ты в самом деле хочешь, чтобы я ответил на этот вопрос? — спросил я, не проникаясь его мучениями. — Хочешь, чтобы я подробно сообщил тебе о твоих проступках? Начать с человека по имени Пелват?

Клигус побледнел. Затем его глаза сузились, и в них загорелось пламя ненависти.

— Итак, — сказал он, — ты все-таки обсуждал это с Гермиясом!

— У меня есть свои надежные источники, — сказал я. — Ты что же, думал, что я действительно никогда не узнаю об этом?

Сын же вдруг совершенно успокоился. Он встал. И устремил на меня долгий и тяжелый взгляд. И я понял, что вижу глаза врага. Я понял, что он что-то решил для себя.

Затем он сказал:

— Очень хорошо, отец. Пусть будет по-твоему. — Он повернулся на каблуках и удалился.

Когда дверь с грохотом закрылась за ним, я вновь подивился, как такой человек мог оказаться моим сыном.

На следующий день я обнародовал мое решение. Проницательные дельцы тут же осадили наши торговые конторы, стремясь вложить деньги в наши предприятия.

Бедный Клигус. Город голосовал за мое решение своими деньгами, к его полному неудовольствию.

Прошло всего несколько дней, и мы подняли паруса. К тому времени любителям сплетен уже прискучила тема предпочтения Гермияса Клигусу. Наше отплытие не сопровождалось ни празднествами, ни парадами, ни музыкой оркестров. Лишь несколько друзей собрались на причале попрощаться с нашим маленьким флотом и посмотреть на скромное благословляющее действо, предпринятое Джанелой для ублажения богов с просьбой помогать нам. То есть отплывали мы почти в обстановке секретности. Я же всем рассказывал, что решил предпринять поездку по осмотру всей принадлежащей Антеро собственности, поездку, которая могла занять по крайней мере года два.

Во всем городе только Палмерас знал об истинной цели нашего путешествия, а его я попросил избавить нас от присутствия высоких особ, дабы не вызвать лишних подозрений. Прежде чем взойти на борт, я отвел Гермияса в сторону и вручил ему письмо, в котором содержалось описание реальной сути нашей миссии. И сказал ему, чтобы он не вскрывал конверт, пока мы не уедем.

Мы обнялись, и Гермияс поклялся, что посвятит свою жизнь прославлению нашей фамилии. И я верю, ты так и поступил, мой дорогой племянник.

Утром, в день нашего отплытия, шел дождь, и Орисса сверкала во всей красе под тронутыми солнцем небесами. Свежий ветер, доносивший запах дома, быстро понес нас по реке.

Джанела и я стояли у леера, наблюдая, как уменьшается в размерах город, а стрелка моего эмоционального барометра то поднималась, то падала с каждым ударом сердца. Перед тем как нам уйти за изгиб реки, над городом вдруг вспыхнула радуга, окрашивая небо в яркие цвета надежды.

И, когда город скрылся из виду, до меня вдруг дошло, что ведь я могу больше и не увидеть никогда свой дом.

Глава 5 ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИРАЙЮ

Не единожды довелось мне входить в устье той огромной реки, что, извиваясь змеей, ползет от Восточного моря через королевство Вакаан к его столице, но каждый раз меня охватывал трепет. И не только из-за воспоминаний о тех днях, когда Янош Серый Плащ и я впервые увидели тот край, что мы называли Далекими Королевствами, но и из-за ощущений времени настоящего.

Мне всегда казалось, что в такой день стоит ясная погода, море спокойно, дующий с суши бриз исполнен ароматов. Так оказалось и на этот раз, хотя со дня моего последнего посещения Вакаана прошло почти десять лет.

Наш переход от Ориссы прошел гладко, погода скорее соответствовала благоухающему лету, нежели ранней весне, а наступающие нас шторма не затягивались более чем на день, давая возможность нашим морякам показать то умение, на которое рассчитывали Келе и капитаны двух других суденышек. Эти два капитана, Берар и Тоура, были выходцами из Редонды и уже на протяжении длительного времени находились на службе у дома Антеро. Всех нас радовало отсутствие на судах стычек и ссор из-за мелочей, что часто случается, когда вместе собирается большая компания людей решительных и крепких, намеревающихся совершить опасное и тяжелое путешествие. Так что произведенный отбор уже дал хорошие результаты.

Хотя мы плыли по морям, где обстановку никак нельзя было назвать спокойной, мы не боялись пиратов, да они на нас и не нападали. Четыре раза из-за горизонта показывались паруса и устремлялись к нам, но, разглядев геральдические знаки на наших парусах, уходили

прочь на всех парусах. Это было наше секретное оружие — много лет назад Домас, король Вакаана, даровал семейству Антеро привилегию поднимать королевский флаг при плавании к берегам королевства или в его водах, и потому на наших главных мачтах красовалась эмблема свернутой в кольцо змеи на фоне солнечных лучей.

Когда Гейят унаследовал трон после смерти своего отца Домаса, понадобилось немало хитроумных действий моего доверенного лица Хебруса, очень надежного человека, чтобы данная привилегия была вновь дарована мне. Хебрус — вот еще один из героев, о котором вряд ли в храмах будет напоминать вышитое золотом полотно. Он единственный остался в живых из состава той нашей последней экспедиции. Он был моложе меня на год или два, а казалось, что на все десять. До того, как добровольно вместе со мной отправиться в путешествие в неизвестность, он был учителем музыки, что ему до смерти надоело, а больше всего он любил взбираться на стены храмов и дворцов, продвигаясь от трещины к трещине без веревок и прочей страховки. Внешне он выглядел так, что к нему подходило однажды услышанное мною определение: «Он даже после того, как подует на одуванчик, грохнется в обморок от таких усилий». Но однажды я лично видел, как он тащил на себе поклажу двоих, в придачу к своей собственной, и это после того, как два этих крепыша просто побросали все, измотавшись от долгого и спешного перехода.

Хебрус решил не возвращаться в Ориссу, а остаться в Ирайе, поскольку жизнь там оказалась ему более по вкусу, и спустя несколько лет я сделал его своим доверенным лицом в королевстве. Он так и не вернулся в родной город, процветая в Ирайе, по мере старения окружая себя все более юными и все более красивыми молодыми людьми. Именно на него я рассчитывал в получении разрешения на продвижение нашей экспедиции дальше на восток и на описание правдивой картины, сложившейся в Ирайе за те годы, что я не был здесь. Разумеется, он регулярно отправлял мне донесения, однако же все они проходили придворную цензуру, оставшуюся напоминанием о тех днях, когда великое королевство скрывалось от всех подобно черепахе, прячущейся в панцирь.

Как я уже упомянул, поначалу плавание вверх по реке проходило как обычно. Хотя мне и показалось, что изумрудная наблюдательная башня в устье реки немного дольше мигала своими огнями, чем мне помнилось. Да и боевые птицы, вооруженные шпорами и смертоносными клювами, замаскированными в ярком оперении, сопровождали нас чуть дольше, чем полагалось. Но в те минуты я не обратил на это внимания.

Зато я отметил увеличение числа патрульных судов на реке. Вакаан всегда тщательно заботился об охране своих границ, однако же раньше сталь скрывалась в бархате перчатки. Но не теперь. В течение первого часа нашего плавания вверх по реке я насчитал с десятков сторожевых судов. Да к тому же они и не собирались маскироваться под рыбацьи или прогулочные суда. Это были небольшие суденышки с ветряными пропеллерами, способные ходить по мелководью, каждое не более тридцати футов в длину. На открытых палубах над центральным отсеком, расположенным между носом и кормой, поднимался купол. Сделанный из кованого металла, он служил прикрытием отнюдь не от брызг, а от стрел и копий.

Я спросил мнение Квотерволза.

— Похоже на плоскодонки, которые удобно использовать для высадки морского десанта и быстрой оккупации страны. С такими судами можно также охранять реки.

Десантные войска? В Вакаане?

Странными были и люди, составляющие экипажи этих судов. Управлялись корабли какими-то нечесаными оборванцами, скорее походившими на рабов или даже уголовников. Похоже, на каждом судне находились только два или три таких моряка, зато на каждом борту располагалось по десятку солдат, одетых в обмундирование, которого я раньше не видел: черные бриджи в обтяжку и туники, кроваво-красные панцири и такого же цвета шлемы.

Я поинтересовался у Джанелы, но и она ничего не знала — когда она покидала Вакаан, таких войск она здесь не видела.

Одно из этих патрульных судов с вымпелом на флагштоке, указывающим, что скорее всего это флагманский корабль, приблизилось к «Ибису» и потребовало остановиться. Офицер решительным тоном заявил, что пришлет к нам на борт своего человека для проверки. Келе посмотрела на меня, я пожал плечами — все это было в новинку, но проблемы делать не стоило.

Человек, одетый в черно-красное обмундирование, с небольшим ранцем на спине, ловко прыгнул с носа патрульного судна, ухватился за наш леер, не обращая внимания на протянутые ему на помощь руки, перелез на палубу и подошел к нам.

У этого человека, с суровым выражением лица, вдоль шеи тянулся зарубцевавшийся шрам. Сабельный пояс, ножны кинжала и сабли были потертыми. Он поприветствовал нас, обращаясь по именам, что было неудивительно, ибо маги Вакаана за те несколько дней, что мы провели в плавании по морю, спокойно нас опознали. Когда он обращался к Джанеле, лицо его, казалось, приняло особенно хмурое выражение, впрочем, мгновенно исчезнувшее. Он сообщил, что его зовут Рапили и что он будет сопровождать нас до Ирайи.

— Сопровождать? — подивилась Келе. — Но нам никогда раньше лоцман не требовался.

— Я не лоцман, — сказал Рапили. — Сопровождать — это и значит сопровождать. — Тон его голоса был сухим и официальным.

— С тех пор как мы последний раз здесь были, тут произошли изменения, — сказал я осторожно. — Похоже, у вас тут новые правила и привычки.

— Правила меняются со временем, — сказал он. — А времена нынче более опасные, нежели раньше.

Я подождал, не будет ли развития темы, но более объяснений не последовало, а мне почему-то не захотелось спрашивать. Мы предложили ему еду и напитки, но он отказался, пояснив, что, по заведенному порядку, стражники снабжены собственными припасами. Тем не менее он пожелал получить каюту, поскольку собирался оставаться с нами до прибытия в пункт назначения.

Я сказал Квотерволзу, чтобы он отыскал ему местечко, и, когда солдат спустился вниз, я отвел Джанелу в сторону и сказал:

— У него еда и питье с собой? Он что же, думает, что мы собираемся отравить его? Джанела покачала головой.

— Не знаю. А стоило бы за такой прием. Уж если они *с нами* так обращаются, то на месте вновь прибывшего сюда торговца я бы ни за что не стала торговать с этими людьми.

— *Эти* люди? — сказал я, улыбнувшись. — Ведь это же твои земляки, разве нет? — Она не ответила. Я пожал плечами. — Когда мы впервые оказались в Далеких... — я оборвал себя на полуслове, по привычке чуть не назвав Вакаан Далекими Королевствами, — в Вакаане, нас тоже не встретили как давно пропавших родственников. И не сразу удалось изменить их отношение к нам. И к тому же, как сказал солдат, правила меняются.

Джанела хотела что-то сказать в ответ, но замолчала, куда-то устремив взгляд. Я повернулся и тоже застыл, пораженный. «Ибис» выходил из-за высокого берега, делая поворот. В отдалении вставала та самая грандиозная голубая гора, до которой был не один день пути. У подножия располагался величайший город, хорошо известный мне, место самых удивительных чудес, столица Вакаана — Ирайя.

Гора сияла густым голубым светом, таким же, как и река, по которой мы плыли. Вот только небо было другим. Темным, собирающим грозу над Ирайей.

Вид этой горы всегда вызывал у меня два трепетных чувства. Первое — радость. Второе, более сильное, — страх. В пещере, находящейся в плато у подножия горы, я чуть не погиб от руки принца Равелина, а среди руин старого города я сокрушил его. А на площадке, выступающей на восточном склоне горы у самой вершины, я сжег тело Яноша Серого Плаща после того, как убил его и отправил его скорбящую душу к небесам.

Нам предстояла там и еще одна церемония.

Я оторвал взор от открывающегося зрелища и посмотрел на реку. Три наших судна

скользили вверх по реке подобно лебедям в мерцающем пруду. А позади, не отставая, следовали два патрульных судна с красно-черными воинами.

Перед сумерками мы миновали Мариндюк, огромный портовый город, центр сосредоточения торговли семидесяти княжеств, составляющих Вакаан. Я всегда поражался опрятности и людности этого места. Но только не теперь. И не то чтобы он превратился в развалины, просто теперь он ничем не отличался от Редонды, Джейпура или Луанджи, обычного большого порта, где торговец может купить или продать товар, а моряк — отыскать для себя приключения на любой вкус. И уже не внушал он ощущения процветания, а когда мы проходили близко, я разглядел длинную череду ветхих суденышек, полузатонувших на месте своей последней стоянки, кишаших живущими на борту нищими. Конечно, и в Вакаане были свои бедняки, но я еще не видел, чтобы они доходили до столь жалкого существования.

Да, времена здесь *действительно* изменились, и не в лучшую сторону.

Рапили сидел с нами за обедом, хотя и ел собственные запасы и со своей тарелки. Я попытался расспрашивать его о произошедших изменениях и о том, каково живется при короле Гейяте. Он отделивался короткими уклончивыми ответами, быстро поел, извинился и покинул нас, оставив в неведении.

Я попросил Келе и Джанелу составить мне компанию на гакаборте, где бы нас не слышали ни вахтенный офицер, ни рулевой.

— Я полагал, — начал я, — что остановка здесь, в Вакаане, явится лишь короткой формальностью, связанной с получением одобрения у короля Гейята нашего путешествия. Но что-то тут не так, и я не могу понять, в чем дело.

— У меня такое же ощущение, — сказала Джанела. — Я попыталась сотворить несколько поясняющих заклинаний, но оказалось, это все равно, что стараться разглядеть, что происходит в тумане на берегу. Не понимаю, что делается в Ирайе. И у меня предчувствие, что надо быть готовыми ко всему.

Келе понимающе хмыкнула и в ту же ночь выставила двух дополнительных вахтенных, на носу и на корме, с оружием наготове, хотя и замаскированным. Если Рапили и заметил это, он ничего не сказал.

Джанела обратила внимание и еще на одно неприятное явление. Величайшим чудом Ирайи всегда была река, вернее, то искусство, с которым маги Вакаана управлялись с ней. По всему водному пути вверх до столицы отсутствовали шлюзы и прочие подобного рода сооружения. Только по дрожанию воды кое-где можно было заметить, как действует заклинание, чтобы в данном месте поднять воду на новый уровень. Заклинания по-прежнему действовали, но только теперь на поверхности сохранялась устойчивая и сильная болтанка, так что нам приходилось держать людей на веслах, чтобы корректировать курс.

Осмотрел я и отметки, указывающие, где река затопляла берега. Я помнил, как хорошо регулировался процесс подъема и спуска воды в соответствии с нуждами фермеров, проживающих по берегам. Но об этом мы сочли вообще неразумным спрашивать у Рапили, ведь это могло оказаться высшей государственной тайной, к которой не имеет права проявлять интересы гость, каким бы почетным он тут ни был.

На второй день плавания по реке мы испытали первое потрясение: мы миновали сожженные руины маленького городка. Я решился спросить у Рапили, что произошло. Абсолютно равнодушным тоном тот пояснил, что город восстал против короля Гейята и необходимо было дать ему урок. Я был потрясен и стал расспрашивать подробнее.

Рапили сказал:

— Да, еще один урок этот проклятым крестьянам-бунтарям. Рано или поздно они еще познают и огонь разгневанных богов, а не только нашего доброго короля. Если только... — Он замолчал.

Еще одно восстание? Что же тут происходит? Пусть Хебрус в своих депешах всегда был осторожен, но *должен* же он был хоть намекнуть, что Вакаан сейчас испытывает не менее трудные времена, чем Орисса. Но... Рапили внимательно посмотрел на меня, так что я

просто поблагодарил его и, извинившись, ушел вниз.

Теперь я ясно видел, что попадавшие нам по пути люди — рыбаки, рабочие и торговцы — уже не выглядели такими довольными, как прежде. Некоторые из них, разглядев королевскую эмблему на наших мачтах, отворачивались или просто тупо вглядывались с совершенно ничего не выражающими лицами, словно мимо проплывал не гость, а давно надоевший сосед.

И все реже доносились такие ранее знакомые звуки веселья. Раньше над водой то и дело разносился детский смех. Теперь мы его слышали не часто, а у встречавшихся нам детей выражения лиц казались апатичными, как у людей, имеющих мало радостей в жизни и у которых несчастье является постоянным спутником.

День за днем, следуя изгибам реки, плыли мы по королевству, мимо различных городов. В сменяющих друг друга картинах проступала явная контрастность, которой раньше не было: некоторые земли процветали, тучно зеленея, города жили бурной жизнью; в других местах бросалось в глаза запустение, там жители испытывали трудные времена.

Я не знал, что и думать, и, откровенно говоря, уже начинал побаиваться встречи с Ирайей. Если и этот волшебный город изменился, пострадал под бременем меняющегося времени... мне даже думать об этом не хотелось.

Мы прибыли туда на рассвете, когда окружающее город озеро с тысячью зеленых островов запылало под лучами просыпающегося солнца. Город по-прежнему производил магическое впечатление, и первые лучи солнца, попадая на маленькие призматические зеркала в хрустальных башнях, ослепляли меня, отражались они и от золотых куполов. Пели птицы, а многочисленные фонтаны, поднимая свои плюмажи вверх, казалось, издавали различные мелодии.

Нет, Ирайя не изменилась. И более того, стала еще прекраснее, чем образ, десять лет хранившийся в моей памяти.

Я посмотрел на Квотерволза. На его суровом обветренном лице горца отразилось ребяческое благоговение. Но тут он перехватил мой взгляд и взял себя в руки. Он-то видел все это впервые.

— Здорово?

Квотерволз надолго задумался, прежде чем ответить не торопясь:

— Не так часто приходится видеть то, что, похоже, создали чуть ли не сами боги, не так ли?

Стоящий рядом с ним Рапили, услышав эти слова, незаметно улыбнулся, и я почти прочитал его мысли: это хорошо, что чужестранцы испытывают такие чувства при виде этого зрелища. Разумеется, ни в этом мире, ни в другом ничто не могло сравниться с блеском Ирайи.

Выражение лица Джанелы оставалось непроницаемым. Я подошел к ней поближе и ласково спросил: — А о чем думает моя молодая госпожа?

Она тихо ответила:

— О том же самом, и не важно, что приходится скрывать эти чувства, ведь здесь со мною так обращались... Но это мой дом... И рано или поздно понимаешь, что ошибалась...

Я понимал ее — не важно, сколько зла совершила против меня Орисса, но тем не менее каждый раз, подплывая к ней, я ощущал восторженное состояние.

Но теперь наши мысли занимали не Ирайя и не Орисса. Мы ждали, что же будет дальше. Я спросил Рапили, где нам швартоваться.

— Если бы вы были кем-то другим и если бы не было высочайшего приказа, вы бы отправились, как и все, в торговый порт. Но вы — личный гость короля. Пусть ваш капитан следует за тем судном. — Он махнул рукой в сторону гондолы с черно-белым полосатым флагом. — Вот ваш лоцман. А я вас покидаю.

Гондола прижалась к нашему борту, Рапили бросил на ее палубу ранец и сам перешел туда, не сказав на прощание ни слова.

Судно повело наши три корабля по лабиринту, который составляла система каналов

Ирайи. Город раскинулся на многие мили, беднейшие кварталы — на берегах материка, а дворцы — на отдельных островах или искусственных насыпях посреди озер. Ирайя располагалась в искусном беспорядке, как сад, разбитый талантливym садовником, сквозь который ведет петляющая тропинка, и я частенько задумывался, не созданы ли эти острова магией старейшин. Но никто не мог ответить на мой вопрос.

Теперь же я размышлял над правильностью теории Джанелы об отступлении старейшин в сказочные Королевства Ночи. И стрепетом воображал, на что же похожи те края. Неужели же они в своем магическом искусстве так же превосходят здешних магов, как эти — наших, западных?

И не оставляла меня в покое, может быть, абсурдная мысль о том, что если золото состоит из тех же частичек, что и камень, который можно с помощью нескольких слов превратить в то же золото, то что же скрывается за всеми этими изумрудами и драгоценными слитками?

Мои размышления прервала Келе.

— Что это за торговый порт, о котором толковал тот болван? Ничего подобного не существовало в то время, когда мы последний раз заворачивали сюда.

Для меня тут не было ничего удивительного — Хебрус писал мне об этом несколько лет назад. Похоже, король Гейят, обеспокоенный пагубным влиянием на своих людей чужестранцев, почти всем — даже торговцам — запретил подниматься по реке выше Мариндюка и потому приказал для торговых кораблей отвести отдельный остров в Ираие с соответствующими стоянками, необходимым обустройством для совершения торговых сделок и роскошными виллами для проживания. Всем чужестранцам было предписано находиться только в этом районе под страхом наказания или даже казни.

Я через Хебруса направил королю Гейяту осторожно сформулированный протест, и не столько из-за обеспокоенности судьбами торговцев, сколько из опасения, что Вакаан вернется к старым недобрым временам, когда королевство пряталось за стеной магии, тем самым внушая своим согражданам, что они являются венцом творения, и при этом развитие их культуры застывало. Я так и не получил ответа и больше не делал попыток обращаться, понимая, что чужестранцу не стоит указывать, что делать другому народу, тем более что перед глазами у меня была Орисса, столь же блаженно самодовольная.

Мы вошли в широкий канал, переходящий в лагуну, и я не смог сдержать вскрика, сорвавшегося с моих губ. Впереди вставал дворец, предназначенный для нашего жилья. И это был тот самый дворец, который я занимал, впервые оказавшись в Вакаане. Здесь я ухаживал за Омери. Все поплыло у меня перед глазами — шпили, сады, башенки. Отсюда начался путь предательства Яноша, отсюда подручный принца Равелина похитил меня, чтобы подвергнуть пыткам.

— Господин Антеро? — окликнула меня Келе, тронув сильной рукой.

Я встряхнул головой.

— Ничего. Это от солнца.

Но я отвернулся от дворца и ушел на гакаборт, глядя назад и стараясь взять себя в руки.

Меня за плечо тронула Джанела.

— То самое место? — Она спрашивала без задней мысли. Я кивнул.

— Тогда, — решительно сказала она, — это чья-то грубая шутка. Или кто-то неуклюже пытается оказать вам знак уважения, памятуя о вашем прошлом.

— Не знаю.

— Я тоже не знаю. Но если это знак из прошлого... Одну черту еще я унаследовала от моего прадедушки: хорошую и долгую память о тех, кто сделал мне зло, и о тех, кто любил меня... И его коварство в возвращении долгов.

Я посмотрел на нее. На мгновение рука ее тронула рукоять кинжала. Затем она улыбнулась.

— Но лучше думать, во всяком случае, пока, что тем самым нам оказывают честь. Вот только не последуют ли ужасные воспоминания?

— Нет, — сказал я. — Иногда эхо даже ужасного прошлого звучит успокаивающе.

Я не кривил душой.

И вновь Джанела странно посмотрела на меня.

— Случается, — сказала она тихо, чуть ли не для себя самой, — что и это изменяется.

Наступило неловкое молчание. Я первым вышел из ситуации.

— Капитан Келе, швартуемся у того длинного причала. Наверное, от нас ждут, чтобы мы это сделали побыстрее. Прошу передать сигнал на остальные корабли.

— Слушаюсь, мой господин, — сказала Келе и тут же заорала: — Вахтенная смена на палубу, внизу не зевать! Отдать линь на носу и шпринги по левому борту. Шевелись!

Как и предполагалось, с кораблей мы перенеслись в роскошь. Во дворце хватало места для размещения экипажей целого боевого флота, и при этом у каждого была отдельная комната. И я немало удивился, обнаружив, что большинство моих людей предпочитает находиться в комнатах по двое, а то и по трое. Я ожидал поступления жалоб на мое распоряжение остаться половине экипажа каждого судна на борту с оружием наготове и несением караульной службы, как диктовал мой богатый опыт пребывания на многих, и зачастую далеко не дружелюбных, берегах, но никто и слова не сказал.

Все мы, начиная с меня и кончая юнгой на «Искорке», ни в чем не нуждались. Если кому-то требовалось заменить потрепанную одежду, он ее тут же получал, а если просто надо было заштопать дырку, под рукой тут же оказывалась портниха. Кухни работали круглосуточно, и любой моряк мог заказать самое изощренное блюдо, которое только на ум приходило, и подавалось оно слугой. Напитки имелись в изобилии, так что мне пришлось даже отчитать дворецкого, веселого карлика по имени Лиенор, по внешнему виду которого трудно было распознать шпиона короля, хотя он и обязан был быть таковым, и распорядиться держать спиртное под замком, за исключением времени трапез и двух часов после обеда. Известно, моряк не оторвется от бочонка, пока тот не опустеет.

Что же касается других надобностей, от которых никак не отмахнуться, то и люди Вакаана также полагали, что счастье — это когда все желания выполнимы, и потому к каждой спальне была приписана горничная, а то и две, которые охотно соглашались исполнять все требуемое от них.

К моей спальне были приставлены четыре женщины, две юные красавицы и две среднего возраста, пышнотелые, с улыбками, безошибочно указывающими, что уж они-то *знают*, как доставить удовольствие. Я был вежлив со всеми четырьмя, поскольку мой возраст уже не позволял предаваться самообману, и потому мы с Квотерволзом спали в отдельной комнате. Однажды он на часок отлучился с одной из женщин постарше, но затем продолжал сохранять целомудрие, несмотря на все мои уговоры не стесняться.

Джанеле предоставили столь же шикарные апартаменты, что и мои, только в другом крыле дома. Даже если у нее и был там на все готовый слуга, я никого не видел.

Все внешне казалось безмятежным, но с течением времени беспокойство мое росло.

Где же Хебрус?

На шестой день нашего пребывания здесь Лиенор вызвал Джанелу и меня к главному входу. Нас ожидал стражник средних лет с тем же суровым выражением лица и столь же иссеченный шрамами, как и Рапили. Лиенор представил его как Чеза, начальника стражи. Мне не понравилось, что Лиенор угодничает перед ним, словно Чез был его господином, а не я.

Я спросил у Чеза его звание, чтобы я мог обращаться к нему соответственно. Чез сказал:

— У нас, стражников, титулов нет, а по званиям мы обращаемся только друг к другу. И все мы, призванные спасти Вакаан, равны между собой.

Я спросил, чем могу служить.

— Я прибыл сопроводить вас к королю, — важно сказал Чез. — Он назначил вам аудиенцию.

Опять новшества. Отец короля Гейята, Домас, наоборот, сразу же требовал к себе вновь

прибывших, чтобы затем иметь время присмотреться к их действиям. Я полагал, что Гейят будет держаться той же практики.

— Приятная новость, — сказал я. — После столь долгого отсутствия я буду просто счастлив повидаться с королем Гейятом.

— Но есть и менее приятные новости, — сказал Чез. — Ваше доверенное лицо, Хебрус, скончался неделю назад.

Сказано это было примерно таким же тоном, которым объявляют о задержке обеда на несколько минут.

Это было ударом для меня. В моем возрасте к смерти относишься спокойно. К таким годам, как у меня, больше знакомых оказывается на кладбище, чем за дружеской пирушкой, и, казалось бы, можно привыкнуть к самому факту существования смерти. Иногда так и случается, а иногда и нет. Сейчас я ощутил слезы на глазах. Хебрус не только был хорошим человеком, но с его смертью умерла и часть моей юности. Чез устоял на меня без намека на сочувствие. Несомненно, он счел меня просто слезливым маразматиком.

Джанела мягко похлопала меня по плечу. Я три раза глубоко вздохнул и на время забыл об этой грустной теме. Позже, когда вернемся от двора, мы совершим церемонию в его память по ориссианскому обычаю.

— Как он умер?

Чез, похоже, ощутил неловкость.

— Может быть, — сказал он, — мы пройдем в какое-нибудь помещение, чтобы обсудить этот вопрос?

Я провел его в гостиную. При этом я разглядел усмешку на лице Лиенора, словно он уже знал, о чем пойдет разговор, но тем не менее находил эту тему любопытной.

Нисколько не смягчая тона голоса, Чез сказал:

— Ваш человек был убит.

— Кем?

— Мы пока не знаем.

— А при каких обстоятельствах? — продолжал расспрашивать я.

И вновь Чез посмотрел на меня в некотором смущении.

— У господина Хебруса была привычка посещать для собственного удовольствия некоторые районы и таверны. Там он подбирал себе компаньонов, уже замеченных в склонности к жестокости и насилию. Ну и, видимо, в конце концов нарвался. Его нашли в спальне, избитого до смерти. Убийцы успели обокрасть его, пока слуги не подняли шум. Король Гейят посылает свои соболезнования и сообщает, что была произведена соответствующая церемония в поддержку духа господина Хебруса, который зачислен в списки почетных граждан Вакаана, что является высшей почестью для иностранца. Его именем будет названо общественное место, а лично от себя хочу заверить, что убийцы непременно будут найдены и предстанут перед судом, дабы ответить по всей строгости королевского закона, как было бы в случае, если бы Хебрус являлся придворным. — Но почему мне не сообщили о смерти моего доверенного лица сразу же по прибытии? Он играл важную роль для меня, и его смерть может серьезно повлиять на те дела, которые я приехал обсудить в Вакаане.

Чез ответил не сразу.

— Именно потому, что господин Хебрус был важным человеком, требовалось официальное оформление такого сообщения для вас, чем, собственно, я и должен был заниматься. К несчастью, я был занят делами короля совсем в другом округе и так и не смог выкроить свободную минуту в первые же дни вашего пребывания в Ирайе.

Шито белыми нитками, подумал я. Разве больше никто в огромном придворном штате короля Гейята не мог заняться этим делом? Но я взял себя в руки и ничего не сказал.

Изменения в Вакаане оказались более скверного характера, чем я предполагал. Я понимал, что все сказанное Чезом — ложь. Хебрус, может быть, и развлекался с молодыми мужчинами, но типы, в которых он влюблялся, во многом походили на него самого — такие

же утонченные, нежные, зачастую переживавшие лишь первый роман в своей жизни. К тому же Хебрус был моногамен и не изменял своему любовнику, пока роман не заканчивался сам собой. И если он искал нового партнера, то на поиски зачастую отправлялся в библиотеки, концертные залы или картинные галереи. И наконец, Хебрус *никогда* не пил.

Меня охватила дрожь. Вакаан всегда был опасным местом, прячущим смертельную угрозу за фасадом улыбки. Особы, ведущие себя чересчур вызывающе, просто исчезали без всяких следов, словно никогда и не существовали.

Хебрус был убит, это ясно, но вовсе не из-за любовных страстей. И может оказаться весьма трудным выяснить причины. Еще я отметил тот факт, что неделю назад, когда мы подплывали к берегам Вакаана, здешние маги запросто могли ощутить наше прибытие. Все мои чувства напряглись. Я вовсе не считал себя паникером. Даже после того, как столкнулся с демоном в образе Сенака и ощутил противоборство нашему желанию добраться до Королевств Ночи.

Я должен найти время выяснить причины смерти моего друга и, если удастся, отомстить за него. Но это позже.

Теперь же предстояла встреча с королем Гейятом.

— А почему, — спокойно спросил Чез у Джанелы, когда наша гондола продвигалась по каналу к королевскому дворцу, — вы не явились ко двору, прежде чем покинуть Вакаан? Наверное, стоило бы. Ведь ваша семья занимает более чем почетное положение.

Глаза Джанелы на мгновение вспыхнули, но она быстро взяла себя в руки.

— Спасибо вам за комплимент, Чез. Но мне вообще было запрещено пребывать в Вакаане после того, как я отвергла брачное предложение, поскольку это помешало бы мне заниматься изучением магии. Я думала, вы знаете.

— Для меня эти тонкости имеют небольшое значение, — сказал солдат. — Хотя в такие времена опасно пренебрегать даже мелочами.

Я вмешался:

— Чез, наш сопровождающий Рапили сказал, что у вас тут происходили восстания против короля, но в подробности не вдавался.

— Рапили хороший солдат, — одобрительно сказал Чез. — Он знает, что такие темы не стоит обсуждать с чужестранцами. Тем более что он понятия не имел о ваших... особых отношениях с королевской фамилией.

Тут я ему не поверил, но спорить не стал.

— Но ведь все равно до ваших ушей дошло бы, — сказал он, — что нашлось несколько введенных в заблуждение дураков, решивших, что милость короля безгранична, и обвинивших его в тех неудачах, которые боги наслали на нас. Объявились ложные проповедники, народные вожди и устроили такую смуту, которой нормальному солдату хватило бы на несколько дюжин жизней.

Чез старался говорить равнодушно, но я чувствовал, что прошедшая резня доставила ему немало удовольствия. Я был слишком опытным и слишком наблюдательным, чтобы меня одурачил такой человек, как он.

Он продолжал:

— Сочли необходимым принять соответствующие меры, а иногда приходилось пойти и на казни.

— Во время плавания сюда мы видели следы произошедшего, — сказала Джанела.

— Это не совсем то, — сказал Чез. — Разрушенный город, районы, на торговлю с которыми король наложил запрет, — это слабые следы. В конце концов, не могли же мы оставить более серьезные следы на лицеизренье вновь прибывающим.

— А нельзя ли более подробно? — спросил я.

Взгляд Чеза стал ледяным. Он долго смотрел мне в глаза, затем отвел взгляд, устремив его туда, где над водой вздымались голубые фонтаны, ниспадая вниз золотистыми на солнце струями.

Я вспомнил, чем еще занимались маги Вакаана — сторожевые города на его границах

сплошь состояли из оживленных трупов, а земли выжигались колдовством до состояния пустыни, — и солнечные лучи сейчас здесь показались мне холодными, как иней.

В облике королевского дворца ничто не указывало на то, что у короля есть какие-то проблемы. Дворец раскинулся на пяти островах в центре Ирайи, и золотые купола над ними отправляли великолепие солнечных лучей во все стороны света. Сады представляли из себя чудеса совершенства, и те же звери и птицы, прирученные с помощью магии, бродили и летали здесь, как и прежде. Сады заполняли толпы беззаботно гуляющих благородных мужчин и дам со свитой; расхаживали тут и обеспокоенные просители; обретались здесь и приличествующие каждому двору бретеры, ищущие возможности затеять ссору. Хотя и тут заметны были перемены — в прошлые времена сюда допускались простолюдины и торговцы, ожидающие решения по своим прошениям. Возможно, теперь у короля Гейята существовали другие способы, которыми он разрешал проблемы людей из низших классов, а может быть, сегодня был как раз тот день, когда во дворец допускалась лишь знать.

Джанела, несмотря на все усилия сохранять спокойствие, взирала на окружающее с тем же благоговением, как и я, когда впервые оказался здесь, причем, если говорить честно, я всегда ощущал себя тут вновь прибывшим, каждый раз поражаясь ослепительному великолепию.

Наша гондола остановилась у причала, и нас встретил почетный караул. Когда мы с Яношем в первый раз оказались в Ираие, у караула была белая форма с золотом, а вооружены они были декоративным оружием, предназначенным лишь для церемониала. Теперь перед нами предстали стражники с безукоризненной выправкой, в черно-красной униформе, с начищенным настоящим оружием, которое, очевидно, не раз побывало в бою. Я обратил внимание на то, как официально, но несколько по-свойски они приветствовали Чеза, и, даже не будучи военным, понял, что это отборные, испытанные войной солдаты.

Пока мы шли по широкой дорожке, окаймленной бордюром из разноцветной слоновой кости, я расспрашивал Чеза о его стражниках.

— У нас одна цель — служить королю Гейяту всеми доступными нам методами и защищать его жизнь и королевство, не щадя ничего, даже самих себя. — Голос Чеза звучал торжественно, как во время присяги.

Я придал себе встревоженный вид.

— В предыдущие мои визиты сюда я видел дворцовую стражу, выполняющую чисто церемониальные функции. Я надеюсь, сейчас-то никто не замышляет... никаких действий против короля?

— Пока еще нет, — мрачно сказал Чез. — Но мы готовы ко всему.

— Так, значит, король Гейят сам создал корпус ваших стражников? — спросила Джанела.

— Нет. Он был учрежден министром Модином.

Ни Джанела, ни я не знали этого человека, не упоминалось о нем и в посланиях Хебруса.

— Прошу прощения, Чез, — сказал я, — но мне неловко сказать, что я незнаком с этим человеком. Может быть, вы расскажете о нем хоть немного? Мне не хотелось бы выглядеть невежественным, особенно в вопросе, касающемся такой важной персоны, какой, очевидно, является этот министр.

Чез охотно проинформировал нас.

— Модин является одним из наиболее доверенных советников короля Гейята. Большой интерес проявляет он и к нашему корпусу. Но он не стремится к власти или роскоши, оставаясь в тени, служа лишь благу Вакаана и нашего короля.

Чез, сам не понимая, рассказал мне больше, чем намеревался по прибытии в наш дворец. Итак, Модин являлся реальной властью или полагал себя таковой, прячущейся в тени трона?

Модин или человек, подобный ему, как явление меня не удивлял. У короля Домаса, отца Гейята, были все типичные замашки великого монарха. Множество королей впадали в

одно и то же заблуждение: они никак не могли поверить, что смертны, как и все остальные, что рано или поздно приходится уступать место новому, молодому, здоровому. Так произошло и с его старшим сыном, как понял я по прошествии лет. До этого я виделся с принцем раз или два и почувствовал, что король Домас намеренно держит его подальше от трона и от познания законов правления. Я так и не узнал, что тому было причиною — то ли принц его чем-то оскорбил, то ли его присутствие напоминало королю, что наступит его время и придется предстать перед Черным Искателем.

У меня и самого были проблемы с Клигусом, поэтому я вовсе не собирался выступать судьей во взаимоотношениях отца с сыном. И я старался не думать об этих затруднениях и о том, как будет управляться народ Вакаана после смерти Домаса. Но неужели король Домас даже в последние годы жизни так и не понял своей ошибки и не привлек к себе Гейята, дабы внушить сыну мудрость справедливого правления? Видимо, нет, иначе бы я уже знал о существовании Модина. Тем не менее я рискнул спросить об этом.

— Модин лет шесть или семь назад управлял отдаленной провинцией, — ответил Чез. — Мудрость его и способности обратили на себя внимание короля Гейята, с радостью обнаружившего в нем великого мага, и он привлек его к управлению.

Я припомнил некое демоническое существо, тоже явившееся из далекой провинции и с которым мне недавно довелось схватиться лицом к лицу, но тут же мои мысли потекли в ином направлении. И мысли эти показались мне неутешительными, едва я разглядел красно-черных стражников среди толпы знати и их свит, теснящихся у дворца.

Красное и черное... Добавить еще один цвет, золотой, и получатся геральдические цвета принца Равелина, сгубившего душу Яноша, чудовища, убитого мною в призрачных развалинах близ Ирайи.

Когда мы добрались до главного дворцового здания, я разглядел еще кое-что новенькое: возле основного архитектурного комплекса маячило странное пятиэтажное строение из золота, искусно отделанное материалом, похожим на слоновую кость. Я указал на него Чезу.

— Да, — сказал он. — Этого раньше не было. Построено недавно. Это гарем короля Гейята.

Я постарался ничем не выдать удивления. Хотя, например, о личной жизни короля Домаса никто ничего не знал, не то что иностранец, но и многие придворные оставались в неведении.

Чез пошел в нескольких шагах впереди нас, а я посмотрел на Джанелу, не сводящую глаз с того строения. Теперь, когда мы подошли поближе, стало ясно, что отделка из слоновой кости носит не декоративный характер, а маскирует различные запоры.

— К тому же наверняка и евнухами охраняется, — пробормотала Джанела. — Итак, кастрация мужчин и заточение в тюрьму женщин... Королевская власть во всем своем блеске.

То, что лично я считал величайшим чудом Ирайи, находилось в трехъярусном зале для аудиенций. Нижний ярус предназначался для низших классов и, как правило, был самым людным. Теперь же там было почти пусто. Чез провел нас по ступеням на второй уровень, для благородных, где нынче было теснее, чем внизу, а затем и на третий, предназначенный для магов и высших придворных чиновников. Тут надо всем возвышался золотой королевский трон.

Здесь же находилось то, к чему невольно устремлялись все взоры: модель самого Вакаана, со всеми поселками и городами, реками и огромной горой за городом. Я знал, что если внимательно присмотреться, то там можно различить человечков, зверей и даже птиц. Все это было сделано не для красоты и поражения воображения, а являлось могущественным инструментом, с помощью которого управлялось, наблюдалось и контролировалось королевство. То, что производили маги здесь, над моделью, переносилось в реальное пространство королевства, будь то паводок, дождь или прекрасная погода для сбора урожая. С помощью модели можно было карать и миловать издалика, и это творение я считал

величайшей работой магии.

Обычно вокруг этого места было тихо, лишь бесшумно двигались рядом маги, спокойно насылая заклинания в избранную точку. Но только не сегодня. Мне казалось, что заклинания не достигают цели или просто неправильно сотворены, поскольку неожиданно отдельные районы королевства начинали дрожать и рассмотреть их было крайне тяжело, словно через пелену горячего воздуха, а то и просто целиком исчезали, оставляя лишь гладкую поверхность на своем месте. Иные районы слегка поворачивались, оказываясь совершенно не сцепленными друг с другом, совершенно разрушая общую стройную картину.

И дело было вовсе не в том, что моделью никто не занимался. Нет, вокруг нее толпились, потя, два десятка, если не больше, магов с их учениками, бормоча заклинания и размахивая жезлами и кадильницами. В ряд стояли жаровни, устремляя вверх ароматные дымы от благовоний, а на модель торопливо наносились мелом мистические символы.

Главным, судя по всему, магом, деловито распоряжающимся здесь, был хрупкий красивый молодой человек, не старше Джанелы, на дюйм или два пониже меня. Он здорово смахивал на лисицу, причем не в карикатурном смысле этого слова, просто на его остреньком личике, гладко выбритом, что не часто встречалось при дворе, тревожной жизнью жили пронизательные глаза, не пропускающие ничего вокруг. И двигался он, как лисица, живо, грациозно, перемещаясь от мага к магу и отдавая приказы. Он часто хмурился, явно едва сдерживая злость.

На нем были голубая шелковая туника и такие же шаровары, а ярко-красный шарф, стягивающий талию и закинутый за плечо, своим цветом указывал на его прямое отношение к стражникам. Поэтому я сразу понял, кто это такой.

— Должно быть, это и есть министр Модин? — спросил я.

— Именно он, — с глубочайшим почтением ответил Чез.

Нас подвели к трону, и я обратил все свое внимание на человека, сидящего на нем, вернее, полулежащего. Король Гейят заметно повзрослел с тех пор, как я видел его последний раз. Его отец Домас был крупным, медведеподобным мужчиной. Таким же стал и Гейят. Но если Домас сидел набычившись, подавляя всех своим присутствием, то Гейят, развалившись на троне, баюкал там свой выпирающий живот, а щеки свисали по обеим сторонам лица. Темные волосы и борода его были острижены коротко. Он походил не столько на короля, сколько на отдыхающего сказочного обжору. Если отец довольствовался золотым обручем на голове, часто им поигрывая, то Гейят носил искусно выделанную корону с драгоценными камнями. После того как я узнал о существовании гарема, я ожидал увидеть его в окружении наложниц, но их не было, может быть, пока, и король полагал, что сейчас самое время показать себя именно в *таком* виде. Я ожидал, что Чез объявит о нашем прибытии, но был удивлен громовыми раскатами королевского голоса:

— Господин Амальрик Антеро из Ориссы и госпожа Ликус из Вакаана, предпочитающая ныне называться Джанела Кетер Серый Плащ, вы можете подойти к нам.

И вновь я был удивлен. То ли король Гейят не обращал внимания на детали этикета, а может быть, просто наше прибытие сюда считалось таким важным событием, что нас почтили такой вот честью, выделяя из толпы.

Он обладал таким звучным, глубоким, раскатистым голосом, что какой-нибудь герольд, воскреситель, магистр или генерал не один бы год потратил, отработывая соответствующее звучание. Как мы потом выяснили, в процессе речей короля все слушающие подпадали под очарование его голоса, не сразу понимая, в чем же смысл сказанного, тем более что смысла там зачастую вообще не было.

Джанела поклонилась, я же стоял прямо, как разрешил мне король Домас много лет назад.

— Добро пожаловать в Вакаан, — продолжал Гейят. — Да будет ваше пребывание здесь плодотворным и радостным, и да будут исполнены все ваши желания.

Краем глаза я заметил какое-то торопливое движение, и вот рядом с тронном очутился

министр Модин. С его лица исчезла присутствовавшая минуту назад злость, и теперь он изображал придворную улыбку.

Гейт кивнул ему.

— А это, достопочтенные гости, господин министр Модин. Мой добрый друг и самый доверенный советник.

Модин слегка поклонился.

— Благодарю вас, ваше величество. Я так рад познакомиться с нашими путешественниками.

Мы обменялись поклонами. Его глаза осмотрели меня, затем остановились на Джанеле. По крайней мере по взгляду можно было понять, что этот человек представляет собою не просто декорацию, но настоящего мастера-воскресителя. Вы можете думать что угодно, как бы говорили его глаза, но мне известен каждый ваш секрет.

Наконец он сказал:

— Король и я хотели бы выразить соболезнования по поводу кончины вашего доверенного лица, который, насколько я понимаю, был и вашим другом.

— Да, да, — сказал Гейт. — Жаль парня. Мне кажется, я встречался с ним, не так ли?

Теперь я понимал, в чем дело. Вряд ли Гейт репетировал эту сцену. Вот только зачем Модину понадобилось обставлять дело так, словно наше прибытие сюда — дело очень важное?

— Встречались, — сказал Модин, — но какое-то время вам не удавалось с ним повидаться, и вы даже выражали по этому поводу свое сожаление незадолго до его несчастливой кончины.

— Ну да, ну да, — согласился Гейт. — Как поживает Орисса? Надеюсь, хорошо, и также надеюсь, что вы приехали сюда не для того, чтобы мы решали за вас ваши проблемы. У нас и своих полно, как вы, должно быть, заметили. — Он неопределенно махнул рукой в сторону макета.

— Нет, ваше величество. Все, чего мы просим, это лишь любезности с вашей стороны.

— Этого все добиваются, — продолжил Гейт. — А потом эти любезности, будь они прокляты, превращаются в небольшие поместья, а потом в большие, а затем в целые края, со своим золотом и ротой, а то и полком солдат... — Голос его стих, оборвавшись, я мог бы поклясться, эхом.

— На самом деле, — сказала Джанела, — мы просим даже не милости, а простого разрешения.

Гейт пристально посмотрел на нее. Несмотря на всю его снисходительность, он тем не менее занимал трон наиболее могущественного королевства в известной нам части мира, трон, который еще никому не удалось захватить насильно.

— Что ж, просите.

— Мы хотели бы получить разрешение, — прямо сказала Джанела, — отправиться на восток.

— Но зачем? Там же нет ничего, кроме океана. Боги не поощряют такие экспедиции. Мой собственный отец рассказывал однажды о таком же вот случае, который произошел... ну, в общем, не помню, это было еще во времена отца отца моего отца. В общем, там все плохо закончилось или та экспедиция просто пропала. Кроме того, Джанела, как жительница Вакаана вы должны бы знать, что на востоке вааканцам ничего хорошего ждать не приходится. Ни в прошлом, ни в будущем.

Я решил вмешаться:

— Ваше величество, будьте снисходительны к чужестранке и госпоже Серый Плащ. Как видите, я достиг такого возраста, когда просто боишься помереть в собственной постели от скуки.

— А я нет, — сказал Гейт. — Если я там и помру, то только не от скуки. — И он сладострастно захихикал.

— Но ведь я-то не король, а всего лишь торговец да путешественник, который и

счастлив только тогда, когда перед ним открываются виды, ранее им не виданные.

— А вот это мне непонятно, — сказал Гейят. — По-моему, кругом одна и та же тоска. И живут там какие-нибудь дикари, которые считают себя тоже цивилизованными, и лишь потому, что не съедают вас живьем на обед. Он обратился к Модину:

— Ну а вы, маги, что можете сказать об этом? Я имею в виду путешествие на восток. Запрещено это богами или нет?

— Я не знаю таких запретов, которые бы распространялись на иностранцев, — сказал Модин. — Чего нельзя сказать о наших согражданах, ваше величество. Именно поэтому мы, если вы припомните, и учредили службу береговой охраны. Что же касается иностранных граждан, к числу которых теперь принадлежит и госпожа Серый Плащ, отказавшаяся от своего права быть вашей подданной, то в наших законах или установлениях по традиции таковых запрещающих законов не существует.

— Ну и зря, — сказал Гейят. — Потому что на востоке, кроме зла, ничего не найдешь. Все знают об этом.

Мы предвидели именно *такую* реакцию и подготовили соответствующие убеждающие аргументы для Гейята. Мы даже рассматривали на случай отклонения нашей просьбы вариант самовольного отплытия, рискуя тем самым навлечь на себя гнев магов Вакаана, если они прознают о нашей уловке. Зато очень странной мне показалась вялая реакция на наше прошение со стороны Модина.

Гейят внезапно зевнул.

— Ну да ладно, — сказал он. — Как сказано, иностранцы сами вольны поступать, как им заблагорассудится. Разберитесь с этим делом, Модин.

— Благодарю вас, ваше величество. Я понимаю, что у вас есть более неотложные дела, — сказал Модин.

— Да, да, — сказал Гейят и улыбнулся Джанеле. — Каким бы ни было решение, Джанела, надеюсь снова увидеть вас при дворе. Вы столь красивы, а я всегда являюсь поклонником красоты.

Мы поклонились, заметив, что, разумеется, мы не уедем, не появившись еще раз, и будем только счастливы вновь повидаться с королем. Нас проводили на нижний уровень. Я полагал, что теперь нам предстоит приватная беседа в отдельном помещении с министром Модином, где мы окончательно обсудим интересующую нас тему. Вместо этого он отвел нас в сторону, к перилам.

— Итак, на восток? — задумчиво сказал он. — Нет ли у вас другого мотива для совершения этого путешествия, нежели чистое любопытство, если вы постеснялись говорить о нем в присутствии короля?

— Нет... — Я сделал паузу, которая выглядела искусственной. — Кроме, пожалуй, одного. Я, может быть, и стар, но тем не менее остаюсь в душе торговцем. Вдруг мы наткнемся на что-нибудь стоящее с точки зрения торговых интересов Орииссы...

— И тогда вы вернетесь сюда, в Ирайю, и обсудите это дело с соответствующим министром двора, чтобы выяснить, не явится ли такая торговля интересной и для Вакаана, — закончил за меня Модин.

— Совершенно верно.

И тут меня ожидал очередной сюрприз. Я ожидал, что он постарается сейчас избавиться от нас, сообщив, что объявит о своем решении позже. Но он сказал:

— Как я и говорил королю, не вижу причин, по которым нельзя было бы разрешить вам ваше путешествие, хоть я и считаю его безрассудным. Вам запрещается только брать с собой подданных нашего королевства, а любые требуемые вам припасы должны быть оплачены золотом, без расчета в кредит. Как сказал король, с востока еще никто не возвращался, но я выражу надежду, что таковая судьба не ждет великого человека по фамилии Антеро. И еще я хочу потребовать, чтобы ваш отъезд совершился в течение двух недель.

Я от изумления разинул рот, так же как и Джанела. Министр Модин позволил себе улыбнуться.

— Отец короля Гейята позволял себе бесконечные затяжки в делах, — сказал он. — Но мы ввели новые методы. Коли решение очевидно, зачем же откладывать? Так что вы получили разрешение. Но, как сказал король, не премините поприсутствовать на придворных празднествах. Там вы скучать не будете, особенно если учесть, что вскоре вам предстоят дни и недели плавания, когда вокруг ничего не будет, кроме воды и пустоты. А теперь прошу прощения. Вас проводят до дома. — Он поклонился и торопливо направился наверх, к своему распадающемуся макету Вакаана.

Мы с Джанелой обменялись недоуменными взглядами, но промолчали. К нам приблизились два стражника и поклонились.

Все оказалось слишком просто. Сначала король Гейят оказался должным образом проинструктированным относительно нашего прибытия, затем дело прошло стремительное обсуждение. Складывалось такое впечатление, что о нашей просьбе уже знали и самое решение приняли еще до нашего появления здесь. И все это не предвещало ничего хорошего.

Что-то тут было не так. И нам следовало побыстрее пускаться в путь.

Глава 6

НЕВИДИМАЯ ЛОВУШКА

Для того чтобы подготовить наши корабли к путешествию, надо было сделать не так уж и много. Все отобранные для путешествия еще в Ориссе припасы оказались добротными, а дополнительно нам требовалось довольно мало. Тем не менее мы заменили то, что сломалось, и закупили некоторые товары, чтобы путешествие выглядело обычным торговым предприятием. Ждали мы только одного: нужной фазы луны для совершения церемонии, подтверждающей нашу веру в существование Королевств Ночи... проще говоря, той магической церемонии, которая, как правило, ничего, кроме раздражения, не приносит. И от этого дня нас отделяли две недели.

Все-таки хорошо, что почти все требующееся нам мы взяли с собой, поскольку времена в Ирайе стояли смутные, опасные, и чужестранцам следовало находиться в безопасном месте. И в этом мы убедились лишний раз, когда выбрались из своего дворца на острове в один из торговых районов города. Откровенно говоря, я еще не был уверен в опасности такого предприятия — Ирайя по-прежнему оставалась одним из самых великолепных городов известной мне части мира, здесь даже самые бедные улицы были покрыты полированным порфиром, превращенным из обычных камней искусством магов Вакаана, а фасады домов декорированы драгоценными и полудрагоценными материалами.

Теперь же город казался запущенным, словно ухаживающим за ним людям надоело выполнять свои обязанности от души, и вот уже местами проступала ржавчина, темный налет, а кое-где треснувшие стекла ждали замены.

Изменились и люди. Они уже более откровенно недоброжелательно таращились на тех, кто был одет побогаче, и не стеснясь обсуждали такого господина.

Квотерволз объяснил это по-своему:

— Такое ощущение, что они чего-то ждут. Я не знаю, чего именно, но, когда дождутся, я бы не хотел находиться рядом с ними.

Мы передвигались группами, в крайнем случае парами, но никогда поодиночке. К. Джанеле, несмотря на ее протесты, мы прикрепили в качестве компаньона Чонса, который, судя по всему, забыл, что работал некогда садовником, и теперь любое металлическое изделие воспринимал только с точки зрения его военного применения. Однако девушка частенько ускользала от него, а когда я укоризненно выговаривал ей, лукаво оправдывалась:

— Один может пройти, где ему надо, незамеченным, а вот двое уже ни за что.

Она занималась какими-то своими секретными делами, и я вспомнил, как точно так же тайком отлучался ее прадед, готовясь к экспедиции моего открытия. Но тайные отлучки Яноша в Ликантии были объяснимы — в те времена магическими предметами мог обладать лишь человек с лицензией воскресителя, остальным же это было запрещено. Здесь же, в

Ирайе, такое поведение казалось лишенным смысла. Наконец я выяснил, что на нее обрушился град приглашений от магов Ирайи. Поначалу я решил, что всем им не терпится услышать, что нового она узнала в своих путешествиях из области магических наук, но я напомнил себе, что живущие здесь маги полагают, что вне Вакаана вообще ничего нельзя обнаружить, кроме варварства и невежества. Очевидно, первопричиной таких приглашений служила тоска, ведь здесь кудесники были обречены видеть надоевшие лица своих коллег и заниматься одними и теми же проблемами, и теперь их мучило обычное любопытство.

Джанела взяла за правило каждый раз после возвращения домой являться ко мне в комнату на стакан вина перед сном и разговаривать — иногда о том, что происходило, иногда о том, что ждет нас впереди, а иногда... просто поболтать. Она, подобно своему предку, оказалась хорошей рассказчицей и прекрасной слушательницей. Я обнаружил, что готов с ней разговаривать на любые темы, даже о том, о чем не говорил ни с кем, кроме Омери, и на те темы, что занимали мои мысли после ее смерти.

Однажды вечером Джанела вернулась с такого свидания немного выпивши и сильно рассерженная. Она отцепила сумку и кинжал, налила себе полный стакан бренди и плюхнулась в кресло.

— Только что провела самый тоскливый вечер в моей жизни... Даже хуже, чем в то время, когда я еще была ученицей и вынуждена была выслушивать нудные наставления учителя по поводу того, что звезды влияют на мою жизнь гораздо значительнее, чем я сама.

— У кого же ты гостила? — поинтересовался я.

— У великого колдуна Юбо, самого мудрого и уважаемого из всех магов. Сидела, тупея от его маразма, среди таких же тупых его учеников. Никто из них не знает ничего! Янош был прав, утверждая, что в этом королевстве нет смысленных парней. Все они действуют исходя из механического заучивания, как это было и во времена их дедов.

— Ты рассуждаешь как Серый Плащ, — сказал я усмехаясь.

— Но именно сейчас, когда мне до смерти надоели все эти пустоголовые, я начинаю изумляться прадеду. Если Янош был столь мудрым человеком, как он мог позволить себе с такой легкостью попасть в ловушку Равелина?

Я перестал улыбаться — я ощутил, что Джанела не просто выплескивает дурное настроение, а всерьез огорчена.

— Что это ты вдруг вспомнила? — спросил я по возможности спокойно.

Джанела посмотрела на меня, затем перевела взгляд на окно, где горели огни Ирайи. Мне показалось, что глаза ее увлажнились.

— Просто дело в том, что иногда я чувствую себя такой одинокой, — сказала она. — Иногда мне кажется, я *чувствую* те законы, о которых говорил Янош и которые пыталась познать ваша сестра Рали. И я *чувствую*, что эти законы вот-вот готовы сложиться в одну цельную картину, и тут же видение выскальзывает у меня из головы, как ртуть из пальцев. Как жаль, что здесь у меня нет смысленных людей. Может быть, мы встретим их там, где лежит цель нашего путешествия. И там же мы познаем все эти мудрые законы, когда доберемся до цели.

— Когда доберемся? — сказал я. — Ты не сомневаешься?

— Конечно, доберемся, — сказала она. — Вот только боюсь того же, что и Янош, когда он изучал заклинания старейшин, — того, что эти законы будут выполняться тоже путем механического обращения с ними, без познания первопричины, как и здесь, в Ирайе.

Чтобы успокоить ее, я сказал:

— Янош полагал, что не все старейшины так вот механически ходили по кругу, а некоторые пошли тем же путем, что и он.

— И что же с ними произошло? — спросила Джанела. — Где же наш благословенный богами Золотой век?

— Может быть, именно его нам и предстоит отыскать, — сказал я.

Джанела посмотрела на меня, и вся ее злость и тревоги исчезли так же быстро, как прекращается летний ливень, и она рассмеялась тем сверкающим смехом, который я так

любил.

— Вот теперь, Амальрик, я окончательно поняла, почему вам так повезло как путешественнику. С вашей точки зрения, тьма — лишь промежуток между двумя полосами света. Между сумерками и рассветом.

Я рассмеялся и поднял бокал в ее честь. Она осушила свой и покачала головой, когда я приглашающе указал на графин. Она встала и зевнула — злость сменилась усталостью. Я тоже поднялся. Она обняла меня и прижалась головой к моей груди.

Мы так простояли долго, затем она пошла к двери.

— Вы правы. Все станет ясно. В настоящих Далеких Королевствах.

Мне предстояла нелегкая задача, и для ее выполнения требовалась помощь Квотерволза. Он ворчал, что гораздо важнее заниматься моей охраной, но я напомнил, что никогда не расстанусь с оружием, да и спину мне прикроет своим мясницким топором Отави, внук Яна. Отави, может быть, и не обладал подготовкой и врожденной настороженностью бывших бойцов пограничной стражи, но одна его внешность могла бы заставить поостеречься любого наемного убийцу.

Квотерволзу надо было отыскать кого-нибудь из слуг Хебруса, чтобы я мог, как я всем заявлял, наградить их за службу моему другу. Он не справился с заданием, и сам этот факт сказал мне много.

— Никого не отыскал, — развел руками Квотерволз. — Ни судомойки, ни смотрителя дома, ни горничной, ни лодочника.

Я кивнул, нисколько не удивленный.

— Или им хорошенько заплатили, чтобы они убрались подальше, или... — Я не стал доканчивать мысль. — Квотерволз, сегодня ночью ты, Чонс и я совершим вылазку.

Так мы втроем плюс Джанела и сделали, совершив путешествие на спасательной лодке с одного из наших кораблей. Я попросил перед этим Джанелу покрыть мои апартаменты легким заклинанием. Она сделала это очень старательно. Взяв промокательную бумагу с письменного стола, она приложила ее к стенам и стульям, затем посыпала на промокашку травками — розмарином, горным маком, белладонной и другими. Затем смочила промокательную бумагу какой-то жидкостью. Я спросил, что это такое, и она ответила:

— Эликсир жизни. Можно сжечь бумажку и травы, но эликсир сохранит суть, и заклинание будет действовать долго. Разумеется, это заклинание не устоит против мага, ведущего за нами бдительное наблюдение, — сказала она. — Но я не думаю, чтобы мы находились под таким уж подозрением.

Она прошептала заклинание, и над бумагой вспыхнуло пламя, словно она воспользовалась настоящей жаровней и огнем. И мы бесшумно удалились, убедившись, что не встревожили Лиенора и других слуг.

Ночь стояла тихая, спокойная, ясная. В водах озера дрожали огоньки Ирайи, горящие всю ночь, и полумесяц, висящий в небе. Из различных мест доносились звуки музыки — Ирайя не принадлежала к тем городам, где рано ложились спать.

Чонс и Квотерволз гребли, поворачивая в лабиринте каналов согласно моим указаниям. Целью нашего путешествия являлся дом Хебруса. Моя память, несмотря на годы и странствия, работала надежно — в качестве ориентира я использовал освещенные окна дворца Гейята, и через час мы оказались на месте.

По меркам Ирайи, дом Хебруса не считался большим, хотя в Ориссе его сочли бы громадным. Хебрус занимал в нем лишь скромные апартаменты, будучи человеком, ненавидящим показуху, и согласившись поселиться в таком дворце лишь потому, что, по его мнению, подобная роскошь должна была подчеркивать величие дома Антеро. Дворец располагался на большом острове, с другой стороны которого ныне размещался торговый порт, и был отделан резным камнем.

Мы намеревались уже подгребсти к дому, когда Квотерволз увидел большую лодку. Мы убрали весла и пригнулись, надеясь остаться незамеченными. Судно пересекало лунную дорожку ярдах в пятидесяти от нас, и я разглядел, что это патрульная лодка стражников. У

лееров возвышались три фигуры — два впередсмотрящих и один рулевой. Даже стражники теряли от скуки бдительность, когда их назначали патрулировать этот район, где никогда ничего не происходило и надо было лишь следить, чтобы иностранцы и местные жители не общались.

Когда судно скрылось из виду, мы подгребли к причалу Хебруса и торопливо устремились к Дому. И вновь, как при вторжении в усадьбу Сенака, первой, со всеми своими обостренными чувствами мага, шла Джанела, за ней Квотерволз, я и Чонс. Никто из нас не взял оружия — в случае чего мы намеревались как-нибудь оправдаться.

Я видел фигуру Джанелы на фоне каменной стены дома. Через каждые несколько шагов она останавливалась, прислушиваясь к магическим полям, и кивала нам. Ничего. Никакой магической охраны. Ни я, ни Квотерволз тоже ничего странного не замечали и сохраняли молчание, как и Чонс. Мы вошли на каменную террасу и оказались перед дверью, сделанной из прозрачного стекла и искусно изукрашенной разноцветными стеклянными вставками. Хебрус, очевидно, не опасался никаких вторжений, мы не обнаружили ни засовов, ни надежных замков. Вряд ли так себя вел бы человек, предпочитающий в качестве сексуальных партнеров головорезов.

Квотерволз кивнул Чонсу, и они вдвоем навалились на дверь. Послышался щелчок, и дверь распахнулась. Чонс расцвел в гордой улыбке. И вновь я заинтересовался, чем же занимался мой садовник в свободное время, — он явно выказывал далеко не садоводческие таланты.

Оказавшись внутри, Джанела прошептала слова заклинания над светящимся Ожерельем. Я повел отряд к той части дома, где, собственно, и жил Хебрус. Комнаты, мимо которых мы проходили, стояли почти пустыми, за исключением той немногочисленной мебели, которая не давала помещениям выглядеть уж совсем заброшенными.

Я без труда отыскал комнаты Хебруса. Джанела заставила ожерелье светиться ярче, и мы огляделись. Я увидел то, что и ожидал: большая часть тех сокровищ и драгоценных безделушек, которые коллекционировал Хебрус, собственно и превращавших помещение в дом, исчезли. Джанела открыла сумку и достала свой жезл, которым она заранее прикоснулась к книге, составленной Хебрусом для торговцев, представляющих Антеро, и повествующей об обычаях Вакаана. Эта книга, к сожалению, осталась у меня единственной: памятной вещью от моего верного слуги.

Джанела привела жезл в действие, и тот зашевелился, вытягиваясь и изгибаясь в стороны, как змеиный язык, ищущий, но так ничего и не находящий.

Спустя некоторое время она опустила жезл. Ничего. Мы обследовали остальные комнаты, включая и спальню Хебруса. По-прежнему ничего.

Мы покинули дом так же бесшумно, как и вошли в него, и вернулись в свой дворец, не будучи никем замеченными. Я отпустил Чонса, а Джанелу и Квотерволза пригласил к себе. Джанела уничтожила пламя, все еще горящее над бумагой, а затем исследовала ее. Ничья магия сюда не заглядывала, так что наша уловка удалась.

Я объяснил Квотерволзу, что мы искали, но не нашли, — кто-то не только ликвидировал физические следы пребывания Хебруса в доме, но стер и все свои следы, даже остававшиеся в воздухе. Словно невидимая метла прошла по всему дому, стирая всю память о существовании Хебруса.

— Но зачем? — удивился Квотерволз. — Разве Хебрус знал что-то важное? Что-то связанное с нашей экспедицией?

— Не знаю, — сказал я. — Хотя я не писал ему об этом и ничем не намекал, зная, что письма просматривают королевские чиновники. И, насколько мне известно, он не предпринимал никакого поиска информации, касающейся восточных земель.

— Тогда, — сказал Квотерволз, — у него должен был быть враг, который опасался, что вы по прибытии начнете мстить за него.

Это говорил истинный сын пограничных земель. Я же так не считал.

— Более приемлемое объяснение заключается, на мой взгляд, в следующем, — сказала

Джанела. — Хебрус являлся непосредственным свидетелем всех тех изменений, которые происходили в Вакаане за эти годы. И кому-то очень не хотелось, чтобы он рассказал Амальрику Антеро *о чем-то*.

Я тоже пришел к такому выводу, каким бы неопределенным он ни казался. Правда, в своих выводах я был смелее — подстрекателем являлся Модин. Ведь именно его стражники распространяли лживую историю о гибели Хебруса. Но с какой целью?

Я не знал... но понимал, что в лице этого королевского советника обрел врага. Но почему же он так легко одобрил наше путешествие?

Имелись вопросы, и не было ответов. И пора было спать.

Отави, Квотерволз и я вызвались приобрести для Джанелы необходимые предметы в предстоящей церемонии. Нужная нам лавка находилась в бедняцком районе, и мы, выйдя из лодки, двинулись по узким улочкам, следуя наставлениям Джанелы.

Мы отыскивали лавку, получили небольшой сверток от очень старого человека, одетого в наряд кочевников, которых я встречал в пустынях во времена моей молодости, и выдали ему изрядную сумму в золоте, которую он потребовал.

Мы отправились обратно к лодке, но тут из переулка к нам устремилась разгневанно вопящая толпа. Мы инстинктивно прижались спинами к какой-то стене и уже начали вытаскивать сабли из ножен, когда я понял, что эти люди и не собираются на нас нападать. Гнев властвовал над ними сам по себе, и это было видно по поведению одного человека, который, выскочив из собственной маленькой бакалейной лавки, вдруг дико огляделся, схватил булыжник и швырнул его не целясь, просто чтобы бросить. Толпа все увеличивалась, обрастая пополнением из близлежащих переулков, грозя захватить в свой безумный водоворот и нас. Люди срывали шелковые занавеси с витрин, били стекла. Я огляделся, ища места, где можно было бы укрыться, и тут в толпу врезалась плотная красномундирная шеренга.

В фаланге стражников первая шеренга размахивала дубинками длиною в три фута, вторая шеренга несла копья. Слов приказа слышно не было, но солдаты, бросившись на толпу, начали размеренно махать дубинками. Раз или два блеснула сталь, и в руке одного из стражников я разглядел кинжал.

Толпе некуда было податься; но затем люди нашли какой-то проход, забурили в нем, как вино в горлышке бутылки, и улица внезапно опустела.

Один из стражников заметил нас, нахмурился, но тут же кивнул успокоившись, словно мысленно связался со своим командующим и получил разъяснение, что эти чужеземцы не представляют опасности.

Послышались два отрывистых приказа, солдаты построились и удалились.

Я насчитал десяток тел, распростертых на бирюзовом тротуаре. Их кровь казалась столь же яркой, как и мундиры солдат, только что учинивших побоище.

Эта ночь ответила на многие вопросы. Я лег пораньше, чтобы выспаться наконец перед путешествием. Но вместо этого лишь ворочался, бесконечно размышляя о предстоящем нам, о том, есть ли у нас шансы выжить, о том, что сейчас происходит в Ориссе, и так далее, и так далее.

Наконец я задремал и даже увидел сон, который не запомнился. А проснулся от стука в дверь. Выскользнув из постели, я отыскал саблю, ощущая легкую гордость оттого, что мои старые навыки предосторожности возвращаются ко мне.

Бесшумно подобравшись к двери, я рывком распахнул ее. В полумраке коридора стояла Джанела. Она зябко передергивала плечами, словно на дворе стояла зима, а не канун лета. Я взял ее за руку и втянул в комнату, ощущая по ее состоянию и выражению лица, что произошло нечто ужасное.

Она неподвижно застыла посреди комнаты, а я, накрыв ночник, зажег фитиль, затем от него зажег две масляные лампы. И тут только обнаружил, что я совершенно не одет. Джанела и виду не подала, пока я, положив саблю на стол, накручивал полотенце на бедра.

— Что случилось?

Она облизала губы, подыскивая слова.

Я припомнил правила приличия, предложил ей сесть и налил бренди из графина. Она лишь коснулась губами бокала.

— Я поняла, — сказала она без вступления, — или, вернее, рискую выдвинуть догадку, почему убили Хебруса.

Я выругался про себя, отыскал в буфете новую бутылку бренди, сломал восковую печать и налил нам обоим, не обращая внимания на остатки в графине.

— И почему же?.. Или, для начала, — сказал я, — кто?

— Модин. Точнее, кто-то по его приказу, скорее всего стражники.

— Почему?

— Потому что Модин не хотел, чтобы вы по прибытии сюда узнали, что здесь творилось за прошедшие десять лет.

— Продолжай.

— Модин боится вас, Амальрик. Боится вас и боится нас, когда мы вместе. И он хотел, чтобы вы отправились на восток, не получив никакой информации от Хебруса, и путешествовали, не будучи вооруженным этим знанием. И он хочет, чтобы вы погибли, как погибают все путешествующие на восток, по его мнению, от рук демонов.

— Боится *меня*? — Я пытался понять смысл ее слов. — Чем же я могу ему угрожать? Он что, думает, я собираюсь уничтожить его? Или он считает, что я замышляю что-то против короля Гейята, а то и против всего Вакаана?

— Он и сам не может понять. Он страшится вас такого, каким вы были вместе с Яношем. Вам двоим удалось преодолеть все преграды, и добраться до Вакаана, и потрясти весь мир от Конии до самой Ирайи. До того, как вы с Яношем прибыли сюда, Вакаан, как и Орисса, находился в состоянии дремы. А теперь вы вновь прибываете сюда, да к тому же с потомком Яноша, и он просто впадает в панику, не зная, что еще мы учиним в их устоявшейся жизни.

— Очевидно, он не поверил нашей истории о намерениях отыскать лишь новые торговые точки, — сказал я.

— Разумеется, не поверил, — сказала она, — Конечно, он не дурак. Но если бы мы оказались с ним один на один, я не сомневаюсь, что одолела бы его в любом магическом искусстве по его выбору. В природе должно быть равновесие. Но его нет. Мы на его земле, и в его распоряжении мощь всех магов Вакаана, усиливающих его заклинания.

Я покрутил бокал в пальцах, размышляя над услышанным и подбирая слова для следующего вопроса.

— Не очень-то хорошие новости, — сказал я. — Но я не думаю, что именно из-за этого ты трясешься, как олененок, у которого только что на глазах охотники застрелили мать.

— Я не знаю, стоит ли рассказывать дальше.

— Почему же нет? Она глубоко вздохнула.

— Потому что вы мужчина... вы решите, что я пытаюсь навязать вам мое мнение.

— Джанела, ты совершенно сбила меня с толку. Ты просто расскажи, что случилось, и все. Мы же партнеры и друзья, надеюсь, не так ли? И держу пари, что я догадываюсь о большей части того, что ты скрываешь.

— О чем же?

— Модин или уже переспал с тобой, или добивается этого.

— Добивается. — Она содрогнулась. — Но добивается не из чистой похоти, не просто из желания заняться сексом.

Я широко раскрыл глаза, ожидая, что же последует дальше.

— Ты мог бы догадаться, — доверительно сказала она, неожиданно переходя на «ты». — Ведь речь идет о правнучке Яноша Серого Плаща. Секс с ней, магический секс, по его мнению, усилит его могущество. И этой ночью я поняла, что он намеренно выбрал эти цвета для своих стражников и всего государства. Он восхищен принцем Равелином, явившимся причиной гибели моего прадеда. И после того как мы оказались здесь, он

ощутил себя самым Равелином, у которого появился новый шанс овладеть Яношем Серым Плащом, получить его в полную собственность, и, может быть, когда наши тела сольются, а души устремятся в пространство, удастся овладеть и основным секретом Яноша. Похоже, твоя книга, — неожиданно спокойным тоном вдруг добавила она, — далеко перешагнула за границы Ориссы.

Я подошел к окну и выглянул наружу. Джанела была права — в какой-то мере ответственность за все эти убийства ложилась на меня. Мне вдруг захотелось нацепить саблю, отыскать Модина и вызвать его на дуэль, хотя мы с Джанелой и не были любовниками. Да и не собирались стать таковыми. Я ощущал не ревность, а гнев оттого, что Модин с помощью секса собирался обокрасть Джанелу и воспользоваться ее могуществом в своих целях. Я вспомнил, как иногда Янош, переспав с женщинами, отбрасывал их, и внезапно в памяти всплыла картина из далекого прошлого, я увидел женщину в лодке рядом с дворцом Яноша, женщину, оплакивающую потерю, и ощутил тот далекий запах словно бы от сторевавшего мяса барашка, и увидел полную чашу темной жидкости, похожей на кровь, которую осушает какое-то нечеловеческое существо.

— Итак, за одну сладострастную ночь он предполагает овладеть сразу всем, — наконец смог я выговорить, стараясь скрыть охватившее меня волнение.

— Нет. Он хочет, чтобы я оставалась с ним. Амальрик, ты, должно быть, невнимательно слушал, а я ведь сказала, что он боится нас. Мы вместе ему страшны гораздо больше, нежели поодиночке.

— Да уж, мы лихая парочка, — сказал я, стараясь немного развеять уныние, повисшее в комнате, но не отрывая глаз от сабли на столе. — Герои легенд и так далее.

— Более того. Один из нас выкован из железа. Другой слеплен из глины. Он думает, что где-то на востоке есть пылающая адским огнем кузница, где из нас сделают таких людей, которые перевернут мир до основания.

— Ну так пусть он в этом не сомневается! — воскликнул я.

— Теперь ты знаешь столько же, сколько и я. Я задумался.

— Через два дня взойдем на Священную гору. А через неделю мы должны отплыть по плану. Я думаю, что будет благоразумнее не торопиться и не пускаться в путь на следующий же день после церемонии. Это должно встряхнуть Модина и заставить его послать вслед нам заклинание, а может быть, и военные корабли. Как думаешь, располагаем мы таким временем?

— Не знаю, — сказала Джанела.

— Модин выставил тебе какой-то ультиматум?

— Нет. Ничего особенного.

— Значит, так и поступим. Не отменяем церемонию и не торопимся уезжать сразу же. И будем надеяться, что пока Модин ничего не предпримет.

В комнате повисла долгая пауза.

— Нам надо еще кое-что сделать, — сказала Джанела. Я поглядел на нее. Она смотрела в стену. — Модин знает, что мы не близки. То есть не являемся любовниками. Именно поэтому он и сделал мне это предложение. Он думает, что если переспит со мной раньше, чем ты... В общем, если он овладеет мною впервые, как девственницей, то обретет все мое могущество.

Я почувствовал, как жар бросился мне в щеки, хотя вся ситуация в целом выглядела даже немного забавной.

— Ну если он боится соперничества с моей стороны, тогда его с успехом можно ставить на охрану наложниц короля Гейята. Он что, не знает, сколько мне лет?

— Ты поможешь мне, Амальрик? — спросила она.

— Разумеется, — сказал я. — Скажи как?

Джанела не ответила, но встала и подошла сначала к одной лампе, затем к другой и погасила их, так что комната освещалась теперь только луной, заглядывающей в окно.

— Он, может быть, и маг, — сказала она. — Но *всего* ему знать не дано.

Она выскользнула из своих одеяний, и тело ее заблестело в тусклом свете. Затем она задула и ночник, и все погрузилось во тьму. Я услышал ее шепот, зашелестели простыни, заскрипели кожаные ремни кровати.

— Модин увидел все, что мог, — сказала она. — А теперь я сотворила блокирующее заклинание, и пусть он думает обо мне что угодно.

Я стоял на месте, чувствуя себя дураком. Джанела тихо рассмеялась.

— Не беспокойся, — сказала она. — Твое целомудрие в безопасности.

Я подошел к постели, чувствуя себя неловким, как новобрачный, и чуть не упал, споткнувшись о ее сапог. Присев на постель, я задумался, как же мне спать — в полотенце на бедрах? Мне стало смешно, что я думаю над такой ерундой, я сорвал полотенце, отбросил его в сторону и скользнул под простыни. Но все же постарался держаться подальше от Джанелы.

В комнате было очень тихо. Слышно было, как плещет вода в канале за окном да позванивает колокольчик какой-то гондолы. Дыхание Джанелы становилось все ровнее, и вот она уже, кажется, заснула.

Я тоже почти уснул, когда она придвинулась ближе, положила голову мне на плечо, а одной рукой обняла за грудь. Во сне она что-то пробормотала, прижимаясь еще теснее.

Я ощутил крайнюю неловкость. В конце концов, она годилась мне в правнучки. Более того, она настолько доверяла мне, что использовала мою постель для того, чтобы одурочить Модина.

Она еще раз вздохнула, а веки мои потяжелели. А потом я ощутил бьющие мне в лицо из окна солнечные лучи, призывающие подниматься.

Подъем на Священную гору оказался гораздо тяжелее, чем я представлял себе. Душевная боль вернулась, оказавшись столь же острой, как и в те времена, когда я здесь совершал кремацию тела Яноша и отправлял его дух на восток.

К руинам алтаря старейшин мы пришли вчетвером: Отави, Квотерволз, Джанела и я. Двум мужчинам я предложил оставить здесь свою поклажу, а самим спуститься вниз и не подсматривать. Церемония требовала, чтобы при ней не присутствовали непосвященные.

Джанела достала из своей сумки шесть маленьких горшочков с краской и кисть и принялась выводить на алтаре буквы неведомого мне языка.

Я же стоял в ожидании. Наверное, здесь, на вершине горы, было холодно. Если и так, я не помню, чтобы что-то чувствовал.

Возле алтаря было безлюдно. Жители Вакаана не очень жаловали это место, напоминающее им о людях, давно исчезнувших и обладавших могуществом более высоким, чем они.

Мне показалось, что я вижу какое-то пятно на алтаре, может быть, след от сгоревшего тела Яноша. Но мне это лишь казалось. Дожди все давно смыли.

Джанела раскрыла два принесенных нашими спутниками мешка и достала оттуда пригоршню палочек, разместив их на алтаре в определенном порядке. Эти деревянные щепки мы привезли из Орииссы. Некоторые из них я отколол от деревянного ящика, в который были упакованы сокровища, присланные из Костромы, родины Яноша Серого Плаща. Другие щепки я лично отколол от двери, висевшей на петлях комнаты в казарме гвардии Магистрата, где служил Янош. Эту дверь я выкупил. Часть щепок отодрали от кресла моего отца — Янош любил сидеть в нем, выпивая. Последние щепки были от причальной тумбы возле дворца в Ирайте, в котором проживал Янош. Джанела полила щепки маслом, и мы стали ждать. Первые лучи солнца вырвались из-за горизонта, и в этот момент Джанела произнесла три непонятных слова; алтарь охватило пламенем, таким могучим, словно мы развели костер в канун Праздника середины лета.

Дым от костра подхватило ветром и понесло от горы на восток.

Но тут же султан дыма заметался, рванулся против ветра и окутал алтарь, словно обнимая нас с Джанелой.

Но пахло не обычным дымом, то ли в силу старости дерева, то ли из-за того, что щепки

облили маслом. Пахло солью моря, слегка смолою канатов, примешивались и совершенно неожиданные запахи — мирры, цветущего апельсинового дерева, меда, аира, можжевельника.

Уставившись прямо в восходящее солнце, я не ощутил ослепления, а видел что-то еще.

Некогда с вершины этой горы узрел я видение, видение высокого горного кряжа, кряжа, по форме напоминающего огромный сжатый кулак, покрытый снегом. Он очень походил на тот кряж, который миновали мы с Яношем, полагая, что это и есть Кулак Богов. И вот я узрел это видение в тот день, когда кремировал тело Яноша, и это видение преследовало меня всю жизнь, пока не явилась Джанела и не сказала, что мы ошибались. И теперь я был совершенно уверен в ее правоте. Взор мой устремился поверх Ирайи, поверх тех земель, по которым, извиваясь, текла к Восточному морю река. И я увидел океан, до которого не добирался еще ни один человек, а за ним — землю. Предстало передо мною устье реки, намного превосходящей размерами ту, что текла в Вакаане. Дальше, за устьем реки, вид смазывался, я же продолжал вглядываться, как птица, летящая с невероятной скоростью. И дальше располагалась земля, но я не мог ее рассмотреть. Я остановил взгляд на горном кряже, сжавшемся в огромный кулак. Гигантский... или Божий.

Теперь я уверовал. Уверовал до дна души.

— Посмотри, — прошептала Джанела, и я вынужден был посмотреть на нее. Она держала в руке серебряную фигурку танцовщицы, и вновь та обрела плоть, и вновь танцевала в присутствии прекрасных мужчин, женщин и демонов. На своих тронах так же восседали король и королева, и так же похотливо наблюдал за танцовщицей демон с волчьей мордой. Но мои глаза устремились к открывающемуся за окном дворца саду и расположенному дальше городу.

Далеко на горизонте, в рамке из оконного переплета, виднелись пики гор, несомненно, обратная сторона того кряжа, который предстал передо мною в видении.

Я моргнул. И все исчезло в слезах, наполнивших мои глаза под действием солнечных лучей.

Ни я, ни Джанела ничего не сказали.

Слова были не нужны.

Пора было отправляться на поиски Королевств Ночи.

Теперь у нас все имелось в наличии для немедленного отправления: уверенность в правоте Джанелы, необходимые припасы и разрешение короля Гейята, пусть и полученное в столь непростой обстановке. Теперь я ломал голову над тем, как исчезнуть, чтобы при этом весть о нашем отплытии не дошла бы немедленно до ушей Модина из уст Лиенора и прочих слуг-шпионов. И я решил все же явиться ко двору с формальным словом прощания, но буквально накануне отплытия, чтобы успеть предупредить замыслы министра Модина против нас.

Я объявил план, в который входил осмотр готовности путешественников и кораблей к плаванию. При этом, как только все корабли были бы загружены, мы бы сразу же отплыли. Но дабы придать всему мероприятию характер обычного осмотра, я во всеуслышание предупредил, что за обнаружение неполадок и неисправностей каждый виновный будет наказан двухнедельными работами по кухне, месяцем ночных караулов, запрещением целую неделю покидать дворец — в общем, старался указать на то, что мы еще долго пробудем в Ираие.

Мы оба с Джанелой были потрясены открывшимся с вершины горы видением, меня же, кроме того, здорово утомило и само восхождение.

Джанела вскоре после нашего возвращения прислала за мной, упрашивая поторопиться. Я же сидел в своей спальне, лелея мечту немного вздремнуть, но вместо этого прислушиваясь к бесконечному хныканию Пипа о том, что вот, дескать, ежели бы он знал, что предприятие окажется таким опасным, он бы никогда не согласился отправиться в это путешествие, и, стало быть, благородный господин Антеро должен бы обратить особое внимание на размеры оплаты, учитывая, что дело может обернуться так, что он, Пип, вообще

окажется не в состоянии вернуться в Ориссу, и так далее, и так далее.

Эту старую песню Пип заводил в каждой экспедиции. Я в конце концов рассмеялся и сказал, что если он рассчитывает получить побольше золота, то должен побольше и поработать и не терять надежды на хорошие премиальные по возвращении домой. Наш привычный диалог завершился, а я отправился в апартаменты Джанелы, размышляя, что же такое еще произошло.

У нее на столе стояла открытая сумка, а вокруг валялись различные предметы, необходимые для магии. Перед нею стояла мензурка с какой-то ужасной на вид и отвратительно пахнущей жидкостью.

— Амальрик, — сказала она без вступления, — у нас проблемы.

— Кто же этого не знает.

— Об *этом* ты еще не знаешь, и я должна продемонстрировать их тебе. Садись. Дай мне твой палец. Мне нужно немного твоей крови.

Я сделал, как она сказала, и она нанесла мне порез крошечным ножиком — но серебряным, а не золотым, который использовала для предыдущих заклинаний. Подержав палец над мензуркой, она выдавила туда три капли крови.

— Должно быть, после посещения горы у меня повысилась чувствительность, — сказала она. — Некогда у меня уже было это ощущение страха и опасности, словно за мной наблюдает невидимый враг. И последние несколько часов я ощущаю присутствие этой опасности здесь, причем исходит она не от Модина и его магии или с востока, а откуда-то из неизвестного мне места. И большего я не могу объяснить. А теперь держи свои руки ладонями кверху.

Она начала натирать их какой-то желтоватой мазью.

— Ты сказал, что не обладаешь магическим талантом, во что я не верю, — тихо, тихо, я не собираюсь спорить. Сейчас я просто хочу отправить твой дух назад по реке, к морю. А затем на юг и затем — обратно в Ориссу. И меня страшит то, что ты, может быть, увидишь. Если же заклинание не сработает, я просто расскажу тебе, что я подозреваю, и готова поклясться на чем хочешь, что я говорю правду.

Я сердито отдернул руки.

— Джанела. Сейчас же прекрати. Я вовсе не нуждаюсь в твоих клятвах.

— Но сейчас... ты мог бы... — Она посмотрела на меня с неуловимой печалью. — Извини, Амальрик. Я очень не права.

Она подняла свои ладони, как делают это жрецы, и принялась произносить нараспев:

Кровь находит кровь

Кровь ищет кровь

Кровь найдет

Кровь увидит

Кровь найдет.

Затем нормальным тоном она добавила:

— А теперь выпей этот напиток.

И я выпил до дна, неловко держа мензурку ребрами ладоней. Вкус сначала был сладкий, затем чуть горьковатый, а под конец и раздражающе неприятный, почти заставляющий глотку не пропускать снадобье внутрь.

Испугавшись, что меня сейчас вытошнит, я хотел было протестовать, но не успел я отставить мензурку, как был вырван из телесной оболочки и закружился в пространстве.

Когда я был еще подростком, на всю Ориссу недолго большое впечатление производила циклорама. На длинных полосах материи располагались подряд картинки. Зрители усаживались в кресла, а перед ними циклорама перематывалась с одного цилиндра на другой. Так что можно было совершить как бы путешествие из Ориссы к устью реки или вдоль Лимонного побережья или отправиться на повозке из города к горам. Можно было

забыться и представить, что путешествуешь ты сам.

Вот и теперь у меня было ощущение, что я нахожусь перед циклорамой, которая перематывается с невероятной скоростью. Река, извиваясь, промчалась подо мной, как обезглавленная змея, вот уже и Мариндюк, а вот я лечу над морем обратно в Ориссу. Под собою, на беспокойных волнах, я разглядел какие-то точки и спустился ниже. Оказалось, это десять кораблей, на главных мачтах которых я с радостью увидел знамена Ориссы.

Узнал я и корабли — они принадлежали мне, — часть торгового флота Антеро. Но снаряжены они были для войны — по бортам натянуты противоабордажные сети, на полубаки водружены катапульты. На палубах люди, одетые в боевую кожаную форму, упражнялись во владении оружием.

Затем я очутился над одним из кораблей, который почему-то счел флагманским, там я и завис, невидимый, над ютом. Подо мной стоял Клигус! Почему это *мой сын* решил направиться в Ирайю?

Клигус, также одетый в военную форму, был увлечен разговором со знакомым мне гвардейским офицером, имени которого я, впрочем, не помнил. Мне отчаянно хотелось знать, о чем они разговаривают, и наконец я кое-что расслышал. Но неотчетливо, как ожидалось при такой моей близости к разговаривающим, а словно из какой-то трубы доносились звуки, так что я разбирал лишь отдельные слова:

— ...что в наших силах... арест... приговор, разумеется... разрешение... объяснение... ренегат... когда я вернусь... доказательство... вся Орисса узнает... ну и тогда уж Гермияс будет обречен вместе с ним.

Тут Клигус изобразил насмешливое горестное выражение, не скрывавшее радостный блеск в глазах, и четко произнес:

— Мой собственный отец! Во имя Тедейта, как же мне перенести такой позор?

Я рванулся обратно в Ирайю, вернулся в тело, расслабленно раскинувшееся в кресле спальни Джанелы. Она посмотрела на меня, кивнула, зная, что я увидел и услышал, встала и отошла к окну, глядя на улицу. Я постарался овладеть собой, несмотря на охватившую меня слабость. Даже слезы выступили на глазах. Но тут же мною овладел гнев. Я монотонно изложил все, что слышал и видел.

— Но как могла Орисса... — я запнулся, подыскивая слова, — прислушаться к этому?

— Амальрик, я понимаю, что это удар для тебя, но, пожалуйста, не теряй головы, ради себя же самого. Ты сказал, что Клигус обмолвился о том эффекте, который произведет на Ориссу какое-то сообщение, как только он вернется с каким-то доказательством или с тобой. И ты сказал, что это твои корабли. А еще раньше ты рассказывал, что у Клигуса имеются могущественные друзья. Держу пари, что он добился разрешения организовать экспедицию на свои средства, дабы исследовать какие-то преступления, в которых он обвиняет тебя. Ну а пока ты еще не предстал перед Воротами Предателей, или как там это у вас в Ориссе называется, у тебя там должны остаться друзья. Клигус упоминал Гермияса, следовательно, тот держится твердо и пока в безопасности. К тому же есть Палмерас, который, по-моему, никак не склонен поверить Клигусу, что бы тот ему ни рассказывал.

— Я уверен, что он не поверит.

— Для чего же ему так важно привезти тебя обратно? А ты уверен, что Клигус говорил правду, обсуждая свои намерения?

Клигус вряд ли довез бы меня до Ориссы живьем. В чем бы он меня ни обвинял, каких бы лжесвидетелей ни заготовил, но от его обвинений камня на камне не останется, стоит мне вернуться в Ориссу. И стало быть, Клигус хладнокровно замыслил совершить отцеубийство.

— Как же он мог? — Вопрос был бессмысленный, но он вырвался из глубины души.

— Понятия не имею... Он таков, каков есть, и я не хотела бы объяснениями усиливать твою боль. Но есть и другое «как» — имеющее для нас практическое значение. Как мог Клигус преуспеть в этом нахальном фарсе, что у него даже нашлись слушатели? Я уже говорила, что ощущаю некую магию, некую злобную силу впереди и позади нас, и точно так же я ощущаю, что именно эта сила гонит Клигуса по нашим следам. Одна и та же сила. Кто-

то... или что-то... находящееся на востоке, связывает эту силу с Клигусом.

— Силы, подобные Сенаку?

— Почти наверняка.

— И Клигус осознает это, — спросил я, хватаясь за соломинку, — или он просто игрушка в их руках?

— Не могу ответить. Возможно, он и оружие в их руках, но оружие удобное, поскольку чистый дух нельзя разложить. Но я не уверена, находится ли он в открытом союзе с нашим врагом, кем бы он ни был. Возможно, и нет, поскольку во время моего пребывания в Ориссе я не ощутила мощного противостояния магических сил. Если бы демоны находились прямо на кораблях, они бы мгновенно ощутили твое присутствие и заставили бы убраться.

Вновь скорбь овладела мною. Я опустил лицо в ладони.

— Наверное, ты права, — смог выговорить я. — Но у меня сейчас в мыслях сумятица. И мне нужно какое-то время, чтобы все прояснилось.

— У нас *нет* времени, Амальрик. Именно поэтому я просила тебя прийти побыстрее. Корабли Клигуса находятся менее чем в двух неделях пути от Ирайи, да нам еще нужна по крайней мере неделя, чтобы спуститься по реке к морю.

Она была права. Я же не мог и пошевелинуться, ощущая себя застывшим, как камень. Затем откуда-то появились силы. Возможно, часть своих передала мне Джанела, имевшая их достаточно, чтобы до нашего знакомства исколесить много стран. Я ощутил себя могучим. Внутри росла энергия. В своих чувствах к Клигусу я покопаюсь позже. И решение, что с ним сделать, я также отыщу позже. Только не сидеть тут, как маразматик, и не пускать слюни. Бывала боль и страшнее — смерть моей любимой Диосе и первого ребенка, Эмили, после которой я вообще был готов расстаться с жизнью, бросившись в объятия волн и Черного Искателя. Но и это я пережил.

Пришло холодное, мрачное спокойствие. Я поднялся.

— Я придумаю, как нам устроить незамедлительное отплытие, — сказал я. — И пошли королю просьбу о назначении прощальной аудиенции.

Джанела протянула мне руку. Но я встал самостоятельно. Если я проявлю хоть малейшую слабость, то рассыплюсь, как сгнивший на стоянке корабль.

И на нас обрушились дела.

Через час прибыл курьер с посланием от министра Модина, где он приглашал меня и госпожу Ликус, известную ныне как Серый Плащ, почтить присутствием королевскую аудиенцию, назначенную на четвертый час после восхода солнца через два дня. При этом надобно быть готовым ответить на вопросы, могущие возникнуть у короля Гейята.

Впрочем, послание принес не какой-нибудь придворный чиновник, а стражник, сопровождаемый еще двумя.

Мы почувствовали ловушку. Я понятия не имел, какие вопросы могут возникнуть у короля самого или под науськиванием Модина, но холодный тон послания, тот факт, что Джанела упоминалась под тем именем, под каким была известна здесь, в ее отечестве, и вооруженные солдаты — все это давало повод полагать, что обстановка складывается далеко не дружелюбная.

Даже если мы ответим на предложенные вопросы, наверняка дело растянется на неделю, прежде чем нам разрешат отплыть... а к тому времени Клигус будет уже здесь.

Чувствуя, как ловушка закрывается, я не имел ни мыслей, ни планов, ни идей. Я решил прогуляться по причалу, просто побыть возле воды. Мы, ориссиане, привыкли успокаиваться, глядя на реку, она же приносит нам ясность мышления и умиротворение. Может быть, что-нибудь и осенит меня, собьет с меня тупость, а там уж мы с Джанелой что-нибудь и придумаем.

В сумерках я вышел из дворца.

Я сделал вид, что не замечаю Квотерволза, следующего позади и старательно прячущегося.

Я сел на краешек причала и стал смотреть на небольшие волны, плещущиеся о борта

наших судов, так тщательно снаряженных, но которым, похоже, не суждено увидеть цель нашего путешествия.

Что-то падало с неба, плавно раскачиваясь в воздухе, как перышко или снежинка. Я протянул руку, и на ладонь мне упал пепел.

Я поднял взгляд и увидел Ирайю, охваченную огнем.

Небо осветилось, словно солнце изменило свой маршрут и родилось из пламени пожара. И даже не пожара, а пожаров, понял я, заметив множество отблесков на небе. Мне показалось, что ближайший пожар занимается к югу от королевского дворца, в том месте, которое по меркам Ирайи считается районом проживания бедняков.

Один пожар можно считать случайностью... но несколько? Я насчитал по крайней мере восемь очагов огня. Неужели к Ираие все-таки подобралась враги и напали? Невозможно. Разве что враг изнутри — сам народ восстал.

Квотерволз оказался рядом. Я теперь точно знал, что надо делать. Вид этого пылающего ада сразу отменил в сторону всю нерешительность и неопределенность.

— Вызывай людей, — приказал я. — Мы отплываем через два часа. И позаботься, чтобы никто из наших слуг-шпионов не смог покинуть дворец и разболтать.

Широкая улыбка появилась на лице Квотерволза.

— Слава богам! Теперь-то мы прихлопнем этих ублюдков со всеми их интригами. — Он бросился к дверям дворца, громкими воплями созывая сержантов и капитанов кораблей.

Я направился к Джанеле. Но она уже стояла во дворе, с сумкой через плечо и с саблей на поясе.

— Вижу, боги благосклонны к нам, — сказала она спокойно. — А уж мы воспользуемся моментом, не так ли, друг мой? — Она говорила прямо как ее прадед в минуту сражения, когда вокруг господствовали страх и паника, а он один сохранял спокойствие и трезвую голову.

На подготовку у нас ушло менее часа. Лиенора и всю прислугу заперли в одном из банкетных залов, забив двери на кухню и в буфетную гвоздями и завалив кучей мебели. Два матроса, как я выяснил позднее, настойчиво упрашивали боцмана допустить с ними на корабль своих возлюбленных, но им было отказано.

Квотерволз уже занес мои пожитки на «Ибис», но я оставался на причале, желая взойти на борт последним, несмотря на сильное желание побыстрее убраться отсюда.

Я уже не сомневался, что в Ираие разразилась гражданская война. Неподалеку я заметил патрульное судно стражников, торопливо удирающее по каналу от гондол, заполненных какими-то оборванцами. Сидящие в них мужчины и женщины кричали и размахивали факелами и оружием. Гондолы нагнали судно стражников, и началось избиение. Когда оно закончилось, одна женщина принялась размахивать багром. На конец багра была нацеплена голова человека, все еще в красном шлеме.

Мои люди быстро занимали места на кораблях, Квотерволз отдавал команды сухопутным бойцам, а Келе — морякам:

— Выбрать кормовой конец! — Моряки бросились выполнять команду. — Мы готовы к отплытию, господин Антеро!

Я взбежал по трапу, и, как только оказался на палубе, его втащили на борт. Взлетели весла.

— На руле держать прямо! — выкрикнула Келе. — Весла левого борта... Гребите же, проклятие!

Нос нашего корабля начал отходить от причала.

— Поднять паруса! — приказала Келе, почувствовав хороший кормовой ветер. Мы двинулись. — Так держать руль... Все весла, разом! Курс на устье канала. Где гребной барабанщик, демон его раздери?!

Барабанщик принялся отбивать ритм для гребцов. «Искорка» и «Светлячок» следовали в кильватере.

— Квотерволз, — приказал я, — лучники...

Он же лишь махнул рукой, указывая, и я увидел вооруженных солдат на полубаке. Они держали луки наготове, наложив на тетивы стрелы.

— Может быть, нужны какие-то изменения в боевом порядке? — спросил меня Квотерволз.

Я выдавил улыбку, сожалея, что «Ибис» не является настоящим боевым кораблем, с большим количеством солдат, обязанных лишь сражаться.

— Нет, Квотерволз. Просто будьте все начеку. Он отдал мне честь и поспешил с юта.

На каждое весло налегали по два человека, покрывающиеся потом от натуги, поскольку сами понимали, что нужно спешить. На юте оставались только Келе, рулевой, Джанела и я. Поверхность воды под легким бризом оставалась спокойной.

Мы вышли из устья канала на просторы озера.

Война сама по себе ужасна, а уж гражданская — наиболее отвратительное ее проявление. Однажды мне довелось видеть, как лев, пронзенный копьем, катался по земле в муках и в ярости грыз собственные вываливающиеся внутренности. Вот на что была похожа Ирайя этой ночью.

Благодарение Тедейту, каналы, ведущие от нашего дворца к озеру и реке, были достаточно широки, и мы не оказались втянутыми в бойню и разрушения, творящиеся на берегах.

Поначалу мы шли незамеченными. Толпы были слишком увлечены взаимным истреблением и ни на что не обращали внимания. Я видел, как из какой-то лавки вышел мужчина, горделиво размахивая деревянной игрушечной лошадкой, словно самой великой наградой в своей жизни. Я видел людей, стоящих цепочкой у таверны и передающих друг другу бутылки. Таверна была охвачена огнем, а люди поочередно отхлебывали из передаваемых бутылок, отбрасывая пустые в сторону.

Из темноты, визжа, вылетела обнаженная девица, за ней гнались два полуодетых оборванца. Квотерволз отдал приказ, прозвенели две тетивы, и негодяи упали с торчащими из груди каждым оперенными стрелами. Девушка продолжала бежать, не понимая, что ее уже больше не преследуют. Конечно, нам следовало бы поберечь стрелы, но Квотерволз был слишком порядочным человеком.

По мере нашего продвижения вперед встречались зрелища и похуже. Граждане поднялись против граждан, брат против брата. Но общим врагом являлись стражники. Тут и там попадались торчащие на пиках головы в красных шлемах и настолько истерзанные тела в черно-красных мундирах, что смерть для них стала наверняка милосердным избавлением от последних минут жизни.

Затем нас увидели, и хаос попытался затянуть в себя три ориссианских судна.

Увидевшие нас разразились криками ненависти — никто не должен был сбежать из этого ада. В нас полетели камни, бутылки, прочий хлам. Но по берегам располагались люди и получше вооруженные. На «Светлячке» погибла женщина — вылетевшее из тьмы копьё пригвоздило ее к палубе. Один из солдат на «Ибисе» получил стрелу в бедро.

Мы вошли в длинную протоку, над которой высокой аркой располагался мост. Оттуда увидели, как мы подплываем. Дружно взявшись за дело в пьяном кураже, бродяга вырвали из земли тяжелую деревянную скамью с намерением сбросить ее на нас сверху, когда мы пойдем под мостом. В воздух взвились наши стрелы, и скамья упала на мост, окруженная распростертыми телами.

От одного причала, подгоняемая шестью, пошла в нашу сторону небольшая рыбацкая лодка. Я понятия не имел, что замыслили сидящие в ней повстанцы. Наше судно ударило носом в борт лодки, и та перевернулась. Какой-то ирайец в момент удара успел подпрыгнуть и уцепиться в наш леер, но наш солдат ударил его дубинкой по голове и сшиб в воду.

Оставшиеся на плаву просили вытащить их, но мы не могли им помочь. Ночь изобиловала кошмарными зрелищами. Мы проходили мимо небольшого, выдающегося вперед мыса. На нем стояла женщина с узелком в руках и что-то кричала. Вокруг ревели пламя, и я не мог разобрать, чего она хочет. Она взмахнула узелком, пытаясь привлечь к себе

внимание, а затем и швырнула его в нашем направлении. Никто ничего не успел сделать. Узел ударился о поверхность воды, развернулся, и показался ребенок, завернутый в одеяльца. Я не знаю, что мы могли сделать, что должны были бы сделать, никто не успел осознать происходящее, а дитя уже скрылось в волнах.

Женщина вновь закричала. Затем она прыгнула в канал, раскинув волосы по плечам. Она погрузилась в воду и скрылась из виду.

Ужасы следовали один за другим, но мы уже выходили на просторы озера. Ирайя оставалась позади. Нас мог поджидать лишь один враг — патрульные суда стражников. Но увидев, как пятерка этих судов устремляется в город, я перестал беспокоиться. Они не обратили на нас ни малейшего внимания. Горстка ориссиан не имела никакого значения перед лицом воцарившейся в Ираие анархии.

Поднялся сильный ветер, он дул от города.

Итак, оставив позади огонь, смерть и вероломство, мы подняли все паруса и устремились в неизвестность.

Книга вторая ДАЛЕКИЙ БЕРЕГ

Глава 7 ПИРАТЫ

Мы добрались до устья реки, вышли затем в открытое море, избежав столкновения с экспедицией Клигуса, и сразу взяли курс на северо-восток согласно много раз проверенной карте Джанелы.

Мы обходились без заклинаний, не желая оставлять следов, по которым Модин, с помощью своих магов, мог бы отыскать нас после расправы с мятежниками. Хоть Джанела с моей помощью и не обнаружила исходящих от кораблей Клигуса магических волн, я не сомневался, что даже Палмерас не смог бы удержать от вступления в союз с Клигусом некоторых тщеславных воскресителей, которые могли присоединиться к его экспедиции.

Увиденное в Ираие потрясло нас. Развал такого могущественного королевства воспринимался столь же болезненно, как если бы эти события имели место в самой Ориссе. Особенно тяжело было мне, знавшему лично короля Домаса и не раз восхищавшемуся славной историей Вакаана.

Все происходящее не сулило ничего хорошего ни для Ориссы, ни для других известных мне стран. Однако я старался отбросить эти мысли в сторону, не желая уподобляться старцам, вечно бубнящим, что все идет к упадку.

Встревоженный Квотерволз подошел ко мне, но я не нуждался в совете солдата, что мне делать. Всем капитанам было приказано занять матросов напряженной работой, дабы не оставалось времени на праздные мысли и уныние. Квотерволз обязан был устраивать солдатам тренировки.

Я постепенно приходил в себя, и ко мне возвращалась та сила, которой я не ощущал уже давно.

Через неделю после нашего отплытия из Вакаана Джанела отметила нечто странное. Стоял солнечный денек с легким ветерком, и матросы, подняв полные паруса, слонялись по палубе в надежде, что уж сегодня-то Келе, Тоура и Берар позволят им провести денек в праздности. Я лежал на юте в одной набедренной повязке, убеждая себя, что пора бы встать и размять мышцы, но при этом наблюдая за юнгой, приставленным к песочным часам, и увлекаясь старой игрой: вот еще минутку, вот сейчас он перевернет эти часы, и тогда я... И я задремал.

Джанела раскинулась загорать рядом, в нескольких футах от меня, и ждала, когда на поверхности вновь появится дельфин, следующий за нами вот уже несколько часов. Она

перекатилась на бок, зевнула и затем вдруг задумчиво сказала:

— Вот это да! Послушай, Амальрик, а я думала, что у тебя все волосы седые.

— Так оно и есть, — пробормотал я, не желая выныривать из дремоты. — Да это и неплохо. Потому что всем приходится не возражая выслушивать мою болтовню. Привилегия моих лет.

— Я говорю серьезно.

— Должно быть, игра света. Или соленый воздух. Вот все и выглядят более молодыми.

Джанела что-то проворчала, взялась за свою сумку и извлекла небольшое зеркальце.

— Посмотри сам, дедуля.

Я взглянул, прищурившись. С минуту я глазам не мог поверить, но, клянусь Тедейтом, она была права. На висках волосы начали рыжеть. Цвет, конечно, был не тот сияюще-медный, как в юности, но тем не менее волосы медленно меняли окраску. Я озадаченно почесал голову и ощутил в том месте, где давно была лысина, щетину. У меня росли новые волосы. Я попросил Джанелу осмотреть их, и она сказала, что они тоже рыжие.

— Вот теперь я действительно встревожен, — сказал я, пытаюсь пошутить. — Кто-то наслал на меня заклинание омоложения, и вскоре мне понадобятся пеленки.

— Такого заклинания не существует, — отрезала Джанела. — Если бы оно существовало, никому бы не понадобилось золото и никто не стал бы искать Королевства Ночи, не так ли?

— В общем, да, — сказал я, обдумывая положение вещей. — Хотя я уже и забыл, как это — быть юным. Помню, у меня тогда часто менялось настроение — один день я чувствовал какой-то восторг, зато на следующий ощущал меланхолию, причем без всякой причины.

— Ничего, я буду рядом, — сказала она. — И присмотрю, чтобы ты не озадачивал нас своими мальчишескими выходками.

На самом деле, мне казалось, что все со мной происходящее — иллюзия, однако шли дни, и я продолжал молодеть. Постепенно на это обратили внимание Келе, Квотерволз, а за ними и остальные. Поймите меня правильно — я вовсе не стал тем юношей, который пускался за своим первым открытием, просто я стал выглядеть лет на десять-пятнадцать моложе. Или, точнее, стал выглядеть как до смерти Омери. Ведь с той поры прошло не более двух лет, но я просто махнул на себя рукой, решил, что мое место у очага, с одеялом на коленях, и мне осталось лишь ворчать на настоящее, скорбеть о прошлом и ждать прихода Черного Искателя.

Мрачная мысль пришла мне на ум — я вспомнил ту танцовщицу, фигурку, которую показывал мне Янош. Сначала она тоже выглядела потертой, даже обломанной, но чем дальше мы продвигались на восток к Далеким Королевствам, тем сильнее фигурка обновлялась, пока не стала совсем новой. Вспомнился мне и тот последний раз, когда я видел ее вновь потертой и сломанной перед тем моментом, когда сабли заменили нам с Яношем слова. Возможно, происходящее следовало бы счесть за предостережение. В молодости, когда я еще был чист душою, мне казалось, что я слышу, как кто-то зовет меня издалека. Я тогда лучше чувствовал себя и людей и был уверен, что у каждого есть своя цена и что честный человек достоин соответствующей судьбы и ее даров.

Для Яноша такими дарами были знание и, возможно, могущество, которое и приобретается в результате познания. А для меня? Я не знал. Я задумался и решил, что вовсе не будет неверным предположение о наследовании Джанелой зловещих черт Яноша; но все же отверг эту мысль как недостойную. Кровь, несмотря на все предостережения жрецов и сочинителей, зачастую ведет себя непредсказуемо.

Мы двинулись дальше, держась намеченного курса. Две недели спустя после отплытия из Вакаана я попросил Джанелу сотворить некое заклинание. Мне казалось, что мы находимся уже недалеко от земли. И я хотел внести кое-какие коррективы в замысел Джанелы. Поначалу она намеревалась плыть прямо на восток, пока мы не уткнемся в сушу. Затем, с помощью магии и дополнительных подсказок из легенд, мы внесли изменения в ее

карту и подумали: может быть, нам стоит повернуть на северо-восток или юго-восток, дабы встретиться хоть с какой-нибудь цивилизацией. Если бы таковая встретилась, мы могли бы получить подсказку о местонахождении Кулака Богов. И если бы мы наткнулись на следы бывшего величия старейшин, это было бы еще лучше.

Все эти соображения казались мне необходимыми, хотя, Тедейт тому свидетель, я пускался в торговые путешествия и с меньшей информацией, нежели Джанела имела об этих королевствах.

Я вспомнил кое-что из того, что она мне рассказывала, и спросил:

— Ты говорила, что некогда пускалась в плавание на поиски этой страны, но тебя развернула береговая охрана.

— Было такое, — сказала она.

— Я знаю, что вакаанцы весьма подозрительно относятся к тому, что находится на востоке. Но неужели береговая охрана для того только и существует, чтобы заворачивать упрямых исследователей?

— Нет, — сказала она, — они еще останавливают рыбаков, которые ищут новые рыболовные места подальше к востоку, но в основном они призваны заниматься пиратами.

— Пиратами? Да какие же тут могут быть пираты? Разве что несколько негодяев, которые довольствуются нападениями на случайного путешественника или рыбака. А с такой добычей эти флибустьеры должны здорово голодать.

Джанела задумалась и, усмехнувшись, согласилась.

— А если пираты есть, — продолжил я, — то должны быть и жертвы; акулы не охотятся в безрыбных местах. И тогда эти жертвы пиратов должны обитать на востоке...

Джанела закончила за меня:

— А значит, пираты должны знать о восточных землях.

— Ну разве я не умница? — сказал я по возможности самодовольно.

— Умница, милый, да к тому же и скромник, Амальрик Антеро, — сказала она, и вот так мы приступили к реализации нашего плана.

И начальное заклинание, как я столь же нескромно размышлял, должно быть продумано очень тщательно. Мы сделали допущение: пираты тоже должны иметь какое-то отношение к магии, не могут же уважающие себя морские разбойники рассчитывать на случайные встречи со своими жертвами. Исходя из своего богатого опыта стычек с пиратами, я знал, что корсары обычно не вступают в схватку с хорошо вооруженным кораблем. Пираты, несмотря на образы, созданные романами и балладами, ничем не отличаются от заурядных головорезов из подворотни. Ни один из этих негодяев не решится на преследование человека с саблей, а подождет какую-нибудь женщину, старика или пьяного.

Хотя наши суда не были боевыми кораблями, выглядели они все же воинственно, вот поэтому мы и решились на заклинание.

На самом деле, как решила Джанела, заклинаний должно быть два. Первое заклинание обезвреживало пиратских магов, ежели такие существовали, а второе — внушало доверие к нашему мирному облику, дабы при виде нас у пиратов не возникло ни малейшего сомнения. Точно так же, как я с презрением относился к военному искусству пиратов, Джанела пренебрежительно оценивала их магические возможности.

— Зачем серьезному магу, — заявила она, — терпеть все эти соленые мокрые морские лишения, рискуя закончить жизнь на веревке, когда он спокойно может заниматься своим колдовством в сухости и тепле в качестве домашнего мага какого-нибудь богача?

Широкий медный таз наполнили морской водой. В воду Джанела насыпала травы, вызывающие видения. Таз поместила в центр круга, нарисованного голубой краской на палубе, а вне его нанесла символы, обозначающие стороны света, как на компасе.

— Занятно, — сказала Джанела. — Мне еще не доводилось творить это заклинание, тем более — в море. Нечто похожее мне пришлось сделать, когда я была вынуждена, скажем так, спешно покинуть одно королевство и мне хотелось убедить преследователей, что я

отправилась не тем путем, каким на самом деле.

— И получилось, моя госпожа? — спросил Квотерволз. Мы с ним помогали в подготовке магического действия.

Джанела махнула рукой.

— В общем, да. Солдаты бросились в тупиковый каньон, полагая, что я попала в ловушку, что я, собственно, и замышляла. К несчастью, заклинание вызвало к жизни хищное существо, которое налетело на меня сверху, как на добычу. Возможно, оно искало, чем бы пообедать, хотя боюсь, что все-таки намерения у него были иные. Пришлось пустить в ход... другие аргументы, чтобы оно оставило меня в покое и позволило продолжить мой путь.

— А что вы хотите от жителей гор? — заметил Квотерволз. — Будь они люди или демоны. Любой, кому нравится жить в тех местах, где если не подъем, то спуск, смотрит на вещи иначе, чем в долинах.

— Слова истинного горца, — сказал я. — У нас все готово?

— Вроде бы да.

Джанела встала над тазом и, указывая на символы сторон света, что-то зашептала. Закончив, она поманила меня к себе.

— Смотрите не наступите с Квотерволзом на эти линии, — предупредила она.

Я наклонился и заглянул в таз.

Вода в нем превратилась в зеркальную поверхность, и по ней плыли три маленькие точные копии наших кораблей.

— Это истинный вид, — сказала она. — А теперь — обман.

Рядом, на палубе, лежали два крошечных деревянных кораблика, вырезанные нашим плотником. Но скопированы они были не с наших судов, а с караванов, излюбленных вакаанцами. Джанела сказала, что понятия не имеет, на каких кораблях пускаются в плавание с восточных берегов, но вряд ли они слишком отличаются от вакаанских. Плотник, под руководством Джанелы, снабдил суда крошечными мачтами, парусами и прочим, обрезал и поддолбил где надо.

— Они должны выглядеть потрепанными штормом и почти беспомощными, — пояснила она. — Мы намеренно сделали только два судна, чтобы даже самые осторожные пираты ни в чем не усомнились.

Джанела мелко нарезала студень, сваренный из высушенного на солнце плавательного рыбьего пузыря, и опустила кусочки, вместе с моделями, плавать в тазу. Студень растворился, и картина изменилась, словно над тазом поднялись волны горячего воздуха. Она добавила в воду еще травок, среди которых находились кровавый корень и рододендрон. Затем принялась декламировать:

Зрение обманись
Смотрите глаза далеко
Смотрите долго
Смотрите на это
И только на это
Корабли давно плавают
Корабли сбились с курса
Корабли устали и поломались
Зрение обманись
Глаза смотрят на это
Глаза видят свои жертвы
Видят отчетливо
Вы не отвернете с пути
Вы не можете отвернуть
Вы не хотите отвернуть
Идите к нам

Идите к нам.

Она поманила меня, и я вновь заглянул в таз. И теперь я увидел, как на волнах едва держатся два потрепанных купеческих судна. Меня немало позабавило зрелище выжженных солнцем и разорванных парусов, оборванных канатов и измученных моряков, недвижно лежащих на палубах.

— Все готово, — сказала Джанела, удовлетворенная своей работой, — и мы можем освободить палубу, дабы доставить удовольствие капитану Келе.

— Итак, нам остается лишь ждать пиратов, моя госпожа? — спросил Квотерволз.

— Именно так.

— Здорово, — восхитился Квотерволз. — Я впервые участвую в засаде на море.

— Если заклинание сработает, — сказала она. — Ну а если не сработает... придется плыть по океану до суши или до места, где нас поджидают пираты, решительно настроенные получить добычу.

— Знаешь, что мне всего больше нравится, Джанела, — пробормотал я. — Ты столь же романтична, как и твой прадед.

Так мы шли по морю еще недели полторы, не встречая других кораблей. Келе, другие капитаны и я держали ушки на макушке, ожидая, что вот-вот в экипажах начнется волнение. Частенько моряки, находящиеся долго вдаль от земли, начинали роптать. А раздражение мгновенно могло бы перерасти и в открытый бунт. И вновь я испытал гордость за наши экипажи. Если люди и выражали недовольство, то привычное — скудостью рациона, протухшей питьевой водой, недостатком вина и прочим. Да и то в основном ворчал Пип. Все это было в порядке вещей. Вот если бы вообще не слышалось недовольства, то это был бы дурной признак — моряк, который не ворчит по поводу условий жизни, или уже мертв, или затевает серьезный заговор.

Особенно меня радовало это обстоятельство посреди совершенно незнакомых нам морей. Здесь нам приходилось видеть такие явления, с которыми мне не доводилось сталкиваться, несмотря на большой опыт мореплавания.

Однажды мы увидели гигантскую массу, плывущую поблизости другим курсом. Существо походило на медузу, но раскинулось почти на пятьдесят квадратных ярдов, сжимая и распуская свое прозрачное тело под действием волн.

— Это не медуза, — объяснила Келе. — Это ядориба. Должно быть, ее поранил кит, и она всплыла из глубины. Мне не доводилось видеть такие большие экземпляры. Но ведь здесь приличные глубины.

Когда мы проплыли мимо, я обернулся и посмотрел назад. Открылся один чудовищный глаз, мигнул, и масса бесшумно ушла под воду.

Мы подняли тревогу, но ничего не произошло. Тварь, кажется, была настроена миролюбиво.

После этого мы почти сутки дрейфовали, пока ветер вновь не наполнил наши паруса и мы не устремились дальше к востоку. И вновь мы наткнулись на громадное создание, величиною с баркас, только на этот раз это была самая настоящая медуза. Вернее, целая стая. Над водою, футов на десять, поднимались их гребни, исполняющие роль парусов, позволяющих передвигаться под действием ветра. Я насчитал штук тридцать этих гребней, пока мне не надоело это занятие.

Мы шли достаточно близко, так что я смог разглядеть в кристально чистой воде их щупальца, уходящие в глубину. Внизу под ними плавали длинные, футов по семь, если только не обманывала оптика воды, рыбины, похожие на тунцов. Зная, что эти щупальца могут быть смертельно опасными, мы сочли за благо изменить курс и обойти стаю медуз, неторопливо дрейфующих под ветром на юго-запад, к неведомым берегам.

Дабы порадовать участников экспедиции, мы устроили рыбалку. Моряки, как им и положено, удовольствовались лишь рыбой с белым мясом, да и то неохотно. Любое другое морское создание, уродливой формы и с темным мясом, приводит их в содрогание.

Остальные же были рады новому занятию, пресытившись солониной из бочонков. Совершили мы и еще одну церемонию, для всех, посвященную дару к языкам. Когда я был мальчиком, самым скучным в профессии торговца мне казалась необходимость постоянного изучения новых языков. Янош объяснил мне, как кратчайшим путем выучить незнакомый язык: найти иностранку и развлекаться с ней в постели, узнавая, как называется та или иная часть тела, то или иное действие. Вакаан обратил мучительную науку в удовольствие, для чего надобно было совершить лишь небольшую церемонию. Однажды, когда король Домас, не помню из-за чего, пребывал в особенно хорошем расположении духа, я попросил его поделиться со мной этими премудростями. Он рассмотрел мою просьбу и сказал, что, поскольку его люди практически не покидают границ королевства, он не видит беды в том, чтобы помочь Ориссе шагнуть на следующую ступень познания.

В этой экспедиции к колдовскому обряду вакаанцев мы добавили еще и знания, добытые Рали в путешествии к королевству Кония, для чего употребили фрукты, мясо и зерна оттуда.

С собою из Ориссы мы прихватили и необходимые для церемонии губки, а в качестве новой особой приправы употребили странно выглядевшее засушенное растение из коллекции Джанелы, названия которого ни она, ни кто другой не знали, и потому мы решили, что оно происходит как раз с тех дальних берегов, к которым мы и направлялись.

После церемонии мы продолжили наше плавание на восток.

Мне не хватало лишь партнера по постели. Поскольку мы выскользнули из-под бдительного присмотра Модина, Джанела, разумеется, спала в собственной каюте.

Время от времени я с тоской вспоминал те часы ночи в Ирайе, когда она спала положив мне голову на плечо, равномерно и тихо дыша. Тут же перед моим мысленным взором начинали возникать и другие картины, которые приходилось насильно отгонять, если уж они совсем разыгрывались в воображении.

Однажды, прежде чем уйти в свою каюту, Джанела, остановившись в дверях, тихо сказала:

— Иногда и злой волшебник вынужден делать хоть немного добрых дел. Я сама в этом убедилась.

И она закрыла за собой дверь.

Прошла еще одна неделя. Теперь мы находились далеко в Восточном море.

Как-то утром, когда Квотерволз гонял на палубе своих солдат, он попросил Джанелу об одолжении.

— Госпожа, — сказал он, — я видел, как вы сражались, когда на вас напал тот негодяй Палик. Мне не доводилось видеть такой техники. Может быть, вы кое-что продемонстрируете этим калекам, из которых я пытаюсь сделать солдат?

Джанела немного поколебалась, но согласилась.

Она вышла на палубу и, разложив перед собою различное оружие, выбрала Квотерволза в качестве спарринг-партнера. Свое искусство она демонстрировала необычным путем. Вместо стремительных наскоков и выпадов она все показывала замедленно, словно двигалась под водой, и точно так же попросила делать и Квотерволза.

— Всегда, — объясняла она, — надо стараться смотреть только в глаза противнику, с которым имеете дело. Ни за что не отводите взгляд. Движение сабли можно уловить и краем глаза и всегда успеть отбить удар. Но надобно *чувствовать*, когда противник идет в атаку. Квотерволз, сделай медленно выпад. А теперь смотрите. Видите, как расширились его глаза, когда он только изготовился к выпадку? Видите, как слегка приподнялась правая нога и напряглись мускулы, которые двинут ее вперед? Видите, как свободная рука пошла в сторону, готовясь поддержать равновесие? А когда вы это увидели, то легко перейти в контратаку или отступить в сторону. Наблюдайте, заучивайте, отрабатывайте все быстрее с каждым разом и будете уметь то же, что и я.

— Непросто, — пробормотал Мах, один из тех, кто вместе со мной предпринимал вылазку к демону Сенаку.

— *Умирать* проще, — усмехнулась Джанела.

Упрямец Отави, держа перед собой топор, сказал:

— Я посмотрю, кто на меня нападет. А позволять кому-то бить первым — просто ошибка.

Джанела ничего не ответила, лишь подняла с палубы кинжал.

— Квотерволз, изо всей силы и на полной скорости ударь меня в сердце.

Квотерволз подумал, кивнул, сделал короткий шаг вперед и нанес удар. Но, как это уже происходило однажды ночью на палубе «Ибиса», Джанелы в месте удара не оказалось. Двигаясь грациозно, как танцор, она уже оказалась со стороны левой руки Квотерволза. Свободной рукой она коснулась виска Квотерволза, имитируя удар, а острие кинжала тронуло его шею. Первый ее удар сбил бы его с ног и потряс, а лезвие отправило бы его к Черному Искателю.

— Теперь вы видите, — сказала она немного раздраженно, — что *дело не в оружии*. Во-первых, надо успеть поменять позицию, когда противник сделал выпад. А затем уже делайте то, что сочтете нужным. Вы можете убить противника, сбить с ног или просто убежать. А теперь, Квотерволз, пусть повторят поэтапно. Не торопясь, а я посмотрю.

Она отошла и оказалась рядом со мной.

— Вряд ли они чему-нибудь научатся, — тихо сказала она.

— Почему?

— Да потому, что я изучала эту технику два года напролет, прежде чем почувствовала ее. И к тому же я боюсь, что Квотерволз и остальные не понимают всей важности ощущений того, что намеревается делать твой противник, и того факта, что *двигаться надо в то самое мгновение, когда враг нападает*. Я не знаю, как внушить это им. Старик, обучавший меня, говорил, что у меня, если я вздумаю кого-то обучать этому искусству, возникнут те же проблемы, что и у него в процессе моего обучения. Это длилось два года, — продолжала она, — а затем что-то щелкнуло, и я все *почувствовала*.

Я был несколько озадачен.

— Не понимаю, почему ни одна армия не возьмет на вооружение эту технику ведения боя.

— Что же тут непонятно? Солдаты слишком много проводят времени за надраиванием оружия и за обслуживанием своих офицеров, и, чтобы стать настоящими воинами, времени не остается. И к тому же попробуй убеди солдата, что это искусство важнее, нежели выбор оружия. На самом деле совершенно не важно, чем ты вооружен — саблей или пикой. Оружие — это костыль, от которого трудно избавиться, даже когда нога исцелилась. И с другой стороны, мое искусство работает лучше в реальных условиях, при столкновении с настоящим врагом, с тем, кто не будет имитировать удары. А в этих условиях, когда люди не видят настоящей опасности, все эти тренировки — лишь баловство. В минуту опасности уже поздно учиться.

Она тронула свой сломанный, да так правильно и не сросшийся нос. Она собиралась продолжить рассказ, но в эту минуту с клотика донесся крик:

— Эй, вижу паруса! Три градуса слева по борту! Мы нашли своих пиратов.

Вернее, они нас.

К нам спешили десять люгеров <Люгер — трехмачтовое судно с рейковым парусным вооружением (Примеч. перев.)>. Впрочем, это не являлось такой уж катастрофой, как могло бы показаться. Паруса у них были небольшие, как у рыбацких баркасов. Нас атаковал многочисленный, но маломерный флот. Наш впередсмотрящий находился выше их наблюдателей, поэтому мы раньше узнали об их появлении. Они еще не видели наших корпусов, находящихся для них ниже полосы горизонта.

Оценив ситуацию, я приказал Келе убрать паруса и отдать команду «Светлячку» и «Искорке» атаковать неприятеля.

Джанела раскрыла несколько мешков с ветром и быстро надула паруса двух наших судов поменьше южным ветром, так что теперь два наших корабля и пираты шли к

неминуемой точке встречи на всех парусах.

Мы же теперь находились почти в миле позади наших судов и имели достаточно пространства для маневра. Кроме того, у нас было преимущество ветра, и мы повернули на северо-северо-запад, чтобы, пройдя таким курсом два поворота песочных часов, затем двинуться строго на восток. Келе сама встала за штурвал и, не сводя глаз с топселя, отдавала приказы матросам, какие паруса поднять, а какие опустить. Я замыслил обойти пиратов и атаковать их внезапно с фланга, пока они будут заняты «Светлячком» и «Искоркой».

Мы расходились под углом. Справа виднелись паруса «Искорки» и «Светлячка», далее потрепанные паруса пиратов, а вот дальше возникло нечто совершенно неожиданное. К северо-востоку от пиратских судов впередсмотрящий заметил еще один корабль. Боясь поверить, я лично полез вверх по выбленкам.

Корабль был уже близко. Тоже трехмачтовый, он казался побольше пиратских. Это объяснило тот факт, который казался мне удивительным, — каким же образом пираты на столь крошечных суденышках уходили далеко от берега, если только они не квартировались на каких-нибудь ближайших островах. Крупный корабль являлся их базовым судном.

Я осторожно слез вниз. Что толку в подготовке к битве, если еще до ее начала свалиться на палубу и раскроить себе череп.

Оказавшись на палубе, я распорядился — курс на базовое судно.

Остальные командиры охотно приняли мой план. Большая часть пиратов, по всей вероятности, находилась на маленьких подвижных рейдерах. Если нам удастся захватить их базу, то они будут вынуждены просить пощады и окажутся безопасными для нас.

На «Ибисе» были подняты сигнальные флаги, говорившие капитанам остальных наших судов, Берару и Тоуре: «Все вместе атакуем большой корабль».

В любом случае пиратов ожидал сюрприз, ведь наши солдаты до последней минуты должны были оставаться вне их поля зрения, спрятавшись за фальшбортами. Согласно первоначальному плану, они должны были затем подняться и залпами открыть стрельбу из луков по пиратам, а потом уничтожить противника поодиночке, пользуясь поднявшейся паникой. Но теперь мне нужны были оба эти корабля для нападения на базовый корабль.

Весь план мог показаться бравадой или даже глупостью, поскольку на всех трех наших судах насчитывалось всего семьдесят пять бойцов. Но я не думал, что у пиратов людей намного больше, — они, как и все коммерсанты, с которыми мне приходилось иметь дело, не любили без нужды увеличивать количество претендентов на паи.

Было у нас и еще одно преимущество: наши корабли, почти новые, не обросли по днищу ракушками и водорослями, что увеличивало их скорость и маневренность; люди наши были настроены решительно в ожидании схватки; и к тому же на нашей стороне была внезапность. Ничто так не ошеломляет агрессоров, как внезапное осознание того факта, что они сами стали жертвой нападения. Квотерволз однажды испытал это на собственном опыте.

Наш корабль с трудом удерживался носом к ветру, когда мы подошли к базовому судну, рассекая кипящие волны. Теперь-то мы ясно могли рассмотреть нашего соперника. Я чуть не расхохотался вслух, увидев, как подтвердилась моя догадка. Этот морской разбойник выглядел старым, грязным и потрепанным. Крупное размерами, очевидно бывшее торговое, судно имело большое парусное вооружение. Внешне оно напоминало валаройские суда, но все же происходило из какой-то совершенно незнакомой мне страны.

Оно, видимо, неплохо справлялось с обязанностью рабочей лошадки, перевозящей пленников, захваченных пиратами, в какой-нибудь работорговый порт, но не более того. Это все было известно — грабители не тратят много времени на заботу о собственной обороне.

Келе на всех парусах продолжала держать курс в борт пирату, словно намереваясь протаранить его. Мы были уже настолько близко, что различали крики тревоги, и постепенно пиратский корабль начал заполняться людьми. На палубе народу оказалось не много — большинство, как и ожидалось, находилось на небольших судах. В последний момент Келе повернула штурвал, и теперь два судна плыли почти параллельно и очень близко. Старший помощник Келе, Керам, отдал команду морякам на реях, паруса убрали, и мы начали

сближаться с пиратом. Я уже сжимал саблю в руке. Джанела тоже обнажила клинок, а на лице ее застыла мрачная улыбка.

Квотерволз выкрикнул команду, и трое наших швырнули кошки, когти которых накрепко впились в фальшборта плавающей тюрьмы. Наматывая линии от кошек на кнехты, мы все ближе подтягивались к противнику, и вот уже Квотерволз повел абордажный отряд через леера. Мы с Джанелой сразу же бросились за ними, оказавшись на флангах. Отави обухом топора оглушил пирата, тот зашатался и наткнулся на лезвие кинжала, которым предпочитал сражаться Пип. Человек упал, и у него из живота вывалились внутренности. Я увидел, как Чонс уже вытаскивает лезвие сабли из трупа другого человека, а на меня самого, неловко размахивая алебардой, бросился человек. Я ушел от удара и рубанул саблей сверху вниз, нанося ему страшную рану. Тут же на меня налетел другой с абордажной саблей, я отбил удар и пронзил противника.

— Мостик! — закричал я. — Захватывайте мостик!

Мы рванулись вперед, сокрушая тех немногих, что пытались противостоять нам, и овладели переходом к юту. Там находились двое мужчин и женщина; женщина стояла на руле, один из мужчин выдвинулся вперед, размахивая саблей с видом опытного фехтовальщика.

— Просите пощады и останетесь в живых! — рявкнул я.

Как и ожидалось, пираты на мгновение пришли в нерешительность. Береговая охрана или военные суда *никогда* не берут пиратов в плен, и редко кто из них даже успевает услышать приговор, прежде чем задержится на виселице.

Фехтовальщик вызывающе сплюнул и устремился на меня, но между нами оказалась Джанела. Ее лезвие сверкнуло в лучах вышедшего из-за тучи полуденного солнца, сверкнуло еще раз, отбивая его выпад, и, подобно жалящей змее, вонзилось в руку пирата. Он заорал от боли и выронил саблю. Застыв на месте, он ждал от Джанелы смертельного удара, но вместо этого последовало:

— Проси пощады, болван! — Она держала клинок наготове, если он посмеет совершить хоть одно движение вместо того единственного, что от него требовалось, — поднять лапы вверх.

Остальные морские разбойники увидели, как он поднял руки, и завопили на разных языках:

— Пощады, пощады! Пираты сдались.

Керам уже оказался у флагштока и срывал пиратский флаг, черный, с белыми акульими челюстями на нем. Мне даже стало интересно, кто же остался на «Ибисе», поскольку, казалось, все участвовали в налете абордажной группы. И тут я увидел, что «Светлячок» и «Искорка» разворачиваются навстречу малым пиратским судам.

Предстоящая схватка становилась все интереснее.

Капитан пиратов, человек лишь на несколько лет помоложе меня, ничем не выделялся и запросто сошел бы в любом порту мира за капитана торгового судна, если бы не красный шрам вокруг шеи. Его звали Лерма, а прозвище оказалось Полуповешенный, поскольку в прошлом кто-то уже предпринял попытку избавить моря от этого негодая.

Для злодея он выглядел почти очаровательным человеком. Я приказал связать его и других сдавшихся и оставить на фордеке, пока нам предстояло разобраться с подошедшими рейдерами.

Пираты на маленьких суденышках не могли долго выдерживать бой. Во-первых, потому что мы занимали господствующее положение благодаря высоте наших бортов, а во-вторых, только наши суда могли противостоять начинающемуся шторму. Поэтому они не торопились атаковать.

Я приказал всем пиратам захваченного судна, у которого, как выяснилось, имелось многообещающее имя «Морской потрошитель», подняться на палубу. Мы согнали их на шкафут и окружили лучниками. Я сказал, что они наши пленники и поскольку сдались, то заслуживают пощады. Но если кто-нибудь хоть чихнет без разрешения, тут же будет

вздернут на рею. Я спросил, кто из них является корабельным магом, и мне сообщили, что таковой погиб при взятии судна на абордаж.

Я велел обыскать корабль и забрать все более-менее ценное и оружие. Отыскалось много добра, но удивительно мало золота и драгоценностей.

— Похоже, пиратам в этих морях живется несладко, — заметил Квотерволз, обращаясь к Полуповешенному.

Лерма нахмурился, а его помощник, обезображенный шрамами пират по имени Перышко, раненный Джанелой, свирепо сверкнул глазами и проворчал, что вот уже более года боги немилостивы к ним, а теперь обрушился и последний удар.

— Ну а тогда, — сказал я, видя представляющуюся возможность, — почему бы вам не помочь нам, тем, к кому благоволят боги, и тем самым заслужить их расположение?

Оба глянули на меня с крайним недоверием. Я пожал плечами, показывая, что вполне могу обойтись и без их помощи. Но, в конце концов, попробовать претворить в жизнь нашу идею никому не повредит.

Теперь, когда мы обыскали корабль и забрали все оружие, с помощью которого пираты могли бы отбить корабль назад, мы согнали их в трюм и накрепко задраили люки.

Оставили мы на палубе только Лерму, Перышко и женщину-рулевую, сгорбившуюся в ожидании неминуемого наказания. Некогда она выглядела привлекательно; вероятно, ее еще ребенком выкрали из какой-нибудь рыбацкой деревушки, и за свои морские таланты, а может, и за какие-нибудь другие, она так продвинулась по корабельной службе.

Я приказал отвести Перышко и женщину в каюты на корме и держать отдельно.

Пока мы этим занимались, Квотерволз не сидел без дела. Он отыскал жаровню, разжег ее и теперь подсыпал в нее уголь. Весело насвистывая, он разложил на палубе различные предметы: иглы разных размеров для шитья парусов, металлические клинья, пику, моток веревки, щипцы, мясницкий нож, а затем с помощью Отави поднял обрешеченный люк и привязал его к лееру. Мы с Джанелой молчали, а Лерма не сводил с Квотерволза глаз. Этот человек дураком не был и быстро сообразил, для чего нужны все эти инструменты, — Лерма и сам не раз использовал обрешеченный люк для порки, да и жаровня наводила на соответствующие мысли.

— Вы же пощадили меня, — хрипло сказал капитан пиратов.

— Пощада означает оставление в живых, — небрежно сказал я. — Но это вовсе не означает, что для жизни тебе необходимы такие детали, как лишние глаза, пальцы или даже ноги.

— Кроме того, — сказала Джанела, — разве можно сдерживать свои обещания, когда имеешь дело с убийцей и грабителем?

Лерма пристально заглянул в мои глаза, и я изо всех сил постарался придать себе вид человека, который привык скрашивать скуку дня, проведенного в море, пытками пиратов. Маска мне, очевидно, удалась, поскольку он побледнел, и след от веревки на шее проступил еще отчетливее.

— Но кто же вы такие?

— Искатели истины, — сказал я. — Морские скитальцы. И, если ты поделишься с нами своим мореплавательским опытом... возможно, твоя участь несколько улучшится.

— И возможно, — вмешался Квотерволз, — ты даже увидишь завтрашний восход солнца.

— Что вы хотите знать? — спросил Лерма настороженно, еще не будучи окончательно сломленным.

— Что лежит на востоке? Какие земли? Каковы подходы к берегам? Что за народы там живут? Цивилизованны ли они?

— А если расскажу, откуда вам знать, правду ли я вам поведал?

— Даже если бы здесь не было нашего приятеля со всеми этими средствами убеждения, — сказал я, — нам достаточно выслушать тебя, затем отвести в каюту и вызвать сюда твоих друзей. И если их ответы будут отличаться от твоих, мы *сильно* в тебе

разочаруемся. Так разочаруемся, что каждая ложь будет стоять тебе пальца на руке, затем на ноге, а потом будем рассматривать и другие возможности, относящиеся к пальцевидным.

— Ну а если вам даже и удастся как-то сговориться и солгать нам, — добавила Джанела, — я все равно узнаю. Я — маг. — И она протянула к Лерме руку, мягкую, ласковую женскую руку. Другой рукой она огладила свою, руку, и та мгновенно превратилась в зеленую, с когтями лапу демона. Лерма завопил и попытался отпрыгнуть в сторону. И рука Джанелы вновь стала нормальной.

— Скажу все, что хотите, — запинаясь, затараторил он. — Я не солгу. Тем более что у меня в каюте есть карты. Я вам их покажу. Все, что спросите. Я приказал Квотерволзу развязать Лерму и поставить его на ноги.

— Вот теперь, — сказал я, — не вижу причин, почему бы не провести беседу в цивилизованной манере. Пойдемте вниз.

Когда Квотерволз потащил Лерму по трапу вниз, я поинтересовался у Джанелы:

— Как ты делаешь *это*? Я имею в виду руку.

Джанела таинственно улыбнулась улыбкой человека, чувствующего свое превосходство.

— Ты разве забыл, что писала твоя сестра? Вся магия — лишь дым, зеркальное отражение и вообще просто надувательство.

Я кивнул.

— Ну тогда ладно.

И мы двинулись вслед за Квотерволзом.

К вечеру мы выжали из Лермы все досуха, как моряк выпивает все из бутылки. Как я и думал, знал он много, поскольку любой желающий добиться успеха корсар может и не особенно разбираться в морских глубинах, но уж береговую-то линию и все ее бухты он должен знать как свои пять пальцев, дабы уметь там притаиться, спасаясь от погони или готовя нападение.

Выяснилось, что далекий восточный берег обитаем. И для начала мы расспросили Лерму о могущественных цивилизациях. Таковых не оказалось, вернее, не существовало таких государств, которые могли бы выставить такую же береговую охрану, что и Вакаан, из-за чего Лерма и предпочитал заниматься злодействами именно там, на востоке. На побережье обитали рыбаки, фермеры и мелкие торговцы. Ему приходилось выслушивать истории о сказочных городах, но только эти сказки ничем не подтверждались.

Джанела кивнула. Так и должно было быть, по ее версии. Затем мы расспросили о старых руинах, о разрушенных городах. Лерма сказал, что в тех краях много рассказывают о таких развалинах, о том, что некогда люди там были почти равны богам, но потом оказались уничтоженными за грехи.

— Но я ни в грош не ставлю такие рассказы, — сказал он. — Потому что ежели ты бог, то кто сможет наказать тебя за прегрешения? Другие боги? Маловероятно, как встретить девственницу на оргии. Боги есть боги, люди есть люди, и другими мы быть не можем.

Мы проигнорировали эту лекцию по теологии и продолжили расспрашивать о руинах городов. Лерма доложил, что, конечно, знает их местонахождение.

— Но мне некогда думать о них, поскольку камень пользуется слабым спросом в таверне. Мы высаживались рядом с парой таких мест, рассчитывая отыскать сокровища, но без успеха. Их обчистили задолго до того, как мы выбрались из пеленок.

Ему кое-что припомнилось, и он передернул плечами, словно в каюте задул прохладный ветер.

— Впрочем, один раз все было иначе, — сказал он. — Я и еще несколько капитанов решили, что одна легенда о руинах внушает доверие. Мы подошли туда, желая в этом убедиться, но что-то развернуло нас прочь.

— Что? На вас напали? Вы увидели призраков? Демонов?

— Нет. Ничего такого из *реальной* жизни. Никаких демонов. Просто я почувствовал, да и другие одновременно почувствовали, что, как только мы высадимся на берегу, в том месте,

где великая река впадает в море, мы лишимся жизни.

— Где же это? — взволнованно спросила Джанела.

— Моя госпожа, — сказал Лерма, — не подумай, что нам пригрезилось или мы перепугались. То, что мы ощутили, было правдой. Я знал это тогда, верю и сейчас. И мне бы не хотелось, чтобы и вы это испытали.

— Я задала вопрос.

Лерма внимательно посмотрел на нее, пожал плечами и подошел к столу, где лежали его карты. Впрочем, слово «карта» предполагает нечто относящееся к точным навигационным наукам. Эти же карты были потрепанными, с обширными белыми пятнами неизведанного, с многочисленными вопросительными пометками, нарисованными грубо и неопрятно. Лерма с минуту что-то бормотал и наконец ткнул пальцем.

— Где-то здесь. На карте не указано, но вот тут впадает в море река. Большая река, только за целый день можно пересечь ее в устье. Но это трудно сделать — устье заблокировано отмелями и заилено. А вот здесь, на северном берегу, стоит каменная статуя. Может быть, раньше тут был маяк или что-то в этом роде. Построенный людьми или демонами. Прямо на самом конце мола. Как раз до этого места мы дошли и встали на якорь посмотреть, что будет дальше. В общем, не прошли мы дальше и мили, как поняли, что мы тут лишние. И мы ушли, даже не отправив лодку на берег, чтобы узнать причину наших страхов. — Он содрогнулся от воспоминаний.

Я уже собирался продолжить расспросы, но Джанела покачала головой и попросила Квотерволза вывести Лерму. Однако сначала она позаимствовала у Лермы прядь волос, капельку крови из раны и сгусток слюны.

Когда Лерму отвели, чтобы он ничего не слышал, Джанела достала собственную карту.

— Смотри. Сюда. Вот здесь, к северу от того места, где мы находимся, видишь?

Я прочитал отрывистую надпись на карте: Шаман племени джейотоша рассказывал о своем видении. Далекий берег. Река. Проклятый город. Старейшины. Страх того, что находится выше по реке. Что-то очень грандиозное, за пределами добра и зла.

— Река, город... — сказал я. — Наверное, это окраины королевства... Какой-нибудь торговый порт. Может быть, старейшинам нравилось жить выше по реке, подальше от штормов и набегов пиратов? Может быть, именно такая жизнь их устраивала? Может быть, когда они прибыли из того места, который мы называем Вакаан, они отыскивали такую же судоходную реку и обосновались на ней?

Джанела покачала головой.

— Не знаю. Но у нас есть кусок головоломки, который здорово подходит к другому куску.

— Тем более что над руинами осталось висеть заклятие, — сказал я, — если допустить, что Лерма сказал правду.

— Возможно. Но если таковое заклинание и существует, оно вряд ли рассчитано на нас. Ведь легко сотворить такое противозаклинание, что мы даже и не заметим предупреждения.

Джанела прошла по каюте, не в силах сдержать охватившее ее волнение. Наконец она выпалила:

— А что, господин Антеро, похоже, мы нашли?

Я улыбнулся. Если бы я был лет на пятьдесят моложе, я издал бы вопль восторга. Но даже сейчас я не удержался и изобразил небольшое танцевальное па.

— После соответствующего размышления я полагаю, госпожа Серый Плащ, что мы нашли.

И наши руки сомкнулись над маленькой точкой на карте.

В сгущающихся сумерках мы продолжали трудиться не покладая рук. Мы приняли меры, чтобы наши друзья-пираты хотя бы на какое-то время не могли нам вредить. Мы взяли у всех образцы крови, волос и слюны. Женщина-рулевая не знала ничего, поскольку руины того заколдованного города пираты пытались посетить еще до того, как она присоединилась

к ним. Зато многое знал Перышко и подтвердил все рассказанное Лермой.

Мы собрали их всех троих и показали им взятые образцы. Джанела сказала, что если они в чем-то солгали или умолчали о каких-либо опасностях, то прежде, чем демоны погубят нас, она успеет сотворить заклинание, которое будет преследовать всех троих по всем морям мира. Они поклялись в честности, в искренности, при этом им пришлось поднапрячься в поисках того, чем поклясться.

Наутро все пираты с рейдеров, видя опасность остаться в открытом море без базы, то есть без запасов пресной воды и пищи, побросали оружие и сдались. Мы собрали всех пленников на палубе «Морского потрошителя» и позволили им понаблюдать за тем, что мы делаем. Мы затопили все пиратские суденышки, за исключением трех, которые могли бы сойти за спасательные шлюпки для них в случае надобности. Все их оружие выбросили за борт, кроме четырех кинжалов. Эти четыре Квотерволз воткнул в палубу и, наступив на рукояти, обломал острия. Теперь оружием пиратов оставались лишь рабочие моряцкие инструменты. Все спиртное также отправилось за борт. Оставил я им один комплект парусов, которого должно было хватить для возвращения в тот порт, который они называют родным. Когда пираты увидели, что вся их добыча переправляется на наши корабли, по их толпе пронесся придушенный стон. Такое количество золота ничего, собственно, для нас не значило, но мне хотелось доконать этих головорезов.

Наконец мы их всех заставили пройти гуськом мимо шеренги наших солдат. У каждого брали образец крови, волос и слюны и сбрасывали в один из пустых бурдюков из-под ветра. Некоторые из корсаров пытались сопротивляться, но быстро были утихомирены дубинками.

На этом все закончилось. Мы перебрались на свои корабли. Я встал у леера «Ибиса» и обратился к пиратам, сказав, что они оказались в плену у меня, но им обещали пощаду, и слово я свое сдержал и даже предоставил им свободу. Так что пусть они убираются и займутся каким-нибудь честным трудом. Иначе... Я помахал над головой мешком, куда мы сложили принадлежащие им волосы и прочее. Послышались проклятия и стоны. Я не обратил на это внимания, отвернулся и приказал Келе взять курс на северо-восток.

Мы не сводили глаз с «Морского потрошителя», пока он не превратился в точку на горизонте.

— Вы думаете, — начал Отави, а я вздрогнул, поскольку этот верзила никогда ничему не удивлялся, ни в чем не сомневался и очень редко задавал вопросы, — *все* они возьмутся за ум или хотя бы кто-то из них? И поверят, что вы сдержите свое обещание насчет заклинаний?

Мы с Джанелой рассмеялись. Она взяла мешок с пиратскими волосами и вышвырнула его за борт.

Отави посмотрел, как мешок прыгает у нас в кильватерной струе, а затем и сам усмехнулся.

— На вашем месте, господин Антеро, я бы не стал тратить время на то, чтобы убедить себя, будто люди лучше или хуже, чем они есть на самом деле, а?

Томительно протащились еще тринадцать дней.

Ветер честно дул на восток, а море оставалось спокойным. Но тем не менее казалось, что путешествию нашему не видать конца. Становилось жарко, душно, и временами мне казалось, что я ощущаю тяжелый таинственный запах джунглей. Джанела, как и обещала, сотворила защитное заклинание над нашими людьми, чтобы избежать ненужных волнений.

На рассвете четырнадцатого дня меня разбудил крик:

— Земля! Вижу землю! Земля прямо по курсу!

Я натянул одежду и бросился на палубу, но даже при такой спешке оказался среди последних. Джанела ограничилась одной накидкой, еле прикрывающей ее наготу, но ни я, ни кто другой даже не обратили на это обстоятельство никакого внимания.

Было ясно видно устье реки, да такой громадной, что ранее мне не доводилось наблюдать ничего подобного. Впереди тропической зеленью джунглей расцветала земля.

Далеко-далеко на горизонте голубела гряда гигантских гор.

Дымка скрывала очертания отдельных пиков и вершин, среди которых мог быть и Кулак Богов.

Зато ближе, над отмелью, поднимался белый палец гигантской скалы.

Глава 8 ПОГИБШИЙ ГОРОД

Мы подошли к этой скале, и из прошлого меня окатило ледяной волной воспоминаний. Перед нами громадная статуя женщины-воина. Она предстала перед нами замечательно красивой, несмотря на оспины, оставленные разрушающим временем на камне, из которого она была сделана. Из ее руки вверх торчал обломок меча.

Я услышал, как стоящая рядом Джанела спросила у Келе:

— Как ты думаешь, похоже это на маяк?

Наш капитан что-то ответила, но я не расслышал. Я вспоминал, когда впервые увидел этот образ. Тогда стояла лунная ночь, а я находился в карете, а не на борту судна. Я был вызван во дворец принца Равелина, и на подъезде к его усадьбе у дороги из тьмы появились две каменные статуи, с такими безжалостными и пугающими выражениями лиц, что даже их холодная красота не могла смягчить тот страх, что они внушали. Но все было в прошлом, и Равелин был мертв, но, увидев эту статую у входа в обширную лагуну реки, я вновь ощутил, как в груди заворочалась змея страха.

Мы миновали гигантскую фигуру, оставив слева полуразрушенный мол, на котором она стояла, и я услышал, как испуганно вскрикнули мои попутчики, увидев обратную сторону статуи. Я тоже обернулся, хоть и знал, что мне предстоит увидеть. Как и охранницы Равелина, эта женщина имела второе лицо, глядящее назад, имеющее облик злобного клыкастого демона. И, как в той далекой ночи, когда во влажном воздухе носились заговоры и предательство, я вновь задумался: интересно, сделавший это скульптор работал по воображению или копировал из жизни?

Я стряхнул с себя паутину воспоминаний и обратился к реальности. Река, в устье которой мы входили, была поистине грандиозной — далеко-далеко виднелось нечто смутное, похожее на другой берег. Речной лиман представлял из себя череду отмелей, отложившихся за многие годы, и навигация тут была затруднена. Я подумал, что обитатели этих мест, должно быть, в свое время держали караульный пост у статуи и взимали с проплывающих пошлину. Некоторые из отмелей за многие годы превратились в настоящие небольшие острова, поросшие деревьями и кустарником.

От статуи к суше тянулась длинная дамба. Камень, из которого ее сложили, еще держался, но во многих местах волны и время разрушили дамбу. Таким образом вход в лиман представлял из себя узкий пролив, образованный дамбой с одной стороны и отмелями — с другой, и ширина прохода не превышала ста футов. Вообще форма пролива напоминала ловушку, которую детишки устраивают на мелководе для ловли мальков. Это вполне могло быть не природным, а искусственным образованием. Врагов, нагрянувших с моря, легко было закупорить тут и затем уничтожить.

Однако же обитатели этой гавани давно канули в вечность. Почти повсюду существовавшие некогда на берегу причалы заросли густыми джунглями. В дельте жара усилилась, поднимаясь с дрожащим воздухом дымкой над водой и принося запах гниения. Тучи насекомых клубились в дымке, а за ними с пронзительными криками носились разноцветные птицы. Здоровенный ящер с тяжелыми челюстями вынырнул из воды рядом с берегом и проводил нас желтыми глазами, а с деревьев насмешливо кричали стайки обезьянок. Тут и там торчали каменные обломки свай от бывших здесь некогда пирсов, а остатки старых стен представляли из себя идеальные подпорки для густых зарослей лиан, оплетающих руины портовых построек.

Джанела коснулась меня локтем.

— Посмотри туда, — прошептала она. В этом месте все почему-то старались не

повышать голос.

В отдалении от берега на холме из удушающих объятий джунглей поднимались развалины древнего города. Я предположил, что здесь был только порт, таможня и охранные посты, а город — на безопасном удалении.

Печально разглядывать руины былой жизни, но не только печально. У меня по коже побежали мурашки, и я увидел, как нахмурилась Джанела, словно концентрируя все свои магические ощущения.

— Чувствуешь какую-то угрозу? — спросил я. Она еще сильнее нахмурилась и покачала головой. — Не могу сказать определенно, Амальрик, — сказала она. — Что-то здесь такое некогда происходило. Кажется, битва. И с применением магии, черной ее разновидности. Но это произошло давным-давно.

— Во времена старейшин? — спросил я.

— Да, — сказала она спустя минуту. — Наверное.

— Давайте пройдем дальше, — сказала Келе. — Найдем другое место для высадки.

Я готов был согласиться, отдать приказ снять паруса ввиду почти полного безветрия и идти дальше на веслах, осматривая берега в поисках более приятного местечка для высадки.

Все мне тут не нравилось. Здесь пахло смертью и бродили лишь мстительные призраки.

Но Джанела достала из сумки горсть гадальных костей, опустила на колени и бросила их на палубу. Я услышал сухой стук от их падения и уставился на фигуру, которую они изобразили, рассыпавшись. Возможно, у меня разыгралось воображение, но только я ясно увидел изображение демонического лица статуи.

Джанела подняла на меня горящие глаза.

— Нет, именно здесь мы *должны* начать, — сказала она. Келе поворчала, но отправилась выполнять отданный мною приказ. Род Л'юра всегда отличался фатализмом.

— К тому же, — услышал я, как она выговаривает какому-то заупрямившемуся моряку, — только дурак, у которого чайник на плечах вместо головы и дерьмо вместо мозгов, будет спорить с человеком, умеющим бросать кости.

Хотелось бы мне иметь ее уверенность. Временами, особенно в опасные минуты жизни, я задумывался, почему человек осматривает тарелку на предмет чистоты, прежде чем положить на нее бифштекс, но никогда не усомнится в колдуне, когда от такого броска костей может зависеть его жизнь.

Мы высадились на берег с предосторожностями. Направляясь к руинам города, мы с Джанелой взяли с собой небольшой отряд, состоящий из Пипа, Отави, трех бывших пограничников Квотерволза и четверых крепких сельских парней — братьев Сирильян, — известных охотничьим мастерством и искусством стрелять из луков.

Я предупредил Келе и Квотерволза, что скорее всего мы останемся в городе до следующего дня, поскольку неизвестно, какими сюрпризами изобилуют эти джунгли ночью, да мне и не хотелось это узнавать.

Трем кораблям предстояло быть готовыми отразить любую угрозу, исходящую с воды, а Квотерволз должен был держать наготове сухопутный отряд. Если мы не вернемся утром или донесутся звуки ночной битвы, он должен был прийти к нам на помощь при свете дня.

Он горячо спорил, утверждая, что его место рядом со мной. Я сказал, что больших трудностей мы не предвидим — любой враг, выскочивший из джунглей, легко утихомирится луками Сирильянов или магией Джанелы.

Кроме того, мне хотелось оставить на кораблях большую часть своего отряда под надежным командованием. У меня не было желания нести потери в самом начале путешествия. Квотерволз предложил защитить корабли магическим куполом, но Джанела покачала головой и сказала, что в таком месте, пропитанном древней магией, это вряд ли будет работать.

Его не удовлетворили наши аргументы, и я был уверен, что он не исчерпал и свои. Но у меня не было настроения продолжать спор, и он счел благоразумным придержать язык и подчиниться.

Мы подплыли на лодке к широкому песчаному пляжу. От него вверх вела заросшая лозой лестница, от которой начиналось подобие дороги к городу. Джанела проворно установила на берегу небольшой бронзовый треножник и разожгла под ним огонь. Я протянул ей декоративный горшочек, наполненный кусочками магического янтаря. Она повесила горшочек на треногу, янтарь быстро задымился. Джанела принялась собирать мох с камней, сухие листья, поймала зеленого жука, торопливо метнувшегося из-под листьев.

Пока она трудилась, я вдруг ощутил себя неловко, словно нахожусь в каком-то тревожном сне. Я услышал какие-то приглушенные голоса и стал озираться, как и остальные члены нашего отряда. Но ничего не было видно. Правда, что-то грузно зашевелилось в кустарнике неподалеку. Братья Сирильян разом подняли луки. Остальные вытащили сабли, застыли в напряженном ожидании.

Кусты резко раздвинулись. И появилось огромное нечто, иначе и не назовешь, поскольку это было существо не из плоти. Я различал джунгли сквозь него, хотя и несколько неясно, затемненно. Существо подняло то, что можно было бы назвать головой, и открыло то место, где должен был бы находиться рот. Загремел хор голосов, словно это нечто вмещало в себя множество душ.

Нечто шагнуло вперед — на песке отпечатались следы.

— Приготовиться, — скомандовал я.

Существо продолжало приближаться, колебля песок под своей тяжестью. Двигалось оно неторопливо, но такими широкими шагами, что быстро оказалось рядом.

Братья натянули тетивы.

— Пока рано, — сказал я. Джанела, встав у треножника, бросила в охваченный пламенем горшок мох, листья и жука. Вверх поднялся горьковатый дым.

Нечто продолжало приближаться, и множество голосов звучали все громче и громче.

Джанела торжественно произнесла:

Старейшины
Старые призраки
Мы путешественники с Запада
Прибыли за знаниями
Прибыли преклониться
Из той земли
Где вы некогда правили.

Темное существо остановилось в нескольких футах перед нами. Голоса теперь лишь что-то тихо бормотали.

Джанела плеснула на пламя в горшочке из бутылочки с водой, прихваченной нами из реки Ориссы.

Вверх взметнулось пламя столь яркое, что заболели глаза. Я протер глаза, а когда отнял руки от лица, обнаружил, что существо исчезло.

Пип опустил ногу в оставшийся от существа след на песке — ступня помещалась с большим запасом.

Пип мрачно усмехнулся в свою чахлую бородку.

— В два раза больше моей ноги, — сказал он. — Я так думаю, парни, что за такую работу надо требовать двойной оплаты.

Все захохотали.

Самый высокий и молодой из братьев Сирильян оглядел Пипа сверху донизу. На это не ушло много времени.

— Может быть, ты и прав, — сказал он. — Но ведь *всё*, что ни возьми, больше тебя в два раза, Пип!

Где-то в джунглях взвыл зверь. Пип скривился.

— Кто-то еще бродит в зарослях, — сказал он.

Джанела не отвлекалась ни на что. Она занималась следующим заклинанием. Разложив рядом с треножником свой плащ, она выкладывала на него из своей удивительной сумки различные пузырьки и кулечки. Плащ был разложен так, что яркие магические символы воскресителей были ясно видны.

До меня вдруг дошло, что Джанела, кажется, и не обратила внимания на появление и исчезновение призрачного чудовища.

— Ты разве знала, что должно что-то случиться?

— Нет, — сказала она. — Предчувствовала. Ну а потом просто удачно догадалась, что надо сделать. Благодарение Тедейту, мы столкнулись лишь с несколькими старыми и слабыми призраками. Если бы нам встретился демон наподобие Сенака, нам бы не поздоровилось.

— Ну спасибо, успокоила, — проворчал я.

Джанела рассмеялась, исполненная юношеской дерзости и самоуверенности.

— Не бойся, — сказала она. — Я думаю, мне удастся кое-что придумать.

Она принялась крошечными мехами раздувать огонь над тлеющими угольками в горшочке. Затем насыпала туда трав, плеснула магического масла, и огонь внутри снова ожил, весело потрескивая и испуская дымок.

Любопытный она все-таки человек, подумал я и вдруг с изумлением обнаружил, что разглядываю ее гибкую фигурку и грациозные движения с интересом далеко не стариковским. Очевидно, энергия омоложения затронула не только мои волосы. Я смутился, а увидев ее озадаченный взгляд, скрыл свое смущение, поинтересовавшись, чем это она занята.

— Если мы собираемся обследовать город, — сказала она, — нам понадобится проводник.

Она смяла в комок лист бумаги и принялась приговаривать:

Моущество богов Никогда не исчезает
А лишь изменяется
И открывается тому Кто ищет.

Комок она бросила в огонь. Бумагу охватило пламя, а Джанела выкрикнула:

— Берегись, Искатель!

Она вскинула руки, и огонь от янтарей стал подниматься вверх, пока не запылал прямо перед ее лицом. Она дунула на него, и пламя принялось кружиться все быстрее и быстрее, как веретено у ткачихи. Затем пламя рванулось в сторону как живое. Метнувшись к лестнице, пламя охватило лозу, и та сгорела так быстро, что в мгновение ока не осталось ничего, кроме золы. Пылающий шар завис над золой словно в ожидании.

— Теперь нам надо просто идти за ним, — сказала Джанела. Она стала собирать свои колдовские аксессуары.

— И куда же? — спросил я.

Джанела встряхнула плащ. Колыхнулась стена воздуха, и мне показалось, что пахло весенним цветением.

— Там, в городе, где-то должно находиться место сосредоточения энергии, — сказала она. — Место, где совершались самые важные заклинания. И я должна выяснить, не осталось ли там запасов магии, которой мы могли бы воспользоваться.

Свернув плащ в скатку, она закинула его и сумку за спину.

Горящий шар подпрыгивал в воздухе, метался взад и вперед, оставляя за собой жирный дымный шлейф, и походил на нетерпеливо мечущегося щенка. Я засмеялся, видя, как он приплясывает. Джанела усмехнулась.

— Я решила не использовать фаворита. Мои учителя магии почему-то всегда прибегали к помощи этого маленького мрачного существа с клыками, когтями и в чешуе.

— Ты забыла упомянуть о его злодейских замашках и не менее отвратительном запахе, — сказал я.

— И это есть, — сказала она. — Материализованные фавориты иногда полезны, я думаю, ну а на этот раз я решила придумать нечто позабавнее.

Наши спутники тоже забавлялись зрелищем подскакивающего огня, и даже Пип стал ворчать меньше. Мы все образовали готовый к отражению атаки строй и двинулись вперед, к городу.

Огненный шар тут же рванулся вперед, пролетая над остатками мостовой, некогда широкой удобной дороги, ведущей к городу от гавани.

Можно было только догадываться, каков был здесь рынок и какие удивительные товары привозились сюда со всех краев обширной империи старейшин. Дорога вела к огромным столбам — остаткам давно исчезнувших ворот. Земля и обрушившиеся стены вокруг почернели и вспучились, словно их сжимала чья-то колоссальная сила, а потом опалило нестерпимым жаром. Наш маленький огонек помешкал, а потом взмыл над стенами.

— Я думаю, он хочет, чтобы мы взобрались здесь, а не проходили через ворота, — сказала Джанела.

И мы принялись карабкаться, соскальзывая с гладкой поверхности. Стена оказалась такой толстой, что поверху запросто мог бы проехать грузовой фургон. Вдоль стены отчетливо выделялись остатки разрушенных стратегических башен. Весь город был когда-то обнесен этой неприступной стеной. Мы взобрались, и перед нами открылись улицы, заросшие травой и кустарником, — в руинах всюду хозяйничали джунгли. В противоположном конце города маячило какое-то строение с двумя куполами. Солнечные лучи, отражаясь от металлической кровли, ослепляли нас.

Горящий шарик поплыл к этим куполам, а мы двинулись за ним, шагая по верху стены, огибающей город.

Город оказался гигантским, с широкими проспектами, парками отдыха и общественными банями, выстроенными на местах, откуда били подземные источники. Здания возводились из крепкого камня, облицованного белым мрамором. Высокие и приземистые, вытянутые и круглые, все постройки говорили о мастерах-строителях, хорошо знавших свое дело. Тут и там виднелись сохранившиеся фрагменты стенной росписи и обломки статуй, свидетельствовавшие о стремлении живших здесь людей к изящному, о наличии прекрасного художественного вкуса. Но эти высокодуховные люди исчезли. Теперь вместо человека тут царили растения и животные. Джунгли заполонили улицы. Гигантские лианы своими коричневыми корнями и зелеными стеблями медленно разрушали мраморные фасады. Звери бродили по паркам, и с высоты стены мы наблюдали за дракой бабуинов со стаей шакалов в развалинах одной из бань.

Шрамы от боевых действий покрывали город; эти следы открывались нам, пока мы огибали по кругу город, и становилось ясно, что конец жизни здесь пришел не естественным путем. Те, кто осаждал город, сжигали дома, разрушали каменные постройки. Статуи богов и героев стояли обезглавленными. Внутри стадиона, на открытом поле, мы разглядели разбросанные человеческие кости. И судя даже по этим очень древним останкам, здесь произошла такая битва, которых мало было в истории.

Больно и страшно было смотреть на картину такого поражения старейшин при всей их мифической силе и мудрости, если только город действительно принадлежал когда-то им. Кто же был их врагом? Существуют ли они где-нибудь до сих пор? И с чем же столкнулись старейшины? С природным явлением или же с духами? И за что заплатили они такую страшную цену?

Мои размышления прервал какой-то ухающий крик, прозвучавший из заросших кустарником улиц внизу. Мы все остановились, держа оружие наготове. Второй крик ответил первому, но уже издали.

— Вон там! — сказала Джанела.

Я повернул голову и успел заметить, как в воздухе мелькнула лапа, поросшая коричневой шерстью.

— Какое-то животное, — предположил я.

— Все лучше, чем призрак, — сказал Пип. — Пусть оно со своим дружкой подойдет поближе, я им покажу, что такое хороший стрелок.

Но он тут же закрыл рот, потому что, словно в ответ на его похвальбу, послышался целый хор этих воплей.

Захлопало множество крыльев, будто в воздух поднялась стая испуганных птиц. Внезапно смолкли не утихавшие до того крики обезьян, и нас охватила тишина, прерываемая лишь неумолчным жужжанием насекомых.

— Похоже, эти крики вызваны нашим появлением, — сказала Джанела, давая понять, что неплохо бы найти укрытие на случай, если нам придется обороняться.

Я указал на купола, до которых оставалось еще минут пятнадцать ходу.

— Значит, просто надо продолжать идти в ту сторону, — сказал я.

Мы продолжили наш путь, но уже не глаза по сторонам и скорым шагом. Тут и там раздавались те же крики, но всегда или сзади, или сбоку. Больше нам не удавалось разглядеть наших преследователей — если считать их таковыми, — но иногда до нас доносились звуки бегущих ног и потрескивание кустарника.

Вскоре мы подошли к тому месту, где вынуждены были покинуть относительно безопасную стену. Дальше стена была разрушена. Под нами расстился заросший парк. А за этим парком — футах в двухстах — маячили купола. Они венчали собой высокие башни, к черному зияющему входу одной из которых вели широкие выщербленные ступени. Горящий шарик, оставляя дымный след, зигзагами двинулся среди зарослей. Так он добрался до ступеней, завис над ними, вверх рвануло пламя, погасло... и наш проводник исчез, превратившись лишь в облачко дыма.

Мы добрались до цели.

С предосторожностями, оглядываясь, мы спустились со стены.

Жара не уменьшилась, хоть мы и оказались в тенистых зарослях, а вот чувство опасности возросло. Затылок покалывало от напряжения, а рука, постоянно сжимавшая рукоять сабли, даже разболелась. Но мы пересекли парк и приблизились к зданию без происшествий.

Пип и с ним еще двое поднялись по ступеням и заглянули внутрь, пока остальные прикрывали их с тыла у основания лестницы. Ушедшие трое пропадали долго, мы же стояли молча и даже не пытались подойти поближе и выяснить, что из себя представляла статуя, обломки которой валялись на земле, а лишь поглядывали, куда бы можно было в случае чего спрятаться.

Наконец Пип окликнул нас и сказал, что внутри все спокойно и безопасно.

И вновь, как в насмешку, его прервал тот же крик. Но на этот раз справа от нас. Мы и глазом не успели моргнуть, как на нас напали.

Не люди и не звери атаковали нас — а худшее, что можно представить из смеси обоих. Серые неуклюжие фигуры выскочили из кустов, жутко завывая. С огромными волосатыми плечами, с ручищами толщиной в тело крупного человека и покатыми лбами, они скалили желтые клыки и сверкали налитыми кровью глазами. Вооружены они были каменными топорами и толстыми дубинками. Пропели луки братьев Сирильян, и четыре твари упали с хриплыми воплями. Это сдержало их первый атакующий порыв. Но затем они вновь двинулись на нас. Ко мне потянулась громадная лапа, и я ударил по ней саблей наотмашь. Я услышал короткий вскрик Джанелы, вогнавшей клинок в тело нападавшего. Тварей становилось все больше, и мы начали отступать, поднимаясь по ступеням. Один монстр перелез через балюстраду, но был встречен топором Отави.

Воюющие волны атакующих одна за другой накатывали на нас. Нам удавалось каждый раз отбивать наступление, но следующее становилось еще яростнее и многочисленнее. Я уже несколько раз поскальзывался на выщербленных, залитых кровью ступенях. Однажды меня успела подхватить Джанела, а над нею уже нависло чудовище с занесенной дубиной. Я и крикнуть не успел, а она уже развернулась и поразила врага.

Наконец мы прижались спинами к зданию и уже стали протискиваться в коридор, осыпающиеся стены которого дали нам облегчение. Теперь враги могли нападать лишь с одной стороны. Братья Сирильян уже не могли пользоваться луками в тесном помещении и

взялись за топоры. Твари все наседали, но узкий коридор давал нам преимущество. Этим чудовищам уже мешали трупы своих.

Я вдруг услышал человеческий боевой клич и увидел, как, перепрыгнув через обломки статуи во дворе, к нам устремилась какая-то грузная фигура в кожаных доспехах. Это был человек могучего телосложения с большой седой окладистой бородой; из-под его шлема выбивались такие же седые кудри. За ним гналась дюжина этих тварей. С диким криком он ворвался в осаждающую нас толпу и, развернувшись, встал в наш оборонительный строй.

Хотя нас стало больше всего лишь на одного, с этого момента присутствие духа стало покидать напавших на нас полулюдей. Наш новый союзник словно излучал энергию, и мы, заряжаясь ею, обрушились на чудовищ с мощностью гигантов.

Наконец они разбежались, а мы, тяжело дыша, хлопали друг друга по спинам и радовались, что с такой честью вышли из положения, да еще и все остались в живых. Но никто не сомневался, что твари могут вернуться в любую минуту, да еще и с подкреплением. Я отдал приказ быть готовыми к отражению возможной атаки. Джанела пошла осматривать храм — именно храмом и оказалось строение, — а я занялся нашим новым товарищем.

Он стянул с себя доспехи и, опустившись на заваленный камнями пол, принялся перевязывать небольшую рану на бедре матерчатым бинтом, который достал из шлема. Он был крупным человеком, казалось, имел бочонок в груди, бочку в животе и дыню в голове. Его словно распирало изнутри. Завитки жестких седых волос покрывали спину и грудь.

Когда я подошел к нему, он поднял голову и улыбнулся, растянув рот до ушей.

— Меня зовут капитан Митрайк, мой господин, — сказал он низким, утробным басом. — Хотя сейчас у меня с собою и нет пожалованного капитанского жезла. Ежели у вас найдется глоток крепкой выпивки, чтобы я смог поднять тост за ваше здоровье, благородный господин, то я ваш по гроб жизни! Я рассмеялся и протянул ему кожаную фляжку с бренди, отцепив ее от своего пояса.

— Ну, это я могу для вас сделать, капитан Митрайк, — сказал я. — Как раз этим мы и собирались заняться, когда вы присоединились к нам.

Он откупорил фляжку.

— И правильно бы сделали.

Митрайк влил бренди в свою глотку. Затем встряхнул фляжку, убедившись, что она не опустела, повеселел и отдал ее обратно.

— Прошу прощения за бесцеремонность, господин, — сказал он. — Но вот уже много дней мне не удавалось хорошенько промыть мои трубы приличным напитком.

— Оно всегда полезно, — сказал я. — А у нас запасов хватает. Он вновь расцвел в улыбке.

— Надеюсь на вашу безграничную доброту, — сказал он. Потянувшись, как кот на солнышке, он зевнул. — Надо думать, у вас ко мне немало вопросов, — сказал он. — И я готов ответить. Давно я не встречал тут чужестранцев. Но ежели не возражаете, я бы для начала немного вздремнул, а уж потом спрашивайте, о чем хотите.

Я понимающе кивнул и не успел больше вымолвить и слова, как Митрайк улегся на бок прямо на полу, лишь убрав из-под себя наиболее крупные обломки, и так захрапел, что со стен посыпались камешки.

Подбежала Джанела. Она была столь взволнована, что бросила на Митрайка лишь быстрый взгляд.

— Похоже, я нашла то, что мы ищем, — сказала она. — Но мне нужна помощь и дополнительное освещение.

Я спросил, что же это такое она нашла, но она покачала головой и заявила, что я сам должен посмотреть. Она извлекла пару светящихся ожерелий, прошептала заклинание, и они ожили. Я взял у нее одно ожерелье, попросил Отави присматривать за Митрайком, поскольку не имел привычки доверять незнакомцам, встретившимся в неизведанных землях, и пошел вслед за ней по длинному, тускло освещенному коридору.

Коридор вывел в огромный зал со сводчатым потолком, теряющимся во мраке где-то

наверху. Когда мы двинулись дальше, держа перед собой светящиеся ожерелья, по стенам запрыгали гигантские тени. Джанела еще пошептала, и ожерелья разгорелись ярче, а тени стали четче. Она указала на середину помещения, где стояли четыре статуи, размещенные по углам квадрата. Они представляли собой уменьшенные копии с той женщины-демона, охраняющей вход в гавань. Фигуры не пострадали от времени, и свет прыгал по их почерневшим от огня лицам. Джанела подвела меня к месту, которое охраняли статуи.

— Смотри, — сказала она, еще выше поднимая ожерелье. На площадке шириною и длиною в двенадцать футов просматривалась высеченная пентаграмма. Внутри пентаграммы располагались различные символы и, видимо, буквы неизвестного мне языка. А также была выложена из мозаики фигура танцовщицы — изящные руки подняты высоко, в одной перо, в другой — развевающийся шарф. Я был озадачен.

— Такую фигурку Янош носил на шее, — сказал я.

— И у меня такая же, — сказала Джанела, дотрагиваясь до серебряного украшения на своей шее.

Вообще-то изображение на камне больше походило на фигурку, имевшуюся у Джанелы, поскольку вокруг была выложена та же дворцовая сцена, которую я увидел, оживив ту фигурку прикосновением руки. На своих тронах сидели король и королева. Здесь же присутствовали придворные, и среди них — те самые странные гости. И точно так же хитро и злобно посматривал на танцовщицу король демонов. Только теперь он стоял рядом с королевским тронном. Имелись и другие отличия, в основном касавшиеся возраста монарха. Король выглядел довольно тучным, его лицо избороздили морщины озабоченности. По-прежнему красивая королева также была старше, теперь более походившая на внушающую уважение венценосную особу, а печальные, задумчивые глаза говорили о многих неприятностях, которые пришлось ей пережить.

Только танцовщица, казалось, нисколько не изменилась.

Зато король демонов стал еще надменнее. Протянув свою когтистую лапу к танцовщице, он почти касался ее. Мне даже показалось, что танцовщица съежилась от страха.

Я содрогнулся.

— Надеюсь, ты не собираешься произносить заклинание, — сказал я, — чтобы оживлять эту сцену.

— Я могла бы, — сказала Джанела. — Но не буду. Здесь поработала черная магия. Для этого и нужна пентаграмма. И мне вовсе не хочется узнавать, какого демона она содержит в себе.

— Но зачем старейшины занимались такими вещами? — спросил я. — Зачем им выдумывать такие картины?

— Они не выдумывали, — сказала Джанела. — Я уверена, что такие картины имели место в их жизни. Правда, пентаграмму вокруг высекли позднее.

— Это сделали те, кто уничтожил город? — рискнул предположить я.

Джанела кивнула.

— Они самые, — сказала она. — И мне не нужна их магия, чтобы призвать ее на службу нам.

Она показала мне на один из углов картины на камне. Поначалу мне почудилось, что я вижу лишь какие-то бессмысленные линии, но потом я понял, что это масштабная карта, изображавшая места, в том числе и знакомые нам. Я увидел ОриССу и тот полуостров, где некогда располагалась Ликантия. От этих знакомых мест я проследил путь до Ирайи и посмотрел на те края, куда предприняла свое великое западное путешествие Ради. Я узнавал многие края, но гораздо больше было изображено незнакомых, и вся карта была выполнена столь подробно, что я возненавидел того человека или демона, которому эти знания достались столь легко. Он знал те края, которые для меня и моих современников еще скрывались во мраке расстояний.

Но Джанела не испытывала подобных чувств. Она указала мне на то, что интересовало

ее больше всего. Ведь тут изображалось и Восточное море, по которому мы прошли, и тот берег, к которому мы пристали, и далее...

— Королевства Ночи, — выдохнула Джанела, произнеся вслух мои мысли.

Впрочем, сами Королевства Ночи на карте изображены не были, указывался только путь к ним. Река, возле устья которой мы находились, петляла на восток и заканчивалась огромным озером. За озером начиналась дорога, поднимающаяся в горы и минующая перевал возле массива, похожего по форме на сжатый кулак, что скорее всего и было Кулаком Богов. Перебравшись через горы, далее дорога устремлялась по карте к изображению замка. Очевидно, это и была цель нашего путешествия. Я прошептал молитву Тедейту за то, что не обманулся в своих надеждах.

Джанела что-то сказала, и я пришел в себя.

— Что? — переспросил я.

— Я хочу сделать копию, — повторила она. — Если не трудно, посвети на рисунок.

Она отдала мне свое ожерелье, и я обе нитки поднял повыше, чтобы ей было лучше видно. Джанела достала из сумки небольшой тряпичный сверток. Когда она его развернула, я увидел небольшую угольную палочку, которой она и принялась штриховать ту часть карты, которая нам требовалась. Работала она тщательно, следя, чтобы каждая высеченная бороздка забивалась черным веществом. Угольная палочка к концу работы совсем стерлась. Джанела расстелила тряпочку, в которой хранилась палочка.

Она улыбнулась мне.

— Ну а теперь чуть-чуть магии.

Джанела свернула тряпочку в квадрат, еще раз свернула и еще, пока та не стала совсем маленькой. Затем сжала ее между ладонями и прошептала заклинание. Когда она отпустила ладони, тряпочка упала и стала разворачиваться, становясь все больше и больше, пока не накрыла всю карту. Джанела наложила ее на зачерченную область, крепко прижала и прогладила тряпку рукоятью кинжала. Она не торопилась, чтобы получились отпечатки каждой точки.

— Я привыкла так делать еще в те времена, когда была девочкой, — пояснила она, работая. — У меня были детские гравюры, вырезанные в дереве. Фантастические картинки: огнедышащие драконы; люди с огромными ногами, которые могли стоять на одной ноге, а другой прятать себя в тени; лесные духи и сказочные принцессы. Ну знаешь, эти сказки для маленьких. Когда я стала слишком взрослой для них — или, вернее, хотела убедить других, что я уже взрослая, — я стала снимать с них копии, как сейчас. Если мне приходилось делать кому-то подарок, я заворачивала его в такую вот копию.

Я посмотрел на нее. От угольного стерженька у нее остались мазки на щеке и на носу.

— А теперь я скучаю по тем дням, — сказала она и рассмеялась над своими детскими воспоминаниями.

— Не может быть! — с улыбкой сказал я. — Глядя на вас, госпожа Серый Плащ, трудно поверить, что вы уже не ребенок.

Она поняла и засмеялась еще громче.

— Это из-за моего носа, да?

— И из-за щеки, — сказал я. Джанела смиренно вздохнула.

— Чего не сделаешь ради магического искусства.

Затем она отняла тряпку от рисунка и продемонстрировала. Копия получилась превосходной, только в зеркальном отражении.

— То, что нам надо, — сказал я.

Джанела казалась довольной собой. И вдруг она сказала:

— А теперь нам надо позаботиться о том, чтобы как можно дольше оставаться в живых и успеть воспользоваться этой картой.

По возвращении мы обнаружили, что наши люди устроили небольшую баррикаду из обломков в коридоре и расселись во внутреннем дворе. Братья Сирильян перетягивали тетивы луков; Отави точил лезвие топора шершавым камнем, Пип и остальные чистили свое

оружие. Над костерком в котле булькала похлебка.

Митрайк по-прежнему безмятежно храпел.

Наступила ночь. Луна была в первой фазе и светила слабо. Из джунглей, где тут и там помигивали многочисленные светлячки, доносились пугающие ночные звуки. Помрачневший Пип тревожно огляделся.

— Сдается мне, что Квотерволз не станет изображать из себя героя и не пойдет сюда в темноте, несмотря на ваш приказ.

— Но я же как раз и сказал ему, что, даже если у нас и возникнут неприятности, он ни в коем случае не должен идти на выручку ночью, — сказал я. — Это ни к чему хорошему не приведет. К тому же мы тут неплохо устроились, как в крепости.

Пип покачал головой.

— Вот чего я добился, напросившись в это путешествие, — пробормотал он, ни к кому в особенности не обращаясь. — И надо бы мне было послушаться моей дорогой мамочки. И заниматься себе мирным промыслом, как это делал папочка. А уж лучше него никто не срезал кошельки во всем Чипе.

Я не стал обращать внимание на его брюзжание, и мы с Джанелой вышли наружу узнать, что, там происходит. Мы внимательно осмотрели труп особенно здоровенной твари, распростертой у входа. Теперь, несмотря на свои размеры и по-прежнему сжатую в лапе массивную дубинку, чудовище не выглядело таким уж страшным. Более того, зрелище было жалким — глаза широко раскрыты в последнем изумлении, а губы искривлены болью. Несмотря на покатый лоб, лицо казалось таким незащищенным, человеческим, почти детским.

— Несчастное создание, — сказала Джанела. — Я бы так и не поверила в те истории, что слышала, — она содрогнулась, — если бы... если бы не увидела собственными глазами.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Согласно некоторым легендам, — сказала она, — именно в такие создания и превратились люди, что некогда жили в этом городе.

Эти слова меня потрясли, но я ничего не сказал, ожидая продолжения.

— Когда старейшины покинули Вакаан, — сказала она, — этот город стал первой линией обороны их нового царства. По крайней мере, так гласят мифы. Впрочем, это только моя догадка, что в легендах говорится именно об этом городе и гавани. Название этого места не сохранилось в памяти людей. Невзирая на то, что битвы и осады тут длились много лет.

Оставшиеся следы сражений и натолкнули Джанелу на догадку, что речь идет именно об этом городе. Она продолжила:

— Затем, в результате предательства внутри города, стены его были преодолены врагом. Всех жителей подвергли истреблению, за исключением немногих женщин.

Джанела указала на трупы.

— Видимо, это и есть их потомки.

— Что-то я не могу понять, как же это могло случиться, — сказал я, припоминая изящную фигурку танцовщицы и другие женские фигуры, которые я видел на сохранившихся фресках храма.

— Это всего лишь легенда, — сказала Джанела. — И ты вправе сомневаться. И мне было бы приятнее полагать, что прав ты. Но легенда гласит, что вражеский король призвал из другого мира чудовищ, которым отдал в любовницы оставшихся в живых женщин. Получившиеся в результате дети представляли из себя полулюдей-полузверей и были осуждены жить здесь все время на положении примитивных дикарей.

Я посмотрел на получеловека с жалостью и страхом. Если история, рассказанная Джанелой, была реальностью, а не мифом, и враг, который обрек на столь несчастную судьбу этот народ, был причиной неприятностей, обрушившихся на Ориссу и Вакаан, то наше путешествие представляло из себя нечто более важное, чем просто поиски приключений. И коли будет на то воля Тедейта, разгадку происходящего мы найдем в Королевствах Ночи.

Жук-светлячок проплыл в воздухе между мною и Джанелой, и этот слабый проблеск

облегчил мои тревоги. Джанела резко вскинула руку и поймала жука, зажав его осторожно между ладонями. Она слегка их приоткрыла, и я разглядел слабое свечение внутри. Джанела наморщила лоб, и тут же морщины разгладились, словно ее осенило.

— Мне надо куда-то положить мою маленькую сестричку, — сказала она и устремилась обратно в коридор. Я последовал за ней.

Митрайк уже проснулся и, скорчившись у костра, запускал в котелок ложку. Я извлек из наших запасов бутылку бренди и поставил ее на камень рядом с ним.

— Вот и обещанная выпивка, — сказал я. — И я меняю ее на рассказ о том, кто ты такой и как ты здесь оказался.

Ухватившись за бутылку, Митрайк расхохотался.

— Какая может быть оплата за болтовню, добрый господин. Да вам и любой скажет, что старина Митрайк любит почесать язык, особенно о себе самом. — Он посмотрел на выпивку и улыбнулся еще шире. — Разумеется, этого хватит, чтобы лишь слегка смазать мои трубы. Но все равно, большое спасибо.

Он вылакал большую часть содержимого и отдал мне бутылку. Я отпил и передал Джанеле. Я заметил, как она сунула за голенище маленькую коробочку — должно быть, новый дом для жука. Теперь все ее внимание было обращено на Митрайка.

Она сразу разглядела в нем плута и сказала:

— А эта история не из разряда тех, которые начинаются словами: «Я попал в дурную компанию»?

Митрайк загоготал и хлопнул себя по колену.

— Именно это я и собирался сказать, моя госпожа, — сказал он. — Вы пришибли старину Митрайка с первого же удара.

Он еще выпил, затем вдруг посерьезнел и обратился ко мне:

— Но это правда. Тем моя история печальнее. Моя семья занималась торговлей в этих морях с тех времен, когда воды здесь было на слезинку в божьем глазу. Честные моряки, честные торговцы. И я был гордостью отца и матери. Я дослужился до капитана, и все шло к тому, чтобы занять мне собственное судно, подсчитывать себе доходы по праздникам и покупать всем выпивку в трактире.

Все мои люди подошли поближе. Они усмехались и качали головами, сопереживая Митрайку. Я видел, как они по очереди передавали свое оружие Джанеле, которая окропляла его магическим маслом и отдавала обратно. Пип стоял, дожидаясь своей очереди, и его большие уши ни слова не пропускали из истории нашего гостя.

Митрайк сделал здоровенный глоток и передал бутылку одному из Сирильянов.

— Так бы все оно и случилось, если бы не мой дурной нрав и не беспокойный характер, мое извечное проклятие. Я всегда вмешивался в чужие дела, полагая, что разбираюсь в них лучше других.

Я знавал людей такого типа. У меня у самого на службе состоял такой же капитан. И рассказанное дальше меня не удивило.

— За год мне приходилось менять несколько мест, а это богатства не приносит. Приходилось, как говорится, и углы срезать, если вы понимаете, что я имею в виду.

Я прекрасно понимал. В таких случаях украденный товар списывался на повреждение или пропажу в шторм. Иногда таким образом пропадали и целые корабли.

— И в довершение позора занялся я пиратством, — сказал Митрайк. — Использовал для этого корабли хозяев, набирал ребят, известных склонностью к этому делу. Однако же мои хозяева не были болванами. Вскоре они все поняли, и, пока меня не поймали, пришлось бежать, дабы удержать голову на плечах и не дать отрубить себе руки. Так что прошло немного времени, и я стал настоящим пиратом. И с тех пор занимался только этим делом.

— И с чего же началось раскаяние? — спросил я. — Судя по твоему тону, ты понял заблуждения прежних дней и теперь жалеешь о содеянном.

Митрайк скорбно кивнул.

— Именно так, мой господин, — сказал он. — Так и произошло. Мои приятели

высадили меня здесь много месяцев назад. Они обвинили меня в том, что я обкрадываю их. Что беру себе долю больше, чем заслуживаю. А это была чистая ложь!

Он яростно сверкнул глазами, словно своей горячностью хотел доказать истинность этих слов. Я снова протянул ему бутылку, он вздохнул и успокоился, отхлебнув.

— Ну да с ними было не договориться, — продолжил он. — И они высадили меня сюда, жить среди зверей. С тех пор только и спасаюсь бегством да прячусь. Эти зверюги, видите ли, не шибко смысленные. Особенно когда ты тут в одиночестве, то можно просто не попадаться им на глаза. Не поднимать шума и смываться, пока они не подошли слишком близко. Этим я и занимался с тех пор, как мои приятели так со мной обошлись. И не скрою правды — в первый месяц своего пребывания я поклялся, что если суждено мне выбраться из этого богами забытого места, то я разыщу бывших компаньонов и отплачу соответственно. Отомщу. А затем стану величайшим из пиратов. Бичом морей. Но время проходило, и вот я уже стал размышлять о моих родственниках, о том, как я их опозорил, таких честных и достойных людей. Я в конце концов раскаялся...

Он поднял голову и посмотрел на меня большими, как у коровы, карими глазами.

— Что вы на это скажете, господин Антеро? Заберете из этого жуткого места старину Митрайка? Дадите ему шанс начать правильную жизнь?

Я кивнул.

— Оставайся с нами, — сказал я. — И если мы останемся в живых, то заберем тебя с собой. — Судя по всему, Митрайку значительно полегчало. Но я счел разумным честно предупредить его: — Однако тебе следует знать, что мы находимся не в обычном торговом путешествии. Хотя заодно мы ищем новые рынки.

— Вы в основном собираетесь передвигаться по воде? — поинтересовался Митрайк.

— Да, — сказал я. — Мы будем подниматься вверх по реке.

— Я знаю эту реку, — сказал Митрайк. — Даже проходил на несколько лиг вверх. Плыть по ней не так уж трудно, лишь бы ваша осадка позволяла. А она, похоже, позволяет.

Я напрягся. Но не успел и слова сказать, как Джанела резко спросила:

— А откуда ты знаешь, какие у нас корабли? Ты что, наблюдал, как мы подходили?

Митрайк озадаченно посмотрел на нас, а затем с размаху ударил себя по голове.

— Да что вы, госпожа. Я и сам себя спрашиваю, откуда ты, старина Митрайк, знаешь, что у этих кораблей маленькая осадка? И я не могу найти ответ. Это как-то само собой пришло ко мне. Запрыгнуло в ум. Словно кто-то нашептал в ухо.

Он оглядел храмовый коридор и содрогнулся.

— Ох и охота же мне выбраться отсюда, господа. Эти призраки доведут меня до сумасшествия.

И тут Пип издал предупреждающий крик, и тишину ночи раскололи воинственные вопли.

Мы подскочили к баррикаде и увидели, как из темноты выдвигаются серые фигуры полулюдей. Они двигались неуклонно, и не было конца подходящим сзади, на смену тем, которым предстояло пасть.

Братья Сирильян залпом выпустили стрелы, окропленные магическим маслом Джанелы. Стрелы взорвались непосредственно перед тем, как угодить в цель, и послышались человеческие крики боли. Однако это не произвело никакого впечатления на остальных, и колышущиеся серые волны раз за разом заполняли пробелы в своих рядах, вызванные смертоносными стрелами братьев.

Они уже готовы были захлестнуть нашу оборону, но Джанела извлекла из-за голенища сапога маленькую коробочку. Открыв ее, она пробормотала несколько слов заклинания над «маленькой сестричкой» и подбросила ее в воздух. Затем выхватила саблю и присоединилась к нам, готовая вступить в рукопашную.

Наше обработанное магией оружие принялось за свою мясницкую работу, раскалывая черепа, рассекая тела, разбрызгивая вокруг кровь, — и те из нас, кто остался в живых, были обречены с того дня видеть эту бойню в ночных кошмарах.

Я убивал, пока мог дышать, пока руки не налились свинцом, пока ноги не закаменели. Но и потом я продолжал убивать. Митрайк выказал доблесть при встрече с первой же волной нападавших. Одно из существ успело перемахнуть через баррикаду до того, как мы образовали плотную оборонительную линию, Митрайк вырвал у него дубину и проломил ему голову. А затем дрался как безумный — с саблей в одной руке и дубиной в другой. Он бросался туда, где была в нем нужда, где атакующие наваливались яростнее, иногда разя через голову Пипа и попадая прямо в горло очередной атакующей твари.

Но ситуация не становилась менее опасной. Твари не ослабляли натиска. Некоторые из них умирали лишь в попытке оттащить камень из баррикады. Другие умирали, чтобы позволить своим товарищам подойти поближе, пока мы тратили время на извлечение сабель из их тел. Именно так, не успев вытащить оружия, погиб один из бывших пограничников, но за него отомстил Отави, обезглавив ударом топора убийцу. Другой пограничник, смертельно раненный в самом начале схватки, продолжал еще некоторое время сражаться, истекая кровью. Затем он рухнул на баррикаду, выставив перед собой саблю, словно продолжая помогать сдерживать атаки серых орд.

Наконец настала минута, когда я понял, что нам больше не продержаться. Но тут посреди шума битвы стал различим какой-то хрустящий звук.

Джанела закричала:

— Ко мне, маленькая сестричка!

Я поднял глаза и увидел, как на поле боя опускается облако, живое облако из насекомых, звук хитиновых подкрыльев которых и донес до нас ветер.

Ночь обернулась сверкающим днем, когда облако вспыхнуло, образовав над нами маленькое солнце.

Зрелище магической массы светлячков было столь впечатляющим, что я забыл о сражении и пришел в себя только тогда, когда на мою голову чуть не обрушилась дубина. Я отбил атаку, а сверкающее облако рассеялось, превратившись в огромную сверкающую сеть, закинутую в тропическое море.

Джанела что-то выкрикнула на незнакомом мне языке, и облако стало опускаться. Оно опускалось все ниже, опутывая головы и плечи наших врагов. Те завопили от боли, беспомощно отмахиваясь, затем один за другим стали падать и умирать в жутких конвульсиях.

Те, кто выскользнул из-под этой сети, скрывались в темноте или погибали от наших рук.

Джанела хлопнула в ладоши... и сеть исчезла... оставив после себя богатую жатву для Черного Искателя в виде огромного количества мертвых серых тел.

Мы в изнеможении рухнули на пол коридора.

Но этой ночью на отдых времени у нас не было, как не было его на скорбь по павшим товарищам или на восхваление Джанелы за ее сообразительность и магическое искусство.

Мы хотели побыстрее добраться до берега, не дожидаясь, пока полулюди соберутся с силами для очередной атаки. Нам предстоял очень опасный переход ночью через джунгли. Если мы поспешим и при этом не угодим в засаду, мы как раз успеем встретиться на рассвете со спасательным отрядом Квотерволза. И пока мы шагали по стене, я размышлял о том, что Джанела во многом соответствовала уровню магического могущества Яноша. Но если даже ее уровень и был пониже, она все же обладала совершенно особым образом мышления, который позволял разглядеть магическую и смертоносную силу в таких маленьких и безвредных существах, как светлячки.

Мы торопливо сбежали по лестнице и оказались на песчаном берегу. Встающее солнце посылало лучи на щиты наших товарищей на кораблях. Над солдатами возвышалась голова Квотерволза, и, когда он увидел меня, по лицу его расплылась улыбка облегчения.

Он бросился к нам, но вместо ожидаемого возгласа «Благодарение Тедейту, вы живы и здоровы» он сказал:

— Поторопитесь, господин Антеро. Впередсмотрящие заметили приближающийся

флот!

На борту «Ибиса» Келе быстро отдавала одну за другой команды, чтобы все было готово на случай встречи с неприятельским флотом.

— Под каким флагом они идут? — спросил я, хоть и предчувствовал ответ.

Она покачала головой.

— Не могу разобрать, мой господин, еще недостаточно близко, — сказала она.

— Насколько быстры наши корабли? — спросил я.

— Если дело дойдет до гонки — не проиграют.

— Тогда посади на весла самых лучших... и будь готова, — распорядился я и отвел Джанелу в сторону. — Если это те, кого мы боимся, мы можем оказаться в ловушке здесь, в гавани, и не успеем удрать вверх по реке, — сказал я. — Нам надо их остановить.

Джанела кивнула. Я рассказал ей, что жду от ее магии.

Она задумалась.

— Ну не знаю, — неуверенно сказала она. — В этом месте действуют чужие, очень мощные заклинания. В них может содержаться и защита всех сооружений от разрушения...

— Она вздохнула. — В общем, я думаю, шансов у меня мало... Но ведь и выбора у нас особого нет, не так ли?

— И вот еще что, — сказал я. — Можешь сотворить это по моей команде?

Она фыркнула:

— Не много ли ты хочешь?

Она бросилась на поиски корабельного плотника и вскоре вернулась, неся небольшой деревянный брус.

Моряки уже изготовились на веслах. Келе отдала команду, и суда отправились в путь.

Были подняты все паруса, гребцы налегли, и корабль стрелой полетел вдоль мола под северо-западным ветром, вскоре достигнув конца дамбы, там, где стояла каменная статуя.

Тем временем Джанела вырезала что-то из деревянного бруса, обрабатывая его золотым серпиком. То и дело доносились ее ругательства, поскольку, как я разглядел, дерево попало трухлявое, и Джанела даже разок пробормотала, что да проклянут ее боги, если хоть *что-нибудь* вообще получится из ее затей.

Мы пристали к молу и выбрались на древние камни. Джанела устремилась к основанию статуи и принялась творить заклинание.

Я прошел до окончания мола и оттуда увидел корабли. Это были те самые десять ориссианских судов, которые я уже наблюдал при помощи магии. Правда, теперь поверх флага Ориссы у них на мачтах развевались еще два флага: с голубой свернувшейся змеей на фоне восходящего солнца — знамя Вакаана, а пониже — черно-красный флаг стражников Модина.

Корабли находились уже достаточно близко, и я мог разглядеть стоящих на юте флагманского судна. Вновь я увидел Клигуса, еще больше раздувшегося от самодовольства. А рядом — и это пугало — стоял сам Модин. Мой сын все-таки выследил меня, да теперь еще взял в союзники могущественного черного мага.

Мне показалось, что сын увидел меня и удивленно поднял брови. Однако расстояние было велико и такие детали нарисовало скорее всего мое воображение. Впрочем, он все же показал рукой в мою сторону, и Модин повернул голову туда же. Мгновенно он вскинул вверх руки, и с небес грянула магическая извилистая молния, едва не угодив в мол и вызвав яростное шипение в воде, куда она попала, промахнувшись. Я ощутил запах озона.

Услышав крик Джанелы, я обернулся и увидел, что она уже забирается обратно на борт «Ибиса». Я бросился бежать и вскоре тоже поднялся на борт. Я посмотрел на Джанелу и увидел, что она ожидает приказа, держа кусок дерева обеими руками. Деревянный брус теперь представлял собой грубую копию статуи демона.

— Давай! — сказал я.

И Джанела с треском разломила копию.

Из-под основания статуи рвануло пламя, поднимаясь выше ее головы. Раздался взрыв,

подобный извержению давно уснувшего вулкана, кроша основание статуи, и нас осыпало мелкими жалящими осколками.

Статуя медленно начала крениться — на минуту застыла в падении — и рухнула, подняв волну, на которой наши корабли взлетели выше прибрежных пальм.

Когда волна ушла, я увидел, что упавшая фигура перегородила вход в гавань. А в море наши преследователи размахивали руками в бессильном гневе.

Мы не стали ждать, что они предпримут, и три наших судна устремились вверх по реке.

Эта голубая дорога вела, если верить карте Джанелы, к нашей цели. Но только теперь река представляла собой не просто открытый путь к нашей мечте, но и вообще единственный путь, по которому мы могли продолжать движение.

Глава 9 РЕЧНАЯ ДОРОГА

Я не сомневался, что Клигус и его войска скоро отыщут способ расчистить себе путь, так что наше спасение заключалось только в быстром движении. Впрочем, я лелеял две надежды: во-первых, я думал, что Клигус не решится преследовать нас так далеко, а во-вторых, у него не найдется столь искусного воскресителя, как Джанела. И надежды эти растаяли, когда я увидел его здесь вместе с Модином.

В нашем арсенале оставались только наши таланты и наши корабли. Эти веселые, с мелкой осадкой суда быстрее могли двигаться по реке, чем наспех превращенные из купеческих в военные корабли Клигуса, которым требовались большие глубины, чтобы не сесть на мель. К тому же Клигус находился в зависимости от ветра. Правда, сейчас ветер предпочитал дуть в одном направлении — прямо вверх по реке, к тем далеким горам, и прекрасно надувал паруса судов Клигуса. Я даже начал сожалеть, что в свое время обращался с мольбами дуть ветрам всегда на восток. Разумеется, наши моряки не разделяли моих сожалений. Они-то понимали, что в случае перемены ветра им придется взяться за весла и хорошенько поработать.

Эта гигантская река иногда распадалась на многочисленные неширокие протоки, напоминающие изогнутые, переплетающиеся, пересекающиеся лианы, но потом они вдруг сливались, и мы вновь оказывались посреди огромного водного пространства, так что едва различали берега. А час спустя вновь осторожно пробирались гуськом по узкому каналу. Но мы не сомневались, что идем верным курсом, потому что то и дело по берегам, отмечая главное русло, поднимались каменные столбы с высеченными на них теми же ликами, что и у статуи при входе в гавань.

Эта река являлась главной магистралью, ведущей в Королевства Ночи.

Дабы сбить с толку преследователей, я подумывал о том, чтобы повалить стоящие по берегам указующие столбы. Но для этого надо было бы высаживать людей, разрушать эти статуи при помощи веревок или магии. Ушло бы много времени, и от затеи пришлось отказаться. Кроме того, что-то во мне противилось намерению уничтожить статуи, к тому же такие древние, да еще и помогающие путешественникам не сбиться с пути.

А река жила своей жизнью. Стайки рыбок взлетали над поверхностью, убегая от неизвестного хищника. Мы забрасывали удочки, но частенько приходилось рубить леску, когда рыбака самого *ловила* какая-нибудь громадная рыба. Так, чуть не сдернуло за борт Пипа, которого спас Отави, обхватив за пояс маленького упрянца, не желающего отпустить удочку. После этого мой тщедушный брюзга дальновидно отказался от рыболовных забав, заявив, что не желает быть съеденным.

Однажды я заметил движение в воде, присмотрелся и увидел, что по направлению к нам плывет какое-то вытянутое существо. Я решил было, что это норка или выдра, но затем над водой поднялась голова на длинной змееподобной шее, и на меня с любопытством вытаращились почти человеческие глаза. Я, как и остальные, заворуженно наблюдавшие, мог бы поклясться, что взгляд у существа был разумным. Но оно быстро скрылось под водой,

оставив после себя лишь завихрившиеся струи.

Заметили мы и другое странное животное, пересекавшее реку прямо перед нами. Мы разглядели лишь громадную голову, по выражению Пипа, «столь же уродливую, как у одной рыбачки из Чипа, только без золотых зубов».

Митрайку приходилось сталкиваться с этим чудовищем.

— Тело у него громадное и толстое, как у вашей рыбачки. Но двигается оно, если захочет, так же быстро, как разносчик товаров, когда чувствует, что может заработать. И не советую никому попадаться ему на пути, когда оно пасется на берегу или плавает в воде, иначе вас можно потом использовать только в качестве половичка. Дикари восточного побережья охотятся на них с каноэ. Но охота эта еще та. Берут гарпун и привязывают его линем к банке лодки. И эта зверюга тащит вас на буксире, как пара крепких коней. Если только не развернется и не набросится на вас. — Он скривился. — Я видел однажды, как она набросилась на каноэ и смяла его, как бумажный кораблик. Затем добралась до человека и схрумкала его, как леденец. Но нам все же удалось отловить зверя и поужинать им.

— Ну и как на вкус? — поинтересовался Отави.

— Жирноват, — сказал Митрайк. — Пришлось слегка отварить кусочки, а затем обжарить на рашпере. Но и потом на вкус отдавало китовой ворванью.

— Не вижу тогда смысла в охоте на него, — сказал Мах, мой повар, превращенный в корабельного кока. — Если только уж очень проголодаешься. Ну или если можно мех использовать.

Именно его я подозревал в том, что он ранее совершал небольшие грабительские набеги на соседние усадьбы.

— Из его кожи делают отличные кнуты, — сказал Митрайк. — А если полоской намоченной кожи что-либо привязать, то, высохнув, узел становится крепким, как из железа.

— Нет уж, пусть лучше плывет своим путем, — сказал Отави. — А мы своим.

В реке и возле нее процветала и другая жизнь. Иногда у меня появлялось ощущение, что за нами наблюдают. И не какими-то там магическими способами, а просто притаившись в зарослях на берегу. Несколько раз мы видели ускользающие в боковые протоки каноэ, а один раз в отдалении, в зарослях, мелькнули хижины деревни.

Джанела попыталась сотворить несколько заклинаний, чтобы выяснить, насколько успешно идут дела у Клигуса. Я полагаю, что заклинания были сделаны очень толково и аккуратно, как частая сеточка на мальков. Однако же в эти сети мы ничего не поймали. Джанела сказала, что ощутила лишь присутствие Модина где-то позади нас. Несомненно, он посылал противозаклинания. И она не могла понять, преодолели уже наши преследователи гигантскую поваленную статую или еще нет. Но зато она наверняка знала, что те не отказались от своих намерений. Я не переставал ужасаться, как мог Клигус додуматься до *такого* — преследовать родного отца с целью убийства аж до края света, да еще в компании с колдуном, имеющим не менее гнусные планы.

Мы с Джанелой обсудили, что мог задумать Модин.

— Я сомневаюсь, — сказала она, — что целью его преследования стали мои формы или желание заняться со мною магическим сексом. И у меня лишь два предположения. Возможно, мятежники заставили короля Гейята отыскать козла отпущения за все те злодеяния, что совершены в его правление, и он в качестве таковых выбрал Модина и его стражников. Но эта догадка представляется мне сомнительной. Более привлекает меня мысль — хотя и тоже на уровне догадки, — что он рассчитывает на какую-то выгоду, продолжая следовать за нами до Королевств Ночи.

— Это в случае, что королевства настроены радушно по отношению к нему или у него с ними заключен некий договор, — сказал я. — У меня из головы не идет тот демон и его роза на сцене с танцовщицей.

Джанела кивнула.

— Есть и такая вероятность. К счастью, у нас нет выбора, и мы не трусы и не размазни, чтобы бросить наше путешествие на полдороги.

— Это так, — сказал я. — Но разве ты не рассматривала и такой вариант?

— Нет, — сказала она с улыбкой. — И ты тоже не рассматривал.

И она была права.

Дельта закончилась, и теперь нам не приходилось выбирать среди полудюжины курсов. Мы плыли посреди покрытой густыми джунглями равнины, и таких джунглей мне раньше видеть не доводилось. Деревья здесь достигали двухсот футов высоты, и они даже образовывали арки над рекой. Не доводилось мне видеть и таких розовых стволов, и трехпалых листьев, ярко-красных, величиною с человеческую руку. Вокруг деревьев обвивались зеленые и даже голубые лианы. Попадались совершенно удивительные громадные деревья, состоящие, похоже, из одного ствола, разделенного выступами, как веревка узлами, шириною в корпус нашего судна. Среди деревьев порхали разноцветные птицы, а однажды, в сумерках, перед кораблем, словно приветствуя нас, совершила вираж четырехкрылая птица. Видел я тюльпаны величиною с человеческую голову, а Митрайк сообщил, что внутри у них сладкий как мед нектар.

Джунгли были при взгляде с воды великолепны, если вообще так можно отзываться о зарослях, на самом деле равнодушных, опасных, поджидающих, когда ты совершишь одну-единственную ошибку, чтобы прикончить тебя. Но подобно всем джунглям, они скоро начали раздражать. Почти все время шел дождь, а если прекращался, налетали тучи едва видимых мошек, забирающихся повсюду и жалящих, как крошечные раскаленные булавки. Нам пришлось натянуть при входе во все каюты марлю в качестве противомоскитной сетки, дабы не сойти с ума от этого непрекращающегося жужжания, хоть и приходилось мириться с тем, что с каждым куском пищи все-таки случалось проглатывать с дюжину этих маленьких насекомых. Чонс утверждал, что ему удалось два раза пообедать, не проглотив ни одного насекомого, но ему никто не верил.

В джунглях попадались и другие незнакомые нам животные, например одно такое размером с поросенка, похожее на грызуна и плавающее, как тюлень. Нам удалось поразить его копьем, и Мах приготовил мясо с луком и картошкой. Оказалось съедобно. И я еще раз убедился, что для большинства людей вкусное — это то, что похоже на уже знакомые блюда, а вовсе не реальность ощущений. По крайней мере, никто из нас не высказался за охоту на это животное еще раз.

Мы видели зачарованно наблюдающих за нами с деревьев обезьян. Они провожали нас, быстро перемещаясь с ветки на ветку и не сводя с нас глаз, словно осматривали наш корабль в рассуждении, не построить ли и себе такой же. За обезьянами охотились представители породы кошачьих — существа, размером не превышающие обезьян, но, конечно, хищные. Шкура у этих кошек была окрашена в темно-бордовый, охряный и коричневый цвета, так что до момента прыжка разглядеть их в красноватых зарослях было почти невозможно.

В конце концов обезьяны почему-то решили, что мы их чем-то обидели, и стали в нас швырять чем ни попадя. И когда мы оказывались близко к берегу, с этим обстрелом приходилось считаться. Для начала они с большой точностью кидались плодами, а затем взялись и за камни. Митрайк вызвался прикончить несколько штук, чтобы разбежались остальные, но я запретил. Я разместил на носах судов братьев Сирильян с тупыми стрелами, которыми мы добывали птиц и кроликов, и мы около часа шли близко к берегу. Раздавался звон тетивы, и очередная обезьянка с воплем покидала верхушку дерева. После такого урока у нас уже не было проблем с хвостатыми снайперами.

Ветер теперь менялся, и нам порою приходилось продвигаться с помощью весел.

Однажды вечером мы оказались в таком месте, где река разливалась в широкий плес. Посреди него располагались островки, и мы причалили к одному из них на ночевку. По воде разносилось криканье непуганых уток, и я отправил Чонса и нескольких моряков на лодке с сетью. Раздался пронзительный птичий крик, и через несколько минут у нас оказался приличный обед. Мах поджарил их с молоком кокосов, перчиком, луком и другими острыми приправами, а в качестве гарнира были зеленые бананы с соей.

Вечерело, дьявольские насекомые куда-то исчезли, и я отправился прогуляться на нос

судна для улучшения пищеварения, размышляя, возможно ли поправиться в таком рискованном путешествии. Кинув случайный взор на один из самых больших островов, я заметил в сгущающихся сумерках что-то неожиданное. Какое-то каменное строение типа виллы. Во всяком случае, здание выглядело гораздо привлекательнее, нежели те грубые хижины, мимо которых мы уже проплывали. Выходит, на том острове можно было встретить цивилизованных обитателей? Но каких?

Изысканный аромат добрался до моих ноздрей. Затрудняюсь точно описать, на что он был похож. В нем был запах ночных цветов и ароматического огня, который разжигают в домах, поджидая запаздывающего хозяина. Что-то в нем было манящее, как чувство любви, не увядшее с годами. И что-то от осеннего сада с созревшими яблоками и пуншем, еще не остывшим на столе под деревом, — в общем, то, что всегда так успокаивает после суетного дня.

Вскоре запах исчез, а я все пытался рассмотреть строение, быстро тонущее в наступающей тьме. Что же там такое может быть? Наверняка что-то привлекательное, нечто достойное внимания, а может быть, и важное для нашей экспедиции. Впрочем, с этим делом можно не торопиться, сонно подумал я.

И тут я заметил, что и все остальные смотрят в ту же сторону, а моряки уже держат весла наготове, чтобы устремиться к этому прельстительному островку, где нас, кажется, ожидало нечто совершенно необычайное.

Я еще раз зевнул и поспешил вниз с полубака, чтобы помочь морякам. Но тут раздался крик Джанелы:

— Остановитесь! Это действие магии!

Я остановился и нахмурился. Да как она смеет вмешиваться в то, что я собираюсь сделать? Ведь это же так важно для меня, для всех нас — отправиться на тот остров, где что-то или кто-то с нетерпением ждет нас.

Джанела схватила за руку моряка, уже готового опустить весло в воду, оттолкнула его прочь и вновь закричала:

— Колдовство!

И тут я услышал чей-то рык и тут же пришел в себя.

— Келе! — заорал я и услышал ее отклик с юта. — А ну возьми себя в руки!

Чарующая тишина отступила, Келе пришла в себя и принялась выкрикивать команды, и ночное мягкое колдовство заколебалось, рассеиваясь, как разрушается сладкий сон. Но тут на нас обрушилось нечто другое.

Тоже невидимое, но теперь оно не прельщало, а приказывало: «Вы должны подойти к острову. В вас там нуждаются. Идите к острову».

Я услышал слова Джанелы:

Мы деревянные

Мы стальные

Об нас обрежешься

Нас не удержишь

Мы не свернем с пути

Мы стойкие

Мы не слышим

Мы не ощущаем запахов

Мы верим только в настоящее

Мы стойко держимся.

Заклинание разрушилось, а на ютах и шкафутах вспыхнули огни. Джанела стояла в освещении такого фонаря под главной мачтой, держа над головой обычный толстый гвоздь. Все три судна успели отойти от берега, и теперь их несло течением. Джанела поздновато почувствовала опасность.

Мы уже все пришли в себя и, ухватившись за весла, усердно принялись выгребать вверх по реке. Так мы гребли всю ночь и весь следующий день, пока я не рискнул устроить отдых морякам.

Что же это было? Магия? Попытка загнать нас в ловушку? Демон? Призрак? Вряд ли какой-нибудь одинокий земной дух, заскучавший без компании. Я не знал, но уже больше не позволял заходить на встречающиеся островки, предлагающие блаженный покой, и в заманивающие ароматами, петляющие как змеи протоки, уводящие нас с курса.

Проходили дни, и стало заметно, что рельеф берегов начинает повышаться, хотя на реке и не встречались пороги и быстрины. Все же мы стали присматриваться внимательнее и вскоре увидели причудливый перелив воды, своего рода плавный порог на реке, то самое место, где нам предстояло подняться на уровень повыше. Именно так осуществлялся и магический контроль за рекой от Мариндюка до Ирайи. Я указал Джанеле на следующий магический шлюз, и мы обрадовались. Интересно только было бы узнать: сохранило ли заклинание свою мощь со времен старейшин? А может быть, оно постоянно обновляется, и тогда по достижении цели мы наверняка не обнаружим руин, достойных внимания лишь любителей старины?

Вскоре река превратилась в огромное болото, посреди которого, как в дельте, петляли узкие протоки. И нам теперь приходилось полагаться лишь на компас да на жутковатые каменные ориентиры с ликами красавиц-демонов.

Через три дня похода по этой трясине мы заблудились. Исчезли каменные столбы с ликами, или же мы повернули не туда, куда надо. Хуже того, переменчивый ветер или слабо задувал в противоположном направлении, или вообще стихал, оставляя нас в полнейшей тишине, прерываемой лишь плеском волн о корпуса, хлопаньем обвисших парусов, жужжанием насекомых да командами помощников капитанов, приказывающих смениться вахтенным или перейти на весельный ход.

Стоило нам повернуть в какую-нибудь кажущуюся подходящей протоку, как она вскоре оказывалась забитой водорослями или упиралась в болото, а то и в кучу грязи, которую и островом-то нельзя было назвать. Иногда протоку блокировало упавшее дерево, и тогда приходилось высылать на лодке команду, чтобы она разрежала ствол, а то приходилось им брести по пояс в мутной жиже и отгонять мысль о том, что там в мутной воде притаилось. И не раз, умаявшись с расчисткой пути от завалов, мы делали поворот и натыкались на следующее препятствие.

В конце концов мы часто решали изменить курс, вернуться назад и попытать счастья в другой протоке. Так мы двигались взад и вперед, влево и вправо, пока не начали сомневаться в надежности компасов. Иногда заросли расступались, открывая ненадолго вид на горы, которые, казалось, и не думали приближаться, оставаясь на том же самом месте, где мы их увидели и в прошлый раз. Никто не роптал, но всех тревожила мысль о том, что, пока мы блуждаем в этом лабиринте, Клигус со своим отрядом подходит все ближе. В случае чего сражаться пришлось бы, только находясь на кораблях, а узкое пространство не позволяло прибегать к хитроумным маневрам.

В общем, было полное ощущение ночного кошмара, когда тебе снится, что пытаешься по колено в зыбучем песке убежать от чудовища, и боишься оглянуться, и ждешь, что вот-вот в спину тебе вонзятся его когти.

Мы не только частенько сбивались с курса — хотя в данном случае выражение не совсем верно, поскольку точный курс был нам неизвестен, — но и садились на мель раз или два в день. Впрочем, корпуса кораблей оставались неповрежденными, да и посадка на мель не выглядела драматичной, поскольку проявлялась лишь в замедлении продвижения корабля, с шумом скребущего днищем по грязи под килем. Для того чтобы слезть с внезапного препятствия, мы использовали весла в качестве шестов или другой корабль для буксировки, но чаще приходилось вытягиваться с помощью специальных якорей — верпов. Эта работа особенно изматывала. Спускались на воду лодки, отвозили подальше верп, выбирая цепь на всю длину. Затем верп надлежало бросить и по возможности покрепче

зацепиться им. Подъемный ворот приходилось проворачивать вручную: мы наваливались на рукояти, ничего не слыша, кроме пульсирования крови в висках и шума в ушах, пока не раздавалось звонкое *клик* и предохранитель ворота не защелкивался после того, как мы выигрывали фут пути. *Клик...* еще раз... а затем *клик, клинк, клинк* начинали звучать все чаще, и мы постепенно выбирались на свободу. Якорь поднимался на борт, и мы плыли дальше, до следующей посадки на мель.

В эти дни особенно тяжело приходилось экипажу «Ибиса». Поскольку он был маневреннее и с меньшей осадкой, то на него ложилась обязанность возглавлять караван, исследуя путь для продвижения ползущих позади «Светлячка» и «Искорки».

Случалось так, что одновременно три судна попадали в ловушку, и все три перетягивались с помощью верпов по направлению к той протоке, которую можно было бы назвать основной, если она хоть чем-то отличалась от той, в которой мы только что все застряли.

Ропот моряков доходил до яростной ругани, что не сильно меня тревожило. Вот если бы они оставались безучастными, тут бы я взволновался. В конце концов, все было не так уж и плохо — по крайней мере, никто не подхватил лихорадку или малярию, которой, как правило, изобилуют тропические реки, никто не получил серьезных ранений и не убился. Общее сожаление вызывало отсутствие работы магии. В самом деле, у нас была правнучка самого Яноша Серого Плаща, способная заклинаниями уничтожать демонов и успокаивать шторма, но в данной ситуации ей не удавалось ни создать какую-нибудь штуку, послужившую бы нам проводником, ни воспарить духом в высоту, дабы оглядеться и указать нам правильный путь.

Джанела поясняла, что уже несколько раз предпринимала попытки сотворить нечто подобное, но у нее ничего не получалось. Нет, она не потеряла магического могущества, просто над этим районом властвовало заклинание, восстающее против любого волшебства.

— Все сделано так, — сказала она, — чтобы превратить этот район в одну большую ловушку. И возможно, указательные столбы убраны намеренно. Может быть, смысл этой ловушки, устроенной старейшинами, в том, чтобы заманить врага сюда, как мух заманивают в сладкий сироп, чтобы не ползали по столу. А может быть, заклинание и совсем недавнее. Не могу сказать.

Хуже было другое. Каждый раз, пытаясь сотворить заклинание, она ощущала присутствие чего-то невидимого впереди, и враждебность этой неизвестности все увеличивалась. Экипажу я сообщил, чтобы совсем не напугать моряков, что мы просто боимся, как бы по нашим заклинаниям нас не обнаружил Модин и не наслал на нас чего-нибудь убийственного. Ропущие притихли.

Однажды нам немного повезло: протока, по которой мы следовали, вела прямо на восток, а ближе к вечеру нам удалось подойти к настоящему, с крепкой почвой острову. Вообще-то он был весьма невелик, но все же позволял людям для разнообразия поспать на берегу. На мелководе можно было и попытаться по-человечески помыться, хотя грязная речная вода не могла сделать нас чище, но, по крайней мере, могла смыть пот.

Я распорядился, чтобы Квотерволз выделил часовых для наблюдения как за сушей, так и за рекой, и разрешил людям купаться. Без колебаний моряки и солдаты сорвали одежды и устремились к воде. Я улыбнулся и тут увидел, что наши женщины стесняются обнажаться при мужчинах. Я уже собирался приказать Квотерволзу выделить еще четверых часовых, чтобы женщины смогли искупаться с другой стороны островка, но Джанела отыскала самое простое решение.

На ней были сандалии, грубые парусиновые штаны, которые сшил для всех наш мастер-парусник, и потрепанная туника. Без раздумий она выскользнула из этой одежды и нырнула в воду. Плавающие вокруг мужчины издали веселый вопль, видя, как их воскреситель бултыхается, словно обычная девица. Женщины переглянулись, и Келе первая последовала примеру Джанелы.

Джанела проплыла несколько ярдов и вернулась к берегу. Подошла ко мне, подняв с

земли одежду.

Внезапно я вспомнил, как смущался наготы в детстве. На одиннадцатом году жизни я с несколькими приятелями отправился на наш любимый пруд, который посещали и девочки. Они тоже вскоре подошли, разделись и присоединились к нам. Все мы просто рты пораскрывали. И даже непонятно почему — в Ориссе стояло более чем достаточно обнаженных статуй, так что о строении женского тела мы имели понятие. Почти все из нас любили заглядывать во двор какой-нибудь куртизанки, особенно той, которая считала, что одеваться — лишь тратить время, необходимое для работы, которая давала результат, зависящий не от качества обслуживания, а от количества. Некоторые из нас утверждали, что были соблазнены старшими кузинами, подружками или служанками в доме. Один или двое даже при этом не ври. Во всяком случае, я и мои приятели внезапно испытали желание не выходить из воды далее чем по пояс. А тут еще ко мне подплыла знакомая девочка, встала передо мной во весь рост и спросила, не хочу ли я отправиться с ней наперегонки до другого берега. И вот теперь, стоя на этом грязном речном берегу, в сотнях лиг от ОриССы, я испытывал мучительное желание посмотреть на тело Джанелы, а шея, как парализованная, не позволяла это сделать.

Я был уверен, что побагровел, и Джанела должна это заметить. Но она лишь сказала:

— За то, что я облегчила всем задачу с купанием, ты, Амальрик, должен мне флагу вина.

Я что-то пробормотал в ответ, а она отошла к другим женщинам, выскакивающим из воды и быстро прикрывающимся одеждой. Джанела, двигаясь с грацией лесной нимфы, начала одеваться.

Мышцы шеи расслабились.

Джанела Серый Плащ, наверное, все же была... и есть... самой красивой женщиной и с самой прекрасной фигурой из всех, которых я знал. Я резко отвернулся, явно возбужденный, внезапно осознав, что уж чересчур откровенно рассматриваю эту столь великолепную фигуру, облитую лучами заходящего солнца.

А отвернувшись, я услышал женский смех. Мне стало не по себе. Более того, я полагал, что это смеется вовсе не Джанела.

Я пошел и подменил собою одного из часовых, чтобы успокоиться. А спустя несколько минут и сам сообразил, насколько забавной и нелепой оказалась ситуация. Я понял, что все мы так до конца и не взрослеем, а эта извечная игра между мужчиной и женщиной частенько превращает нас в глупцов и сбрасывает с наших плеч множество лет, вплоть до самой юности.

Люди выбирались из воды, отмывшись, насколько возможно. В воде плескалось теперь лишь трое. Внезапно их стало двое. Я решил, что третий просто нырнул, но вдруг над поверхностью показалось искаженное лицо, рот, разинутый в беззвучном крике, а вода вокруг окрасилась кровью.

Я заорал, предупреждая об опасности, да и другие тоже, и оставшиеся в воде двое что было сил устремились к берегу. Один из них пронзительно вскрикнул и скрылся под водой, а затем на поверхность начали всплывать части его разорванного тела. Остался в воде лишь один, и ему до берега было всего несколько футов. Это был Керам, старший помощник Келе. Мы бросились к нему на помощь, однако он уже встал на ноги и вышел из воды, шатаясь и задыхаясь. Но мы ничего так и не увидели и понятия не имели, кто же расправился с двумя нашими товарищами.

Керам уже отошел футов на пятнадцать от воды, когда убийца появился. Это был чудовищный крокодил длиной, как я прикинул, футов в двадцать. Большинство людей полагают, что эти смертоносные пресмыкающиеся медлительны, ленивы и глупы, поскольку, как правило, несмотря на свою пугающую внешность, лежат как бревна на песочке или в воде, выставив пару глаз.

У меня же было иное мнение. Однажды мне довелось увидеть, как такая тварь выпрыгнула из воды на добрых пять футов, сграбастала подошедшую к берегу попить газель

и скрылась с нею под водой в мгновение ока.

Это же серо-зеленое чудовище двигалось еще быстрее. Оно вылетело из воды, как атакующая змея, на высоту пояса человека и устремилось по берегу за Керамом, раскрыв страшные челюсти. Оно врезалось в него с такой скоростью, что, должно быть, этим ударом уже убило моряка, но при этом успело ухватить его пастью и, извиваясь, разорвало беднягу надвое, как терьер разрывает крысу.

После этого крокодил не скрылся в воде, а, уронив тело Керама, зарычал на нас.

Тут мы пришли в себя и кинулись хватать оружие. Отави оказался быстрее других и шагнул вперед. Только вместо обычного для него топора ему под руку подвернулось копье, которое он и швырнул, угодив крокодилу в голову, в точку позади челюстей. Зверь издал пронзительный вопль, но не тот свистящий звук, который всегда издают от боли крокодилы, а пронзительный человеческий вопль.

Мы все застыли, а крокодил схватился передней лапой за древко и вырвал копье. На песок хлынула кровь, и животное развернулось в сторону реки. Но Отави, уже подняв топор, блокировал ему дорогу к отступлению, Митрайк присел на корточки рядом, уперев тупой конец копья в песок, дабы сдержать атаку, а Джанела подскочила и вонзила свое копье зверю в бок и тут же отскочила в сторону. Я выхватил у кого-то из рядом стоящих дротик и метнул его в цель. Оружие попало пресмыкающемуся между ребер и глубоко вонзилось в тело.

Крокодил вновь вскрикнул и рванулся, но не к воде, а в заросли прибрежного кустарника. Однако едва он успел добраться до укрытия, как зазвенели четыре тетивы и четыре стрелы вонзились ему в спину, вызвав новый вскрик боли. Чудовище закрутилось на месте и исчезло. Наши воины бросились было в погоню, но Квотерволз остановил их:

— Стоять на месте! Этот ублюдок, наверное, приготовил нам засаду.

Послышался еще один вопль, затем второй, кустарник затрепал, как под порывом ураганного ветра... и наступила тишина. Отави рванулся вперед, но я остановил его:

— Нет. Подождем немного.

Так мы и сделали, а затем пошли по широким следам, оставленным громадным крокодилом. Футах в двадцати от того места, где крокодил скрылся из виду, мы нашли труп. Но это был труп человека.

На минуту мир вокруг нас превратился в хаос, мысли заметались. Кто-то выругался, кто-то просто разинул рот, кое-кто побледнел. Но мертвый человек был реальностью. Я шагнул вперед с саблей на изготовку, рядом оказались Джанела и Квотерволз.

Труп лежал лицом вниз, совершенно обнаженный, если не считать браслетов на запястьях, лодыжках и какого-то украшения на шее. И никаких следов ранений. Я перевернул его. Это был мужчина, гладко выбритый, коротко стриженный, с голубой татуировкой во все лицо, от лба до подбородка.

— Оборотень, — сказала Келе. — Слышала о них, но видеть не доводилось.

— А почему это так? — спросил я. — Посмотри.

Я указал на тело. На нем не было и следов ранений, а лицо сохраняло столь безмятежное выражение, словно человек мирно спал.

— Насколько мне известно, у оборотней на теле остаются следы от ранений, полученных во время пребывания их в другом виде, — сказал я.

Джанела опустилась на колени рядом с телом.

— И я об этом слыхала, — пожав плечами, сказала она. — Но я никогда не видела такого существа, и ни один из тех людей, которым я доверяю, тоже не встречал ничего подобного. А теперь посмотрите сюда.

Браслеты, ножные и ручные, и ожерелье на шее представляли из себя полоски крокодильей кожи.

— Да при чем тут раны! — сказал Пип. — Просто чудовище промчалось дальше, а этот бедолага прилег тут, да и помер.

— Ну нет, вряд ли, — сказала Джанела. — Но все это очень любопытно.

Она сейчас здорово смахивала на преподавателя лица, спокойно обсуждающего

странную окраску бабочки, которую принес ученик.

— Ладно, эту загадку обсудим позже, — сказал я. — А сейчас возвращаемся на борт и отправляемся дальше вверх по реке.

Но было поздно. Уже сгущались сумерки. Корабли стояли на якоре близко от берега, и для высадки на сушу мы использовали шесть лодок, оставив на кораблях лишь четырех человек наблюдать за якорями. Лодки были наполовину вытаснены на сушу. И от кораблей нас отделяла какая-то сотня ярдов. Но теперь в этом промежутке плавала дюжина, если не больше, зловещих тварей. Таких же крокодилов, как и тот, что напал на нас.

— Чтобы добраться до кораблей, придется совершить две поездки, — сказала Келе. — И то лодки битком будут набиты.

А скоро уже ночь.

— А что помешает этим тварям перевернуть наши лодки и растерзать нас поодиночке в воде?

— Ты прав, — сказала Джанела. — Ночь лучше переждать здесь, на берегу. Я могу сотворить колдовство, которое будет отгонять их ночью, и подготовлюсь к большому заклинанию, которое защитит нас завтра.

Послышался испуганный ропот. Все мы ощущали себя в относительной безопасности посреди этих страшных земель, только оказавшись на борту корабля. Но Джанела и Келе были правы. По крайней мере на берегу мы не будем ощущать себя абсолютно беспомощными, как в воде. Все мы были вооружены, а у некоторых в котомках обнаружались и кое-какие продукты.

Наши товарищи на кораблях видели происшедшее. Сигнальщик с берега передал на корабль сообщение Келе о наших намерениях. Она приказала всю ночь держать в карауле часовых и не гасить факела, хотя никто из нас и не думал, что крокодилы смогут забраться на суда, даже на «Ибис», с его сравнительно низкими бортами. По настоянию Джанелы Келе просигнализировала, чтобы после наступления темноты никого не принимали на борт, пусть оборотень даже будет в образе самой Келе.

— Может быть, я и перестраховалась, — сказала Джанела, — но если мы приняли версию обратной, то они запросто могут принять образ любого из нас, а не только чудовищного крокодила. И тогда мы решили принять эту меру предосторожности.

Мы принялись за работу, разделившись на группы, заготавливая дрова для костров. Я боялся, что до утра у нас дров не хватит, но Джанела сказала, что уж на этот счет можно не беспокоиться. Она порылась в запасах своей сумки, с которой никогда не расставалась, и отыскала кусок деревяшки. Достав два зеркала, она наставила их друг на друга и, поместив в центре деревяшку, получила взаимоусиливающие отражения. Затем проговорила заклинание и приказала Пипу разрезать деревяшку на куски кинжалом.

Отделив щепки одну от другой, она произнесла еще одно заклинание, и щепки в мгновение ока вытянулись в длинные одинаковые бревна. Она дважды повторила заклинание, и у нас стало столько дров, что мы могли бы спалить какой-нибудь город.

Мы разложили четыре костра на расстоянии пятьдесят футов один от другого в том месте, где начинался кустарник, и как можно дальше от воды. Мы сожгли останки разорванного Керама и помолились за двух других погибших моряков, надеясь, что их душам не придется вечно скитаться по этим враждебным землям.

Никто из нас не хотел спать, и лишь немногие проголодались. Квотерволз предложил мне кусок вяленого мяса, и я принялся жевать, совершенно не ощущая вкуса. Он тихо сообщил мне о своей уверенности в том, что эти крокодилы на самом деле являются оборотнями, местными колдунами, продавшими свои души демонам в обмен на способность менять облик, поскольку ему не приходилось слышать, чтобы крокодил подряд убивал несколько жертв без остановки. Они всегда, поймав жертву, погружаются в воду, ждут, пока мясо начнет протухать, съедают его, а затем, через несколько дней, когда проголодаются, отправляются на поиски следующей жертвы.

Я отозвал Митрайку в сторону и поблагодарил его за проявленное мужество, когда

первый крокодил выскочил на берег. Он подозрительно глянул на меня, затем благодарно кивнул и сказал:

— Но вообще-то я здесь не для того, чтобы умирать. Во всяком случае, не таким способом.

Я счел его высказывание странным, но ничего не сказал. Джанела готовилась к следующему заклинанию. Она тоже отвела меня в сторону.

— Я не знаю, подействует ли оно, поскольку мне неведомы законы, которым подчиняются эти твари, или люди, или кто там они есть. Но, может быть, сам процесс произнесения заклинания хоть чем-то успокоит наших.

— А что же утром? — поинтересовался я. — Вдруг и при свете дня у нас появятся проблемы с тем, как оказаться на кораблях?

— Ну нет. Уж об этом я позабочусь. Я могу сотворить заклинание, обращенное к божеству солнца, а против его помощи ничто на земле не устоит.

Я облегченно вздохнул, но тут же снова напрягся, когда она добавила:

— По крайней мере, так полагал тот человек, который обучал меня ему. — И криво улыбнулась. — Ну ничего, посмотрим.

Уже совсем стемнело, и наступила полнейшая тишина. Единственное освещение исходило от фонарей на кораблях да от наших костров. Но стоило отступить от огня на несколько футов, как человек пропадал в темноте.

А над водой можно было разглядеть люминесцентное свечение глаз.

Наблюдающих и ждущих.

Джанела с помощью тетивы изобразила ограду, сожгла несколько сухих терновых колючек, затем добавила сушеных цветов кактуса, от которых пошел дым, и прочитала заклинание, написанное на клочке пергамента.

Я увидел какое-то дрожание в воздухе между нами и рекой... и больше ничего.

Мы усадились в ожидании.

Около полуночи я услышал разъяренный рев из темноты, словно один из крокодилов попытался вылезти на берег, но был отброшен назад. Лучники отправили стрелы на звук, но, боюсь, не попали. А заклинание Джанелы, похоже, действовало надежно.

И действовало до ранних утренних часов. Несмотря ни на что, я все же задремал, а затем мы услышали какой-то плеск.

Тоура, командовавший охраной лагеря, закричал:

— Они идут!

И мы все вскочили на ноги. Первая тварь выскочила из полумрака, но, словно попав в невидимую сеть, запуталась и забилась, стараясь вырваться и добраться до нас. Рядом появилась другая, и обе заработали вместе, дружно пытаясь прорваться. Подскочили и остальные, втыкаясь в магический барьер. Мне показалось, что заклинание слабеет. И тут взлетела туча дротиков. Часть из них вонзалась в незащищенные бока существ, но по большей части они отскакивали от крепких спин. Одна тварь взвыла почти по-человечески, когда ей в глаз почти по оперение вонзилась стрела. Зверь заметался и забился в агонии.

Копья пронзали и других, но вдруг я увидел, как мерзкое чудовище, самое большое из них, прорвало блокаду. Я мог бы поклясться на алтаре любого из богов, что оно в два раза превосходило размерами того крокодила, что мы убили ранее... Оно стремительно приближалось, преодолев не выдержавшие атаки заклинания. Крокодил уже взвыл, предчувствуя триумф, а я выхватил из костра горящую головню и воткнул ее прямо в разинутую пасть.

Существо завопило и стало биться, как выброшенная на берег рыба, хвостом сшибая с ног других тварей, поменьше. Те переворачивались, подставляя незащищенные мягкие животы под тут же обрушившиеся на них стрелы и копья. Взмыли в смерче песок и вода, раздался вой, и остались в живых только мы, люди, тяжело дышащие, сжимающие оружие. И не было вокруг ничего, кроме ночи, огня костров и жужжания насекомых. А затем, спустя чуть ли не вечность, взошло солнце.

Джанела сотворила заклинание и распорядилась группами направляться в лодки. Она настояла на том, чтобы сесть в первую лодку и стать первой жертвой, если ее заклинание не подействует. Я остался на берегу. Я должен был последним покинуть этот дьявольский остров, обещавший недолгий отдых, но обернувшийся кошмаром. Лодки добрались до кораблей, и люди забрались на палубы. Затем лодки вернулись, и все мы постепенно оказались на кораблях.

Когда мы подплывали к «Ибису», я увидел четыре тела, плавающие лицом вниз. На всех были те же самые украшения, как и на том покойнике в кустах. И ни у кого не было и следа от полученных ранений.

Мы подняли лодки на палубы и взялись за весла. Ветер уверенно дул в сторону востока, и можно было бы поднять паруса. Всем нам хотелось делать прямо сейчас хоть что-нибудь, лишь бы побыстрее убраться из этого места.

Келе окликнула меня, показывая за борт. Я увидел, как всплыл крокодил, ухватил плавающее тело и исчез, оставив лишь воронку на воде.

— Жрать будет, — сказала Келе. — А теперь, дорогой Антеро, когда вы все уже знаете... скажите, кто кого пожирает... крокодил человека... или *человек* человека?

Я содрогнулся.

Глава 10 В КАНЬОНЕ

Совершенно неожиданно болото закончилось, река вернулась в обычное русло и потекла мимо равнин с рощицами деревьев и кустарником по берегам. Мы с Джанелой говорили о той обширной болотистой заводи, которую только что преодолели. Вряд ли старейшины допустили бы, чтобы их главная водная магистраль превратилась в трясину. Что-то тут было не так. Возможно, заклинание подействовало не так, а может быть, крокодилье племя собственной магией изменило ослабевшее со временем заклинание древних.

— Но допустимо и такое, — сказала Джанела, — что мы попались в ловушку, устроенную именно старейшинами для тех, кто не в состоянии сотворить достойное заклинание или не имеет проводника.

Впрочем, теперь уже никто ни о чем не переживал. Путешествие снова шло гладко, можно было не грести, а ветер устойчиво дул с запада. Однако мы держали наблюдателей на носах судов, поскольку все же попадались отмели или густые заросли водорослей, способных задержать нас.

Землю вокруг покрывала зелень, и мы разглядели небольшие ирригационные каналы, уходящие от реки в глубь суши. А вскоре стали попадаться и разбросанные тут и там хижины, пасущиеся животные. Небольшое стадо подошло к берегу на водопой, давая нам возможность рассмотреть животных получше. Крупный рогатый скот, но довольно странного вида, с огромными горбами, изогнутыми назад рогами и длинной шерстью. Разглядели мы и пастухов, представителей, по всей вероятности, примитивного народа, в кожаных юбках и туниках и вооруженных копьями. Но все же им была знакома торговля или натуральный обмен, поскольку наконечники копий отливали хорошо обработанным металлом в лучах солнца. Мы махали им руками, и порою они откликались, но как-то равнодушно, словно их нисколько не интересовал факт появления на реке чужестранцев.

— Нравятся мне эти крестьяне! — прокричал Берар, когда его «Светлячок» оказался рядом с нами. — Они так давно не видели ничего нового в жизни, что забыли, как надо удивляться. Не хочешь сделаться фермером, Келе?

Келе в ответ сделала довольно вульгарный жест.

Однажды, когда в течение часа или больше того ветер отсутствовал и мы бросили якорь, Квотерволз заметил одного пастуха недалеко от берега. Человек, похоже, не замечал нашего присутствия, сидя на корточках перед одним из своих животных и внимательно его

разглядывая. Квотерволз спросил разрешения ненадолго высадиться на берег и попробовать разжиться информацией. Я сказал, чтобы он взял с собою Пипа, у которого уже давно не было нового повода на что-либо пожаловаться, и возвращаться на корабль сразу же, как только мы их позовем или поднимется ветер.

Спустили лодку, и наша парочка отправилась на берег, прихватив с собою в качестве подарков несколько ожерелий и фрукты, сорванные нами еще в дельте реки. Квотерволз приблизился к пастуху. Пип держался в нескольких ярдах сзади. Квотерволз, активно жестикулируя, присел на корточки и попытался завести разговор. Очевидно, попытка оказалась не слишком успешной, поскольку он вскоре встал, махнул рукой Пипу и они вернулись к лодке, неся с собою обратно и подарки.

Когда они забрались на палубу, все устремились к ним, желая узнать, что же произошло и что представляет собой тот человек, — в таком длительном путешествии каждая новость была желанной.

Квотерволз был задумчив. Имя человека вроде бы звучало как Виндхия, а может быть, так называлось его племя — даже помощь магического дара к языкам не позволяла толком понять речь пастуха.

— А вот корову, — добавил Квотерволз с непроницаемым выражением лица, — зовут Сонда. Он нас представил друг другу.

Джанела хмыкнула.

— А что же он не захотел поболтать? — спросил один из моряков. — Слишком гордый?

— Нет. Дело в том, — и я увидел, что Квотерволз с большим трудом сохраняет серьезное выражение на лице, — что он молился на свою корову.

— Чего?

— Виндхия, или эти все виндхии, обожествляют коров.

Тут уж началось всеобщее веселье, усилившееся после слов Отави:

— А что, прекрасная мысль. Если тебе этот бог не угодил, ты его раз — и на обед! А если это богиня, тоже можно попользоваться ею. А крепость веры зависит от удойности.

Квотерволз подождал, пока смех утихнет, и продолжил:

— А разговаривать Виндхия не захотел и даже не глянул на наши подарки потому, что занимался созерцанием Сонды. Он сказал, что это его любимая корова и если проводить рядом с ней достаточно много времени, то он сможет приобрести от нее всю ее *коровость*.

— *Коровость*? — недоверчиво повторил я.

— Он так и сказал: *коровость*.

Когда утих новый взрыв смеха, Пип задумчиво почесал в затылке.

— Благодарение Тедейту, мы не спросили, как у них тут осуществляется *интимная жизнь*. Не удивлюсь, если мужчины тут добиваются руки телок. Или ноги... как это сказать? Надо предупредить впередсмотрящих, не увидят ли они в окрестностях ребятишек-полукоров.

Разговор продолжился, углубляясь в сторону непристойностей. Я отошел в сторону, не желая, как воспитанный человек, принимать в нем участие.

Коровость... Ничего себе.

Этим же вечером Джанела предприняла попытку послать свой дух назад по пройденному нами пути и пошпионить за Клигусом.

На случай, если ее раскроют, ей требовалась моя помощь. Скрестив ноги, она уселась на палубе посреди нарисованного круга с выведенным посередине глазом. Окружившие ее четыре жаровни посылали в небо извивающиеся дымки. Когда она закончила творить заклинание, я буквально ощутил, как дух ее покинул тело. Внешне это никак не проявлялось, но я, сидя рядом, чувствовал.

Прошли томительные минуты, и наконец она зашевелилась и открыла глаза. В них застыло выражение ужаса. Вытянув руки и вытаращив глаза, она пыталась что-то сказать, но вместо этого из горла раздавались лишь какие-то булькающие звуки.

Я не стал мешкать, плеснул водою на жаровни, они зашипели и перестали дымить. Не успел раствориться последний дымок, как я схватил лежащий рядом кинжал и полоснул лезвием по нарисованному кругу. Заклинание прекратилось, и Джанела вернулась к себе.

Она была бледной, всю ее трясло. Я крикнул, чтобы принесли бренди, и тут же Квотерволз подскочил с фляжкой. Джанела сполоснула рот, сплюнула, а затем сделала долгий глоток.

— Они плывут за нами, — наконец сказала она. — Продвигаются быстро. Уже на подходе к той трясине.

— Они заметили тебя? — спросил я.

— Да. Модин... он даже *коснулся* меня. Я уже приготовилась к сражению — дух против плоти — в его владениях, но ты вернул меня. В следующий раз...

— Следующего раза не будет, — резко сказал я. — Во всяком случае, в таком виде. У нас нет второго воскресителя, и если не существует иного способа осуществлять разведку, значит, поплывем вслепую.

— Может быть, крокодилы до них доберутся, — сказал Квотерволз.

Джанела покачала головой.

— Нет. Ничего им не будет. Крокодилы для них не помеха. — Она попыталась улыбнуться.

Она никак не могла оправиться после стычки с Модинем. Я догадался, что свою ловушку он приготовил заранее. В будущем придется действовать осторожнее.

Я помог Джанеле добраться до каюты, помог раздеться; она сразу рухнула в постель и закрыла глаза. Я посидел рядом, держа ее за руку, пока дыхание ее не стало ровным. Потом пальцем прикоснулся к своим губам и к ее. Улыбнулся и молча вышел.

Земли вокруг становились все засушливее и гористее. И вот мы вошли в глубокий каньон, стены которого поднимались над нами на высоту двухсот или трехсот футов. Хотя река и достигала тут в ширину четверти мили, вода неслась бы по горловине стремительным потоком, если бы древняя магия не сдерживала ее, успокаивая. Зато ветер крепчал, и паруса стонали, неся нас на полной скорости вверх по течению.

Тут вода кишела рыбой, а над нею носились охотящиеся птицы. То и дело пикировали вниз и взмывали стервятники с размахом крыльев в ширину нашего судна. А вот один небольшой ястреб опустился к воде и тут же был схвачен и утащен под воду, да так стремительно, что я не разобрал кем — рыбиной или рептилией. После этого события наши любители рыбной ловли утратили интерес к промыслу, и нам пришлось ограничиться лишь корабельными запасами.

Несмотря на то что нас преследовали, мы плыли только при свете дня, страшась ночью налететь на скалы.

Ущелью не было конца, и я подумал, что если бы у нас не было столь привлекательной цели путешествия, а позади не заседали враги, то можно было бы и не торопиться, а плыть себе спокойно, любуясь природой. Окружавший ландшафт как-то успокаивающе действовал на всех, а мелкие дожди воспринимались как приятный душ. По утрам вставал тихий туман, а над ущельем часто изгибалась радуга.

То и дело в каменных стенах встречались большие пещеры, очевидно высеченные рукой человека. В стенах были выбиты причальные уступы, и ступени вели вверх, к пещерам, устроенным над теми местами, где видны были следы ниспадавших потоков. Мне вспомнилась дорога, шедшая по дну высохшего речного русла, по которой шагали мы с Яношем в поисках Далеких Королевств, и я подумал, что здесь могли потрудиться те же руки.

Во время остановок мы даже обнаруживали в утесах небольшие пещерные поселения, с маленькими комнатками, в которых можно было спать; с большими гротами для устройства рынков; скамьями и столами, искусно вырезанными в камне. Каждое такое поселение отстояло одно от другого на расстояние дня пути. И путешественники в свое время могли легко передвигаться от одной пристани до другой, ночуя не на кораблях и не на открытом

воздухе, а в полном комфорте.

Келе высказалась за использование таких пещер для ночлега, но раздался целый хор протестующих голосов. Страхи людей трудно было преодолеть, тем более что на реке достаточно попадалось островков, к которым можно было пристать, чтобы провести ночь на суше. Мы выставляли караульных и испытывали судьбу, забрасывая сети для ловли рыбы и следя за тем, чтобы самим не быть пойманными водными хищниками.

Однажды вечером, после ужина, приготовленного Махом из рыбы с грибами, сушеными томатами и соусом из мелких креветок, выловленных сеткой в реке, мы с Джанелой сидели поодаль от остальных и вяло болтали. Она сняла сапоги и что-то выводила на песке разутой изящной ножкой.

— Интересно, — сказала она, — о чем бы сейчас думал прадед, если бы вместе с тобой, миновав Ирайю, он оказался на этом берегу.

— Я не думаю, чтобы он бездельничал, сидя на песочке, — сказал я. — Скорее всего он попытался бы прочувствовать, что нас ждет впереди. Он бы все время был занят делом, пробовал бы двигаться вперед и по ночам, а если бы не получилось, без конца занимался бы своей магией, отыскивая ключ к природе вещей. Хотя он и был человеком крайне разносторонним, но вот праздность не принадлежала к числу его любимых занятий.

— Что-то такое и мне передалось, — сказала Джанела. — Именно поэтому я принялась изучать магию под руководством наставника, обещавшего научить меня ощущать единство мира и связь вещей между собой. А поскольку именно в этом направлении и мыслил прадед, я с радостью согласилась начать учебу. Наставник усадил меня под дождь с желтым цветком в руках и сказал, чтобы я изучала растение. Прошло несколько часов, но я думала лишь о том, как мне плохо, как я промокла, и как занемели мышцы, и что скорее всего я простужусь. Но на следующий день я настроилась решительно заниматься делом. Я сконцентрировалась вся на этом цветке. Может быть, поэтому, а может быть, потому, что день был солнечный и очень приятный, я ощутила через некоторое время, как мысли мои прояснились и я постигаю сущность цветка.

— Хорошо хоть не перед коровой тебя посадили, — пошутил я.

— А я бы не отказалась, — улыбнулась она. — И так прошли несколько недель, в течение которых я почти не разговаривала. Мой наставник тоже почти не общался со мной, ограничиваясь лекциями о сущности концентрации и внимания и распоряжениями по хозяйству, поскольку на меня были возложены обязанности слуги и повара.

— Я слышал о таких философах, — сказал я. — Даже в окрестностях Ориссы живет несколько подобных отшельников. Мне всегда хотелось посетить их, но как-то времени не выкраивалось.

— Не могу сказать, потеря это твоя или обретение, — сказала Джанела. — Но терпению этот человек меня обучил. Ведь я жила у него почти четыре месяца. Однажды я ощутила, что мне становится тяжело там жить, и я ушла от него в тот же день. Он очень рассердился, говоря, что я нарушила уговор, по которому должна была провести с ним пять лет и только потом уже делать выбор на оставшуюся жизнь. Но я уже сделала выбор — отыскать Королевства Ночи.

— Так именно это ты поняла, концентрируясь?

— Нет. Мне стало странно, что моя цель в процессе обучения сводилась к тому, чтобы думать как можно меньше. Но ведь как раз глупцы думают меньше, чем умные люди. Так зачем же мне тратить пять лет на то, чтобы превратиться в идиотку? Я хмыкнул.

— Уверен, — сказал я, — что твой наставник не согласился с твоими словами.

— Конечно, не согласился! Он даже не улыбнулся, когда я изложила ему эту мысль. И вновь я поразилась странному явлению — почему люди, избравшие себе духовный образ жизни, теряют чувство юмора?

— В последние годы своей жизни Янош стал именно таким, — заметил я.

— И неудивительно, — сказала она. — Короли или те, кто считает себя королями, не видят в смехе ничего полезного и чувствуют себя очень неудобно, когда смеются другие.

Я ненадолго задумался.

— Ты знаешь, — сказал я, — одно время я очень беспокоился за тебя, как бы ты тоже не стала походить на Яноша.

— Ты хочешь сказать, что, подобно ему, я захочу противопоставить себя всем и всему, лишь бы заполучить корону магического знания? Корону, дающую власть над бrenным миром? Нет, не думаю, чтобы мне это грозило. Я никогда не испытывала трепета перед мужчинами и женщинами, восседающими на тронах. Взять хотя бы тех, кто сейчас гонится за нами. Модин обладает — или обладал в какой-то степени — громадным могуществом, а теперь он тащится за нами, сам толком не понимая, зачем ему это нужно, но зная, что наша цель почему-то представляет ценность и для него. А Клигус? Что он получит от того, что догонит и разделается с тобой, как задумал? Да ничего. Орисса останется неизменной, Клигус разбогатеет ненамного и вряд ли станет умнее. Разумеется, я не лишена тех многочисленных дурных черт, которые были у прадеда. Я так же страстно стремлюсь к знанию, как и Янош, и буду стремиться к постижению того единственного закона, который лежит в основе природы всех вещей. Но мне ни к чему ни мирская власть, ни духовная. Познание дорого мне ради него самого. А власть ради власти — это не по мне. Хотя должна быть откровенна с тобой, Амальрик. Сказанное — это еще не сделанное. И по прибытии в Королевства Ночи ты за мной присматривай. Если я потеряю чувство юмора, то не мешкая хватайся за твой кинжал.

Она усмехнулась, но тут же посерьезнела.

— Все же от моего наставника я кое-чему научилась, — сказала она. — Умению оставаться с моими мыслями один на один. И я обнаружила, что способна размышлять над такими явлениями, которые не знаю как объяснить. Взять хотя бы моего прадеда. Он является важной составной частью моей жизни, он оставил мне свое имя и цель. Но мне крайне тяжело смириться с фактами прошлого, с тем, что мой предок, мой герой — а я могу его так назвать, — в каких-то проявлениях являлся чудовищем. И вот ты только из-за этого отрекаешься от него, отвергаешь его? Ведь ты же не отбрасываешь все то, что вы сделали вместе, не расписываешь его злодеяния, не разглагольствуешь громогласно о его пороках, верно? Я принимала и принимаю Яноша Серого Плаща за целостного человека и по-прежнему считаю его великим и во многом — образцом для себя.

— Это действительно непросто, — сказал я. — Мне казалось, что после кремации и прочтения молитв по нему я прощу его. Но когда я писал книгу, понял, что по-прежнему питаю к нему недобрые чувства, хотя ощущаю и собственную вину перед ним. И в том сочинении на самом деле уместились две книги. В одной я искал Далекое Королевства, а во второй — человека, которого некогда называл другом.

— И с моей точки зрения, — сказала Джанела, — наиболее успешной оказалась как раз вторая книга. Пусть вы ошиблись, приняв Вакаан за Далекое Королевства. Но ты не ошибся в конечной оценке Яноша как человека.

Сам не зная почему, я взял ее за руку. Долго мы сидели молча в ночной тиши. Наконец рык охотящегося где-то вверху на плато льва вывел нас из этого состояния, и мы отправились спать.

А спустя два дня мы были все-таки вынуждены остановиться на ночлег в одной из этих пещерных деревушек, поскольку приближался вечер, а ни одного острова нам на пути не попадалось. Я солгу, если скажу, что боялись только те из нас, кто верил в приметы. Нет, все мы испытывали какое-то тревожное чувство. После того острова, что прельщал нас безопасностью, и стычки с крокодильным племенем от этих земель можно было ожидать все, что угодно.

Джанела поворожила и сказала, что не ощущает никакой угрозы или опасности. Но она попросила всех держаться поближе друг к другу, поскольку в этих местах слишком много следов от воздействия различной магии и не все эти следы она в состоянии точно оценить. Да мы и не нуждались в предостережениях. Но ничего не произошло, и мы даже с радостью воспользовались этим небольшим убежищем, поскольку небо заволочло тучами и собирался

дождь. В таком укрытии над рекой нам и Шторм был не страшен.

После ужина наши храбрецы, Чонс и братья Сирильян, рискнули даже выйти на разведку. Чонс вскоре прибежал очень взволнованный и сообщил, что они обнаружили лестницу, ведущую, возможно, к плато над ущельем.

Мы с Джанелой решили посмотреть, что же находится выше нас. Квотерволз поворчал, что собирался вздремнуть, но на самом деле он испытывал интерес к предстоящему походу и прихватил с собою факел на случай, если ночь наступит до нашего возвращения. В затяжной подъем наверх с нами отправились еще Чонс, братья Сирильян и трое хорошо вооруженных солдат.

Ступеньки в скале образовывали серпантинную тропу. В каменных стенах были прорезаны длинные отверстия-окна, и этого освещения нам вполне хватало. За прошедшие века ступеньки сильно поистерлись посередине. Когда до вершины осталось лишь несколько пролетов, я шепнул, чтобы все соблюдали осторожность. Все, кроме Джанелы, взяли оружие наизготовку.

На последней лестничной площадке лежали разбросанные кости. Я мрачно оглядел их и решил, что это останки коня и всадника. Свалились с лестницы и разбились насмерть... Или их сбросили? Никто этого не знал. Мы двинулись дальше с еще большими предосторожностями.

Мы вышли на поверхность из приземистого каменного строения, которое издалека можно было и не заметить. Неподалеку торчали остатки каких-то разрушенных строений, обнесенный каменной стенкой загон для скота. Должно быть, здесь когда-то те, кто жил в пещерах на берегу, держали и пасли своих домашних животных.

Земля вокруг представляла собой пустыню со скудной растительностью. Странного вида искривленные деревья тянулись к небу в ожидании дождя, редко падающего на эту пустыню. На всем пространстве, что охватывал взгляд, не было признаков присутствия живых людей.

Мы подошли к краю ущелья и глянули вниз. Далеко внизу крошечными водяными жучками застыли «Ибис», «Светлячок» и «Искорка», пришвартованные к причалу.

Квотерволз вполголоса изобразил нечто похожее, по его мнению, на песню:

Мы решили посмотреть,
И посмотрели,
И увидели, что все мы это видели,
Видели, видели,
И видели не раз...

Один из братьев издал резкий шипящий звук, должно быть, принятый у них сигнал, и указал куда-то на берег выше по течению реки. Я посмотрел, но сразу ничего не увидел.

— Вон там, — сказал он почему-то шепотом. — Видите свет? И выше — вон на тучах отражается.

Уже темнело, и мне пришлось напрячься, чтобы разглядеть слабый, но все отчетливее проступающий ответ на облаках.

— А ведь там люди живут, — сказал Сирильян. — И судя по ответу, это город. Или, по крайней мере, большая деревня.

Мы подождали еще час, и тогда стало ясно, что мы наблюдаем не природный огонь, не вспышки вулкана, а отблески освещения какого-то обитаемого места. Но я не взялся бы сказать, как далеко оно располагалось, и никто другой не смог оценить расстояние.

Что ж, из этого лишь следовало, что завтра надо быть еще внимательнее. Мы пошли обратно к ступеням. Чонс выглядел озадаченным.

— Я мог бы поклясться... — пробормотал он. — Мог бы поклясться, что слышу музыку. И она доносится со стороны тех огней.

Я прислушался, но ничего не услышал. Остальные тоже. Братья Сирильян принялись

подшучивать над Чонсом, сообщив ему, что он и так произвел на них изрядное впечатление и что они по возвращении в ОриССу непременно возьмут его с собой браконьерничать, но, посмотрев на меня, поправились — охотиться. И вовсе ни к чему сочинять сказки о том, что он так хорошо видит, слышит или обоняет. Чонс обиженно поджал губы и замолчал.

Мы зажгли факелы и осторожно спустились к кораблям.

Джанела собрала всех трех капитанов, и мы устроили совещание по вопросу — что делать? Двигаться к этому городу в открытую или нет?

Келе фыркнула и сказала:

— До сих пор мы плыли ни от кого не скрываясь. Кто может знать, что нас там ждет?

— Вот именно, — сказал Тоура. — Зачем нам менять свои намерения и искушать судьбу?

Я не знал, что им ответить. А может быть, нам стоит нарушить одно из наших правил, подойти к городу поближе, а затем ночью постараться бесшумно проплыть мимо? Я предложил такой вариант и выслушал возражения: наверняка ни один город не оставляет на ночь причалы без часовых, и любой, кто попытается тайком прокрасться мимо, наверняка будет считаться врагом, тем более в это время, когда на реке вообще нет кораблей. Все капитаны были согласны в одном — у нас нет ни малейшего шанса незамеченными проскочить мимо города, даже если мы уберем паруса и возьмемся за весла, разве что река там внезапно разольется очень широко, но на это рассчитывать особенно не приходится.

Джанела прислушивалась и одновременно готовилась к заклинанию. Она нарисовала мелом кружок, а в нем галочку, указывающую острием в сторону города, а за галочкой — волнистую линию. Перед рисунком, примерно в футах, она поставила свечу и зажгла ее. Макнув палец в какую-то мазь из сумочки и обведя линией получившуюся конструкцию, она взяла наконечник стрелы, кольнула, слегка поморщившись, свой палец, капнула кровью на наконечник стрелы, приложила наконечник к своему веку, затем поместила его в центре галочки и произнесла речитативом:

А теперь лети
Лети быстро
Неси меня
К свету
Посмотри на свет
Найди свет.

Бросив наконечник стрелы в темноту, она, не вставая, выпрямилась. Голова ее откинулась назад, словно Джанела сидела на вставшем на дыбы жеребце, затем голова поникла, глаза оставались плотно закрытыми. Через минуту глаза открылись, Джанела глубоко вздохнула и покачала головой.

— Ничего, — сказала она. — То ли заклинание не подействовало, то ли место надежно защищено, но я ничего там не почувствовала, совсем ничего. — Она на минуту задумалась, затем продолжила: — Очень странно, если вдуматься. Ведь я даже не ощутила энергии, исходящей хотя бы от животных. Значит, не подействовало заклинание.

Она уничтожила чертеж и виновато посмотрела на нас.

— Извините. Но больше я ничего не могу придумать.

— Итак, нам иного не остается, — медленно заговорил Берар, — как только рискнуть жизнью в очередной раз, да?

Выходило, так. На ночь мы удвоили караулы и разбудили всех до рассвета. Как только хорошо развиднелось, мы отдали швартовы и подняли паруса.

Впервые каньон потребовал от нас искусства навигации. Мрачные скалы то опасно нависали над рекой, то, что было еще страшнее, едва выступали над поверхностью воды, готовые распороть корпус корабля зазевавшегося мореплавателя. Ветер дул переменный, и нам то и дело приходилось менять курс, продвигаясь вперед медленно и с трудом.

К полудню этот ожидаемый населенный пункт еще не показался, и я решил, что мы пристанем к ближайшей же пещере и подождем до завтра. Однако проходили часы, а нам не встречался ни островок, ни пещера, ни удобный берег, к которому можно было бы пришвартоваться.

Мы продолжали плыть.

Выйдя на веслах из-за очередного поворота, мы наконец увидели город. Признаков жизни он не подавал. Ни кораблей у причалов, ни лодок, никакого движения на берегу, ни одного дымка от печей. Я отдал команду боевой готовности, и мы подошли ближе.

Город был абсолютно пустынен.

Он не представлял собой заросших джунглями руин, как тот город в устье реки. Не походил он и на сказочные опустевшие города, где все в порядке, пища стоит на столах, котлы кипят, белье сушится на веревках, а вокруг — ни души.

Чем ближе мы подходили, тем яснее становились следы разрушений, словно здесь некогда промчался смерч и жители оставили свои дома и куда-то переехали. Многие строения стояли с обвалившимися крышами.

Я подождал, что скажет Джанела, но она покачала головой.

— Мертво, — сказала она. — Я ничего не ощущаю и никого не чувствую.

— Плыдем дальше? — спросил я Келе. — Может быть, там нам встретится островок или берег, более приятный для швартовки.

— Я сделаю, как прикажете, мой господин. Но нам придется на лодках разведать дальнейший путь, боюсь, там нас ждут подводные камни. Ну а поскольку госпожа Серый Плащ не ощущает опасности... Не могу сказать, думайте сами...

Я долго колебался, но решение оставалось только за мной.

Внутренне сопротивляясь, я все же отдал приказ Келе пришвартоваться к выбранному мною причалу у большой площади. Отдали кормовой конец и длинный носовой, удерживаясь килем по течению, наготове поставили моряков с топорами, чтобы они сразу рубили концы при первой опасности. Я потребовал, чтобы на палубе постоянно находилась полная вахта моряков.

Наши три корабля подошли к причалу, несколько моряков соскочили на берег и закрепили концы именно так, как я приказал. Мах наделал бутербродов с копченой ветчиной, утиятиной и свининой, не пожалев масла, уксуса и специй, и это стало нашим ужином, запитым небольшим количеством пива. Ужиная, мы не переставали поглядывать на опустевший город и размышлять, что же могло тут произойти. Конечно, разрушения были довольно значительными, как мы видели теперь, оказавшись поближе, но не такие, чтобы здесь уже невозможно было жить.

— Должно быть, тут поработало проклятие, — сказал Пип.

— Что за проклятие? — спросил кто-то почти шепотом.

— Проклятие — оно и есть проклятие, — пояснил тот. — Оно всегда одно и то же. Им пользуются и боги, и демоны. И если пало на тебя проклятие, можешь бежать куда хочешь, да все без толку. Так что проклятие все равно настигло их там, где они остановились и, может быть, отстроились заново. И теперь все погибли. Вот и все.

Кто-то слегка прошелся недобрым словом по поводу такого веселого объяснения, предложенного Пипом.

Перед наступлением темноты ко мне подошел Квотерволз и высказал свою мысль:

— Не считите, господин Антеро, за критику, но могу ли я внести одно предложение? Я думаю, благоразумнее будет выставить часовых на суше, на той площади, чем сидеть тут, не имея возможности получить своевременное предупреждение, если кто-нибудь появится из тех переулков. Я предлагаю установить часовых вон там... там и там, — сказал он, показывая рукой.

— А если что-то с ними случится?

— А мы в часовые выберем тех, у кого резвые ноги и острый слух, и скажем, что в случае тревоги пусть они орут что есть сил, а потом мчатся на корабли.

Мне не очень-то нравилась мысль оставлять людей на суше, пусть Джанела и не ощущала никакой опасности. Но...

— Ну хорошо, — решил я, — Отбери людей. А мы с тобой по очереди будем расхаживать на страже отсюда — до того недействующего фонтана.

Квотерволз снова поклонился и сказал:

— Господин Антеро, не считите меня хамом, но временами мне кажется, что Тедейт испытывал сожаление, вкладывая мозги в вашу голову. Ведь я отвечаю за вашу жизнь, а не этих типов, которые не будут особенно возражать, если ваша задница навсегда останется на этом проклятом берегу. А уж об охране я сам позабочусь!

— Спасибо за откровенность и заботу, Квотерволз, — сказал я. — Но приказ остается в силе. Я буду караулить первым. Сменишь меня в полночь.

Но Квотерволзу на эту смену так и не пришлось идти.

Вахтенный на «Ибисе» отбил полуночные склянки, звон эхом разнесся над мертвым городом, и город, словно только и дожидавшийся этого сигнала, ожил.

Внезапно, пока все наши люди торопливо расхватывали оружие, на площади появились богато одетые, распевающие песни или просто что-то выкрикивающие люди. Один совершенно пьяный человек двинулся, пошатываясь, мне навстречу, а когда я попытался остановить его, он прошел сквозь меня, и в ту же минуту я понял, что слышу еще какие-то крики, и уже не этого карнавала.

Сигналы тревоги доносились с кораблей и от наших часовых.

Это был город призраков, и, пока я метался, не зная, что делать, вокруг нас уже безумствовала настоящая вакханалия. Ко мне подскочила Джанела с саблей в руке.

— Амальрик, — сказала она, — все это началось несколько секунд назад. Я едва успела ощутить присутствие этих призраков, но не успела предупредить, как они уже появились.

— А ты не можешь понять их намерений?

— Не могу. Но мы должны как можно быстрее вернуться на корабли. Я боюсь, это только начало.

Большинство часовых, следуя приказу, уже ретировались на корабли. Квотерволз собирался спускаться по трапу «Ибиса» с отрядом поддержки, когда мы показали на причале. Мы быстро очутились на борту и теперь зачарованно наблюдали за происходящим.

Здания теперь выглядели совершенно новыми, ярко окрашенными свежей краской и украшенными знаменами; тот самый сухой фонтан, возле которого я стоял на страже, выбрасывал вверх искрящиеся разноцветные струи, а из различных районов города доносились звуки мелодий, исполняемых музыкантами так громко, словно они задались целью оглушить всех окружающих.

Призраки продолжали веселиться, не обращая на нас никакого внимания.

— Отчаливаем? — спросила Келе. Джанела покачала головой.

— Пока еще нет. Нет необходимости. Я по-прежнему не ощущаю злого умысла против нас. Но все может измениться так же быстро, как появились эти призраки.

Я распорядился всем в полном вооружении находиться на палубах, хотя и понятия не имел, что может сделать сталь против привидений.

Теперь у нас было время оглядеть толпу и понять, что же тут происходит. Праздновалось что-то совершенно особенное, поскольку даже жизнерадостные жители Ирайи на своих карнавалах не веселились так самозабвенно. Я ощущал, как ослабевает напряжение среди моряков, наблюдавших за веселящимися призраками.

— Посмотри-ка на ту. Совсем голая.

— Ага. Да и попробуй одень такую толстую. На нее палатка нужна.

— Ей-богу, вон тот выдул две бутылки подряд и стоит как ни в чем не бывало... Нет, пробрало... повело... прибивается к рифам... крушение! — комментировал кто-то, наблюдая за призраком, который в полусогнутом состоянии описал круг и рухнул на землю.

— Эй, а вон там... Глянь-ка на ту парочку, чем они занимаются...

— А им на всех наплевать, надрались так, что ни на кого внимания не обращают, —

проклятие! А вон тот выхватил кинжал! Тедейт, они же закололи друг друга... и оба умирают!

— Проклятие... никогда еще не видела подобной свистопляски, — бормотала Келе. — Словно последний день последнего на свете праздника.

Вдруг музыка оркестров потонула в звуке горнов, и все находящиеся на площади призраки повернули головы в одну сторону и застыли. Площадь двойным кольцом охватили лучники в черном с луками наготове. Горны зазвучали громче, и тут же с самой широкой улицы на площадь хлынула толпа каких-то чудовищ — полулюдей-полудемонов. Сначала я разглядел существо с телом женщины и головой шакала, а далее — паука с торчащей сверху мужской головой. Некоторые из этих существ были одеты, многие — наги. Все поголовно были не то пьяны, не то пребывали в трансе, который я видел лишь у примитивных народов на церемониях камлания. Все эти чудовища слились с празднующими горожанами, все принялись совершенно бесцеремонно совокупляться — мужчины с мужчинами, женщины с животными, звери с мужчинами. Кое-кто наносил себе удары кинжалами, заходясь в радостном вопле и купаясь в собственной крови. Все они орали, визжали и пели во всю мощь легких.

Я услышал, как один матрос принялся молиться, другого вырвало.

Я ощутил, как черная волна окатила меня исходящим от призраков морем злобы. Я повернулся к Джанеле и, увидев выражение ее лица, понял, что она испытывает те же чувства.

Никто из нас ничего не успел сказать, как на площадь ворвалось еще что-то. Я не знаю, как точно описать это существо. Если это и был демон, то о таких я никогда не слыхивал. Внешне он походил на человека, несмотря на лапы с когтями, а Джанела позже мне сказала, что чудовище показалось ей женщиной. Но оно постоянно меняло образ, с каждым разом становясь все отвратительнее и злобнее. И не знаю, откуда пришла ко мне эта мысль, но я подумал, что в этом существе отражается все зло, накопившееся в нас самих... Существо уже приобрело громадные размеры, возвышаясь над домами.

Это чудовище выглядело так ужасно, что, казалось, имело материальную природу. Перед ним откуда-то появились дети, прикованные друг к другу цепью, пропущенной через ошейник каждого. Монстр протянул лапу вниз, разразился хохотом и поднял их всех за цепь — раздались хрипы умирающих от удушья. Существо с легкостью отбросило их в сторону, точно швырнуло за ненадобностью венок из цветов, вновь протянуло лапу, схватило какую-то женщину, подняло ее и с размаху кинуло вниз. Тело распласталось на камнях.

На площадь вкатились клетки на колесах, битком набитые мужчинами, женщинами, детьми, завопившими от ужаса при виде демона. Но просить пощады было бесполезно. Чудовище подхватило одну клетку, оторвало крышку, схватило людей в горсть и сжало, вызвав новую волну затихающих воплей.

Я испугался и отдал приказ рубить концы и отчаливать, пока демон не ощутил нашего присутствия. Тут он наконец заметил нас, как и остальные, находящиеся на площади. Крики веселья сменились угрожающими воплями, кто-то уже подобрал камень и швырнул в нас. Очевидно, все призраки вдруг обрели плоть, потому что камень со стуком ударился в палубу, едва не угодив в Маха. Вслед за этим щелкнул арбалет, и рядом со мною в фальшборт впилась стрела.

Келе и остальные капитаны стали выкрикивать команды, матросы налегли на весла. Джанела посмотрела вверх по течению и закричала, на что-то указывая. Я обернулся.

Огромная волна от одной стены каньона до другой катилась на нас, заглушая своим ревом даже крики толпы. Огромная стена воды вставала почти на всю высоту каньона, вздымалась выше домов города, выше демона, который, увидев ее, завопил, только теперь от страха.

Завопили призраки, завопили моряки, увидев, какой ужас несет на всех. Не было ни времени, ни возможности развернуть корабли носом к волне, чтобы принять удар воды.

Я понял, что этой волною правит сам Черный Искатель и что смерть наконец-то

явилась за Амальриком Антеро, но будь я проклят, если я собирался сдаваться просто так. Я схватил Джанелу, прижал ее к себе, а другой рукой ухватился за фок-мачту в тщетной надежде удержаться и пережить надвигающееся крушение. Звук от несущейся волны становился все громче, громче, заполняя собою весь мир, и вот она уже нависла над нами, над городом. Я закрыл глаза, ожидая, как обрушится волна и похоронит все крики под грохотом разрушения, вдохнул поглубже, чувствуя, что это мой последний вдох, но твердо собрался задерживать дыхание столько, сколько смогу.

Но вода нас не захлестнула, хотя прошла не одна секунда, прежде чем до меня это дошло. Я открыл глаза и увидел безмятежную и тихую ночь, наши корабли спокойно покачивались на воде. Но я успел увидеть, как остатки волны проносятся по городу, смывая всех призраков и руша дома, и вскоре все улеглось. Мы устали на пустой, залитый лунным светом город. Я теперь знал, отчего он погиб.

Джанела подняла голову и огляделась. Моряки поднимались на ноги. Наступившая тишина давила тяжестью, до всех не сразу доходило, что они остались в живых.

Мы продолжали таращиться на оставшиеся от города руины, устроенные той волной, оказывается, давным-давно, и Джанела быстрее всех смогла объяснить случившееся.

— То, что мы сейчас видели, произошло очень давно. Но это не видение. Капитан Келе, надо немедленно поднимать паруса. Старейшины ли, боги ли уничтожили город — я не знаю, но проклятие по-прежнему висит над ним.

Никто с ней не стал спорить, но, после такого шока двигаясь заторможено, как во сне, мы подняли паруса, взяли за весла и вывесили на цепях людей за борта с факелами, чтобы не пропустить какую-нибудь подводную скалу. Хотя сейчас это пугало не сильно.

С нас пока хватало и того, что мы остались живы. И никому из нас никогда не забыть ни ужасного празднества, ни последовавшего затем разрушения.

Когда город скрылся позади за излучиной, мне показалось, что я слышу что-то.

Сзади доносилась веселая музыка, и отсветы снова играли на облаках.

Мы услышали новый, с каждым ярдом нарастающий рев задолго до того, как поняли его источник. Все вздрогнули, страхась атаки новой гигантской волны, но на этот раз не призрачной. Нервы у всех были на пределе. Ведь пока, хвала Тедейту, путешествие наше ограничивалось небольшим числом потерь. Но мы испытали уже слишком много страха, увидели слишком много крови. И теперь даже рассветная и закатная красота ущелья, по которому текла река, начинала надоедать. Мы жаждали открытых пространств и открытой воды, где к опасности или атаке врага можно подготовиться заранее, до того, как будет поздно.

Плыть становилось все труднее — скорость течения усиливалась, а ветры все чаще меняли направление. Вновь и вновь приходилось браться за весла, но даже они мало помогали нашему продвижению.

Река сделала поворот, и мы угодили в тупик.

Нашим глазам предстала стена кипящего водопада невиданных размеров. По поверхности реки разбегались постоянные волны, вверх поднимались клубы тумана, а вся картина восхищала и пугала одновременно. Река без всяких перекатов и ступеней просто падала с высоты в несколько сотен футов в ущелье.

Я скрипнул зубами. Нам, очевидно, предстояло расстаться с кораблями. Но хуже того — осмотрев отвесные стены в поисках каких-нибудь лестниц или туннелей, ведущих вверх, я не увидел ничего, только влажные скалы в зеленых пятнах лишайников.

Подошла, ругаясь, Келе.

— Чтоб у этих старейшин ноги отсохли! Может быть, тут у них вырастали крылья и они переносили грузы домой по воздуху?

— Вряд ли, — сказала Джанела. Она закрыла глаза и, подрагивая ноздрями, как зверь на охоте, медленно повела головой. — Нет, — сказала она. — Мы можем продвигаться дальше.

— Как?

— Смотрите. Вон туда, — указала она.

Я вгляделся, и мне показалось, что за водной пеленой я вижу что-то темное, вроде бы вход в пещеру.

— Капитан, — сказала Джанела, — держите курс прямо на центр этого водопада.

Келе принялась выкрикивать команды. Послышались протестующие голоса, но экипаж, как и прежде, подчинился. Понеслись вопрошающие крики с «Искорки» и «Светлячка», и Келе проорала, чтобы они смело следовали за ней. Вряд ли там поверили, что мы на «Ибисе» не сошли с ума, но тем не менее выстроились за нами. Продвигаясь короткими галсами, мы подошли ближе к водопаду. Рев падающей воды становился все громче и громче, нас охватывал клубящийся туман, и я ждал, что вот-вот поток воды погребет нас.

Но водопад оказался не таким плотным и широким, как ожидалось. Конечно, мы все вымокли до нитки, но через пару минут оказались в огромной пещере за стеной водопада, которую обнаружила Джанела при помощи своего магического сверхчутья.

Говорить при таком реве воды было невозможно, и мы обходились жестами. На веслах мы двинулись внутрь пещеры. Мне казалось, что должно было становиться все темнее и темнее, на самом же деле нас окружал неизменный полумрак. Я так и не понял, что же давало этот небольшой свет — замаскированные окна или магия.

Но недолго я размышлял над этим. Вскоре я был очарован настоящим чудом.

Как правило, волшебство осуществляется с помощью заклинания и большинство из нас, глядя на какой-нибудь хитроумный механизм, как-то не связывает его с магией. Но он может быть сделан искусными воскресителями посредством обычных инструментов. Я подозревал, что модель Вакаана, занимающая центральную часть дворца короля Гейята, была как раз таким механизмом; да и моя сестра Рали в свое время разрушила роковую машину, созданную последним архонтом, намеревавшимся уничтожить Ориссу и стать богом с помощью этого чуда магической техники. Разумеется, тут не обошлось без чудес, но не обошлось и без великого мастерства, более творения умелых рук создателей, нежели магии.

Перед нами, наполовину выступая из воды, вращалось огромное колесо с зубцами, тянущими цепь со звеньями таких же примерно размеров, что составляли некогда цепь, перегораживающую гавань Ликантии. Цепь тянулась вверх.

Наверняка здесь присутствовала магия, поскольку ни колесо, ни звенья цепи не были затронуты ржавчиной, а оставались такими же новыми, словно только что вышли из той невообразимо огромной кузницы, где их выковали.

Один наш моряк упал на колени и принялся молиться; но боцман схватил его за шиворот, поднимая на ноги и возвращая к работе.

Джанела, наклонившись к моему уху, прокричала, поскольку грохот водопада, отражаясь от стен пещеры, не давал возможности нормально разговаривать:— Магия старейшин по-прежнему работает, она ощутила наше присутствие. И держу пари, нас сейчас поднимут наверх.

Я не представлял себе, как это произойдет, и ждал, что будет.

И из воды показался огромный желобообразный лоток, на котором запросто поместился бы самый крупный из моих торговых кораблей. Лоток имел наклон градусов в десять, и по нему стекала вода, но вовсе не тем стремительным потоком, которого следовало бы ожидать. И здесь трудилась магия. Тут механизм остановился, словно бы ожидая наших дальнейших действий.

Джанела подошла к Келе и стала что-то объяснять, но та уже согласно кивала, она знала, что надо делать. Капитан забежала по палубе, хватая матросов за плечи и выкрикивая команды в уши. Моряки отцепили якорную цепь от якоря, разложили ее на палубе, затем достали из ящика запасную цепь и растянули ее рядом. Другие моряки убирали лееры на полубаке. Концы цепей намертво закрепили на корабельных лебедках. Другие концы остались свободными.

Келе подошла ко мне и сказала:

— Ну что, рискнем прокатиться на водяной мельнице?

Я понял, как собирается поступить Келе. Трое лучших моряков «Ибиса» получили капитанские наставления, Келе приказала гребцам подвести судно ближе к гигантскому лотку. Моряки перебрались через борт и, потащив за собой громадные позвякивающие цепи, закрепили их на толстенном кронштейне, соединяющем лоток с гигантской спицей этого колеса. Заработали лебедки, и цепи затащили нас на лоток.

Конечно, принцип работы этого механизма был хорошо известен, такие мельницы наши фермеры широко применяли для орошения полей. Работал у нас в Ориссе когда-то и действовавший подобным образом фуникулер из канатов и кабинок, в которых на гору Афена поднимались любители экзотики, и проработал все лето, пока зимние ветра не разнесли установку вдребезги. Но во имя Тедейта, насколько же огромна и совершенна была эта машина! С помощью этого механизма старейшины, очевидно, давали возможность продолжать путешествие только тем, кто с добрыми намерениями направлялся к сердцу их страны.

И не было необходимости сражаться с врагами, не пуская их вверх по реке. Просто-напросто достаточно было сотворить запирающее этот механизм заклинание или заклятие, отводящее взор от едва видимого прохода за стеной водопада. Я тут же вспомнил, как говорил мне некогда Янош:

— Самый великий из государей не тот, кто сражается в битвах, а тот, кто отражает все нападки на свою страну с помощью ума и хитрых уловок.

Несомненно, заклинание ощущало подходящий снизу по реке корабль, и механизм автоматически включался. Интересно, а при возвращении назад этим же путем это колесо будет вращаться в обратную сторону? Я тут же усмехнулся. Похоже, я стал столь самонадеян, что даже и не сомневаюсь в возможности спокойного возвращения всех нас домой. Ведь всего лишь день назад я был погружен в уныние и ужас, а теперь, при виде чудесного механизма, уже готов прыгать от радости, как болван, которому посчастливилось выиграть в кости.

Наш корабль начал подниматься. По палубам «Светлячка» и «Искорки» забегали матросы, которым Тоура и Берар велели дублировать наши действия.

Цепь, медленно продвигаясь все выше, вытянула нас в другое озерцо, где находились такое же колесо и цепь, поднимающие на следующий уровень как по ступенькам. Времени оказалось более чем достаточно, чтобы отвязаться от первого лотка и привязаться к новому. Впереди нас ждала еще пара подобных механизмов, и через несколько часов неторопливого продвижения мы вышли из туннеля с высоким сводчатым потолком на ясный солнечный свет, оказавшись на небольшом скалистом островке, и лоток плавно опустил нас в реку, текущую по плато. Мы в последний раз отцепились от подъемного механизма и подождали, пока из полумрака выйдут оставшиеся два судна.

Позади доносился рев водопада, льющегося на дно каньона, который мы покинули несколько часов назад.

Клянусь, я *ощущал* запах настоящих Далеких Королевств.

Мы продолжили плавание среди земель столь же бесплодных и пустынных, как и те, что были обнаружены нами после восхождения по лестнице над убежищем в скалах. Смотреть было не на что, делать было нечего, лишь поддерживать курс, поскольку ветер ровно дул в нужном нам направлении, и мы валялись на палубах, дыша тяжело, как собаки, и потая. Мы натянули навесы, но сухой и горячий ветер все равно нес из окружающих пустынь пыль и песок, засыпая палубу и нашу пищу.

Но мы не унывали, гордясь тем, что, преодолевая одно препятствие за другим, идем к своей цели. Может быть, нас ждет за поворотом еще один водопад или трясина, но мы одолеем их, как одолели предыдущие, и справимся, коли придется, с Клигусом и Модином, если, к нашему несчастью, они все же настигнут нас.

Таков уж человек, вечно взлетает к восторженности и падает в отчаяние. Но, в конце концов, если бы любой из нас желал другой жизни, то не находился бы здесь, в

неизведанных землях, а спокойно спал бы в тепле и скуке своего ориссианского дома.

Однажды вечером на горизонте показалось какое-то сияние. Мы занервничали, припомнив город призраков. Но сияние оставалось на том же месте и после восхода солнца, и по мере нашего приближения к нему оно оказалось вертикальным столбом огня, поднимающимся над голой пустыней.

— Магия, — сказал один из моряков.

— Не обязательно, — сказала Джанела. — Вы что, не видели никогда бьющие из земли нефтяные фонтаны? Так вот если такой фонтан поджечь, то зрелище будет примерно такое же.

Поднявшись по реке дальше, мы разглядели россыпь хижин вдоль берега, не более чем в лиге от столба огня. Возле них стояли люди и наблюдали за нами.

Мы решились подойти ближе, но держа оружие наготове, с намерением отбиваться и уходить на середину реки, если прием окажется недружественным. Но страхи наши оказались напрасными.

Впереди показался грубо сколоченный деревянный причал. Мы встали на якорь недалеко от него и спустили на воду лодки. Джанела, Квотерволз, Пип и я направились к берегу, желая скорее размять ноги, а не надеясь получить хоть какую-нибудь информацию.

И хорошо, что мы не обольщались, потому что обнаружили на редкость бедных и несчастных созданий. Мы не удивились, узнав, что они называют себя «народом пламени». Но при этом они утверждали, что являются последними представителями некогда могущественного племени, правившего когда-то в этих пустынных землях. Но боги лишили их силы и славы.

— Какие боги? — спросила Джанела.

— Которые живут там, — ответил вождь племени, указывая рукой куда-то на восток.

— Но кто же они? Как выглядят? Далеко ли до них? И *видел* ли их кто-нибудь из вас?

Джанела забросала вождя вопросами, но ни на один не смогла получить вразумительного ответа.

Торговать им было нечем, разве что вкусной колодезной водой, и мы, скорее жалея их, чем из надобности, наполнили бочонки, оставив им взамен безделушки и леденцы.

Я дал кусок сахара мальчугану лет семи. Был он совершенно наг, и, судя по запаху, исходившему от него и его соплеменников, мытье тела здесь не считалось занятием, достойным внимания. Мальчик держал на поводке ручную зверюшку, ящера, размером с мою руку. Я спросил, как называется это животное, но мальчик покачал головой. Он сказал, что название ящера запрещено произносить, и добавил, что это существо является потомком великих животных, отнятых у народа пламени богами.

Я склонился, чтобы осмотреть это создание. Оно разинуло крошечную клыкастую пасть и плюнуло в меня, при этом слюна задымилась и загорелась. Я отпрыгнул и выругался.

Мальчик усмехнулся:

— Оно и со мной так поступает.

Он пососал кусочек сахара, и лицо его приняло счастливое выражение, из которого было ясно, что такого ему пробовать еще не доводилось.

Я посмотрел на ящера, хотел еще что-то спросить, но понял, что ничего полезного не выведаю.

Мы вернулись на корабль и поплыли дальше.

На шестой день после этой встречи мы увидели тянущуюся на горизонте дрожащую полосу.

Мы подплывали ближе и ближе, и вскоре перед нами раскинулось огромное озеро.

А на далеком противоположном берегу поднимались горы.

Глава 11 ОЗЕРНЫЙ НАРОД

Все речные жители имеют склонность размышлять о начале и конце сущего. Мы сидим по берегам наших рек и наблюдаем за бесконечными причаливаниями и отчаливаниями и задумываемся, не принять ли и нам участие в этом процессе. Некоторые доходят до того, что становятся бродягами, вечно ищущими смысл всего на свете, а иногда и похваляющимися тем, что даже нашли это. Подобное детское желание прославиться позволяет на короткий миг забыть о том, что ты обычный жалкий смертный, и вместо этого представить себя надменной и вечно существующей горой, взирающей на все свысока. Я и сам несколько раз за свою жизнь испытывал такие мгновения. И они никогда не приедаются. И теперь, когда мы оказались в этом громадном озере, откуда, как позднее выяснилось, брала начало река, часть меня настороженно принюхивалась, не пахнет ли новыми опасностями, а другая часть вдыхала пьянящий воздух открытия — ведь старейшины, должно быть, царствовали здесь тысячелетиями, и я первым из Ориссы добрался досюда.

Озеро было огромным, как море. Карта Джанелы говорила, что нам следовало пересечь его и добраться до противоположного восточного берега, которого отсюда почти не было видно. Над холодными водами клубился туман, но они уже сверкали под яркими лучами восходящего солнца, придавая сходство озеру с магическим зеркалом. В это время года у берега было мелко, и водоросли расстилались по поверхности. Лилии с плавающими листьями размерами с большую тарелку всюду цвели, наполняя воздух благоуханием. Тут и там метались, трепеща крылышками, сказочных расцветок стрекозы, а птицы с изумрудным оперением ростом по пояс человеку бродили в воде на тонких голенастых ногах и длинными розовыми клювами как кинжалами втыкались в воду, отыскивая пищу среди лилий.

Слабый бриз доносил прохладный влажный запах папоротников, разросшихся под удивительно прямыми и высокими деревьями, устремленными к небу. Пушистые облака придавали всей картине такой безмятежный вид, словно в этом краю абсолютно всем было жить просто, хорошо и радостно.

Из этого озера и вытекала река, по всем берегам которой когда-то цвела жизнь многочисленного населения. После зимних холодов снег в горах начинал таять, к озеру устремлялись гремящие потоки и бесчисленные ручейки, неудержимые в своих узких берегах, и наполнялось озеро, и река несла воды вниз через все земли, которые мы миновали, и впадала в море. В эпохи процветания в это время года в деревнях и городах люди, должно быть, устраивали праздники, благодаря богов за их милость; звучала музыка, целовались влюбленные, и болтливые старушки покачивали головами, наблюдая за происходящим.

Я улыбнулся нахлынувшим ярким видениям, выглядевшим, как мои собственные воспоминания, почувствовал себя их участником в те времена, когда я был молод, когда кровь еще во мне играла, как вода в горных ручьях, а вокруг было полно девиц, готовых развлекаться вволю, давая повод посудачить старушкам.

— Что тебя так позабавило, Амальрик? — спросила Джанела. Когда я рассказал ей, она улыбнулась и заметила:

— А ты уверен, что эти годы для тебя уже безвозвратно потеряны, а, друг мой?

Я почувствовал, как вспыхнули мои щеки, а она, увидев это, совсем развеселилась. Я не мог отрицать, что здорово изменился с тех пор, когда она впервые увидела меня на моей вилле. Я стал сильнее, гибче, руки и ноги обросли новыми мышцами, талия сузилась, пропала одышка. Старческая сутулость исчезла, и я вновь приобрел стройность; шаг мой стал увереннее. Я не нуждался в зеркале, чтобы понять, как исчезают с лица приметы пожилого возраста, или почувствовать, что мои седые локоны сменились на пылающие рыжим огнем пряди. И лишь иногда, поймав удивленный взгляд товарища по путешествию, я понимал, что выгляжу как человек, которому под сорок, а не как старик, проживший почти семьдесят лет.

Однако никто вслух не высказывал своего удивления. Поначалу меня это поражало не менее, чем таинственные изменения в моем организме. Но позднее я понял, что все считали происходящее лишь еще одной гранью того таинства, что называется Амальриком Антеро, тем таинством, что на их глазах шло, ведя за собой остальных к очередному невероятному

открытию.

Но вместе с радостью от омоложения я, услышав напоминание Джанелы об изменении моей внешности, почувствовал печаль. Годы забрали моих друзей и мою любимую Омери. Почему же меня ждет иная судьба? А если и ждет, то я вовсе не был уверен — благословение это божье или проклятие? Иногда я ощущал себя чужаком среди товарищей, иностранцем, рядящимся не в свое платье. Их мысли и разговоры говорили об их настоящей молодости, которой свойственны безрассудность и вера в чудеса.

— Что происходит со мной, Джанела? — спросил я. Она успокаивающе положила руку мне на запястье.

— Не уверена, но я не думаю, что эти изменения — плод деятельности черной магии, — сказала она.

Я посмотрел на нее, удивляясь, как она могла догадаться о моих самых мрачных мыслях.

— Я слышала о людях, постаревших раньше времени; о колдуньях, превратившихся за ночь в старух, а через день ничего не оставивших после себя, кроме клока волос да горстки праха. Но я никогда не слыхала о том, чтобы время можно было повернуть вспять, хоть это и является заветной мечтой большинства магов. Все, что я могу сказать: чем ближе мы подходим к нашей цели, тем, похоже, моложе ты становишься. Хотя в последнее время этот процесс, кажется, замедлился. И я сильно сомневаюсь, что в конце концов ты превратишься в слюнявого несмышленища, играющего своей саблей, как погремушкой.

Я рассмеялся.

— А вот об этом я как-то и не подумал. Ну вот, ты добавила мне переживаний.

— А ты не переживай, — сказала она. — Вспомни о той танцовщице, что носил с собою мой прадед, и как она становилась все новее по мере продвижения к вашей цели.

И я глянул на происходящее иначе. Я подумал, как здорово было бы, если бы сейчас рядом оказалась Омери, и мы бы молодели вместе и каждую ночь до самого рассвета доставляли друг другу удовольствие.

Но мои мечты прервали. Чтобы обойти густое поле водорослей прямо по курсу, Келе повернула на север и направила «Ибис» вдоль берега. Слева на берегу появился ориентировочный знак старейшин — столб с ликом женщины-демона. Красивая сторона скульптуры смотрела на нас холодно и величественно, словно издеваясь над моими мечтами. Я не нуждался в напоминании о том, что в жизни наслаждения могут обернуться величайшей ложью.

И первой ложью оказалось это озеро, оказавшееся лишь небольшим слоем воды над толстым слоем плотного ила, дна которого не доставал и самый длинный из наших шестов. Двуми ориентировочные столбы старейшин, стоявшие на берегу и выступающие из воды, указывали фарватер, который существовал, должно быть, давным-давно, а теперь все было в прошлом. Целых столбов оставалось мало по прошествии стольких лет. В основном они были обломаны, как старческие зубы, но даже эти обломки возвышались над нашими леерами. Судя по высохшим раковинам моллюсков на столбах, в свое время вода стояла достаточно высоко и корабли могли проплывать совершенно свободно. Теперь же уровень был так низок, что даже наши суда с их мелкой осадкой с трудом пробивались вперед, а иногда и застревали.

Я послал вперед разведчиков на лодках; они вернулись и сообщили, что дальше все то же самое, хотя изредка встречаются и глубокие участки чистой воды, где можно двигаться быстрее.

Я созвал всех, включая Квотерволза, Берара со «Светлячка» и Тоуру с «Искорки», решать, что делать дальше.

— Может быть, пора вылезать из воды? — сказал Квотерволз. — Карта госпожи Серый Плащ указывает, что можно двигаться и по суше. Почему бы это не сделать именно сейчас?

Келе фыркнула.

— Салага, — сказала она. — Сила есть — ума не надо. Проблемы-то на ломаный грош,

а он уж готов топтать по берегу в обход.

Квотерволз рассвирепел.

— А тут и не надо много ума, чтобы понять, как мы влипли, — сказал он. — Не могут же корабли плыть в этой грязи?! Даже вы должны признать это, капитан. И я предлагаю оставить эти застрявшие чертовы лоханки и обойти озеро вокруг пешком.

Я обратился к Джанеле, рассматривавшей карту:

— Что представляет собой местность вокруг озера?

— Трудно сказать, — проговорила она. — Эта карта не особенно точна. Здесь указан лишь традиционный маршрут, которым пользовались старейшины для перевозки своих товаров.

Вмешался Квотерволз.

— Должна же там существовать хоть какая-то дорога, — настаивал он. — Ведущая к городам, деревням и так далее. — Он сверкнул глазами на Келе. — Люди же по берегам должны были жить или нет?

Не дожидаясь, пока разразится война между сторонниками суши и моря, я счел за лучшее пойти на компромисс.

— Почему бы нам не послать вперед по берегу разведчиков? — предложил я. — Нам не помешало бы свежее мясо, поэтому разведчики могут заодно и поохотиться. А чтобы не терять время, корабли при этом будут по возможности продвигаться вперед. Глядя на это болото, можно заранее сказать, что корабли далеко не уйдут, так что отряд разведчиков не потеряется, а отметки старейшин указывают, что основной фарватер расположен недалеко от берега, так что сигналы с суши всегда можно заметить.

Когда я высказался о трате времени, на меня холодно посмотрели все, но никто не проронил ни слова. Мои спутники не нуждались в напоминании, что, кроме всех прочих трудностей, у нас за спиной и враг, который с радостью вознесет мольбу своим демонам, когда увидит, что мы застряли посреди этой грязной лужи.

Я попытался ободрить присутствующих, улыбнулся Келе и сказал:

— Кроме того, мой друг, неужели ты не обменяешь часть своей прибыли от этого путешествия на кусок поджаренной до хрустящей корочки свежей оленины?

Келе хмыкнула и хлопнула Квотерволза по спине:

— Что ж, парень, если притащишь еще и дикой мяты, то я забуду твои нападки на моряков.

Итак, было решено, что корабли будут продвигаться вперед вдоль берега по мере возможности, а Квотерволз с отрядом отправится на охоту, но что еще более важно — попытается отыскать дорогу вокруг озера.

Он пропадал пять дней, наполненных для оставшихся на судах столь каторжным и грязным трудом, что даже Келе признала: ноги — не худшее средство передвижения.

Суда продвигались на веслах, и нашим гребцам приходилось так туго, словно в качестве надсмотрщика между ними бродил некий демон, щедро одаряя их ударами черной плети. Чтобы хоть чем-то помочь гребцам, мы, насколько могли, облегчали корабли, иногда перетаскивая все товары на одно судно, временно остававшееся позади. Затем мы привязывали линиями к кораблям лодки и по очереди гребли на них, помогая корабельным гребцам, напрягая все силы, чтобы перетащить корабль на несколько футов вперед. Но даже такое медленное продвижение было бы невозможным, не пользуясь мы каменными столбами, указывающими фарватер. К некоторым столбам привязывался линь, пропускался через систему блоков, и люди налегали на лебедку, подтягивая судно к цели. Воздух наполняли стоны и проклятия, хрустели суставы и рвались сухожилия, но мы тянули или гребли. А когда судно доползало до очередного столба, все приходилось делать заново — переносить грузы, протаскивать следующее судно через заиленный фарватер.

Когда же наступало блаженное время отдыха, мы падали на палубу, настолько вымотанные, что даже не в силах были отдрать от себя пиявок, живущих в этой грязи и, должно быть, целую вечность моливших своих пиявочных богов о ниспослании им такого

пиршества в нашем лице. Когда они крепко присасывались, избавиться от этих тварей можно было только присыпая их солью или прижигая горящими лучинами.

Иногда, но очень редко, мы выходили на глубокое место, и тогда паруса и весла легко несли нас мило или чуть больше. Затем грязное дно поднималось и объявляло о своем появлении резким торможением, заставлявшим нас проклинать наших матерей, родивших столь несчастных детей, и мы вновь садились грести или вцеплялись в рукояти лебедки, чтобы тащить эти горы дерева по грязи.

Пятый день выдался отвратительно серым, с дождем, в добавление к нашим несчастьям. Мы работали все утро, а небо становилось все пасмурнее, и дождь поливал все хлеще, но к полудню мы воспряли духом, когда фарватер немного углубился, позволяя проводить корабли хоть и медленно, но не с таким каторжным трудом.

Грязевые залежи тянулись повсюду, а вскоре показались и первые грязевые острова, некоторые из них поднимались в высоту футов на двенадцать. Я не знал, таится ли там какая-нибудь опасность, и лишь вспомнил, что видел подобные кучи в одной далекой стране. Так там на этих островах жили огромные колонии мелких жучков, для которых эта грязь, очевидно, была питательной. Вскоре таких островков насчитывалось уже сотни, при этом в них зачастую булькала жидкость, вздымаясь и опадая, а некоторые ритмично пульсировали, словно дышали.

«Ибис» проходил по фарватеру вблизи такого холмика, и, когда я склонился над бортом, чтобы получше его рассмотреть, оттуда взвилась большая плоская ромбовидная голова угрожающе шипящего чудовища. Голова держалась на жирном плотном теле, была белой, с единственным глазом-бусинкой черного цвета. Четыре острых, яростно щелкающих жвала образовывали крапчато-розовый рот. От неожиданности и испуга я отскочил назад, и вовремя — существо откинуло голову и выпустило струю вонючей желтой жидкости, попавшей на леер и палубу. Дерево обуглилось и задымилось, и тут же послышался крик боли, когда следующая струя угодила в раздетого матроса. Он схватился за обнаженную грудь, покрасневшую, как от ожога, упал на палубу и скорчился от боли.

Выпущенная лучником стрела вонзилась твари в голову. Тварь булькнула и мгновенно скрылась в своем грязном логове.

Фарватер впереди явно расширился, образуя широкий плес. Я крикнул Келе, чтобы она поспешила, и приказал сигнальщику передать на другие суда, чтобы те тоже не мешкали. Тут же впередсмотрящий издал предупредительный крик, который подхватили все, заметившие угрозу.

Тысячи этих существ, извиваясь, двинулись на нас. В длину они не превосходили ребенка, но, увы, имели отнюдь не детские невинные намерения. Строением серо-коричневого блестящего тела они напоминали какого-нибудь садового слизня, но у них еще имелось по десятку коротких ножек с лапами, что позволяло им передвигаться по грязи с пугающей скоростью.

Двадцать, если не больше, опасных тварей уже добрались до фарватера и по воде устремились к кораблям. Они оказались настолько проворными, что запросто запрыгивали на борт, вылетая из воды, словно выпущенные из катапульты, и поливая нас своей обжигающей струей. Две из них плюхнулись рядом со мной на палубу, и одну я разрубил пополам саблей, но не успел развернуться к другой, как мой бок обожгло липкой желтой жидкостью.

Я закричал от боли, а Отави прикончил эту тварь топором, но тут же и сам заорал, получив струю от другого хищника прямо в лицо. Чонс пригвоздил одну тварь копьём к палубе, но она и в таком виде продолжала дергаться, пытаясь добраться до него, пока подросшая Джанела не отхватила ей голову. Митрайк, уже доказавший, что является недюжинным бойцом, размахивая саблей, косил головы появляющихся рядом тварей, как траву. По всему кораблю разносились крики, ругань и вопли моряков, очищающих палубу от нашествия. Я уже успел оправиться настолько, что разрубил еще одного нападавшего, и он упал за борт, где пятеро подобных существ тут же набросились и сожрали его. Каждая

убитая и сброшенная за борт тварь подвергалась нападению своих сородичей. Вероятно, только это и спасло нас — хищники слишком отвлекались. Палуба превратилась в каток от дождя и скользких тел, и нам уже с трудом удавалось удерживать равновесие как на ногах, так и в мозгах.

«Ибис» вырвался из узкого фарватера и вошел в обширное водное пространство. Позади наши товарищи продолжали сражаться, пробиваясь вперед. Я видел, как полетел за борт один человек с тварью, вцепившейся ему в горло. К нему было бросились на помощь, но отскочили назад под струями ядовитой жидкости.

Человек страшно кричал, и, перед тем как смолкнуть, мне показалось, он выкрикнул мое имя.

Наконец все три корабля вырвались на свободное пространство, но опасность не миновала. Твари лишь на мгновение замешкались на краю открытой воды, затем вновь бросились на нас, окружая суда плотным полукольцом слизистых тел. Они плавали, как нелетающие птицы замерзающих южных морей, ныряя под воду, стремительно выпрыгивая и летя по воздуху до следующего нырка.

И тут Джанела с трудом подтащила к борту пустую бочку из-под масла. Она надрезала ножом свою руку, и в бочку закапала кровь. Я напрягся, когда она внезапно подскочила с ножом ко мне и мигом отхватила прядь моих волос. Она быстренько запихала волосы в мешочек на длинной веревке. И стала раскручивать мешочек над головой, приговаривая:

Демон Мечтатель
Спящий в глубине
Пробудись на мой зов
Демон Мечтатель
Услышь мою мольбу
Проснись
Проснись

Мешочек охватило пламя, и Джанела опустила его в бочонок. Загорелись остатки масла, и вскоре пламя стало довольно высоким.

Джанела крикнула, чтобы я помог ей, и взялась за бочонок.

Мы вдвоем подняли бочонок — жар от него был почти непереносим — и сбросили за борт.

Я успел даже удивиться: несмотря на такую температуру, руки мои остались неповрежденными; но тут раздался немыслимый вопль, словно исходящий из недр земли, и поверхность воды запенилась и закипела.

Бочонок взорвался, а нас отшвырнуло на противоположный борт.

Из глубин поднялся огромный демон, подобного которому мне еще не доводилось видеть. У него были формы женщины — пышные, как у куртизанки, но покрытые чешуей ящера. С головы свисали длинные намокшие волосы грязно-зеленого цвета. Пасть ведьмы украшали длинные острые зубы. На длинных руках, состоящих, как у скелета, из одних костей, торчали острые когти.

Демоница огляделась, блестя черными глазами, отливающими желтизной. Страх охватил меня, когда взгляд этих глаз упал на меня, но он скользнул дальше и наконец остановился на массе плывущих слизнеподобных.

Она издала еще один вопль — такой громкий, что и спустя несколько часов он звенел у меня в ушах, приводя в трепет, — и устремилась на тварей. Те изменили курс и бросились к ней.

Демоница издавала булькающие радостные звуки, загребая слизняков полными пригоршнями. Давясь, она заглатывала их одного за другим. Слизняки, нисколько не страшась, брали демона в кольцо. Вскоре она вся была покрыта ими и даже вскрикивала от боли, когда этим тварям удавалось прогрызть ее чешую, но продолжала загребать их и

глотать.

Мы представляли из себя невольных зрителей чуть дольше, чем следовало бы. Но битва не выявила явного победителя, поскольку демоница с налипшими на нее слизняками в конце концов погрузилась под воду. Но и тогда, когда мы уже оправились от схватки и, взявшись за весла, бросились наутек, поверхность продолжала кипеть.

Наконец мы решили, что находимся достаточно далеко, и остановились передохнуть. Дождь прекратился, а появившееся солнце добавило нам сил и отваги соскresti с палуб все это дерьмо, Джанела же смазала целебной мазью наши ожоги от яда этих тварей.

Я помогал ей перевязать Отави, который едва не ослеп, причем воскресительница отметила, что его угрюмая внешность нисколько не пострадает от лишнего шрама. И тут раздался крик впередсмотрящего, увидевшего сигналы с берега от отряда Квотерволза. Отряд охотников возвращался, и, судя по поклаже, дела у них обстояли хорошо. Когда мы приняли их на борт, первое, что спросила Келе:

— Так ты отыскал подходящую дорогу? Квотерволз покачал головой.

— И следа не видел, — сказал он. — Леса такие густые, что мы не один месяц будем добираться до нашей цели. Дичи там, правда, полно.

— Как жаль, — сказала Келе. Квотерволз изумленно посмотрел на нее. — А я-то здесь молилась, чтобы мы наконец выбрались из этого проклятого озера.

Квотерволзу в его поисках пришлось одолеть немало трудных лиг и испытать опасности.

— Нам просто повезло, моя госпожа, — сказал он Джанеле, — что вы предусмотрительно подготовили нас ко всему.

Перед уходом его отряда Джанела сотворила защищающее заклинание над каждым, дунула в лицо каждому костяной пылью и раздала по колечку, свитому из шерсти обезьян, известных своей способностью легко продвигаться по лесу незамеченными.

— Я не могу вас сделать невидимыми, — сказала она охотникам, — но если вы проявите осторожность, то я помогу вам оставаться почти незаметными. От вас будет исходить аура какого-нибудь безвредного, но и несъедобного существа, к тому же у вас будет вид придурков, так что любой оказавшийся рядом демон или колдун не сочтет вас достойными его внимания.

— Итак, что вы там обнаружили? — спросил я Квотерволза. Он помрачнел.

— Много чего, мой господин, — сказал он. — И, если бы не заклинание госпожи Серый Плащ, не стояло бы мне тут перед вами.

Квотерволз сначала решил заняться поиском пути, а поохотиться потом.

— Первые два дня и две ночи прошли хорошо, мой господин, — поведал он. — Хотя мы и не нашли дороги, определенно ведущей в Королевства Ночи, но частенько встречались звериные тропы, а дичь так и мелькала вокруг. — Он покачал головой. — Я еще никогда не видел такого леса. Деревья такие высокие и толстые, что под ними внизу весь день чуть ли не темная ночь стоит. В этом полумраке некоторые растения даже излучают собственный свет — особенно грибы, подобные тем, что применяют колдуны. Эти здоровенные грибы переливаются красным и голубым, и попробуй их только тронь — издадут отвратительнейший запах. Некоторые из них предпочитают питаться мясом, а не водой и землей. Я сам видел, как один такой гриб поймал зверюшку типа кролика. Бедняжка подошел слишком близко, и этот гриб раскрылся, как зонтик, показав зубы и красную волосатую глотку. Он ухватил добычу быстрее, чем я об этом рассказываю, и вновь превратился в невинный гриб.

Квотерволз далее поведал о деревьях, имеющих плоды не на ветвях, а прямо на стволе.

— Противное зрелище, — сказал он. — Плоды большие и ядовито-зеленые. Так что деревья похожи на заболевших чумой и покрытых волдырями. И никогда мне не доводилось видеть столько летучих мышей. Днем висят на ветках, словно растут на них, а вечером вылетают охотиться. Питаются они плодами тех самых чумных деревьев, поэтому я не беспокоился, что они нападут на нас. Тем не менее вид у них такой, что по коже мурашки.

Он содрогнулся от воспоминания.

— Тем более что спали они как раз на таких деревьях, которые и мы выбирали для ночевки, как самые безопасные места. В том лесу вообще, мне показалось, водятся все хищники, какие только возможны. Однажды мы увидели тигра, но он не обратил на нас внимания. Благодаря заклинанию госпожи Серый Плащ он проигнорировал нас, глянув лишь мельком, и прошествовал дальше. Видели мы и парочку медведей размером с дом, не меньше. Конечно, мы понервничали — вдруг они поднимут головы да и посмотрят на деревья? Но страшнее всех оказался зверь, похожий на ящера, но покрытый мехом. Он иногда вставал на задние лапы в поисках жертвы. Но больше всего ему, слава Тедейту, нравились кролики. Увидев такого кролика, хищник поднимал неистовый визг. В жилах застывала кровь, и мы просто цепенели. Хорошо, что мы были крепко привязаны к дереву. Кролик при этом так просто застывал на месте, как каменный, и ящер съедал его без всяких проблем.

Келе фыркнула:

— Ну пока в твоей истории есть только приятная прогулка в лес, не знаю уж, что там дальше будет...

Квотерволз кивнул. Он уже был наслышан о наших подвигах и был потрясен выпавшей нам долей.

— Это правда, — сказал он. — Все происходящее нас почти не задевало. Мы даже со временем привыкли. Но все изменилось на третий день. В то утро мы слезли с дерева, умылись, позавтракали и стали обсуждать планы на день, когда все началось. Послышался звук, словно заиграл горн. Громче него, наверное, звучали только трубы, которыми боги пробудили нас к жизни из ничтожества. Звуки обрушивались как удары грома. Поднялся ветер, настоящий ураган. Первый звук чуть не сбил нас с ног и засыпал ветвями и листьями. Второй оказался еще сильнее. Так что дрожь прохватывала до костей. Но ветер был не столь свиреп. А третий призывный звук — а именно таким я его и считал — оказался... мягче, что ли. Он прозвучал почти музыкально. Он как-то воздействовал на нас. Заставлял чувствовать себя лучше. И заставлял думать, что будешь чувствовать себя еще лучше, если подойдешь послушать поближе.

Джанела сузила глаза. Видимо, она о чем-то догадалась.

— Мое заклинание должно было защитить вас от этого, — сказала она.

Квотерволз кивнул.

— Так и случилось, моя госпожа, — сказал он. — Звук вовсе и не внушал нам, что мы *должны* идти. Он как бы... говорил... что это было бы *хорошо*...

Он посмотрел на меня.

— Моя мамаша родила не дурака, мой господин, — сказал он. — И я сразу сообразил, что мы имеем дело с колдовством. Я поговорил с другими, и они сказали то же самое. Мы обсуждали этот вопрос больше часа, и все это время горн играл. Мы уже почти решили, что будем возвращаться, поохотимся по дороге и расскажем, что видели. Но в конце концов подумали, что вам захочется узнать обо всем подробнее. Наш долг как разведчиков все-таки все видеть собственными глазами, и нам надо было подобраться по возможности ближе к месту событий.

— Ты принял правильное решение, — сказал я и еще раз похвалил себя, что отправил на берег такого здравомыслящего человека, как Квотерволз. — Продолжай.

— Мы шли на звук полдня, — сказал Квотерволз. — Пробираясь, где можно, звериными тропами, а иногда и прорубаясь сквозь заросли. И похоже, все существа вокруг понимали, что происходит нечто необычное. Даже птицы смолкли и затаились. Мы посматривали вверх и видели, как они неподвижно сидят на ветках и даже перышки не чистят. Мы наткнулись на зверей, прячущихся за поваленными деревьями или в кустах. Они не бросались на нас и не убегали, лишь переползали, отыскивая другое потаенное местечко. Все это время мы крались, стараясь не выдать себя. Наконец послали одного парня залезть на дерево и осмотреться. Он рассказал, что впереди, футах в двухстах, находится озеро. И мы

вскоре оказались на скальном гребне, за которым склон уходил вниз и кончался лес. Звук горна был все ближе. Мы забрались на гребень и обнаружили кучу камней, из-за которых удобно было наблюдать. Этим я и занялся.

Теперь голос Квотерволза зазвучал хрипло, то ли от долгого повествования, то ли от волнения. Я послал за вином, чтобы помочь ему успокоиться, и попросил продолжать.

— Я заглянул в ущелье, — сказал он. — Оно раза в два по ширине превосходило Большой Амфитеатр Ориссы. Вниз, примерно до середины, тянулась расселина, а местность была почти открытая, усыпанная камнями. Прежде всего мое внимание привлекли люди. Не могу сказать, сколько их было, они постоянно прибывали откуда-то. Появлялись из леса, со всех сторон, кроме — слава богам — нашей. Они спускались в каньон, сбегали по расселине, по тропам и без троп. Некоторые падали, точно пьяные, расшибали себе головы, обдирали кожу об острые края обломков. И не обращали на это никакого внимания. Вскикивали, небрежно смахивали кровь, если она заливала глаза, и продолжали двигаться на звук горна. По виду люди были самые разнообразные. Длинноногие мужчины и женщины, у которых из одежды была лишь набедренная повязка. Маленькие человечки, ростом мне по пояс, одетые в звериные шкуры. Некоторые — черные как ночь, но большинство светлокожие. Были и дикари, так разукрашенные, что невозможно было понять, какого же цвета их кожа. Во всяком случае, ясно было, они принадлежат не к одному племени. Люди шли со всех сторон и тащили с собой на руках лишь детей.

Принесли вино. Квотерволз благодарно улыбнулся мне, смочил горло и продолжил:

— Я посмотрел туда, куда они все шли, и там, где в озеро на дне ущелья из расселины впадал ручей, я увидел этот горн. Длинною футов в двадцать, с огромным раструбом на конце, он покачивался, подвешенный на деревянной конструкции. С другой стороны трубы стоял малый, который и дул в нее. Он походил на быка, с такой же широкой грудью. Два человека поддерживали его, а еще несколько человек придерживали горн, чтобы тот не сильно раскачивался, так что парню оставалось лишь дуть. Вот он и старался. Сначала раздувался так, что, казалось, взлетит, а потом выдувал воздух в горн. И получался тот самый звук, на который мы шли все утро. Только теперь мы оказались близко, и я мог рассмотреть, что тут происходит. И мне очень хотелось пойти туда, присоединиться к этим зачарованным людям. Сбросить одежду, скинуть башмаки и побежать вниз, в каньон, поближе к этой музыке. И в тот самый момент, когда, казалось, мне уже не удержаться, мой палец обожгло. Под тем самым кольцом, что дала нам всем Джанела. Я тут же пришел в себя, и до меня дошло, что происходит нечто ужасное.

Квотерволз передернулся, глубоко вздохнул и отпил еще вина, пытаясь успокоиться, у него на лбу выступил пот.

— У меня с глаз упала пелена, и я увидел примерно с сотню человек, похожих на того парня, что дул в горн. Не особенно высокие ростом, они обладали такими же широкими плечами, крепкими мускулами и плотным сложением. На каждом были надеты доспехи, не то лубяные, не то кожаные, но с металлическими заклепками и пластинами. Их шлемы сверху сужались шпилем. Вооружение — копья, сабли, дубинки, луки. Из этого оружия только сабли являлись металлическими. Их открытые участки кожи имели цвет такой же рыжий, как и ваши волосы, господин Антеро, если позволите мне такое сравнение. Лица они раскрасили красным, а веки и губы — чем-то черным. Большинство из них охраняли загон для скота. Горн был установлен у задней ограды загона, так что люди набивались в открытые ворота этого сооружения, чтобы оказаться поближе к горну. Некоторые из красных воинов подталкивали внутрь тех дикарей, кто мешкал. Два десятка других управлялись с воротами поменьше, сбоку. Выводили через них людей, выстраивали гуськом и заковывали в кандалы. А других вели к... — Квотерволз облизал пересохшие губы и покачал головой. — Это была каменная печь в форме головы демона. Из двух дыр на месте глаз валил дым. А ртом являлось отверстие шириною в три копия с вырезанными вокруг этого отверстия клыками. Именно туда бросали людей. Уж и не знаю, сколько они туда затолкали этих бедолаг. Одних закалывали. А некоторых бросали живьем... Кое-кто приходил в себя и пытался удрать, но

таких зарубали на месте... — Квотерволз прокашлялся. — Трупы долго в печи не держали, а вынимали специальными баграми. Понимаете... они жарили дикарей и складывали уже готовых рядом. А у других отрезали тонкие полоски мяса и раскладывали на каркасах для вяления.

Он на минуту замолчал. Джанела похлопала его по плечу, налила еще выпить. От этого он вроде бы успокоился и продолжил:

— Закованных же в кандалы и ошейники нанизывали на цепь, пропуская ее через кольцо в каждом ошейнике, и угоняли группами в лес. Я уж и не знаю, сколько народу увели таким образом. Все это время, что я наблюдал, люди подходили, и их загоняли в ловушку. Я выдержал около двух часов.

— А не видел ли ты того, кто управлял всем этим? — спросил я. — Какого-нибудь главаря? Шамана?

Квотерволз кивнул.

— Да, забыл самое главное... Жареных людей воины складывали к ногам человека, сидевшего в кресле, и кланялись ему как важному лицу. Да и одеяние у него было соответствующее. Мантия, длинная, шитая золотом или украшенная золотыми перьями... Не знаю, никогда не видел такой птицы. Он был обут в сандалии со шнуровкой до колена. Под мантией этот страшный вождь или жрец носил штаны, украшенные золотыми колечками, и на груди — доспехи из костяных пластин. А на голове вместо короны была надета звериная голова, пятнистая и с клыками, длинными такими.

Квотерволз вздохнул.

— Должно быть, какое-то свирепое животное. Никогда не видел такого, да и не жалею об этом... Ну вот, а потом я спустился и мы пошли к берегу.

— Странно, что мы не слышали этот горн, — сказал я.

— Возможно, было далеко или вы просто не обратили внимания. А может быть, этот *призыв* предназначен лишь для тех, кто выбран в жертву?

Установилась долгая тревожная тишина. Рассказ Квотерволза произвел впечатление. Джанела и я обменялись взглядами. Она мрачно кивнула, догадываясь, о чем я думаю: рано или поздно нам предстоит встреча с человеком в мантии из золотых перьев и оскаленной короне.

На следующий день Тедейт нам улыбнулся. Фарватер, оставаясь глубоким, отдалялся от берега и уходил на середину озера. Бодрый западный ветер раздувал наши паруса, облегчая нам труд. Даже столбы с ликами женщин-демонов не казались столь устрашающими в этом плавном скольжении на протяжении нескольких часов, когда мы легко обходили небольшие островки и заросли высокого тростника. На горизонте уже показалась наша цель — восточный берег, на котором мелькало что-то голубое.

Я пытался рассмотреть это получше и вдруг с удивлением увидел быстро плывущее в нашу сторону крошечное каноэ, в котором отчаянно гребущий человек пронзительно вопил от страха. Это был ребенок, обнаженная девочка лет восьми-десяти. Лодка ее, обтянутая шкурой животного, была столь узка, что там едва хватало места даже такому маленькому человечку, и борта суденышка лишь на дюйм выступали над поверхностью воды. Ребенок часто оглядывался назад, взвизгивал и еще сильнее налегал на весло.

Страх ее имел простую причину: за каноэ быстро скользила огромная змея. Девочка была так напугана, что не замечала нас, и не успели мы криком предупредить ее, как лодка со всего разгону врезалась в борт «Ибиса», перевернулась и ребенок полетел почти в пасть змее.

Без раздумий я схватил копье с носовой подставки для оружия. Еще несколько месяцев назад копье, пущенное старческой рукой, вряд ли принесло бы вред чудовищу, даже если бы и долетело до цели. Теперь же я ощутил в руке силу молодости, и оружие, смачно чавкнув плотью, пронзило тварь насквозь.

Вода вскипела от предсмертных конвульсий змеи, но, к нашему ужасу, ребенка нигде не было видно. Джанела вскрикнула, и мы увидели, как на поверхность всплыло

бесчувственное тело. Из ближайшего тростника появились два ящера с разинутыми пастьми, намеревавшиеся позаимствовать обед, предназначавшийся змее. Джанела прыгнула за борт и ухватила ребенка за волосы. В воздух взвились стрелы братьев Сирильян. Ящеры забились в агонии, а Пип и Чонс бросились в воду, чтобы помочь Джанеле.

Несколько минут спустя все уже оказались на палубе. Джанела сделала девочке искусственное дыхание, та открыла глаза, и ее начало рвать водой.

Пип покачал головой и сказал:

— Дети, не гуляйте одни, без папы и мамы.

После того как Джанела бережно отнесла ребенка в свою каюту, закутала в теплое одеяло и напоила укрепляющим бульоном, мы с воскресительницей попытались узнать, кто она и откуда.

Поначалу она была слишком напугана, чтобы говорить, вздрагивала и тряслась, качала головой, словно не понимая, о чем ее спрашивают. Я подумал, что она боится чужестранцев, но Джанела сказала:

— Нет, она боится наказания, — и с улыбкой обратилась к ребенку: — Что, малышка, мамочка не знает, где ты?

Девочка покачала головой.

— А домой ты хочешь? — спросила Джанела. Ребенок кивнул.

— Но как же мы отвезем тебя домой, миленькая, если ты не говоришь нам, где ты живешь?

Девочка на минуту задумалась, затем пожала плечами. Она прихлебывала бульон и, казалось, была полностью удовлетворена происходящим. Теперь мы рассмотрели, что малышка очень хорошенькая, с круглым личиком и длинными черными локонами, еще мокрыми после приключения в озере. Джанела вытерла ей волосы полотенцем, и девочка прижалась к ней, что было вполне естественно, держа чашку с бульоном двумя руками.

— А как тебя зовут, золотко? — спросила Джанела. Ребенок вновь задумался, затем кивнул. Но ничего не сказал.

— Ну, — мягко сказала Джанела, — так как же?

— Шофьян, — ответила девочка, но так тихо, что я едва разобрал.

Джанела погладила ее по щеке.

— Шофьян, — повторила женщина. — Прелестное имя. Ребенок кивнул, тоже уверенный в этом.

— Представляю, как мама переживает из-за тебя, — сказала Джанела. — Если бы она не любила свою маленькую дочку, она бы не назвала ее таким красивым именем.

— Да, — немного громче сказала Шофьян. — Наверное, она меня любит.

— А знаешь, крошка, что я придумала, — сказала Джанела. — Что, если мы отправимся к тебе домой и скажем твоей маме, что мы заблудились, а ты нас нашла и пригласила ненадолго погостить у вас?

Лицо девочки осветилось улыбкой.

— То есть я спасла вас?

— Ну да, — сказала Джанела. — Ты спасла нас.

— Поедемте, — обрадовалась Шофьян, поняв, что родительский гнев, похоже, будет не столь уж силен. — Я покажу вам дорогу.

Джанела завернула девочку в одеяло, пришел Пип и, посадив ребенка себе на плечи, вынес на палубу. Она указывала направление с такой важностью, что ни один лоцман не смог бы сравниться.

По дороге к ее деревне мы подплыли к островку, окруженному густым тростником. Шофьян узнала остров, значительно повеселела и сказала, что ее дом чуть подальше. Но тут из тростника вылетела шестерка больших каноэ. В каждой лодке сидело по десять воинов, вооруженных тяжелыми луками. Пять каноэ поплыли в нашу сторону. Над озером разнесся боевой клич, от которого мурашки у всех побежали по спине. Шестая лодка развернулась и скрылась, несомненно за подмогой. Лодки подошли ближе, и я с изумлением увидел, что все

сидящие в них воины — женщины, обнаженные по пояс, в коротких юбках из сухой травы, связанной замысловатым образом и ярко раскрашенной.

Оказавшийся рядом со мной Митрайк поднял лук со словами:

— Этого еще нам не хватало. Я стукнул по луку и рывкнул:

— Ты, кажется, забылся. Здесь все делается только по моему приказу!

Он что-то проворчал, но мне было не до него, потому что одна из женщин в первой лодке увидела ребенка на руках Пипа и закричала:

— Они схватили Шофьян!

Их боевой клич стал еще яростнее. Несколько воительниц подняли луки. Но та же женщина закричала:

— Стойте! Вы попадете в нее!

Я ничего еще не успел предпринять, как вперед шагнула Джанела, забрала Шофьян у Пипа и подняла ее повыше, чтобы все могли видеть.

— Мы не собираемся причинять ей вред, — крикнула она, обращаясь к этой женщине, молоденькой и миловидной, с лицом столь же округлым, как и у Шофьян. Девочка закричала от восторга, увидев мать.

— Посмотри, кого я встретила, мамочка! — закричала она, указывая на наши корабли. — Они заблудились, а я их нашла.

Первое каное глухо стукнулось о борт «Ибиса», и мать Шофьян взобралась на палубу с легкостью дикой кошки. Без всякого страха она подскочила к Джанеле и выхватила у той ребенка. Шофьян крепко обняла мать за шею.

— Со мной все в порядке, мамочка, — сказала она.

Мать ласково прижала ее к себе, но продолжала сверкать на нас горящими гневом глазами. На палубу забрались и другие женщины, и, хотя, судя по всему, они готовы были вступить в бой, я жестом велел моим людям не делать угрожающих движений.

Мать ребенка, решив, что командует всем тут Джанела, сказала:

— Кто ты? И что тебе нужно?

— Ты не понимаешь, мамочка, — начала торопливо объяснять Шофьян. — Она хорошая. И на самом деле это не я их нашла. Ее зовут Джанела, и она спасла меня. Она прыгнула в воду и убила змею, которая чуть не съела меня.

— Она правду говорит? — спросила женщина. Джанела пожала плечами.

— Почти. — И указала на нас. — А это такие же хорошие люди.

Женщина оглядела нас несколько презрительно, словно ей было почему-то неприятно благодарить мужчин. И она вновь обратилась к Джанеле:

— Меня зовут Таиша, я — мать этой непослушной маленькой баловницы. — Ругая девочку, она поглаживала ее по голове. — И я должна вас отблагодарить. Но я не могу ничего сделать, пока не переговорю с королевой Бадрией — моей матерью. Она правит озерным народом. Поедьте со мной и посмотрим, что решит королева. — Она вновь презрительно кивнула в нашу сторону. — А эти... мужчины... пусть остаются здесь.

Я шагнул вперед.

— Прошу прощения, госпожа Серый Плащ, — сказал я заискивающим тоном, включаясь в затеянную Джанелой игру. — Позвольте мне сопровождать вас.

Джанела кивнула, продолжая разыгрывать роль.

— Вы позволите? — спросила она у Таиши. — Это Амальрик Антеро, мой дед по материнской линии.

Она подмигнула Таише.

— Вообще-то он не совсем мой дед, но изложение подробностей своей любовной жизни моя бабушка вряд ли бы одобрила.

Таиша понимающе хмыкнула. Джанела продолжила:

— Он мудрый человек... для мужчин, разумеется... к тому же я обещала бабушке приглядывать за ним.

Таиша помешкала, затем сказала:

— Как хочешь. Только не говори потом бабушке, что я настояла на этом.

Джанела поблагодарила ее, затем указала на Келе, взвешивающую на меня с изумлением.

— А это капитан Келе, — сказала она Таише. — Она командует кораблем и этими мужчинами в мое отсутствие.

— Приветствую тебя, сестра, — обратилась Таиша к Келе. — Скоро сюда придут еще наши воины, чтобы охранять тебя. Они не причинят вреда твоим мужчинам, если только те сами по своей слабой природе не подтолкнут их к этому.

Келе едва сдерживала смех.

— Не волнуйся, сестра, — сказала она. — Ни один из этих мужчин и вздоха не сделает без моего приказа.

Таиша удовлетворенно кивнула. Я увидел, как к нам приближается еще дюжина каноэ с женщинами-воинами. Легкие лодки взяли наши корабли в кольцо.

— Это хорошо, — сказала туземка. — Должно быть, вы прибыли из страны мудрых людей, научивших мужчин подчиняться. — Затем она махнула Джанеле: — Пойдем. Королева Бадрия ждет.

Я вместе с Джанелой спустился в каноэ Таиши. Гребцы взяли за весла, и лодка быстро понеслась, держа курс на север. Через милю мы ушли от фарватера и запетляли среди маленьких, поросших деревьями островов. Вскоре мы оказались в обширной лагуне и увидели деревню, состоящую из двух десятков больших хижин с округлыми крышами, держащихся над водою на высоких сваях. К воде свисали веревочные лестницы. Хижины, весело украшенные, были сделаны из плетеного тростника, и стены их, как мы позднее узнали, могли сворачиваться, дабы впустить внутрь свежий воздух, в то же время они надежно укрывали от студеной зимней ветры. Из свайных домов на платформы возле них поглядеть на наше прибытие вышло все население деревни, мужская часть которого состояла только из подростков и малышей.

Шофьян, не дожидаясь, пока причалит, принялась громко хвастаться перед друзьями своими приключениями. Все хлопали в ладоши и просили ее побыстрее приходить в гости, чтобы услышать историю подробнее.

Нас доставили к огромной платформе, размером с большой торговый корабль. Коническая крыша стоявшей на ней хижины была расцвечена ярче, чем на остальных домах, а основание украшали вышитые на полотне картины, изображающие женщин, занятых различной деятельностью: пронзающих огромными острогами рыбу, отражающих атаки врагов в человеческом и зверином облике, и в меньшей степени были представлены фрагменты, на которых женщины играли с детьми или кормили их грудью. Мы подплыли к лестнице, одни женщины ухватились за сваи, чтобы каноэ не раскачивалось, а другие придерживали лестницу, пока мы поднимались.

Джанела поднялась по лестнице, Таиша быстро взобралась вслед за ней.

— Как говорят у нас, красота должна управляться сильной волей, — сказала Таиша и усмехнулась, глядя на меня. — И если не обидишься, сестра, то я скажу тебе, что твой приятель чересчур красив для бабушки.

Джанела немного смутилась, затем рассмеялась и согласилась.

— У нас говорят примерно так же, — сказала она, бросая на меня лукавый взгляд. — Должна признаться, я и сама удивилась, когда бабушка позволила Амальрику сопровождать меня. — Она подтолкнула Таишу локтем и что-то зашептала ей на ухо. Глаза Таиши широко раскрылись от удивления.

— Какая трата семени, — сказала Таиша вслух. — Как же она позволяет?

Джанела пожала плечами.

— Хотя Амальрик и является ее любимцем, у нее для развлечений есть и другие мужья, — сказала она. — Кроме того, она надеется, что если это путешествие удовлетворит его, то он выбросит эти глупости из своей головы.

— Мудрая женщина твоя бабушка, — сказала Таиша. — Я бы, например, просто выпорола его. Впрочем, я всегда отличалась несдержанностью. — Затем она махнула мне. —

Поднимайся, милоч.

Пунцовая от смущения и размышляя над тем, что же такое Джанела ей нашептала, я поднялся по лестнице. Сзади кто-то чувствительно шлепнул меня по заднице, и под громкий хохот находящихся в каноэ женщин я добрался до платформы, стараясь не уронить достоинства.

Наверху Таиша сказала, чтобы мы подождали ее. Сначала она хотела убедиться, что с Шофьян все в порядке, а уж потом испросить аудиенции у королевы.

Я воспользовался возможностью и спросил у Джанелы, о чем это они перешептывались.

— Я всего лишь защищала тебя от похотливых нападков, — сказала она. — У этих женщин манеры достаточно бесцеремонные.

Я покраснел, вспомнив игривый шлепок по заднице.

— Понятно, — сказал я сухо.

— Вообще-то я не знаю, каковы тут у них традиции, — продолжила она. — Но легко догадаться, что здесь все обстоит наоборот и мужчины считаются слабым полом. Ну а темпераментные женщины не позволяют им находиться в этой деревне.

Я указал на многочисленную детвору.

— Но, видимо, не совсем запрещают, — сказал я. — Иначе откуда же здесь дети?

Джанела усмехнулась.

— Ну, должно быть, им позволяют регулярные посещения, — предположила она. — Устраивают какой-нибудь праздник плодородия или что-нибудь в этом духе. Но если ты не хочешь стать объектом выбора, то, я думаю, тебе лучше соглашаться с тем, что я сообщила Таише.

— С чем же это? — сквозь зубы спросил я.

— С тем, что ты убежден, будто на тебя снизошло благословение одной богини, по повелению которой ты дал обет целомудрия, — сказала Джанела. — Более того, твоя жена — то есть моя бабушка, — само терпение, позволила тебе развлекаться со мной во время путешествия, надеясь, что ты вернешься исцеленным от своей мужской глупости.

Я был потрясен.

— Должно быть, они считают меня сумасшедшим! — прошипел я.

Джанела кивнула.

— Скорее всего.

Я принялся было возражать, но тут заметил, что некоторые из женщин-воинов хитро на меня поглядывают, переговариваются между собой и делают соблазняющие жесты.

Я вздохнул. Однако... какие отвратительные ощущения... Неужели женщины в Ориссе испытывают то же самое?

— Что ж, буду сумасшедшим, — сказал я.

Из открытой двери соломенного дворца вышла высокая женщина.

— Королева Бадрия приглашает вас, — сказала она Джанеле. — Вам и вашему компаньону предоставлена честь иметь аудиенцию.

Джанела благодарно поклонилась, и я сделал то же самое.

— Пойдемте, — кивком пригласила нас женщина.

Внутри стоял полумрак. Освещение давали лишь связки каких-то причудливых ракушек, наподобие наших светящихся ожерелий, да очаг в центре помещения; из повешенного над огнем большого котла доносилось бульканье, сопровождаемое сильным запахом. Круглая комната не изобиловала обстановкой — поверх голов столпившихся вокруг нас женщин я различал гамаки и травяные матрасы, свисающие с балок, рядом с оружием и рыболовными принадлежностями. Вдоль стен стояли тростниковые сундучки, в которых, как я понял, находились пожитки тех людей, которые жили здесь вместе с королевой. В помещении было шумно от гомона обсуждающих нас женщин и радостного визга шныряющих вокруг ребятшек.

Футах в пятидесяти за очагом располагалась арка, задрапированная донизу сетью. С

сетки свисали светящиеся ракушки, создавая сияющий ореол над ожидающей нас женщиной.

При нашем приближении королева Бадрия подняла свою царственную голову. Она лежала, раскинувшись, на огромной, покрытой мехами кушетке. Даже лежа она произвела на меня впечатление, которым могли бы похвастать немногие монархи. Она была очень высока, далеко за семь футов. Вероятно, ей было лет под шестьдесят, хотя у нее были такие же темные волосы, как и у остальных женщин, и такое же округлое лицо, как у Шофьян и Таиши. Она обладала той красотой, над которой не властны годы, высоким благородным лбом и высокими скулами. Мы подошли ближе, она села, распахнулась ее зеленая с голубым мантия, и обнажились большие груди, крепкие, как у девушки. Волосы, собранные в высокий пучок, подобный короне, украшали самоцветы и изделия из драгоценных металлов, а также светящиеся раковины. Серьги в виде вееров, украшенные разноцветными перьями и драгоценностями, свисали до плеч. На каждой руке было по дюжине изящных браслетов, а шею обнимали плотные ряды жемчужных ожерелий.

Мы низко поклонились, и я услышал, как зазвенели драгоценности королевы, склонившейся вперед, чтобы получше разглядеть храбрецов, отважившихся вторгнуться в ее водные владения.

Мы молчали. В такой ситуации королям положено говорить первыми.

Я услышал шепот, рискнул поднять глаза и увидел, как Таиша, оказавшись рядом с королевой, что-то нашептывает ей на ухо. Мне показалось, я услышал имя Джанелы. Когда Таиша закончила, королева кивнула и сказала:

— Я так поняла, что обязана вам спасением моей внучки от змеи.

Я чуть было не начал отвечать, но вспомнил о своей роли бесправного мужчины.

— Вы так добры, ваше величество, — сказала Джанела. — Но мы вовсе не заслуживаем благодарности за поступок, который обязан совершить каждый, увидев, что ребенок оказался в опасности.

Молодец! — подумал я.

Королева весело и раскатисто рассмеялась. Но тут же заговорила более сдержанным тоном:

— Вам повезло, госпожа Серый Плащ, что малышка Шофьян была так непослушна сегодня. Иначе королева озерного народа обошлась бы с вами совсем иначе!

Джанела ответила:

— Действительно повезло, ваше величество. Богиня улыбалась нам весь день. Сначала она улыбнулась ребенку, встретившему друзей как раз тогда, когда в них была нужда. Затем улыбнулась нам, позволив познакомиться с вами.

Отлично сказано! — подумал я.

Должно быть, королева Бадрия решила так же, потому что разразилась новым приступом веселого смеха.

— Твоя мать хорошо тебя обучала, младшая сестра, — сказала она. — А теперь отвечай, и отвечай честно, если не хочешь, чтобы настроение мое ухудшилось.

— Я постараюсь, ваше величество, — сказала Джанела. Королева склонилась ниже, позвякивая украшениями.

— Ты колдунья?

— Да, — сказала Джанела. — Меня благословили боги таким даром.

Бадрия удовлетворенно кивнула: — Я так и подумала. Она обратилась к Таише:

— Разве я не говорила... еще до того, как пропала Шофьян... что ощущаю присутствие колдовства?

— Именно так и говорили, ваше величество, — сказала дочь.

— У меня тоже имеются небольшие способности, — сказала королева, — которых хватает, чтобы не пускать некоторых отвратительных созданий в этот конец озера. — Должно быть, она имела в виду тех слизняков. Бадрия фыркнула. — Извини, что мои воины доставили тебе некоторые неприятности, моя дорогая, — сказала она. — Но мы, озерные обитатели, не поощряем непрошенных визитеров и потому отгоняем их, как можем.

— И для этого у вас имеются жутковатые стражи, — сказала Джанела.

Королева засмеялась, польщенная.

— Я ведь лишь случайно ощутила присутствие вашей демоницы озера. — Джанела содрогнулась, то ли по-настоящему, то ли продолжая улещать королеву. — Она обнаружила себя только потому, что проголодалась. Ее голод был столь велик, что даже у меня в животе забурчало, несмотря на то что я боялась за себя и за своих товарищей. Ну а когда почувствовала ее присутствие, то постаралась обратить этот голод против наших преследователей.

Я слушал так же внимательно, как и остальные, ведь мне тоже было интересно, как Джанеле удался тот трюк, спасший нам жизни.

Королева вновь раскатисто расхохоталась.

— Бедняга Саламси, — сказала она, открыв нам имя демоницы. — Ее не покормили вовремя, а я была занята и не позаботилась.

— Будем надеяться, что все закончилось хорошо, — сказала Джанела.

Королева пожала плечами.

— Вряд ли маленькие мерзкие твари могли ей повредить. Правда, она могла ощутить себя одураченной и разозлиться на пришельцев. Поэтому на вашем месте на обратном пути я избрала бы другой маршрут.

Мы в молчании выслушали ее совет, а лицо королевы стало задумчивым. Немного поразмыслив, она приказала принести табуретки, чтобы мы устроились поудобнее, а также еду и питье. Мы попробовали, преодолев брезгливость, по небольшому кусочку такого местного деликатеса, как сырая медуза под горячим соусом, запив его легким вином с резким привкусом штормового ветра, который так пугает в открытом море, но весело вспоминается в хорошей компании в портовой таверне.

Наконец королева вышла из задумчивости, и ее лицо стало строгим.

— Вы так и не рассказали, что же вы тут делаете? — спросила она.

— У нас священная миссия, — сказала Джанела. — Мы живем в далеком западном краю. И в последнее время много страдаем от проявлений зла.

— Ты имеешь в виду чуму, демонов и все такое прочее?

— Да, ваше величество, — кивнула Джанела. — Чума, демоны и все такое прочее. Положение стало столь критическим, что наши колдуньи собрали совет. И этот совет обратился с мольбою к нашей богине, которая смиростивилась и предстала перед нами видением.

Джанела задумалась, очевидно сочиняя наиболее впечатляющие события, которые должны были, по ее мнению, происходить в Ориссе. Но королеву не интересовали драматические подробности, и она нетерпеливо махнула рукой.

— Да, да. Видение. Продолжай.

— И вот, — сказала Джанела, — явилась богиня и сказала колдуньям, что причина наших неприятностей находится в далеком краю — далеко на востоке. В королевстве, в котором правят старейшины.

— Ты имеешь в виду Тирению? — сказала королева.

— Тирения?! — выпалил я, не сдержавшись. — А может быть, это и есть та страна, которую мы называем «Королевства Ночи»?

Моя неучтивость была встречена всеобщим молчанием. Королева долго не сводила с меня глаз. Затем обратилась к Таише.

— Ты права, — сказала она. — Он действительно забавен. Правда, я предпочитаю мужчин помоложе.

Затем она обратилась ко мне:

— Как я слышала, ты, милоч, дал обет целомудрия?

Я кивнул, улыбаясь, как дурачок, чтобы соответствовать роли избалованного, слегка сбрендившего любимца богатой и могущественной женщины.

— Именно так я и сделал, ваше величество, — сказал я. — Моя жена чуть не взялась за

хлыст, когда узнала об этом обете. Но когда я рассказал, что это желание богини, и объявил, что мечтаю отправиться в край старейшин вместе с Джанелой, она лишь слегка меня отшлепала и приказала Джанеле взять меня с собой, чтобы я избавился от этой глупости. — И тут я принял надменный вид. — Но это не глупость, — сказал я тоном глубоко обиженного человека. — Ведь наша великая богиня явилась мне и сказала, что я, Амальрик Антеро из Ориссы, смогу отыскать это королевство и спасти нашу страну, только пребывая в невинном состоянии и не позволяя соблазнить себя ни мужчине, ни демону, ни женщине.

Королева рассмеялась, хлопнув себя по бедрам.

— А у него есть характер! — сказала она Джанеле. — Мне нравится, когда в постели для остроты впечатлений присутствует немного характера. Жаль, что он безумен. Джанела покрутила пальцем у виска:

— Моя бабушка говорит то же самое, ваше величество.

— Вам бы надо перенять наше правило, — сказала королева. — Мы отсылаем наших мужчин подальше, когда они выходят из подросткового возраста. Они живут, как могут, на дальних островах, пока мы не позволяем им появиться здесь в дни, подходящие для зачатия. И можете не сомневаться, им приходится нелегко. Правда, мы их балуем небольшими подарками, к тому же у нас есть и другие праздники, которые я устраиваю, по правде говоря, с той же целью, что и праздники плодородия. Женщине, чтобы румянец не пропадал на щеках, надо иногда развеяться без раздумываний о последующих материнских обязанностях.

Джанела глянула на меня, слегка улыбнулась и сказала:

— Мне очень нравится ваша система, ваше величество. Можете не сомневаться, что я предложу ее бабушке по возвращении в Ориссу.

Бадрия удовлетворенно кивнула.

— Скажи моей сестре в Ориссе, что это по-настоящему разумный способ держать их, как положено, чтобы они знали свое место. А вообще-то жаль, что богиня так обошлась с ними. Я женщина мудрая, не ропщу на законы мира, но никак не могу понять, как из маленьких милых созданий — детей — появляются такие неуклюжие грубияны, мужчины, заставляя нас, женщин, просто приходить в отчаяние от их поведения. А они ведут себя так, словно эта штука у них между ног создана богиней не для нашего удовольствия. Все время они норовят затеять драку по любому поводу вместо того, чтобы спокойно разобраться в любой проблеме. К тому же вечно всем недовольны. Во всем видят скрытое оскорбление и даже саму богиню подозревают в заговоре против них. И дуются! Дуются, хуже детишек!

Королева что-то припомнила и рассмеялась.

— У моей бабушки был мужчина, который однажды обиделся ну просто на сущую безделицу, полагая, что она все устроила намеренно. И это во время свадебного путешествия, когда бабушка из шкуры вон лезла, лишь бы угодить ему. Можете себе представить, что он не разговаривал с ней целый день? Сидел в каноэ в мрачнейшем расположении духа и молча ее отталкивал. А когда они вернулись, он даже хвастал перед приятелями таким своим поведением.

— И что же она сделала, чтобы привести его в чувство, ваше величество? — спросила Джанела, бросая на меня очередной веселый взгляд.

— Она просто отрезала ему язык, чтобы у него был настоящий повод для молчания, — сказала королева.

— Как бы я хотела, чтобы вы приехали к нам, ваше величество, — вполне искренне сказала Джанела. — Каждая женщина на западе превозносила бы ваше имя до небес.

Королева кивнула — это она считала само собой разумеющимся.

— В тебе есть женская мудрость, и поэтому ты должна прислушаться к моим словам, младшая сестренка, — сказала она. — Они касаются твоего путешествия в Тирению. Мне кажется, именно это место ты ищешь, хотя название, которое ты произносишь, мне незнакомо... Как это у вас?

— Королевства Ночи, ваше величество, — сказала Джанела.

— Да, именно так. Королевства Ночи! Какое глупое название! Должно быть, его

придумал мужчина.

Джанела улыбнулась и кивнула, да, мол, так оно и было. Королева продолжала:

— Я хорошо знаю эту историю. Мы рассказываем ее детям зимними вечерами. Это миф о никогда не заходящем солнце и вечно теплых ласковых ветрах, которыми круглый год наслаждаются люди Тирении, благодаря своих магов за мудрость и доброту. Говорится в ней и о том, что их город находится на вершине сказочной горы с изумрудными пиками, сверкающими на солнце.

— Да, именно эту историю мы и слышали, — согласилась Джанела. — Но в наших краях еще рассказывают, что город этот теперь осажден темными силами зла и что с каждым годом эти силы растут и, когда город падет, зло обрушится на всех нас.

— Да, да, — усмехнулась королева, — мы говорим об одном и том же месте. И, насколько мне известно, такой город действительно существовал, давным-давно. Но я сильно сомневаюсь, что он существует и по сей день.

Она повела рукой в широком жесте.

— У нас достаточно свидетельств того, что старейшины жили тут повсюду, — сказала она. — Вокруг столько древних руин, что воображение не может не разыграться. А мы — озерные люди — живем посреди символов прошлого величия старейшин дольше, чем кто-либо другой. Мы находили останки разбитых величественных кораблей, некогда бороздивших эти воды. Мы вытаскивали нашими сетями их оружие. Мы даже впитали в нашу магическую науку следы их магии. Но должна сказать тебе, младшая сестрица, что великий народ был уничтожен. Их слава в далеком прошлом, и что тут сожалеть? Теперь мы заняли их место. И живем хорошо. Теперь пришло наше время. А они — в прошлом. Восхвалим же богиню и удовольствуемся этим простым фактом.

— Вы настолько мудры, о королева, — сказала Джанела, — что я с громадной неохотой все же решаюсь задать вопрос. Однако же позвольте спросить: на самом ли деле все так уж хорошо в вашем королевстве? Не появляются ли новые трудности, вызванные, например, черной магией? Королева Бадрия нахмурилась. Она не привыкла, чтобы ее слова ставили под сомнение. Но я разглядел и еще кое-что в монарших глазах: легкий след озабоченности.

Она сказала очень медленно:

— Да. В последнее время происходят события, которые приводят меня в недоумение.

— Например, колдун с гигантским горном, чья музыка творит столь могучее заклинание, что люди охотно бредут к своему смертному концу? — спросила Джанела.

Королева внезапно помрачнела.

— Азбаас, — прошипела она. Ее охрана тут же схватилась за рукояти ножей, словно ожидая приказа перерезать нам горло. — Откуда ты знаешь о короле Азбаасе?

— Один из наших охотничьих отрядов натолкнулся на него, — сказала Джанела совершенно спокойно. — К счастью, они остались незамеченными, да и находились под защитой сотворенного мною заклинания и не поддались соблазнам горна.

Бадрия кивнула и немного успокоилась.

— Как я уже отмечала раньше, — сказала она, — ты очень везучая женщина. В когтях Азбааса вам бы не поздоровилось.

— Он ваш враг, ваше величество? — спросила Джанела. Королева пожала плечами и даже улыбнулась.

— Враг? В общем, нет. Скажем так: мы договорились не трогать друг друга. — Она задумчиво отпила вина. — Он недавно стал королем. Правит эфезнюнами лет десять или чуть больше. Это самое крупное из лесных племен, но, пока он не пришел к власти, у них постоянно были какие-то раздоры. Азбаас, мелкий шаман, обладал могучим талантом заставлять людей бояться его. И с помощью этого таланта он с течением времени так или иначе сокрушил всех своих врагов. И теперь он объединил всех эфезнюнов, так что они подчиняются только ему.

— Видимо, с помощью черной магии, ваше величество? — спросила Джанела.

Бадрия вздохнула.

— Боюсь, что да. Говорят, он заключил сделку с демонами. Вообще-то я скептически отношусь к таким рассказам, но в случае с Азбаасом... Кто знает? Он принадлежит к тем королям, которые готовы на все ради своего престижа, пусть даже слухи о нем и не соответствуют действительности. Тем не менее отношения у нас пока нормальные. Он не лезет в озеро, я не суюсь в лес. Иногда мы торгуем, а если кто-то из моих подданных заблудится в лесу, он возвращает нам его живым и невредимым. И я делаю то же самое.

— Но ведь вы не доверяете ему, ваше величество? — спросила Джанела.

— Да, потому что он не только мужчина с отвратительными сексуальными привычками, но он еще и тщеславный король. Я сомневаюсь, что его уже удовлетворяет господство лишь над одними эфезнянами. Об этом говорят нападения его на других лесных обитателей. Вы, может быть, заметили, что в этих местах живет множество различных народов?

Мы с Джанелой кивнули, вспомнив рассказ Квотерволза о том, как много людей из самых разнообразных племен спешили в каньон навстречу своей несчастной судьбе. А Бадрия продолжила:

— Говорят, что предки всех этих народов, включая наш, оказались в этом краю волею старейшин, перенесших этих людей сюда при помощи волшебства, и что наши предки трудились на старейшин в качестве рабов. Лично я верю в эту историю, иначе как же объяснить такое разнообразие племен в одном месте?

— И в самом деле, как, ваше величество? — поддакнула Джанела.

— Как ни крути, — продолжала королева, — а придешь к этому выводу. Однако же до воцарения Азбааса нам всем как-то удавалось сосуществовать вместе спокойно, ну, не беря во внимание, конечно, случайные стычки. Но эти инциденты легко улаживались — в этих краях и без того непросто жить, а уж если тратить силы на войны, тогда вообще можно умереть с голоду.

— А когда появился Азбаас, равновесие нарушилось? — предположила Джанела.

— Да, — сказала Бадрия. — Но не так уж сильно. — Она внимательно посмотрела на Джанелу. — Ты думаешь, младшая сестрица, что его могущество имеет отношение к несчастьям, обрушившимся на ваш край?

— Трудно сказать, ваше величество, — сказала Джанела. — Но нельзя исключить такую вероятность.

— Что ж, если вы проявите упорство в достижении цели путешествия, вы сможете проверить вашу теорию. Потому что — да будет безопасным ваш путь — нет такой дороги, идущей от озера в глубь материка, которую бы не контролировал Азбаас.

Мы с Джанелой обменялись тревожными взглядами. На нашем пути вставал еще один барьер.

— Я думаю, мы разберемся, ваше величество, — наконец сказала Джанела. — Если вы позволите проследовать через ваше королевство, мы испросим аудиенции у короля Азбааса, и, может быть, по велению богини, он будет столь же добр к нам, как и вы.

Королева фыркнула:

— Сомневаюсь.

Она подозвала к себе Таишу, и они начали шептаться. После долгого обсуждения Бадрия объявила решение:

— Должна признаться, мне не совсем по нутру то, что я собираюсь делать. То есть использовать женщину, заслужившую мое уважение, в собственных целях. Однако, надеюсь, ты понимаешь, что я должна думать о собственном народе и его будущем, а единственный способ узнать, что ожидает его, — позволить тебе рискнуть собственной жизнью и жизнью твоих товарищей.

— То есть вы позволяете нам продолжить путешествие, ваше величество? — спросила Джанела.

Королева кивнула.

— Да, можете проследовать дальше. Я же предупрежу своих шпионов, чтобы они внимательнее приглядывали за происходящим. Из того, как король Азбаас будет обращаться с вами, я больше о нем узнаю. — Она помолчала, раздумывая, затем сказала: — Я обеспечу вас грамотой, написанной моей собственной рукой. Это будет письмо, — и тут голос ее зазвучал иронично, — к моему доброму другу и брату-монарху. — Она улыбнулась и продолжила: — Я сообщу, что премногим вам обязана, и с его стороны будет большой любезностью встретить тебя и твоих спутников тепло и помочь вам всеми доступными ему средствами.

— Благодарим вас, ваше величество, — сказала Джанела от лица нас обоих. — Люди Ориссы навечно у вас в долгу.

Королева покачала головой.

— Сомневаюсь, — сказала она. — Скорее всего люди Ориссы проклянут меня, когда узнают, что я позволила вам попасть в лапы Азбаасу.

Она подняла царственную руку, давая понять, что аудиенция закончена.

И, когда ее охранницы начали потихоньку подталкивать нас к выходу, она окликнула нас, чтобы сказать на прощание:

— Если останетесь в живых и если Тирения действительно существует... передайте старейшинам, что королева Бадрия шлет им самые теплые пожелания. И что озерные люди желают им счастья — отныне и во веки веков.

Глава 12

КОРОЛЬ АЗБААС

Холодный ветер ускорил наш отъезд из королевства Бадрии. Небеса посерели, усилилась влажность, и, хотя дождя не было, далекие горные пики заволокло темной предштормовой дымкой. Тучи пробила молния чудовищной величины, и тут же раздался такой удар грома, что губы сами зашептали молитвы.

Такая погода подталкивает к размышлениям, и потому на борту «Ибиса» если разговоры и заходили, то только по необходимости: слышались приказы Келе и ее помощников да откликались матросы, передавая команды. Проняло даже бродягу Митрайка. Я видел, как он, привалившись к лееру, неуклюже вертел в пальцах что-то вроде амулета. Закрыв глаза, он бормотал какую-то молитву. Я улыбнулся, представив, каким богам может молиться пират.

Мы шли вдоль берега, становившегося все гористее. Заметно похолодало, и ветер усиливался. На озере поднялось волнение, которое тяжело сказывалось на желудках тех, кто плохо переносил качку. Видно было, что в горах к северу буря разыгралась уже не на шутку. Ручейки, сбегавшие вниз к озеру, разбухли до размеров рек, везде грохотали водопады. Уровень воды в озере повышался на глазах.

Келе с облегчением заметила, что, может быть, на обратном пути нам не придется тащиться по грязи.

Джанела, однако, не разделяла ее оживления. — Да, но ведь Клигусу и Модину теперь тоже станет легче двигаться.

Та же мысль не давала покоя и мне.

— Ты не думаешь, что эту погоду вызвала магия Модина? — спросил я.

— Уверена, — сказала она. — Это работа Модина.

Я спросил, не может ли и она что-нибудь предпринять.

— Я уже пытаюсь, — сказала она. — К сожалению, его заклинания настолько сильны, что превосходят мои, с помощью которых я пытаюсь замаскировать наше местоположение. Но я продолжаю посылать заклинания, сбивающие с толку. Когда он захочет узнать, где мы находимся, то получит самую разнообразную, но противоречивую информацию. Слабые следы, указывающие, что мы одновременно находимся в самых разных местах на озере.

Мне стало легче. Озеро было огромным. Мы оторвемся далеко, пока он выяснит, что к

чему.

Но следующие слова Джанелы быстро рассеяли мою безмятежность.

— Беспокоит меня вот что, — сказала она. — Похоже, что с каждым днем могущество Модина растет. Словно кто-то или что-то помогает ему. Но обкрадывает он не меня. К счастью, я тоже становлюсь сильнее. Мое усиление происходит за счет постоянной практики и, я думаю, за счет все более глубокого понимания природы вещей.

— Но мы ведь с самого начала знали, — сказал я, пытаясь ее успокоить, — что у нас могущественные враги. Знали мы и то, что чем ближе будем к цели, тем будет опаснее. Допускали мы и такую возможность, что все это будет на руку Клигусу и Модину. Тем не менее мы движемся вперед. И даже быстрее, чем я предполагал. Не забудь, что мы с Яношем только с третьей попытки добрались до Ирайи. Нам же, с помощью богов, быть может, удастся добраться до цели с первого раза.

Тревога исчезла с лица Джанелы. — Я просто иногда забываю, кто рядом со мной. Приятно сознавать, что ты бывал в ситуациях гораздо худших и выходил победителем.

Я вспыхнул и пробормотал в оправдание какую-то чушь. Джанела положила ладонь мне на руку.

— А я тебе помогаю так же, как мой прадед? — спросила она.

— Намного больше, — сказал я. — И с самого начала я не сомневался в искренности твоих намерений.

Джанела сжала мою руку.

— Так, значит, ты доверишься мне? И у нас не закончится все, как у тебя с Яношем?

Я посмотрел в ее темные глаза. Вновь я увидел в них знакомое мне выражение. Та же сила была у Яноша. Тот же ум. Всепоглощающая любознательность. Отсутствовала лишь сумасшедшинка, являвшаяся благословением и проклятием Яноша. Слабый аромат ее духов усилился, и я понял чуть больше, чем она хотела бы мне показать.

Она опустила глаза.

— Вижу, что доверишься. — Она убрала руку, и момент истины рассеялся.

Ночь еще не успела поглотить серость дня, когда мы, взяв к югу, подальше от опасных прибрежных рифов, оказались у небольшого, поросшего лесом острова, круто поднимающего свои склоны из озера. На голой вершине росло лишь одно, но огромное дерево, покрывающее ветвями большую площадь вокруг себя. К нему вели вырезанные в склоне ступеньки, переходящие в тропинку, змеей выходящую до самого берега.

Джанела взволнованно сказала:

— Нам необходимо остановиться здесь, если ты не возражаешь.

Когда я спросил о причине, она пояснила, что это магическое место.

— Но это магия не людей и не демонов. Здесь действует аура земли, причем мирная. У меня ощущение, что, если мы осмотрим этот остров, мы в чем-то получим помощь.

— Что ж, время есть, — сказал я. — Я уж и сам подумывал, не переночевать ли нам здесь. Скоро мы окажемся во владениях короля Азбааса, а я предпочитаю иметь с ним дело при свете дня.

Я распорядился, и, пока Келе и другие капитаны ставили суда на якорь, мы с Джанелой взяли небольшую лодку и погребли к острову. Погода успокоилась, сильный ветер сменился легким прохладным бризом. Когда мы привязали лодку у полуразрушенного старого причала, показался яркий месяц, освещавший нам путь. Мы пошли по тропинке, кое-где имевшей ступеньки. Хотя они были сильно повреждены, подниматься оказалось делом несложным, правда, до вершины мы добрались чуть ли не за час. На последних нескольких футах тропинку заливала вода разлившегося ручья. Джанела наклонилась зачерпнуть пригоршню воды, чтобы напиться. И удивленно подняла брови.

— Попробуй, — сказала она.

Я нагнул, и прежде всего меня удивило, насколько холодна вода. Пальцы буквально онемели, а когда я глотнул из горсти, от холода заболели зубы. Но вкусом вода напоминала чистейший растаявший снег высокогорья. Странно. Мы находились посреди озера, а горы

были далеко, за много лиг отсюда. Джанела продолжила подъем, а я, ни слова не говоря, двинулся за ней.

Дерево на вершине холма оказалось еще больше, чем мы полагали, а громадные раскинувшиеся корни вытягивались в длину большую, чем самые высокие деревья, растущие вокруг моей виллы в Ориссе. Листья, формой напоминаящие дубовые, отливали серебром в лунном свете. Листва безмятежно шелестела под бризом. Широкие крепкие ветки дерева располагались так симметрично, словно искусные садовники тысячелетиями любовно подрезали их. На краю вершины корни охватывали большой плоский камень, из-под него бил ручей. Я поднял мое светящееся ожерелье и увидел какие-то знаки, вырезанные на камне.

Изображения были слабыми, и Джанела, нахмурившись, принялась оттирать их рукой.

— Не могу разобрать, — сказала она, — хотя уверена, что это магические символы.

Я пригляделся и вдруг увидел кое-что знакомое.

— Вот тебе и на. А это что такое?

На поверхности, здорово пострадавшей от непогоды и времени, проглядывала высеченная фигура танцовщицы. Она находилась посреди квадрата, окруженного желобком. Джанела дунула на мусор, очищая желобок.

— Похоже на пластину, — сказала она. — Пластину, вмонтированную в камень.

Скинув с плеча сумку, она принялась в ней рыться и вскоре извлекла кусочек металла. Перехватив мой заинтересованный взгляд, она рассмеялась.

— Никакой магии. Просто рычаг.

Она принялась трудиться над пластиной, вычищая грязь и сдувая пыль. Наконец поддела рычажком пластину и вытащила из гнезда целую коробочку. Та оказалась шириной в мою ладонь, в две ладони толщиной и сделанной из белого матового камня — из того же, что и стены в том королевском дворце, где танцовщица кружилась перед аудиторией демонов. Джанела покрутила ее в руках, обнаружила щель крышки и поддела ее. Мы вместе заглянули внутрь открывшейся коробочки.

На дне лежал один розовый лепесток. Точнее, не розовый, а самых разнообразных красноватых оттенков и прелестной формы — он так и просился в руки. Я взял его и удивился, обнаружив, что сделан он из тонкого стекла. В лунном свете на нас падали отраженные лепестком красные искорки.

Мелодичное перешептывание листьев дерева стало громче, словно пел далекий хор. Я улыбнулся и прислушался, пытаюсь разобрать, что же поет этот хор. Мне показалось, что я слышу, как произносят мое имя и имя Джанелы, но голоса звучали так неразборчиво, что уверенности у меня не было. Я почувствовал легкое, но приятное головокружение, будто от глотка доброго вина. Вне всяких сомнений, произносилось мое имя, и я сделал шаг в сторону, чтобы услышать это четче. Но тут же я словно отделился от тела. Освобождение от земной обузы воспринималось с легкостью и радостью, как долгожданная свобода. Я посмотрел на Джанелу, уставившуюся на меня в изумлении. Серебряные листья посыпались дождем, порхая в струях ветерка, и я ощутил свежесть и чистоту восприятия мира, как дитя. Подняв руку с лепестком, я увидел, как она бледна и даже полупрозрачна, при этом светится изнутри. Я засмеялся, и оказалось, что мой смех похож на звук, с которым в моем саду под ветром звенели колокольчики. Я вновь засмеялся, чтобы еще раз услышать этот восхитительный звук.

Джанела протянула руку и забрала у меня лепесток. Она положила его в коробочку и закрыла крышку. И мгновенно моя рука стала снова обыкновенной. Я ощутил тяжесть, скуку и смятение в мыслях. Потеря казалась до того невыносимой, что я застонал, заскрежетал зубами, а потом заплакал, сам не знаю почему, и Джанела обняла меня и так держала, пока плач не перешел во всхлипывания, сотрясающие мою грудь. Она заставила меня хлебнуть из ее маленькой фляжки, и бренди обожгло мне язык. Должно быть, она добавляла в напиток что-то укрепляющее силы, поскольку вскоре я почувствовал себя вновь вполне нормально.

Я описал ей все, что ощутил, пока держал лепесток.

— Я словно бы стал духом. Не призраком, не этой смертной сущностью. А духом, исполненным такой жизненной силы, что от его дыхания сбежал бы и сам Черный Искатель.

— Ты и выглядел так, Амальрик, — сказала Джанела. — То есть ты как бы раздвоился. Отдельно твоё тело, из обычной плоти и крови. И тут же... дух твой, который вышел из тебя. И он светился. Мне показалось, что ты смеёшься, но звук походил... — Она задумалась, подбирая сравнение.

— На звон? — спросил я. — На звон колокольчиков под ветром?

— Именно так, — сказала она. — Удивительно мелодичный звон, какого мне никогда не доводилось слышать. Извини, что я остановила тебя. Наверное, тебе стало плохо, но я не знала, чем все может закончиться.

— А мне было все равно, — мрачно сказал я.

Она хлопнула меня по спине.

— Я понимаю, — сказала она. — Но могло ведь случиться и нечто скверное. Зло не всегда рядится в чёрные одежды. А демоны не всегда уродливы. А одно из величайших испытанных мною наслаждений чуть не окончилось моей гибелью, если не хуже того. Я вовремя успела прийти в себя.

Я посмотрел на неё, удивляясь, что же это такое могло быть. Она весело улыбнулась.

— И не спрашивай, — сказала она. — Все дело в магии. Мне кажется, что, хоть ты и в состоянии понять все, у меня не хватит сил рассказать тебе это.

Джанела положила коробочку с лепестком в свою сумку.

— Пусть побудет у меня, хорошо? — спросила она. — Я понимаю, что она тебе очень понравилась. Но я хотела бы исследовать все её свойства, соблюдая профессиональную предосторожность.

Я согласился, но, видя, как она прячет коробочку, почувствовал, что страшно хочу крикнуть: «*Отдай!*» Я сдержался и через некоторое время испытывал лишь слабое, но стабильное ощущение потери. В этом ощущении, однако, заключались и все страдания от трудностей дороги, которые я пережил в прошлом и переживу в будущем. И если я испытал их так много, то потому лишь, что по возрасту был стариком. Иногда, при взгляде в зеркало, видя, как морщины покидают моё лицо, я начинал сожалеть об исчезновении этих следов, которые я заработал долгой и полной приключений жизнью.

Без дальнейших слов мы покинули остров, задержавшись лишь у ручья ещё раз попить воды. Спал я плохо. А на следующее утро мы вновь пустились в плавание под небом таким же серым и солнцем столь же зловещим, как и моё настроение.

При первом взгляде на столицу короля Азбааса у восточного побережья озера нас обдало пронизывающим ветром дурного предчувствия. До этого мы шли в сплошном тумане, и вдруг из грязно-серой дымки перед нами открылся длинный узкий залив. Город лежал в долине между двумя высокими утёсами, на которых стояли два хорошо укрепленных форта с бревенчатыми стенами. От низких причалов города до обоих берегов залива и обратно курсировали десятки примитивных плотов, управляемых прикованными цепями за металлические ошейники обнажёнными рабами. Бадрия была права, говоря, что король Азбаас не обладает могуществом на озере. Город — позднее мы узнали, что он называется Каджа, — скорее был деревянной крепостью, нежели процветающим торговым центром. Высокая бревенчатая стена с караульными башенками через каждые пятьдесят футов тянулась от утёса до утёса. За нею виднелись редкие деревянные здания, которыми была застроена долина, резко идущая на подъём по мере удаления от берега. Сама долина представляла собою, как выяснилось, древнее русло давно высохшей реки, бывшей когда-то широкой и полноводной.

После знакомства с Азбаасом я уже не удивлялся тому факту, что такие, как он, запросто могут самую цветущую речную долину превратить в мертвое место.

Когда мы подошли поближе, стало видно, что утёсы покрыты множеством пещер. К ним вели ступенчатые тропки, высеченные в скалах, и их охраняли часовые с копьями.

Я распорядился поднять наши потрепанные флаги, а группе музыкантов весело

заиграть на трубах и барабанах. Вскоре на этот зов в стене распахнулись ворота, и оттуда вышла процессия важно выступающих людей. Они поднялись на деревянную платформу, которую я принял за причал, над нею поднялся разноцветный тент, по спинам рабов ударили плети, причал отделился от берега, и стало ясно, что это громадная королевская баржа движется к нам навстречу.

Когда она приблизилась, от нее отделилась небольшая шлюпка, и три человека взошли на борт «Ибиса». Моей задачей было постараться убедить их, что я мирный человек, путешествующий исключительно с торговыми целями, но, правда, имеющий могущественных друзей, с нетерпением ожидающих моего возвращения. Мы все облачились в наши лучшие наряды, а моряки выстроились в две шеренги, между которыми мы с Джанелой вышли приветствовать наших гостей.

Их лица, выкрашенные красной краской, были иссечены ритуальными шрамами. Глаза и уголки губ были обведены черными кругами. С плеч, поверх кожаных доспехов, свисали длинные кожаные накидки, а конические шлемы делали людей выше, чем они были на самом деле. Все они относились к расе тех мускулистых коренастых людей, которых видел в каньоне Квотерволз.

Человек в центре группы, с висящей на шее золотой бляхой, растянул черты лица в деревянной улыбке.

— Меня зовут Физайн, — сказал он. — Я передаю вам дружеское приветствие короля Азбааса.

У него был тоненький пронзительный голосок. Тем не менее этот голос звучал повелительно.

Я сдержанно улыбнулся и вежливо поклонился.

— А я — Амальрик Антеро. А это госпожа Серый Плащ, моя...

Физайн не дал мне договорить.

— Необходимости в вашем представлении нет, — сказал он. — Мы знаем о вас, знаем, что Джанела Серый Плащ — прославленный маг.

Он низко поклонился нам обоим.

— Я полагаю, у вас имеется послание от нашего доброго друга, королевы Бадрии.

Он протянул руку. Я передал ему свиток пергамента от королевы и сказал:

— Очень лестно, что наши скромные персоны известны вашему королю и вам. Мы ведь простые путешественники, торговцы. А тем не менее вы обратили ваше драгоценное внимание на нас.

Физайн визгливо рассмеялся. Тембр его голоса плохо сочетался с могучим телосложением.

— Вы разве не знаете, что наш король является самым могущественным шаманом за всю историю эфезнюнов? И в его владениях ни одно событие не укроется от него. Да и в сопредельных землях тоже.

Джанела словно в изумлении покачала головой.

— Я с нетерпением жду встречи с королем, — сказала она. — Возможно, мы бы обменялись магическими познаниями.

Физайн принял сокрушенный вид.

— Его величество, — сказал он, — только был бы рад такой встрече. Однако, боюсь, ее придется отложить на несколько дней. В настоящий момент он занят важными государственными делами.

— Это естественно, — сказал я. — Такое богатое и могущественное государство требует от правителя много времени. Хотя мы и надеялись на небольшую встречу, но вполне удовлетворимся теми дружественными посланиями, которые вы столь любезно передали. Собственно, у нас к нему только одно важное дело — получить разрешение беспрепятственно миновать границы его владений. Может быть, на обратном пути нам посчастливится и он подарит нам одно-два драгоценных мгновения своего времени.

Физайн покачал головой.

— Я почти не сомневаюсь, что король удовлетворит ваше прошение о пересечении наших границ, — сказал он. — Однако же такими полномочиями я сейчас не располагаю. Король Азба-ас просит вас воспользоваться его гостеприимством на день или два, чтобы, как только позволят дела, встретиться с вами лично.

Мне оставалось лишь принять это предложение. С королем спорить неразумно. Иначе быстро узнаешь, насколько велика его сила и власть. Поэтому я низко поклонился, как и Джанела, и по возможности искусно солгал, что счастлив принять это предложение.

И с этого мгновения мы стали пленниками короля.

Мне уже приходилось сталкиваться с двусмысленностью такого положения. Я бывал как в роскошных тюремных апартаментах, так и в кишаших червями подземельях, где слышны лишь вопли несчастных под пытками. Отведенная нам с Джанелой квартира являлась в этом отношении чем-то средним. Нас поместили в самой высокой башне одного из деревянных фортов на утесах. Нам предоставили три отдельные комнаты с постоянно горящими очагами, спасающими от озерной сырости. Окна самой большой комнаты выходили на залив, и мы видели, что наши корабли пришвартованы к узенькому островку. Экипажи остались на судах под усиленной охраной, дабы они своим присутствием не вызывали ненужных волнений среди эфезнюнов, как сказал Физайн. Естественно, что и у дверей наших апартаментов круглосуточно дежурила стража.

— Хотя обстановка в наших краях в основном мирная, — сказал Физайн, — но все же находятся смутьяны, ненавидящие короля и устраивающие беспорядки. Среди них есть и колдуны, заставляющие наших простодушных подданных порою заниматься противоправными действиями. И, следовательно, постоянная бдительность нам не мешает. Любой человек, пока не докажет свою полную лояльность, находится под подозрением.

Короче говоря, мы оказались в условиях скорее карантина, чем на положении пленников, вроде тех бедолаг, устремившихся в каньон и теперь заточенных в пещерах утеса под нами. Я видел их, когда на королевской барже нас подвозили к берегу. В пещерах находились сотни, если не тысячи рабов. Когда мы проходили мимо, входы в пещеры закрыли, но стоны несчастных и брань охраны были слышны.

Для обслуживания нам выделили нескольких рабов, что еще сильнее терзало меня, нежели нахождение под стражей. Пользуясь привилегией гостя, я выразил недовольство этим, настаивая на собственной прислуге. Мне разрешили вызвать к себе Квотерволза и Митрайка, на которого, я уже знал, можно положиться в затруднительной ситуации. Они расположились в помещениях под нами, и, поскольку их считали всего лишь слугами, у них появилась возможность достаточно свободно передвигаться по форту.

Митрайк почти мгновенно доказал, что на него рассчитывают не зря, поскольку отыскал сразу несколько возможных вариантов побега.

Самый бесхитростный вариант был — использовать наши камины, которые мы топили постоянно, дабы избавиться от сырости.

— Жизнь моряка — это не только вечный ветер да солонина, — разглагольствовал Митрайк. — Старина Митрайк жила в время от времени и в городах. Это правда, мой господин. Особенно будучи босоногим шалопаем, у которого в мозгах было столь мало, что капитан мог посылать его лишь впередсмотрящим на мачту. Приходилось мне и дымоходы чистить, где было столько сажи, что и не поверите. Так что я кое-что в них понимаю.

— Продолжай, — сказал я.

— Так вот, — продолжил он. — Дымоходы выпускают дым наружу. Но они же и впускают свежий воздух. Вы понимаете, куда я клоню?

Я не понимал, но не прерывал его, и все вскоре разъяснилось. Если в доме несколько очагов, пояснил он, то все они, как правило, объединены одним общим большим дымоходом, который не только свободно пропускает дым, но и создает тягу, снабжая огонь свежим воздухом.

— Вчера я выходил наружу, — сказал Митрайк. — Попросил отпустить меня на рынок, чтобы состряпать своему господину приличный ужин. Меня отпустили под присмотром

помощника квартирмейстера. И первым делом я обнаружил, что в этом здании полно каминов. А труб, из которых шел дым, я заметил только две. И тут уж не надо много мозгов, чтобы сообразить — все камины соединены таким большим дымоходом, что по нему пройдет целый корабль.

И он предложил использовать этот дымоход, чтобы выбраться на крышу замка. Оттуда, спустившись вниз, можно одолеть и стену, что совсем несложно с помощью такого моряка, как он, Митрайк. В случае чего, добавил он, такие воины, как мы с ним и Джанела с Квотерволзом, смогут проложить себе дорогу мечами и саблями. А там уже можно укрыться в окрестных лесах, пока опасность не минует.

План был неплох. Однако осуществление его означало бы то, что мы оставим на произвол судьбы товарищей на кораблях.

Митрайк усмехнулся.

— Так бы оно и было, если бы вы имели дело не с таким шкипером, как я. А старина Митрайк предал бы себя, ежели не продумал бы, что делать дальше...

Я поздравил его с сообразительностью и подбодрил, чтобы он продолжил разработку плана.

Квотерволз же показал свои таланты в другой области. Он произвел сильное впечатление на кухонную девушку, обладавшую пышными формами и богатым воображением, заставившим ее задуматься: что же находится в штанах у чужестранца? Сестра ее прислуживала в королевском обеденном зале, а мать была одной из многочисленных кухарок дворца.

Квотерволз не разочаровал предмет своей страсти — через несколько дней она снабдила его ценной информацией о том, что делается при дворе доброго короля Азбааса.

Выходило так, что Азбаас узнал о нас буквально накануне нашего прибытия. Когда же это произошло, последовала череда заседаний короля с советниками, с применением различных видов ночной черной магии, отчего вся кухонная челядь работала ночи напролет, снабжая совещающихся напитками и закусками. — И ночные лампы по-прежнему горят, мой господин, — сказал Квотерволз. — Похоже, мы произвели на короля сильное впечатление. И он считает, что с нашей помощью он может осуществить нечто значительное. Но пока еще не уверен, что именно.

— Если ему нужен выкуп, я могу пообещать ему столько, что можно нанять две такие армии, как у него, и тогда посмотрим, какие сюрпризы окажутся на пути Модина и моего заблудшего сына.

Квотерволз покачал головой.

— Не знаю, мой господин, — сказал он. — Но сдается мне, что короля Азбааса привлекает нечто другое, нежели золотые монеты.

Я тоже это чувствовал, но у меня, искушенного жизнью купца, в рукаве находился еще не один десяток трюков, с помощью которых я пускал пыль в глаза многим державным особам с проницательными глазками.

От Квотерволза же мы узнали и о прошлой жизни Азбааса. И об истории его столицы, города Каджа.

Как и рассказала нам королева Бадрия, Азбаас некогда был шаманом в одном из племен, составлявших народ эфезнюнов. Но не Азбаас первый объединил эти племена.

— Осуществил это шаман самого большого и сильного племени, — сказал Квотерволз. — Королем эфезнюнов стал жадный человек, не доверявший никому, кроме Азбааса. Азбаас, не будучи дураком, но будучи талантливым шаманом, в конце концов стал играть этим королем, как кошка мышью. Заставлял его подозревать всех. Любой смысленный малый, попадавшийся на глаза королю, обвинялся в предательстве, и говорят, Азбаас всегда лично присутствовал на казнях, получая от этого наслаждение.

В последовавших войнах этот владыка, которому служил Азбаас, расширил свое королевство. Но вскоре после совершения церемонии по случаю очередной победы король сошел с ума и стал бессмысленным ходячим мешком, неспособным даже обслужить себя.

Азбаасу тогда не составило труда нахлобучить корону на свою голову.

Квотерволз покачал головой.

— Здесь ни для кого не секрет, что он совершил сделку с демоном, дабы свести короля с ума, — сказал он. — Идола именно того демона я и видел тогда в каньоне.

Я обратился к Джанеле.

— Исходя из собственного опыта, — сказал я, — могу утверждать, что маг, совершивший сделку с демоном, теряет больше, нежели получает.

Джанела кивнула:

— Особенно такой маг, которого в качестве лакомства привлекает человеческая плоть.

Я спросил, что она имеет в виду, и она сказала:

— Такой колдун уверен, что тем самым он обретает силу своих врагов. На самом же деле он ослабляет себя самого и своих людей, если они следуют его примеру, а страсть их к людоедству растет с каждым днем. Кончается это все безумием и хаосом. И могущество в такой сделке обретает только демон.

— Может быть, оно и так, — сказал я мрачно. — Однако же пока мы находимся в плену у Азбааса, и у нас нет времени дожидаться его падения.

Джанела не ответила. Она занялась содержимым своей сумочки — для нее часто это было самым важным делом в мире.

Однако позже, когда Квотерволз и Митрайк ушли в свои комнаты, она сказала:

— До стычки с королем осталось не так уж много времени. Ведь он нас пытается обследовать с того самого момента, как мы прибыли сюда, но я пока блокирую все его попытки. — Она улыбнулась. — И в настоящий момент мы имеем весьма раздраженного и снедаемого любопытством короля-мага. И, если я не окончательно поглупела, вскоре он должен нас вызвать к себе.

Она подняла перед собой мешочек с той каменной коробочкой, которую мы обнаружили на острове.

— И на этот раз мы готовы к противостоянию, — сказала она. Я не спускал с нее глаз, пока она доставала коробочку, и мысленно содрогался, вспоминая пережитое.

— Ты собиралась исследовать источник могущества коробки, — сказал я. — Или ты уже все выяснила?

— Нет, не выяснила, — сказала она. — Но интуиция подсказывает мне, что природа этого предмета добра. То есть добра к нам. Но, может быть, это и ловушка. Какое-нибудь заклинание усыпило нашу бдительность. Однако магия, использованная при создании данного талисмана — я думаю, что это именно так, — настолько сильна, что я могу усилить могущество собственной магии, не боясь угодить в ловушку.

Она положила коробочку между нами. Я уставился на этот предмет, и губы мои пересохли от внезапного желания поднять крышку. Но это желание сразу же исчезло, когда Джанела смазала мне виски и запястья какой-то приятно пахнущей мазью. То же самое она проделала и с собой, а затем начала капать колдовским маслом на крышку коробки до тех пор, пока жидкость не заполнила изображение вырезанной фигурки. Она подожгла масло от золотой свечи. Заплясало мерцающее пламя. Джанела еще раз обмазала меня, и я в этих местах почувствовал тепло.

Джанела нараспев принялась читать заклинание:

Она танцующая
В зале демонов
Никогда не спотыкающаяся
И не теряющая грации
Нестареющая
Неломающаяся
Нестирающаяся
Похоть демона

Станет нашим могуществом
Сердце демона
Погрузится в камень.

Пламя подпрыгнуло и погасло, а ощущение легкого тепла на моей коже пропало.

— Ты уверена, что заклинание подействовало? — спросил я. — Я почти ничего не почувствовал.

Джанела рассмеялась.

— Так ты относишься к числу тех, кто в медицине признает только жестокое кровопускание? Или те горчайшие лекарства, которые заставляют страдать все тело? — Должно быть, я выглядел смущенным, поэтому она похлопала меня по руке. — Это заклинание было специально смягчено, чтобы не насторожить короля и особенно его приятеля демона.

Джанела убрала коробочку в мешочек, а мешочек — в свою сумку.

— Заклинание имеет и еще одну цель, — продолжила она. — У меня все больший интерес вызывает демон, с которым Азбаас заключил договор.

— Чем же? — спросил я.

— Я ощущаю его как грубую, примитивную силу, — сказала она. — Наподобие демона Элама, с которым твоя сестра столкнулась в Западном море. Если ты помнишь, он утверждал, что был вызван колдуном, а когда колдун пал от руки врагов, Элам оказался не в состоянии самостоятельно вернуться в свой мир.

— Но ты не уверена в этом, — сказал я.

— Я сомневалась, когда впервые прочитала об этом, — ответила Джанела. — Ничто не может заблудиться в этом мире. Может оказаться под запретом. Может ошибиться направлением. Может не добраться. Или натолкнуться на барьер. Но только не заблудиться окончательно. Когда маг хочет обрести какую-то вещь, он представляет себе ее местоположение, ее исконное место. С помощью заклинания он может усилить свое воображение или с помощью магических эликсиров и предметов усилить свою магическую мощь. Мой прадед верил, что над всем властвует общий порядок, некий основной закон для всего сущего — как для нашего мира, так и для сфер, где обитают демоны, подобные Эламу. Но есть маги, сомневающиеся в существовании таких сфер. Твоя сестра частично доказала теорию Яноша, когда преследовала архонта в эфире междумирья. Она описала и несколько различных миров, через которые проходила во время погони. Она весьма осторожно отделяла собственные ощущения от фактов. Из ее книги следует, что о невозможности возвращения Элама сообщила его прислужница Шахар. И кроме слов этой простой глупой женщины, других доказательств у нее нет.

— А что же произошло, по твоему мнению? — спросил я.

— Я убеждена, что Элам оказался изгоем, — сказала она. — Иначе как же мог такой могущественный демон попасть в рабство к какому-то малограмотному колдуну? Я убеждена, что его собратья демоны просто запретили ему возвращаться в их мир.

— Ты хочешь сказать, что он оказался таким негодяем, даже для демона, что его отправили в ссылку? — спросил я.

Джанела фыркнула.

— Ничего такого я не хотела сказать, — заявила она. — О взаимоотношениях добра и зла я сужу с позиций моего прадеда. Оба этих состояния существуют, и демоны определенно относятся к злу. В этом я не сомневаюсь. Как не сомневаюсь и в том, что у демонов общие цели и строгий порядок достижения этих целей.

— И у тех, кто противостоит нам? — спросил я.

— Именно так, — сказала она. — Ни в коем случае нельзя недооценивать интеллект наших врагов. Поскольку они находятся на стороне зла, то рассматривают такие варианты нашего уничтожения, о которых и подумать страшно. Они искуснейшие соблазнитель, искуснейшие игроки на человеческих слабостях. К тому же в их распоряжении имеются

легионы духов менее значительных. Многие, однако, еще не подпали под их господство. Вот почему иногда мы можем пользоваться такими бесхозными духами в наших интересах. Или заключать с ними сделки, как Азбаас — с могущественными созданиями, которые иногда выходят из повиновения своим хозяевам и не подчиняются их командам.

— Так Элам относился к таким демонам? — спросил я.

— Я думаю, да, — сказала Джанела. — И он оказался в ссылке — а не заблудился — в наказание за неповиновение. Однако демон Азбааса гораздо менее силен и умен, нежели Элам. Он не изгой, а дикий, забытый дух в заброшенном краю.

— И каков же твой план? — спросил я.

— Ну, это еще не план, — сказала она. — Назовем это наброском плана, мой дорогой Амальрик.

Я собирался выпросить подробнее, но открылась дверь, и в наши апартаменты вошел Физайн.

— Прошу прощения за вторжение, дорогие гости, — сказал он. — Но вы должны поторопиться и приготовиться. Вас почтил вызовом наш король.

Нас с Джанелой посадили в большое золоченое кресло, и восемь рабов рысцой понесли нас по городу. Квотерволз и Митрайк поспешали сзади в кольце окружавшей нас надежной охраны. Физайн, сидя в таком же кресле, возглавлял процессию. Был разгар дня, но город стоял странно пустым и тихим. Двери и окна домов были распахнуты, а признаки жизни подавали лишь несколько собак да увечных оборванцев в переулках. Пусто было и на рынках, где прилавки ломились от товаров, но продавцы и покупатели словно улетучились. Главная улица упиралась в большие деревянные ворота, которые широко распахнулись по крику Физайна; мы оказались за городом и двинулись дальше по широкой дороге, вымощенной толстыми бревнами. С час или более дорога петляла сквозь густой лес. Рабы замедлили было шаг, когда дорога пошла вверх по склону крутого холма, но засвистели плети, послышалась брань, и скорость нашего передвижения вновь возросла.

Когда мы оказались наверху, я глянул вниз и увидел цель нашего путешествия. В долине раскинулся громадный, окруженный деревянным забором загон. Посредине его стоял огромный красно-желтый павильон без стен, что позволяло продувать его ветерком. Рядом с павильоном, возвышаясь над ним, располагалась массивная статуя демона. Джанела подтолкнула меня локтем, но ничего не сказала. У идола было тело присевшей собаки и голова человека. Как и та статуя, что видел Квотерволз, эта тоже служила печью. Дым поднимался из отверстий для глаз, а из каменного рта вырывались языки пламени.

Когда мы добрались до ворот загона, вновь по команде Физайна они распахнулись. Теперь нас несли гораздо медленнее в проходе между толпами, которые образовывало, похоже, все население Каджи. Стояла тишина, и, если не считать непоседливо топчущихся малышей, никто не шевелился, лишь движением головы провожая нас.

Когда мы проезжали мимо идола, тот выбросил дым и пламя, отчего защипало глаза и стало трудно дышать. Я ощутил слабость и собственное ничтожество перед лицом такого могущественного короля, как Азбаас. Джанела махнула рукой перед моим носом, и я вздрогнул, ощутив волну свежего воздуха с запахом сосны. Я тут же почувствовал прилив сил. Но следовало отдать должное королю. Такие фокусы устраивают те колдуны, которые не очень уверены в себе, и если их вовремя не одернуть, то они схватят вас за горло. И других вариантов во взаимоотношениях с ними не предусмотрено.

Я шепнул Джанеле:

— Слушайся меня. Она шепнула в ответ:

— Держись поближе, чтобы я могла помочь.

Физайн выкрикнул команду, и процессия остановилась перед высокой платформой. Не дожидаясь приглашения, мы с Джанелой выбрались из кресла. Физайн удивленно поглядел на меня, когда я повелительным жестом руки подозвал к себе Квотерволза и Митрайка.

Я прошествовал мимо Физайна и взшел на платформу с таким видом, словно я правил тут.

Азбаас восседал на страшноватом троне, сделанном из костей, шкур и голов могучих лесных зверей. Король оказался крупным мужчиной в мантии, расшитой птичьими перьями золотого цвета. Мне стало жалко этих изумительных пернатых созданий, павших жертвой пустого тщеславия. Король с гордостью демонстрировал могучий торс и литые мышцы, окрашенные красным. На шее его висело ожерелье, состоявшее из позолоченных крошечных черепов зубастых животных. Роль короны исполняла голова дикой лесной пантеры, клыки которой нависали надо лбом правителя.

Не обращая внимания на всю эту показную свирепость, я поднял повыше голову и, увесисто ступая по доскам платформы, изобразил на своем лице полное высокомерие.

Король хорошо скрыл свое изумление моим поведением, лишь бросив раздраженный взгляд на Физайна.

Он прищурил глаза, всматриваясь в нас. Губы искривились в ухмылке. Он даже немного напугал меня, когда его усиленный магией голос загремел над долиной.

— Большая любезность с вашей стороны, господин Антеро, прибыть так быстро, — сказал он. — И надеюсь, мой спешный вызов не доставил вам неудобств?

Он усмехнулся, а Физайн и прочая челядь ожили, задергались, как марионетки, и засмеялись над шуткой хозяина.

Джанела дернула меня за рукав, и я изобразил преувеличенно низкий поклон. Джанела сунула мне в руку что-то влажное. Выпрямляясь, я незаметно разжал ладонь. Это оказался маслянистый камешек, и я сунул его в рот.

Когда я заговорил, голос мой зазвучал столь же маслянисто и любезно:

— Какие неудобства, ваше величество? Я как раз был занят тем, что играл в крестики-нолики с моим магом. — Я кивнул на Джанелу. — Кстати, я выигрывал.

Я услышал, как зашипели от злости Физайн и остальные придворные. Митрайк прошептал:

— Он же нас всех погубит! А Квотерволз сказал:

— Тихо ты, дубина! — И рассмеялся так же громко, как и королевская челядь над шуткой господина.

И вновь Азбаас с трудом подавил изумление.

— Крестики-нолики? — фыркнул он. — Я думаю, мы можем предложить вам развлечения получше, господин Антеро.

Я слегка поклонился.

— Тогда я к вашим услугам, ваше величество. А то мне не-много прискучило находиться в покоях для гостей, пусть апартаменты и роскошны, как им и подобает. — Я обратился к Джанеле: — Хотя там, пожалуй, несколько холодновато, не так ли?

— Именно так, мой господин, — согласилась она. Азбаас уставился теперь на Джанелу.

— Я слышал, что вы весьма могущественный маг, госпожа Серый Плащ, — сказал он. — Это правда, или вы просто ослепляете ваших поклонников своей красотой?

— Видимо, и так и этак, ваше величество, — сказала Джанела. — Хотя я согласилась бы с вашим мнением. Кто же лучше оценит мага, как не другой маг?

— Я как раз и полагал, что это станет частью нашего сегодняшнего развлечения, — сказал Азбаас, вновь скривив в ухмылке подведенные черным губы.

Я огляделся по сторонам.

— Так эта толпа собралась здесь ради нас, ваше величество? — спросил я. — Тогда нам следовало бы взимать с них плату за такое представление.

— На самом деле, — сказал Азбаас, — я пригласил вас сюда стать свидетелями охоты на ведьм. Иногда у нас случаются такие неприятные происшествия, и я решил, что лучший способ борьбы с ведьмовством — регулярно изгонять их из нашей среды.

Он махнул Физайну, и нам принесли два стула. Я отметил, что мы должны были сидеть гораздо ниже его. Тогда я тоже махнул рукой, приказывая сесть на них Квотерволзу и Митрайку.

— Если не возражаете, ваше величество, я лучше постою, — сказал я. — Боюсь, моя

задница совсем уже перестала что-либо чувствовать от столь долгого сидения в наших апартаментах. Однако я не отказался бы от бокала вина, если вы будете столь любезны и предложите мне его.

Моя бесцеремонность вызвала новую волну перешептываний придворных.

Мы с королем долгое мгновение пристально смотрели друг на друга. Еще одно мое слово — и наша судьба повиснет на волоске. Но чувствовалось — Азбаас боится потерять собственное лицо. Любой тиран может править самым жесточайшим образом, день и ночь угнетая подданных. Но стоит уверенному в себе человеку прознать об одной-единственной его слабости — и конец правлению, сколько бы копий и демонов ни состояло у него на службе. Азбаас наверняка рассердился. Однако же он не стал проявлять недовольство публично, скрыв его внутри. По его сжатым губам я понял, что он по-прежнему настроен подчинить нас своей воле. И вновь нас одарили королевской улыбкой.

Он откинулся на спинку трона и кивнул Физайну. Тот выкрикнул приказ, и над ареной разнесся грохот тысяч барабанов. Открылись боковые ворота этого огромного загона, и появилась толпа мужчин и женщин, подгоняемая ударами плетей и пинками солдат.

Большинство несчастных представляли собой жалкое зрелище: полуобнаженные и изголодавшиеся, с торчащими ребрами. Послышались мольбы о пощаде, король расхохотался, за ним придворные и вся внезапно развеселившаяся толпа.

За идолом я разглядел шестерых жрецов, торжественно снимающих покров с огромного горна, такого же, который видел Квотерволз. Жрецы водрузили горн на прямоугольный постамент, к которому, тряся складками жира на теле, подошел полуголый человек.

— Это Билат, — представил его Азбаас. — Мой старший шаман.

Я ничего не сказал, лишь замороженно наблюдал, как Билат впивается губами в мундштук горна и дует.

Послышался глубокий звук, пробирающий до костей, помощники Билата застучали в огромные барабаны. Во мне зашевелился зверь, испуганный зверь, снedaемый внезапным желанием броситься со всех ног к хозяину и попросить прощения. Я услышал, как выругался Квотерволз, глянул на него и увидел, как он изо всех сил удерживается, противясь могучему призыву. Митрайк же, не выказывая никаких эмоций, лишь заблестел удивленными глазами. Билат дунул еще раз, и страстное желание склониться и ползти, ползти к хозяину вызвало слезы на моих глазах.

Азбаас хрипло рассмеялся.

Джанела шагнула вперед, подняла руку и выдернула декоративное перо из своей шляпы. Перо было зеленого цвета, в тон ее туники и бриджей. Она положила перо на ладонь и дунула. Оно поднялось в воздух, Джанела дунула еще раз, и перо, подобно копьё, полетело над ареной. Она сделала движения руками, пробормотала заклинание, которое я не расслышал, и тут же перо превратилось в громадную страшную черную птицу, которая закружила над шаманом, выкрикивая:

— Билат! Билат!

Тут она выпустила струю помета, и шаман, отмахиваясь и ругаясь, отскочил от горна. Толпа разразилась хохотом, еще более рассердившим его. Он потряс кулаком, а птица вновь осыпала его белыми фекалиями.

Джанела хлопнула в ладоши, и птица с прощальным криком «Билат!» исчезла.

Джанела обернулась к Азбаасу, который с трудом удерживался от смеха. Король относился к тем людям, которым доставляло удовольствие видеть других в унижительном положении. Джанела сдернула с себя шляпу, и рот ее округлился от удивления.

— А куда же делось перо? — раздосадовано спросила она. Она щелкнула пальцами, и Азбаас вздрогнул, когда одно из перьев с его мантии перелетело в руку Джанелы. — Надеюсь, вы не будете сильно возражать, ваше величество? — спросила она с невинной улыбкой. — Эта шляпа просто нуждается в перышке.

Развеселившийся король со смехом кивнул в знак согласия. Джанела воткнула перо в

шляпу и шагнула назад, с любопытством наблюдая, как разгневанный Билат отвесил пощечину одному из смеющихся жрецов.

Наконец королю надоело созерцать гримасы Билата.

— Скажи этому дураку, чтобы продолжал, — приказал он Физайну и нетерпеливо вздохнул.

Билат кое-как совладал с собой. Он махнул рукой, и магические барабаны загрохотали вновь. По его следующему жесту к грохоту барабанов прибавилось шипение, как из логова встревоженных змей. Он откинул голову назад и взревел как зверь; тут же он и еще два жреца подняли эбеновые палочки, к которым розовыми лентами были привязаны челюсти громадного волка. Билат, пританцовывая, заметался по площадке, встряхивая эти челюсти. Он двигался легко, и уже ничего смешного не было в этой фигуре камлающего шамана. Его помощники пританцовывали рядом. Он двинулся к толпе предназначенных в жертву. Когда он приблизился, мужчины и женщины завопили от страха, дети заплакали, вцепившись в родителей.

Билат приговаривал:

Ведьма... ведьма...
Ты не спрячешься
Ведьма... ведьма...
Ты не уснешь
Ведьма... ведьма...

Зрители подхватили:

Ведьма... ведьма...
Ты не спрячешься
Ведьма... ведьма...
Ты не уснешь
Ведьма... ведьма...

Билат и жрецы кружили возле жертв, все теснее сжимая кольцо, и толпа стискивалась, страшась прикосновения к ним. Ослабевшие падали под ноги. Один мужчина выскочил из толпы и бросился перед Билатом на колени, прося пощады.

Билат челюстью волка ударил его в лицо. Подскочили солдаты, подхватили стонущего человека и поволокли его к идолу.

Тут трудились другие жрецы, раздетые по пояс и вспотевшие от жара пылающего в идоле пламени. Дверца в брюхе каменного идола была открыта, и жрецы подбрасывали в печь поленья. Жрецы расступились, и солдаты бросили живого человека внутрь. Тот не издал ни звука, а я взмолился богам, чтобы они ниспослали ему смерть до того, как пламя охватит тело.

Билат трудился изо всех сил, танцуя, как демон огня, голос его взвивался над причитаниями толпы:

Ведьма... ведьма...
Где ведьма?
Ведьма... ведьма...
Иди ко мне, ведьма
Ведьма... ведьма
Азбаас ждет...
Ведьма... ведьма...

Билат замолчал. Он вскинул руки, и толпа стихла.

— Мой король! — воскликнул он. И слова раскатились над ареной. — Они все колдуны! Они все предатели!

Обреченные в ужасе завопили, но солдаты ударами заставили их замолчать.

Азбаас поднялся с трона. У него в руках оказалась такая же волчья челюсть, как у Билата, но позолоченная и покрытая драгоценными камнями. Он обратился к идолу демона:

— О великий Митель, — нараспев произнес он. — Вновь твои подданные предали тебя. Вновь среди нас ведьмы и колдуны. Помоги нам, великий Митель. Избавь нас от чумы неверия.

Он встряхнул челюстью и нарисовал в воздухе какую-то фигуру.

— Возьми их, Митель, — выкрикнул он. — Убери их с наших глаз.

Дым и огонь вырвались изо рта идола; и тут истукан ожил, встав на дыбы и яростно взревев. Он добрался до своих жертв в два громадных скачка. Солдаты бросились врассыпную, а идол ворвался в гущу толпы.

Я отвернулся от картины резни, не обращая внимания на усмешку Азбааса над проявлением моей слабости.

— Ну теперь-то вы развлеклись, господин Антеро? — спросил он.

Я ощутил, как страх и отвращение во мне стихли, сменившись внезапным пониманием того, что надо делать. Виски и запястья охватило приятное тепло, а в воздухе пронеслась волна аромата роз.

Я посмотрел на короля и усмехнулся в ответ.

— Такие зрелища, может быть, и поражают ваших людей, ваше величество, — сказал я. — Что же касается меня, то я рад, что не успел позавтракать.

Затем я обратился к Джанеле:

— Обычно в путешествиях я расширяю свой кругозор полезными знаниями. А тут... Впрочем, что ждать от дикаря.

Джанела поняла намек:

— Особенно от дикаря, у которого хозяином собака.

— Хозяином? — вскричал Азбаас, и голос его эхом разнесся над долиной. — У меня нет хозяина! Здесь правит только Азбаас!

Я зевнул.

— Не буду спорить, — сказал я. — С радушным хозяином спорить невежливо.

Азбаас повернулся в сторону демона, утолявшего голод телами приговоренных.

— Митель! — взревел он. — Ко мне!

Мы с Джанелой с интересом наблюдали, как поведет себя демон, услышав такое прямое повеление. Тот поднял голову, с его клыков стекала кровь. Затем вновь опустил ее и продолжил кровавую трапезу.

Я усмехнулся, доводя этим Азбааса чуть ли не до бешенства. Он завопил:

— Ты что, не слышишь, Митель? Сейчас же иди к хозяину! Демон вновь поднял голову. Азбаас быстренько изменил тактику.

— Вот еще неверующие ожидают тебя, о великий Митель, — указал он на нас. — Иди и посмотри, что за лакомое блюдо я приготовил тебе.

Мы не стали дожидаться, кто выйдет победителем из этого состязания характеров. Джанела взяла меня за руку, мы спустились с платформы и направились к демону. Позади нас Азбаас вопил, требуя нашей крови.

Демон увидел нас. Он грозно взвыл и двинулся нам навстречу; от его шагов затряслась земля. Но я не испытывал страха. Поняв, что следует делать, я шепнул Джанеле:

— Коробочка. Доставай коробочку!

Она уже вытаскивала мешочек из сумки. Спокойно вынув коробочку, она жестом попросила меня остановиться. Открыв крышку, она положила коробочку на песок. Из своего каменного заточения выглядывал изящный стеклянный лепесток.

Мы спокойно стояли на месте. Демон приближался. Дыхание его опаляло жаром, из пасти вылетали языки пламени и дым.

Джанела подняла руки и сказала:

Вожделение демона
В нашей власти
Сердце демона
Погружено в камень.

Демон сгруппировался для решающего прыжка. И тут из коробочки вырвался розовый дым, благоухающий прекрасными ароматами. Приняв форму танцовщицы, он закружился под неизвестно откуда зазвучавшую музыку.

Демон замер. Челюсти его со стуком сомкнулись, а глаза расширились и замерли, не отрываясь от призрачной танцующей фигурки.

Джанела что-то зашептала. Подул легкий ветер, и розовый дым двинулся на демона. Тот взвыл — не то от удовольствия, не то от боли... Затем его вой перешел в какое-то бульканье, доносящееся из пасти, оттуда же протянулся луч света. Луч завис в дыму, стал опускаться ниже и ниже, погружаясь в коробочку. Джанела быстро шагнула вперед и закрыла свет в коробочке крышкой.

Я поднял глаза и увидел, что каменный истукан застыл неподвижно, лишенный жизни, а где-то в небесах послышался скорбный вой.

Когда мы двинулись обратно к королю, наступила мертвая тишина, толпа смолкла, даже ни один ребенок не пищал.

Азбаас не стал нас дожидаться. Он в сопровождении свиты пошел нам навстречу. Солдаты остриями копий окружили Квотерволза и Митрайка.

Король приблизился к нам и остановился. Черты его лица и глаза выражали такое безумие, что я на мгновение решил — он убьет нас раньше, чем мы осуществим наш план. Он открыл рот, собираясь отдать приказ. Но Джанела подняла перед собою коробочку, и король остался безмолвным.

— Здесь твое могущество, король, — сказала она. — Без демона ты никто, обычный шаман. К тому же слабенький.

Азбаас посмотрел на каменного истукана, затем на коробочку и облизал пересохшие губы. Он протянул руку, пытаясь выхватить коробочку, но Джанела сделала рукой кругообразный жест, и та исчезла.

Толпа шумно зароптала, а Азбаас задрожал.

— Предлагаю сделку, — сказал я. — Мы свободно пересекаем границы вашего королевства. И, если вы будете любезны по отношению к нам, возможно, мы вернем вам вашего демона.

Король оказался умным человеком. Он не стал тратить время на пустые угрозы, понимая, что во власти Джанелы лишить его демона навсегда. Не стал он и распаляться в гневе, что еще больше уронило бы его престиж в глазах придворных. Он сказал вполне спокойно:

— Очень хорошо. С моей стороны — полное согласие. Можете ехать хоть сейчас. А обмен мы совершим на нашей границе.

Он повернулся и удалился.

Совершенно раздавленный Физайн проводил нас до причала, где нас ожидали товарищи.

Я быстро объяснил Келе и остальным, что произошло. Мы торопливо выгрузили все необходимое для длительного путешествия по суше. Наши охранники лишь злобно сверкали глазами, когда по моему приказанию Физайн открыл арсенал, где хранилось отобранное у нас оружие. Затем я потребовал карту королевства Азбааса, и мы принялись разрабатывать маршрут.

Уже почти стемнело, когда мы закончили приготовления. Но никто из нас не испытывал ни малейшего желания оставаться здесь еще на одну ночь, поэтому я сказал

Физайну, что мы выступаем через час. Вскоре разыгралась непогода, но мы настолько были обрадованы предстоящей свободой, что не обращали внимания на дождь и холод. На западе грянул гром, и я заметил зловещий всполох на горизонте.

Джанела встревожено окликнула меня:

— Амальрик, они приближаются!

Я решил, что она имеет в виду короля. И, обернувшись, действительно увидел появляющихся из темноты короля и его свиту. Физайн, защищая короля от дождя, держал над его головой широкий зонт из звериной шкуры.

Когда они подошли ближе, Азбаас огляделся и криво усмехнулся.

— Вижу, вы уже готовы, мой дорогой Антеро, — сказал он.

— Готовы, — ответил я. — Что же касается нашего предложения, то когда мы доберемся до границы...

Король ленивым взмахом руки прервал меня.

— О, не утруждайтесь, — сказал он. — Похоже, вам придется погостить у меня немного дольше.

Магический гром вновь ударил на западе, и только тут я понял, о чем говорила Джанела. Король зловеще рассмеялся.

— Ваш сын был прав, — сказал Азбаас, — утверждая, что вы стары и слабы.

Сердце мое сжалось, а король сказал:

— Видите ли, мы поддерживали связь с министром Модином из Вакаана и вашим сыном Клигусом. Поначалу я им не поверил, когда они сообщили, что вы так могущественны. Я-то полагал, что просто немного развлекусь с вами и вашей маленькой смазливой ведьмочкой. Оказалось, что вы совсем не те гости, которых я ждал.

Он скроил скорбную физиономию.

— Но все поворачивается по-иному. — Он зловеще захохотал. — Когда вы продемонстрировали ваши штучки на арене, их предложение стало выглядеть гораздо более привлекательным. К тому же чем больше я размышлял, тем становилось яснее, что мне совершенно нечего страшиться человека, который не в состоянии управиться с собственным сыном.

Азбаас фыркнул.

— Что же касается демона — оставьте его себе. Не так уж он мне и нужен. Ваши друзья предложили мне сделку гораздо более выгодную. Если я передам вас в их руки, они поклялись исполнить самое заветное мое желание. А это, разумеется, желание могущества. Такого могущества, которым не обладает ни один маг в этих диких краях. Власть над всеми врагами. — Он улыбнулся, глядя на меня. — Власть из самой Тирении. Из Королевств Ночи.

Он указал на всполохи на горизонте.

— Клигус и Модин, пока мы тут разговариваем, подлащивают вкус сделки. Доказывая честность намерений, сейчас они атакуют эту болотную сучку королеву Бадрию. К утру они обещали доставить ее мне. И тогда мы все сядем на нашу королевскую баржу и отправимся на встречу с вашим сыном.

Но тогда зачем Азбаас вернул нам оружие? Что ж, хорошо, подумал я. Коли суждено мне погибнуть, то и королю не миновать погребального костра. Я подал сигнал к атаке и выхватил саблю. Я бросился на Азбааса. Но король расхохотался, и между нами грянула молния. Я вдруг обнаружил, что стою на коленях в грязи и полностью лишен сил. Струи дождя жгли раскаленными иглами мою плоть. Послышались стоны — это Азбаас заклинаниями справлялся с моими товарищами.

Король заговорил, и его голос звучал так громко, что барабанные перепонки в моих ушах чуть не лопнули:

— Как видишь, они уже поделились со мной некоторой долей могущества. Чтобы продемонстрировать собственную щедрость, как они сказали. Но мы с тобой понимаем, что дело совсем в ином. Просто они хотят, чтобы я смог захватить тебя в плен.

Он вытащил мою саблю из грязи и острием коснулся моего глаза.

— Интересно, если я ослеплю тебя, они сильно будут возражать? — задумчиво сказал он.

Рядом послышался стон Джанелы. Она стонала так же, как и остальные, и я понял, что все потеряно. Но тут же мне удалось разобрать в ее стенаниях слова.

— Думай о пере, Амальрик, — говорила она. — Думай о пере! Король тоже услышал ее. Он испуганно отдернул кинжал и спросил:

— О пере? О каком пере?

И я вспомнил про золотое перо, которое Джанела позаимствовала с его мантии. В воображении появился неясный образ, и я почувствовал, как дух Джанелы подключается ко мне, ослабляя воздействие заклинания и все больше придавая сил.

Мы оба подумали о том редкостном существе, павшем жертвой королевского тщеславия. И тут же перо превратилось в маленькую золотую птичку. Она становилась все больше и больше, наконец превратилась в орла с заостренным кривым клювом и острыми когтями. Птица сердито закричала и расправила крылья. Она обрела плоть и бросилась на Азбааса.

Королевское заклинание рассеялось. Мы еще с трудом поднимались на ноги, а короля уже терзала огромная золотая птица. Азбаас завопил, призывая на помощь, но ошеломленные Физайн и солдаты не могли двинуться с места. Птица уже в два раза превосходила размерами человека. Крылья ее гулко захлопали, и она поднялась в воздух, унося короля в когтях. Она поднималась все выше, а крики Азбааса становились все слабее. Внезапно когти ее разжались, и король с воплем полетел к земле.

Солдаты бросились врассыпную, когда птица спикировала за своей жертвой, подхватила тело и скрылась в разыгравшейся буре.

Никто не препятствовал нашему прохождению через город. Все королевские солдаты разбежались, а жители, видя наш отряд, захлопывали окна и запирали на засовы двери. Буря улеглась, и наш путь освещал яркий месяц. Слышался лишь скрип ремней да стук наших башмаков. Из всех пещер Каджи выскакивали пленники и устремлялись кто куда, на свободу.

Прежде чем покинуть берег озера, мы подожгли наши корабли, и Джанела воспользовалась несколькими капельками моей крови, чтобы сотворить особое заклинание. «Ибис», «Искорка» и «Светлячок», охваченные пламенем, развернулись и ушли в море, управляемые лишь заклинанием, чтобы встретиться с флотом Клигуса и Модина на горе нашим врагам.

У задних ворот города никого не оказалось. Они были закрыты заклинанием, и мы просто подожгли их.

Мы шли по грубому деревянному настилу дороги, ведущей через край той долины, где состоялась наша стычка с Азбаасом. Мы шли всю ночь, дорога превратилась лишь в наезженный проселок, но мы шли и шли до самого утра.

Мы разбили лагерь в том месте, где эта дорога вновь стала мощенной, на этот раз булыжником. Вдоль стен стояли столбы с ликами демонов.

Нам оставалось лишь молиться о том, что где-то впереди эта дорога заканчивается в Тирении.

Глава 13

ДОРОГА В ТИРЕНИЮ

Впервые за все время я пожалел, что со мною идет не горстка попутчиков, хоть и понимал, что маленькому отряду труднее справляться со всеми препятствиями в дороге. Но дюжине человек гораздо легче было бы ускользнуть незамеченными от преследования Клигуса и Модина, чем отряду в семьдесят человек, и это меня сильно тревожило.

Мы нашли помеченную столбами с ликами демонов дорогу в Тирению, но так же легко ее могли отыскать и те, что шли за нами. А как только они найдут эту дорогу, им уже

нетрудно будет нас догнать.

Я считал, что нас преследует отряд человек в четвереста, хоть и надеялся, что их число сократилось за время путешествия вверх по реке в столкновениях с крокодилами и в прочих напастьях. Такой отряд, хоть и состоящий из отборных войск, должен двигаться медленнее, тем более что потеряет время, сбитый с толку непонятной обстановкой в городе Каджа.

Квотерволз вспомнил весь свой опыт, чтобы запутать преследователей. Он заставлял нас по несколько лиг шагать босиком — здешние жители обходились без обуви, и наши отпечатки легко было бы распознать. Кроме того, мы стремились двигаться как можно быстрее, несмотря на то что вскоре дорога пошла постоянно в гору.

Дорога оказалась довольно заросшей — по ней, должно быть, уже давно никто не проходил. Ясно было, что дорогу создавали искусные мастера и рабочие. Она стрелой рвалась к горам, не петляя среди холмов, но при этом оставаясь ровной и удобной. Она разрезала холмы и пересекала речки через каменные мосты или вымощенные броды, вода через которые переливалась, поднимаясь не более чем на фут. Несколько раз дорога исчезала в туннелях, но мы не рисковали углубляться туда, страшась не только завалов, но и встреч с неизвестными тварями, которые могли там поселиться. Преодолев гору, мы с легкостью обнаруживали то место, откуда дорога вновь показывалась на поверхности земли.

Лес редел по мере нашего приближения к предгорьям, но тем не менее временами его заросли были довольно густы. Силуэт тех гор, которые мы так жаждали увидеть, по-прежнему скрывался за горизонтом.

Спустя пять дней после выхода из Каджи Джанела решила выслать во все стороны разведывательные заклинания, для чего ей понадобилось лишь немного смазать веки и уши специальным магическим кремом и уйти в неглубокий транс. Через несколько минут она пришла в себя и доложила.

По-прежнему позади нас клубилась черная магия, но с явным отставанием — было похоже, что Модин и Клигус действительно задержались в городе. Новость была хорошая, хотя Джанела и сказала, чтобы мы не очень радовались этому обстоятельству, она могла и ошибиться. Более ее озаботило проявление поджидающей нас впереди опасной силы. Насколько она опасна, сказать было трудно, но тем не менее ее проявление доказывало, что мы все же приближаемся к Тирении. И мы двинулись дальше.

Вокруг расстилались заброшенные безлюдные земли, опустошенные то ли межплеменными войнами, то ли набегами короля Азбааса, которому требовались все новые жертвы. И хоть на глаза попались лишь несколько разрушенных хижин, я продолжал время от времени высылать вперед наиболее проворных воинов на разведку, и ночью у нас всегда бодрствовали часовые. Определение «заброшенные земли» относилось только к людям. Дикая жизнь вокруг была ключом, и животные лишь радовались тому обстоятельству, что исчезли эти двуногие убийцы. На деревьях вили гнезда многочисленные и разнообразные птицы, множество белок и бурундуков рыскали вокруг, собирая запасы на зиму. Дорогу часто пересекали олени и даже иногда останавливались в кустах, чтобы проводить нас любопытными взглядами. Мах и Чонс не раз предлагали поохотиться, но нам надо было спешить.

На привале один из братьев Сирильян сказал, что хочет показать мне кое-что. Он отвел меня на дюжину ярдов от дороги, и я увидел скрытую деревьями небольшую каменную арку. Та возвышалась над низеньким алтарем, на котором стояла маленькая статуя. Статуя, пострадавшая за много лет от ветров и дождей, выглядела необычно. Большинство богов, включая и нашего собственного, любимого Тедейта, изображались грозными, внушающими ужас. Это же относилось и к священным животным. Здесь же было совсем другое дело. Я не знал, что это за животное, но если допустить, что изображено оно было в полный рост, то оно не достигало моего пояса. Смешное, толстенькое, сидящее на задних лапах, оно передние поднимало вверх, словно что-то выпрашивая или предлагая. У него были острые ушки и миндалевидные, косо посаженные глаза. Длинный пушистый хвост обнимал лапы.

Мы за неделю не встретили в округе ни одного человека, однако же на алтаре лежал

букетик и кусочек плода, похожего на зеленый персик. Я хотел сначала взять этот плод, но затем опустился на колени и принялся внимательно разглядывать приношения на алтаре. И цветы, и плод были еще свежими, словно их принесли только сегодня.

Сзади послышался голос Квотерволза, и я вздрогнул.

— Интересно, кто же мог принести эти подношения? Я пожал плечами.

— Белки и олени вроде бы не строят алтарей... — продолжил он тихо. — Или строят?

Мне нечего было ему ответить, и мы тихо пошли обратно, оставив маленького бога его почитателям.

Дорога поднималась все выше, и лес редел. Вдруг Чонс, шедший первым, остановился и закричал, указывая вперед. Я догнал его, и у меня перехватило дыхание.

Перед нами предстал Кулак Богов именно в том виде, в каком мы с Яношем давным-давно разглядели его в храме Воскрешения. Четыре черных пика и крайний — самый большой, как прижатый большой палец, — все вершины покрывал снег. Дорога поднималась между большим и указательным пальцами, и я понял, что это перевал на другую сторону.

Мне показалось, что я слышу над ухом шепот Яноша:

— За перевалом — Далекие Королевства.

Я вздрогнул — рядом оказалась Джанела. Она взяла меня за руку, и мы взглянули в глаза друг другу. Мы первый раз поцеловались. Вернее, это было лишь легкое прикосновение губ, сопровождавшее чувства, которые невозможно высказать словами. Затем мы прижались теснее друг к другу всего на мгновение и снова сблизили губы в поцелуе. У меня закружилась голова, и мы разжали объятия. Она мне улыбнулась, а в ее глазах я прочитал какое-то обещание.

Я постарался успокоиться. Мы оба рассмеялись, чтобы скрыть смущение. Впереди был перевал. Впереди была Тирения. Впереди лежали Королевства Ночи.

Мы двинулись дальше. Горы, поросшие мелким кустарником и искривленными соснами, становились все круче. Дорога шла все время на восток. Реки, превратившиеся в стремительные горные потоки, уже не пересекали ее, шумя внизу, в ущельях, в которые солнце заглядывало лишь на несколько минут. Меня восхитило искусство древних строителей, с легкостью создававших великолепные мосты вне зависимости от того, как велик пролет — несколько ярдов или полмили. Все мосты были построены без промежуточных опор. Казалось, эти мосты простоят еще вечность, непонятно как, но даже самые длинные из них производили очень надежное впечатление, хотя мы все же не испытывали судьбу и пересекали их небольшими группами и по возможности побыстрее.

Вскоре горы стали так круты, что дорога утратила свою былую прямоу и теперь стала виться серпантином, но продолжая подниматься все выше. И вдруг, перебравшись через очередной перевал, мы обнаружили, что дорога кончилась.

Мост был обрушен, и путь наш преградила пропасть шириною футов в тридцать и глубиною футов в четыреста.

Послышались ругательства и разочарованные возгласы, сменившиеся общей тревогой по поводу того, что мы в ловушке.

Не роптали лишь Квотерволз и некоторые из бывших пограничников. И теперь наша судьба была в их руках. Я даже сразу не сообразил, чем занялся Квотерволз. Он достал из своего вещевого мешка небольшой сверток. В свертке оказались прямые деревянные дощечки и короткие обрезки веревки толщиной в дюйм. Один такой обрезок и две дощечки он протянул Джанеле.

— Нам нужна «небольшая часть великого заклинания», моя госпожа, — сказал он. — Я знаю слова и даже научился правильно произносить их, когда служил пограничником. Но заклинание будет все же посильнее, если вы удостоите нас чести произнести его.

Джанела улыбнулась.

— Мне знакомо это заклинание, — сказала она. — И я с радостью помогу вам.

Он подал ей еще две дощечки и несколько обрезков веревки.

— Это больше, чем нам нужно, но пусть будет безопаснее. — Он полез в мешок еще за

чем-то. — Слишком уж я стар для таких упражнений, — добавил Квотерволз.

Но на губах горца появилась широкая улыбка, когда он достал аккуратно свернутый моток веревки для скалолазания, сплетенной из хлопка и шелка и на вид слишком слабой, чтобы выдержать вес человека. Однако я знал, что такую веревку обрабатывают специальным укрепляющим заклинанием и на ней спокойно могут повиснуть три человека. Квотерволз закинул моток на плечо, закрепив его конец на поясе, скинул сапоги, привязал к поясу также мешочек с необходимым снаряжением: стальными клиньями с дырками в торцах и веревочными петлями, молотком, небольшими кошками, несколькими веревочными концами и небольшим узелком для заклинания.

— Я пошел, — объявил он и без лишних слов шагнул к обрыву. Мы собрались на краю и стали наблюдать, как он ловко опускается вниз, уверенно, словно скальная ящерица, и это завораживающее зрелище не внушало никому опасений за жизнь Квотерволза.

Как ни интересно было наблюдать за его спуском, но меня заинтересовала и работа Джанелы. Я не раз видел, как из таких вот дощечек вырастали целые корабли, а обрывки веревки формировались в крепкий трос.

Каждой дощечкой она взмахнула определенным образом, делая заклинание. То же самое сделала она и с обрезками веревки.

— Это необычный метод, — пояснила она, — однако он требует меньше хлопот при небольшом количестве требуемого материала.

Она достала из сумки кусочек красного мела и пометила символом каждый кусочек дерева и каждую веревочку. Потом Джанела разложила эти предметы на земле на расстоянии трех футов друг от друга.

— Встань подальше, — предупредила она и начала колдовство. При этом рукой она делала те же движения, что и с дощечками.

Слушайте
Были вы детками
А станете большими
Вырастете
Вытянетесь далеко
Станете длинными
Как ваши отцы
Вот какими длинными.

Хоть я и знал, что должно произойти, но все равно не сводил глаз с начавшегося превращения. Вскоре на дороге лежали веревочные бухты и два прочных гладких бревна с надпилами на концах из той крепкой сосны, что идет на мачты, фут в диаметре и футов пять в длину.

Бывшие пограничники занялись связыванием бревен в X-образную конструкцию, которую затем подтащили поближе к пропасти, поставили вертикально и стали закреплять. Один из них усмехнулся и сказал:

— Гораздо лучше так, нежели тащить столбы от того места, где я последний раз видел деревья, а было это, кажется, пару дней назад.

Митрайк выглядел встревоженным, и я успокоил его, сказав, что сзади мы оставили предупреждающие заклинания и они дадут нам знать, когда появится отряд Клигуса.

— Не это меня тревожит, мой господин, — сказал он. — А сама дорога и ее строители. Пахнет тут работой демонов.

Джанела, усмехнувшись, посмотрела на него.

— Не волнуйся, — сказала она. — Если здесь и работала магия, то было это еще до того, как прадед твоего прадеда увидел свет.

— И тем не менее я чувствую их присутствие.

— А я и не знала, что ты обладаешь такими способностями, — сказала Джанела. — Ты

не говорил о них прежде.

Митрайк взглянул на нее с плохо скрытым высокомерием. Но тут же он вновь принял смиренный вид.

— Увы, моя госпожа, — сказал он. — Это лишь старые косточки Митрайка что-то ощущают.

Я почувствовал, что он лжет. И я не сомневался, что он чего-то боится. Но вот чего именно?

— Он спустился, — сказал кто-то, и пришлось отложить разбор этой ситуации.

Мы все сгрудились у края, глядя вниз.

Квотерволз добрался до основания утеса и теперь переходил вброд небольшую речку. У нас дважды перехватывало дыхание, когда его чуть не снесло стремительным течением. Но он перебрался и начал карабкаться вверх.

Там подъем оказался посложнее, камни были менее надежны, чем на нашей стороне, и ему приходилось страховать себя для безопасности и иногда останавливаться передохнуть. Однажды он сорвался, и мы с ужасом наблюдали, как он пролетел футов восемь, прежде чем веревка натянулась и задержала его. Вскоре он оказался перед совершенно гладкой поверхностью скалы. Не теряя присутствия духа, мгновенно отыскал все же какую-то щелочку и закрепил там клин. Вбил другой повыше, привязал к нему веревку и продолжил подъем.

Наблюдая на работой Квотерволза, я понял, что его мастерство — плод упорных тренировок. И плюс великолепная физическая форма. Без видимых усилий он поднимал ногу на уровень пояса, находил выступ, цеплялся вытянутой вверх рукой за невидимую отсюда трещинку и делал очередной шаг по вертикали. Он походил на паука, спокойно ползущего по стене комнаты.

Так довольно быстро он добрался до верха. По виду он даже не запыхался. Он привязал кошку к концу длинной свернутой веревки, которую притащил с собой, и раскрутил конец изо всех сил, так что видно было лишь размытый круг. Улучив мгновение, он запустил кошку на нашу сторону. И она упала точно у ног бывшего пограничника Леву, который тут же схватил ее, не давая соскользнуть с края. Квотерволз довольно улыбнулся.

Леву надежно закрепил кошку с веревкой, и Квотерволз сделал то же самое. Леву поднял к небу скрещенные пальцы, пробормотал молитву и, подобно обезьяне, заскользил по веревке, зацепившись ногами и перебирая руками. За ним последовали еще двое.

Квотерволз, не обращая на них ни малейшего внимания, всем видом показывая, что его парни в страховке не нуждаются, начал раскладывать собственные деревянные палочки и веревку. Он посыпал их землей из мешочка, произнес заклинание, которое выучил еще в пограничном отряде, и они стали увеличиваться. Я заметил, что его предметы росли медленнее, нежели у Джанелы. Интересно, чем это объяснить — тем, что ее заклинание лучше, или тем, что настоящий воскреситель обладает большей мощностью, нежели простой человек, которому просто разрешено пользоваться определенными заклинаниями, как это у нас водилось среди старших офицеров в армии? Скорее всего, второе.

Его бревна тоже скрепили буквой X и поставили на краю. Через несколько часов работы был готов подвесной мост, состоящий из восьми протянутых через пропасть веревок, перевязанных поперек частыми короткими веревочками. Мост был привязан к бревнам с надпилами, составляющим X-образные фигуры.

Конечно, это было очень трудно — идти, осторожно переставляя ноги, по колеблющимся ступенькам, крепко хватаясь двумя руками за боковые крайние веревки, при этом таща за спиной поклажу и оружие.

Но на противоположной стороне мы все оказались без происшествий.

— Неплохо, — похвалил я Квотерволза.

— Но и не особенно хорошо, — фыркнул он, указывая на небо.

Он был прав — у нас на переправу ушел почти весь день, и за этот день отряд Клигуса, должно быть, значительно приблизился к нам.

Дорога пошла на спуск, и, когда стало темнеть, нам встретилась небольшая альпийская травянистая долина с ручейком, и мы там разбили лагерь.

Неподалеку послышался стук копыт — это оказалась стайка антилоп, и они, кажется, не боялись человека.

— Вот и обед, — заметил Мах.

Поскольку я весь день ограничивался лишь ролью наблюдателя, то, взяв лук и колчан, решил внести свой вклад в общее

дело. Джанела вызвалась пойти со мной и взяла легкий лук у одного из солдат. Квотерволз тоже было собрался с нами, но я ему решительно запретил. Мой человек-паук и так уже поработал достаточно. С нами отправился только Чонс, а братья Сирильян, охотники до мозга костей, даже обиделись, что я велел им отдыхать, хотя сами валились с ног от усталости, потрудившись при постройке моста.

В горах ли, на равнине — существует лишь два способа охоты на антилоп. Первый способ: подкрасться поближе, стараясь не спугнуть животных. Второй рассчитан на их слабость — антилопы невероятно любопытны, превосходя в этом даже кошек. Предполагая воспользоваться именно этим способом, я попросил у Отави его красный платок в качестве приманки. Мы подобрались к ним, и через несколько мгновений охота целиком захватила меня, заставив забыть обо всем остальном. Мне всегда нравилось выслеживать дичь. У богатого торговца, вечно занятого делами, мало возможностей вырваться на природу и хоть как-то расслабиться. Я не испытываю особого удовольствия от убийства, но, как человек, любящий мясо, не боюсь крови и не лицемерю в этом вопросе.

Антилопы весьма чутки, поэтому мы подкрадывались как можно тише и незаметнее, используя обилие валунов. Вскоре мы приблизились к пасущемуся стаду почти на расстояние полета стрелы. Ветер дул в нашу сторону, помогая нам.

Я срезал ветку с куста, привязал к ней платок Отави. Мы подождали, пока антилопы не повернутся к нам спиной, щипля траву, и тогда Чонс вышел на открытое место, воткнул палку среди камней и вернулся к нам.

Прошло лишь несколько секунд, и, осторожно выглянув из-за камней, мы увидели, как одна из антилоп подняла голову и заметила платок, развевающийся на ветру.

Трое ближе всех стоявших к нам животных напряглись, готовые сорваться в стремительном беге. Но ничего страшного для них не последовало, а этот платок трепетал так гипнотизирующе, так привлекательно. Они двинулись к нему, часто пугливо останавливаясь, когда под порывом ветра платок хлопал особенно сильно. Они подходили все ближе... мы наложили стрелы на тетивы и дождались момента, когда антилопы оказались всего в дюжине шагов от нас. Я кивнул, мы втроем поднялись из укрытия за камнями и выстрелили.

Антилопы отпрянули, но было поздно. Две рухнули на землю, пораженные в грудь стрелами Джанелы и Чонса. Моя стрела тоже не миновала жертвы, но антилопа, раненная в шею, развернулась и бросилась прочь. Однако, пробежав несколько ярдов, животное стало спотыкаться и потом упало. Мы пошли подбирать свою добычу. И вдруг у нас обнаружился конкурент. Из-за скалы выпрыгнул огромный тигр. Мы застыли на месте. Рыжевато-коричневый хищник также застыл, не сводя с нас глаз. Из его глотки раздался низкий угрожающий рык, объявляющий о его намерениях.

Хотя стрел у нас было достаточно, никто из нас не был настолько глуп, чтобы поднимать лук. Это была тигрица, и по отвисшему животу я понял, что недавно она принесла детенышей.

Тигрица зарычала и шагнула к нам. Она хромала — заднюю лапу рассекала еще не зажившая рана.

Мы осторожно попятились, не сводя глаз со зверя. Так мы и шли спинами вперед, пока хищница не схватила самую крупную из убитых антилоп и не потащила ее в свое логово.

— Возможно, я и ошибаюсь, но эта антилопа выглядела очень старой, — высказалась Джанела. — И на вкус наверняка не мягче подметки моего сапога. Иначе бы я без колебаний

обратила тигрицу в бегство.

— Какие могут быть сомнения? — сказал Чонс. — Разумеется, никто из нас не испугался тигра, не так ли? К тому же нам нельзя слишком отъедаться, ведь это мешает быстро двигаться, не так ли, господин Антеро?

Я усмехнулся.

— Похоже, что у вас больше охотничьего опыта, поскольку вы врите быстрее меня.

— Ну, *меня* понять несложно: я всегда обожала кошечек, — заметила Джанела.

Мы забрали наши трофеи и отправились в лагерь, оставив полосатого хищника победителем.

На следующий день дорога снова довольно резко пошла вверх, и нам встретился первый снег, лежащий уже не на далеких вершинах, а совсем рядом. Впереди вставал Кулак Богов, и дорога устремлялась к впадине между большим и указательным пальцами, где находился перевал.

Становилось холоднее, и мы, в своей легкой одежде, начинали дрожать. Пора было одеться потеплее. И вновь мы поблагодарили магию, избавлявшую нас от необходимости тащить с собой много груза.

Перед тем как покинуть Ориссу, я прикинул, что каждый человек должен быть снабжен комплектом одежды для холодной погоды: теплым нижним бельем, шерстяными рубашками и штанами, куртками на меху с капюшонами, непромокаемыми теплыми сапогами. Естественно, столько вещей сделали бы наш груз очень объемным и тяжелым. Но мы справились с ситуацией.

Я нанял портных, специализировавшихся на шитье дорогой кукольной одежды для детей богатых родителей. Мастерницы сделали крошечные курточки, рубахи, штаны и сапожки для каждого члена экспедиции. Все эти кукольные одежды были разложены по мешочкам, вручены владельцам со строгим наказом беречь как зеницу ока. Поскольку я не заблуждался относительно способности путешественников время от времени что-то терять или забывать, я облегчил им задачу, попросив Джанелу сотворить заклинание сохранности вещей, так что если человек что-то терял или даже нарочно оставлял, его неотвязно начинала преследовать тревожная мысль, через некоторое время становящаяся просто невыносимой, — вернуться и найти это.

И теперь нам оставалось лишь открыть наши мешочки, разложить кукольные одежды и выслушать слова заклинания от Джанелы. Через несколько секунд мы все словно вернулись с праздничной ярмарки, каждый с обновками.

Некоторые отказались надевать новую одежду на грязное тело, и поэтому мы продолжили движение, пока не оказались у горной речки с ледяной водой. Я заставил себя раздеться и смыл дорожную грязь, хотя мыло едва мылилось.

Зато кое-кто отнесся к этому событию неодобрительно, например Квотерволз.

— Боги свидетели, — сказал он, натягивая новые портки недалеко от меня и из приличия отвернувшись, — вам никогда не стать хорошим разведчиком, мой господин, если вы так стремитесь к чистоте. Пот от ходьбы — это та же одежда, которую даруют вам боги, а грязь так же тепла, как этот мех, а вы их смываете. Фи.

— Я предпочитаю, чтобы от меня не пахло, — сказал я.

— Вот и еще одно доказательство того, что вам не стать хорошим разведчиком, мой господин, — сказал он. — Если не мыться, то от вас запах исходит, как от ваших товарищей, три или четыре дня. А затем он становится не столь заметен и тело само очищается: как и должно быть в природе.

Я увидел, как в полном согласии кивнул Пип, и захихикал — его даже в городе можно было заставить помыться лишь за несколько серебряных монет.

Еще в Ориссе по предложению Джанелы мы обзавелись несколькими запасными комплектами одежды разных размеров, рассчитанных на то, что мы найдем проводника или проводников из местного населения. Митрайк никак не подходил на роль проводника, но и ему нашлась теплая одежда, когда началось высокогорье.

Путешествие представлялось не слишком утомительным, походя на прогулку по бесконечному, идущему вверх пандусу, петляющему тут и там. Воздействие шло скорее психологическое — стоило взобраться на очередной виток серпантина, глянуть вниз, увидеть тот участок дороги, по которому мы проходили день или два назад, и становилось тошно от мысли, что такие большие усилия привели к такому ничтожному результату. Такмы и шли, то поднимаясь на гребень очередного перевала, то спускаясь в небольшую долину и снова поднимаясь в гору.

И все же огромные пики — пальцы Кулака — маячили все выше и становились все более грозными с каждым сделанным шагом. Становилось тяжело дышать — я никогда не был так высоко в горах. Снег покрывал дорогу уже достаточно плотно, хотя о зиме говорить было рановато.

Мы почти достигли перевала, идущего в обход Большого Пальца, когда та тигрица вернула нам долг и спасла наши жизни.

Глава 14

БИТВА В ТУМАНЕ

На перевале полотно дороги накренилось под небольшим углом, поскольку было покрыто давним оползнем. Мы шли по открытому пространству, покрытому глубоким снегом, но шагалось легко.

Тигрица притаилась футах в тридцати выше нас на скале у основания Большого Пальца. Она не обращала на нас внимания, напряженно всматриваясь куда-то вперед. Кончик хвоста ее подрагивал. Мои лучники наложили стрелы и подняли луки, но я махнул рукой, приказывая опустить оружие. Пока зверь нам не угрожал. И к тому же надо было уважать эту красивую хищницу — хозяйку здешних гор. Я решил подождать, пока она закончит свои дела, и только потом двигаться дальше. Я уже собрался скомандовать привал, когда она прыгнула.

Одновременно она взревела, пугая жертву, и в ответ я услышал пронзительный вскрик человека. Крики раздавались с другой стороны каменистого выступа, и тигрица вышла оттуда.

В пасти она несла бесчувственное человеческое тело. Сначала мне показалось, что он весь окровавлен, но потом я понял, что красный цвет — это туника человека. Туника стражника из Вакаана.

Каким-то образом Клигусу и Модину удалось опередить нас и устроить прекрасную засаду, которую обнаружила, к нашей удаче, тигрица.

Она на мгновение остановилась с торжествующим видом, а затем скачками двинулась между скал и скрылась из виду.

Я мгновенно принялся решать, что делать дальше. Мы не могли и не должны были отступать. Не было у нас и возможности пройти через перевал незамеченными. Оставалось лишь...

И мы пошли дальше, приготовив оружие к бою. Квотерволз послал пятерых своих опытных горцев вперед, прокладывая тропу в глубоком снегу и предупредить всех в случае нападения на них, а еще пятерых — прикрывать тыл и помогать отстающим. Здесь, на скользкой дороге, приходилось смотреть в оба. Пропasti были такими, что в случае падения — костей не соберешь.

В Ориссе мы, под руководством Квотерволза, готовились к преодолению гор, получили инструкции и даже совершили двухдневную тренировку на заснеженных склонах горы Афены. Однако же эти небольшие знания не помогли бы нам без опыта Квотерволза, приобретенного за годы обитания в горах.

Здесь неплохо было бы идти в связках, но боевая ситуация не давала такой возможности.

С ясного неба ослепительно ярко посылало свои лучи солнце. Я вспотел, словно мы

опять оказались в той тропической трясине, и скинул куртку. Делать этого не следовало — при остановке пот замерзал. Впрочем, я не рассчитывал долго прожить: Клигус опередил нас, и теперь мы находились в ловушке — на узкой горной дороге впереди и сзади были враги.

Вскоре дорога практически исчезла под давними и недавними лавинами и ледниками, оставалась лишь узкая тропа. С помощью кинжала я удерживал себя от скольжения.

Так мы не могли долго идти. Я остановился, легкие вопили, прося передышки. А впереди были сплошные обледеневшие завалы.

Двужильный Квотерволз стал карабкаться выше по скале. Он увидел то, что я заметил только сейчас: небольшую расщелину, ведущую к гребню скалы. По этой расщелине мы могли — нет, должны были — заставить себя подняться вверх.

Я услышал стоны отчаяния наших людей, увидевших эту кажущуюся неприступной скалу, и отдал твердый приказ: следовать за Квотерволзом. Теперь нам пришлось достать веревки и составить страховочные связки. Квотерволз шел первым, упираясь руками и ногами в стены узкой расщелины и таща с собой веревку. Наверху он обвязал веревку вокруг валуна и махнул Леву, приглашая его подниматься. Остальные пограничники тоже по очереди поползли вверх, держась за веревку. Джанела чуть не сорвалась — у меня перехватило дыхание, и больше я на нее не смотрел.

Я, упираясь кинжалом на скользких местах, поднялся на гребень и увидел на ледяной поверхности человек десять. Квотерволз знаком — ладонью, опускающейся вниз, — показал, чтобы я сделал то же самое. Я, извиваясь как змея, подполз к ним. Осторожно подняв голову, я глянул с края обрыва вниз, туда, где начинался перевал. Внизу, за камнями, притаилась в ожидании засада. Они выдвинули аванпосты к началу перевала, а остальные поднялись выше, чтобы сверху броситься в атаку. Дорога была буквально забита солдатами в красном, словно снег залило кровью. Должно быть, там же находились Клигус и Модин. Хотя Клигус и был мне сыном, но сейчас мне хотелось обладать могуществом воскресителя, чтобы метнуть в него стрелу молнии.

— Как же они оказались выше нас? — пробормотал я.

— Чтоб мне сдохнуть, если я знаю, мой господин, — сказал Квотерволз. — Но вряд ли сейчас дело в этом. Может быть, воспользовались магией, а может быть, и более коротким путем. Ведь и к воротам Ориссы ведет не один путь, не так ли?

Что ж, и это объяснение было не хуже других. Мы отползли назад, к Джанеле. Предстояло быстро провести военный совет. Мы спросили у нее, почему Модин не замечает нас сейчас с помощью магии. Она казалась несколько растерянной.

— Я вновь чувствую присутствие над горами чего-то грандиозного, подавляющего мои ощущения. Думаю, что и могущество Модина уменьшилось.

— Но тогда, моя госпожа, — сказал Квотерволз, — это нечто должно быть настроено дружески по отношению к нам. Как же иначе, если оно не позволяет Модину шпионить за нами?

— Не думаю, что здесь применимо слово «дружески», — сказала Джанела. — Но не назвала бы я это нечто и нашим врагом. *Это* просто наблюдает за всем происходящим с большим интересом. Вот самое лучшее определение.

У нас не было времени на дебаты относительно злых или добрых намерений чего-то невидимого, поскольку реальный враг находился рядом с нами, внизу. Я глянул вдоль гребня горного хребта. Может быть, идти по нему и попробовать найти способ выйти на дорогу за спиной наших противников?

Мне, однако, не пришлось спрашивать мнения Квотерволза — и так было ясно, что в таких непроходимых горах другого пути, кроме дороги старейшин, быть не может.

— И что, нельзя воспользоваться вообще никаким заклинанием? — спросил я.

Джанела задумалась.

— Нет... Хотя постой. Может быть, и да. Земным заклинанием, обращенным к местным силам.

Она что-то забормотала, копаясь в своей сумочке. Потом вытащила два небольших зеркальца, трут, огниво и немного порошка, которым посыпала трут.

— Тысячелистник, — пояснила она с улыбкой. — Когда им посыпаешь, эффект усиливается.

Она отыскала впадинку в скале глубиной в четверть дюйма и положила туда трут, высекла огнем искры, которые попали на трут. Показалось небольшое пламя, к нему она поднесла одно зеркало, а к своему рту — другое. И принялась приговаривать:

Ощути тепло
Ощути весну
Проснись вода
Обрети себя вода
Волною катись
По земле
И обрушивайся вниз
И обрушивайся вниз.

Ледник, тянувшийся с гребня на перевал, послушно стал таять, за клубился пар. А Джанела продолжала дышать на затуманившееся зеркальце.

— Отражения, отражайтесь одно от другого... — закончила она колдовство. — А теперь нам надо кое-что еще предпринять, не дожидаясь, подействует заклинание или нет.

Она минуту подумала, оглядывая вершины хребта, встающего над нами и перевалом, затем вытащила из сумки еще какие-то предметы.

— Это может понадобиться позже, — сказала она, — так что я буду держать их наготове. — Она усмехнулась. — Пошли, Амальрик. А то я замерзла на этих камнях.

В умении сохранять хладнокровие у нее было нечто общее с Яношем, которого не обескураживал и большой перевес в численности врага.

Мы пошли по гребню назад, до уже пройденной глубокой расщелины. Пока не видно было признаков того, что заклинание Джанелы подействовало всерьез. Я хотел поинтересоваться, что, собственно, должно произойти, но передумал. Если существует сила, блокирующая здешнюю магию, то лучше не привлекать к ней внимания ни словами, ни мыслями, и я попытался сосредоточиться на других проблемах. Тем более что их, к сожалению, было более чем достаточно.

Веревка скользнула вниз, и мы вновь спустились до уровня дороги. Все наши, оставшиеся внизу, залегли в ожидании атаки среди камней. К счастью, пятнистая одежда хорошо маскировала нас среди камней и снега. Вновь нам улыбнулся Тедейт, и нас до сих пор не заметили. Наше спасение теперь состояло в том, чтобы неожиданно ударить на засаду снизу и сверху.

Однако не прошло и получаса, как по шуму сзади я понял, что нас обнаружили. Снизу подходил основной отряд преследователей. Впереди на перевале ждала засада. Оттуда тоже заметили нас. Весь мой отряд, кроме пограничников наверху, оказался в ловушке. Что-либо предпринять, кроме того, чтобы подготовиться достойно умереть, было поздно.

Мы отступили на небольшую площадку сзади, по пояс утопая в снегу. Теперь за спиной была отвесная стена. А перед нами выстраивались в боевые порядки стражники Модина и ориссианские войска, верные Клигусу.

Митрайк оказался возле меня. На бледном лице пирата отражался ужас. Куда только девалась его отвага — ведь он с таким мужеством сражался с теми заколдованными людьми в городе возле побережья Восточного моря и с крокодилами на реке. — Ну-ка встряхнись, — сказал я ему. — Ты же настоящий воин.

Его брови сурово сдвинулись.

— Хорошо, Антеро, — сказал он решительно. — Коли судьба, здесь я оставлю свою отметину.

Враги приближались. Легко было раньше насмехаться над солдатами в чистенькой форме и утверждать, что они умеют лишь маршировать да чистить пуговицы, а наименование «элитные» — лишь пустой звук, и не более. Сейчас их численное превосходство страшило всех. А уж стражники Модина заработали себе репутацию жестоких карателей в Ираيه.

Они шли плотными рядами из-за тесноты на горной дороге, взяв луки и копья на изготовку.

Вдруг рядом со мной очутился Квотерволз, спустившийся со скалы.

— Послушайте, мой господин, — сказал он. — Там можно в обход перевала пройти небольшой группой. Мы задержим их тут, а вы с Джанелой должны подняться и уходить с моими пограничниками дальше.

Я принялся возражать, но Квотерволз покачал головой.

— И слушать не хочу никакой героической болтовни о том, что вы должны остаться и принять тут сражение. Вы вдвоем с Джанелой ради нас всех обязаны дойти до цели. Не изображайте из себя безрассудного дурака, *мой господин*, и уносите отсюда вашу задницу. А когда вернетесь в ОриССу, учредите в нашу честь какую-нибудь медаль.

Отави, подойдя к нам, согласно кивнул.

— Он прав, мой господин. А это место для смерти ничуть не хуже других. — Он поплевал на ладони и поудобнее схватился за топор.

Я оглядел своих спутников, и глаза мои наполнились слезами: Келе, Чонс и Мах, братья Сирильян, Пип в один голос заявили о своей согласии с решением Квотерволза.

— Похоже, настала пора сделать *кое-что*, а не просто трепать обувь в этих благословенных демонами горах, — заметил Пип. — Но я надеюсь, что вы заплатите за это сторицей из вашей прибыли, не то моя старуха разгоняется, как дерьмо.

Все оказались храбрецами.

Тут неожиданно просвистел порыв ветра, и что-то промелькнуло совсем рядом. Раздался громкий хруст, и кровь окропила снег. Тело Чонса оказалось перебитым почти надвое огромной железной стрелой.

— У них с собой и орудия! — воскликнул Квотерволз.

Я разглядел в отдалении, на самом краю пропасти, людей возле установленных на лафетах арбалетов с железными стрелами длиной с человека. Они стреляли поверх голов надвигающейся пехоты. С жужжанием пролетела еще одна стрела и ударила в стену скалы, за ней другая. Лучники пока не стреляли.

— Антеро! — рявкнул Квотерволз. — Убирайтесь отсюда! Немедленно!

Я подчинился, чувствуя себя ужасно, но понимая, что Квотерволз прав. Враг был уже рядом, его стрелы уже наносили урон в наших рядах.

Один из братьев Сирильян упал, хватаясь за стрелу, торчащую из груди.

Наши стрелы тоже поражали противника. Мои люди просто не могли промахнуться, стреляя по плотным рядам солдат Клигуса.

— Старика брат живьем! — слышалось оттуда. — Он нужен самому генералу Клигусу!

Я усмехнулся. Даже если они и возьмут меня в плен, Клигус наверняка не узнает собственного помолодевшего отца.

Мы с Джанелой побежали к расщелине, где висела веревка, чтобы подняться к ожидавшим нас пограничникам. Но вдруг дорогу нам перегородило чудовище, издававшее звериный рев.

Это был Митрайк.

— Антеро! Антеро!

Я с трудом разбирал его слова.

— Вот это место! Ты вызвал меня сюда! Ты и твоя сучка!

И он начал изменять внешность, корчась и становясь все выше и выше, выше даже того монстра, в которого превратился магистр Сенак, меховые одежды на нем разлетались,

обнажая тело без кожи, из кровавого мяса с сочащейся слизью.

Демон, скрывавшийся в образе Митрайка, демон, засланный, чтобы поразить нас изнутри, угрожающе ревел. Отави метнул в него топор, но демон отбил оружие в сторону. Тварь достигла уже двадцати футов роста, и даже на расстоянии я ощущал ее отвратительный запах. У него были две когтистые задние лапы и две передние клешни, как у краба. Но самым страшным у него было лицо, с нависающим лбом и единственным глазом навывкате, как у удушенника, щеки протыкали клыки — нижние, упирающиеся чуть ли не в ноздри, и верхние, кончающиеся почти у подбородка. Ключья шерсти свисали с морды этого жутко завывающего монстра. Он бросился на меня.

Но тут в его щеку вонзилась, брызнув кровью, стрела. Тварь сердито рыкнула, несомненно обещая расправу храбрецу сразу же после того, как покончит со мной. Оказалось, что стрелял Квотерволз. Он выглядел совершенно спокойным, как на соревнованиях по стрельбе. Полностью оттянув тетиву, он выстрелил во второй раз.

Стрела угодила твари точно в глаз. Она так взвыла от боли, что вокруг затряслись скалы. Ослепшее чудовище прыгнуло вперед и, убив нескольких моих человек, не рассчитало расстояния и оказалось в рядах солдат Клигуса.

Осатаневшее от ярости, оно уже не разбирало, кто перед ней, и принялось крушить налево и направо. Стражники и ориссиане вопили и падали, и им было уже не до нас, поскольку чудовище уничтожало их самих.

Наверное, ужасная магия, поработавшая над трансформацией демона, освободила и заклинание Джанелы, а может быть, само появление чудища так повлияло на окружающую обстановку, но только внезапно вокруг нас и противника поднялся туман, густой, как в парной бане. Это активно начал таять ледник.

Квотерволз и я заорали:

— Вперед, все к расщелине! Мы должны подняться выше ледника.

Все по очереди принялись карабкаться вверх по веревке. Из тумана доносились звуки битвы и ставшие громче вопли демона, сражавшегося теперь за нас.

Я взобрался на скальную площадку. Джанела была уже там и рылась в своей сумке в поисках необходимого для очередного колдовства.

— Я настоящая идиотка, — сказала она, не отрываясь от своего занятия. — Надо же, эти ублюдки послали к нам шпиона, а я ничего и не почувствовала. Амальрик, скажи, пусть все отойдут к стене, и посмотрим, сработает ли моя задумка.

Мы отошли, и я невольно принялся пересчитывать моих товарищей. Победа в этой битве доставалась нам большой ценой.

Внизу слабели вопли Митрайка-демона. Даже чудовище не устояло против такого многочисленного отряда.

— Вот и все, — сказала Джанела. — Зрелище может получиться достаточно интересным.

Она скатала несколько маленьких снежков и подняла их на ладони вместе с камешками. Потом стала брать их по одному и бросать на дорогу со словами:

Бегите

Катитесь

Ищите братьев

Растите большими

Катитесь

Собирайте все на себя.

Все мы в детстве лепили снежки и, сбрасывая их со склонов, замечали, как они увлекают снег за собой. Но у Джанелы эта игра превратилась в настоящий чудовищный оползень, селевой поток из снега, воды, тающего ледника и камней.

Снежные комочки покатались, собирая на себя снег и камни как магнитом, устремляясь

вниз быстрее, чем можно было предположить, судя по крутизне склона. В тумане ничего не было видно. Слышался лишь грохот лавины, устремленной на Клигуса и его людей.

Джанела выпрямилась.

— Я замышляла *это* не в таких масштабах, — сказала она и задумчиво огляделась. — Неужели это силы старейшин помогли нам? Что ж, значит, Клигусу и вакаанскому мерзавцу Модину не повезло.

— Обсудим это позже, — сказал я. — Ты, или боги, или демоны, или кто там еще, дали нам больше, чем мы могли желать. Назовем это удачей, если хочешь. Но священную жертву принесем в более подходящее время.

Мы все спустились на дорогу, увидели, что она полностью очистилась, как от снега, так и от наших противников, и отправились дальше на перевал.

То ли эта удача придала нам силы, то ли дорога так улучшилась, но только не прошло и получаса, как мы оказались у поворота за «суставом».

Темнело, но мы не могли останавливаться. Я назначил несколько человек, освещающих всем путь заговоренными ожерельями, и поход продолжился. Остановились мы лишь в полночь, натопили снегу, поели вяленого мяса, сушеной рыбы и сухофруктов из дорожных запасов. И пошли дальше.

Преследование могло продолжаться. Вряд ли Митрайк и лавина уничтожили целую армию ориссиан и вакаанцев.

На рассвете мы добрались до верхней точки перевала. Под нами впереди расстиралось огромное плато, а за ним, в отдалении, виднелись горные хребты в дымке.

Мы устроили привал, и только теперь, почувствовав себя более-менее в безопасности, ощутили чудовищную усталость.

— И почему это в рыцарских романах не пишут, что героя за горой, которую он только что одолел, ожидает другая гора, еще больше первой? — задумчиво заметил Квотерволз при взгляде на эту бесконечную горную страну.

Что можно было ответить? Мы пошли дальше.

Еще через час мы сделали следующий привал, и я разрешил двухчасовой сон, назначив самого себя в караул. Все мое тело молило о сне, просило хоть на минуту прилечь на эту землю, но я не дал себе и к камню привалиться. Вместо этого я взял короткое копье и встал так, чтобы острие его упиралось мне в подбородок. Дважды я выныривал из дремы, кровь текла по шее, но все же мне удалось продержаться и не упасть.

Затем мы прошли еще шесть часов и устроили двухчасовой привал. На этот раз я спал, пока Квотерволз и его пограничники дежурили.

Так мы двигались два дня и две ночи, осмеливаясь лишь на двухчасовые остановки. На этой стороне Кулака Богов дорога была в лучшем состоянии, идти стало легче.

К концу второго дня мы достигли границы вечных снегов. Никто уже не мог выдерживать предложенного мною изматывающего графика движения. Состояние у всех было такое, что даже мало-мальски серьезный враг мог уничтожить нас, не встречая особого сопротивления. Тогда мы устроили себе шестичасовой сон. Проснувшись, продолжили путешествие. Но после такого относительно продолжительного отдыха я почувствовал себя еще хуже — ныла каждая жилка, каждая мышца просила еще отдыха.

Но я подгонял моих товарищей вперед так, как не подгонял ни одну из прошлых экспедиций. Люди одаривали меня свирепыми взглядами, но у них не было сил даже на то, чтобы выругаться. Не жаловался даже Пип, и я понял, что силы наши на исходе.

Через полтора дня мы спустились на равнину. Все еще было холодно, но я обрадовался этому обстоятельству. В холоде двигаться лучше, чем по жаре. Дорога устремлялась теперь прямо, не делая поворотов. Каждая лига пути была отмечена столбами с ликами женщин-демонов, их чередка исчезала за горизонтом.

Без отдыха дальше двигаться мы не могли и поэтому свернули с дороги. Квотерволз и его пограничники отправились разведать окрестности и поискать место для привала. Джанела постаралась поставить магический заслон, чтобы сбить с толку любого, кто

решился бы преследовать нас.

Для отдыха была выбрана лощина глубиною около ста футов с двумя ручьями, прудом и деревьями.

Квотерволз снял с меня вещевой мешок и постелил мне постель. Я рухнул поперек нее, не снимая сапог, и проспал весь день.

Я проснулся от какого-то поистине чудовищного пения.

Позади и по бокам — пустота.

Замерзли и руки и ноги.

Не попить мне больше в жизни пивка.

Не осталось ничего, лишь дорога.

Она тянется, тянется, тянется,

А Антеро нас гонит и гонит,

От меня ничего не останется,

Даже если дойду...

Пип, прервав эту, по его представлениям, песню, спросил: — Какую бы рифму придумать к слову «гонит»? Отозвалась Джанела:

— А ты вернись немного назад и, вместо строчки «А Антеро нас гонит и гонит», спой:

И бреду я по ней, как бродяга,

От меня ничего не останется,

Но я буду хныкать и никогда не заткнусь.

— Эх, госпожа Серый Плащ, уж занимайтесь лучше своей магией, — не остался в долгу Пип. — Точно рифмовать слова — не ваш талант.

Тут я открыл глаза и сел.

В нескольких шагах от меня Пип умывался водой из ручейка. Он сделал вид, что только что заметил меня.

— Господин Антеро, как спалось вашей милости? Мы все думали, что вас во сне душит демон, такие стоны и хрипы вырывались из вашей глотки.

Я встал на ноги, стараясь не обращать внимания на боль в каждой мышце.

— Квотерволз, а что, этому трубадуру заняться нечем?

— Я как раз подумал об этом, — сказал он. — Есть задание — опасное и почти смертельное.

— Вот еще новости, — сказал нисколько не обескураженный Пип. — Достаточно того, что меня заставили умыться. Одно это могло убить меня.

— Сколько я проспал? — спросил я Квотерволза.

— Целый день. Я выругался:

— Ты должен был разбудить меня!

— Зачем? Я отправил разведчиков к дороге, и пока они не видели признаков приближения Клигуса и его приспешников. Должно быть, Митрайк и лавина уничтожили их.

Лично я в этом сомневался, но ничего не сказал. Я оглядел лагерь. Во всем чувствовался порядок: люди готовились к продолжению похода, точили холодное оружие, зашивали порванную одежду, чистились, ели. По верху ложбины были расставлены часовые, так что никто не смог бы застать нас врасплох, во всяком случае никто из людей. Я понимал, что и Джанела позаботилась о магической безопасности, так что мы могли себя чувствовать спокойно настолько, насколько это возможно в краю, где царят магия и волшебство.

В идеале нам стоило бы остаться в этой ложбине на отдых дня на три или четыре, но надо было идти дальше.

Впрочем, следовало разобраться с двумя проблемами, прежде чем пуститься в путь.

Первая проблема заключалась в Джанеле. Я отвел ее в сторону и спросил, что она думает о Митрайке. Имеет ли она хоть какое-нибудь понятие о его хозяине? На кого он работал? Какова была его цель? Много ли он узнал о нас? И почему выбрал именно тот момент, чтобы раскрыть себя?

Джанела, отвечая, тщательно взвешивала слова:

— Кто его хозяин, сказать не могу. Хотя и подозреваю, что встреча с ним еще впереди. Это неведомый нам враг. Если допустить, что Сенак исполнял волю этого врага, то логично предположить, что то же произошло и с Митрайком. И был он прикрыт очень могущественной магией, иначе я бы ощутила неладное. С большой долей уверенности могу сказать, что Митрайк не служил Модину и его друзьям — иначе бы тот не тратил столько времени, преследуя нас. Что же касается цели Митрайка, то очевидно, что он был шпионом, сообщавшим, где мы находимся, в любое время. И, может быть, в тот момент, когда мы добрались до гор, он уже больше не был нужен своему хозяину. Может быть, именно поэтому он выглядел перед сражением таким испуганным, чувствуя, что хозяина уже не заботит, жив он или мертв, если такие слова вообще применимы по отношению к такому существу. Что Митрайк мог узнать о нас? Допустим, он не обладал способностью читать наши мысли. Значит, он знал столько, сколько и остальные наши люди. Как это повредит нам, я сказать не могу. Почему он решил раскрыться? Не могу сказать. Может быть, его хозяин решил, что ты должен погибнуть у этого перевала. А может быть, тут пошли накладки за накладками из-за незримого присутствия сил, которые нам помогают? Возможно, они и заставили Митрайка повести себя именно таким образом. В общем, ничего я не знаю, Амальрик, — сказала она, улыбаясь. — Видишь, к чему приводит изучение магии? Маг теряется в подобной обстановке, где обычный смертный видит лишь то, что его окружает.

Она ненадолго замолчала.

— Вот что я сейчас подумала, сказав об изучении магии. Как ты думаешь, если мы *действительно* обнаружим единый связующий закон магии, обычные люди ограничатся лишь тем, что будут спокойно получать лицензии на право быть воскресителями? И никто не возжаждет рыскать по оплетенным паутиной руинам замков в поисках демонических секретов и не пожелает склонить голову перед хозяевами зла ради их науки?

Как ни странно, но ответ у меня был наготове.

— Такое вряд ли произойдет, — быстро сказал я.

— Это почему же?

— Причин много, но я назову тебе одну. Магия никогда не станет предметом науки, как история или геометрия, которой пичкают детей учителя. И вот почему: в этом деле нельзя схалтурить. Давай смотреть честно, Джанела. Если бы ты всему могла обучиться лишь глядя на то, как размахивает волшебной палочкой человек, бормочущий какие-то заклинания, стала бы ты сейчас магом? Разве ты и другие, стремящиеся к этой премудрости, на самом деле не рыщете, шагая по ступеням мрачных башен и вдыхая зловоние веков? Джанела усмехнулась.

— Кроме того, я сильно сомневаюсь, что волшебством можно овладеть, сидя в классной комнате, даже с написанным Джанелой Серый Плащ учебником под рукой. Да что говорить, это же абсурд... Точно так же невозможно обучиться искусству торговать, ни разу не побывав на рынке.

Вторая проблема касалась дела менее приятного: успокоения духов погибших. Мы могли оставлять непогребенными тела наших убитых товарищей, но мы не могли допустить, чтобы их души вечность бродили по этим безлюдным землям. Торопясь покинуть место сражения, мы успели прихватить некоторые вещи убитых. Хоть никто ничего и не сказал, я все равно переживал, что оставшиеся в живых сочтут такую церемонию не очень убедительной.

Джанела помолилась над вещами погибших, зажгла благовония, отправляя души к Тедейту. Затем я сказал небольшую речь о том, что погибшие служили не столько мне,

сколько всем нам, Ориссе и всему человечеству. Надеюсь, что мои слова были искренними.

Во время этой речи я обратил внимание на трех братьев Сирильян. Лица у них были более скорбными, чем у остальных.

После окончания церемонии я попросил их прогуляться со мной. Мы прошли до дальнего берега пруда, и там я попытался их успокоить.

Старший брат улыбнулся.

— Все в порядке, мой господин. Просто перед тем, как покинуть Ориссу, мы все вчетвером отправились к прорицателю и выложили монету за весеннего жертвенного ягненка. И этот старый колдун сказал, что один из нас погибнет, зато трое оставшихся вернутся живыми, здоровыми и с богатством.

— Конечно, мы любили Дафа, — сказал другой брат, — но, как и все люди, свою жизнь мы любим больше.

Я отправился к Джанеле и рассказал ей об этом прорицателе. Она скривилась.

— Что ж, если у этого колдуна был талант и он действительно увидел в будущем нечто такое, это не так уж плохо. Но если он ошибся, позарившись на их деньги, не отвечая за последствия, и еще один брат погибнет, то нам придется иметь дело с двумя молодыми людьми, не понимающими, на каком они теперь свете. Имей это в виду, Амальрик, потому что очень немногим магам дано увидеть истинные намерения Черного Искателя, хотя все клянутся, что предскажут тебе день и час, когда ты встретишь свою любимую, сколько у тебя будет детей, и какова будет их судьба, и когда ты умрешь. Но именно этот факт, как и несколько других, заставляет меня верить в существование богов. Ведь если бы ты был божеством, разве бы ты не оставил своих подданных жить в блаженном неведении? Разве бы ты предоставлял им это ужасное знание лишь при виде любой зажженной в твою честь свечи?

Я подумал и кивнул. Пока я собирал свои вещи для дальнейшего пути, я вдруг понял, что в некоторых отношениях Джанела мудрее своего прадеда, пусть бы она и рассмеялась над таким заявлением. Янош Серый Плащ имел обширные познания во многих областях, но зачастую они не проявлялись в нем, несмотря на его богатый опыт скитаний и общения с людьми. Порой он даже был подобен какому-нибудь толстокожему невеже, который с удовольствием слушает застольные песни своих товарищей, но насмехается над искусным музыкантом, играющим на лире.

Тому, кто никогда не путешествовал по бескрайним равнинам, тяжело переносить их вид. Труднее всего переносится их однообразие. Люди, выросшие в городах или в лесистой местности, как-то растерянно, испуганно себя чувствуют посреди бесконечных плоских пространств, где до горизонта тянется лишь колышимаемая ветром трава. Небо вверху нависает гигантским куполом, который ночью целиком покрывается звездами, словно сверху смотрят сами боги, и тогда все твои мечты, помыслы и поступки кажутся ничтожными.

Некоторые люди считают такие земли угнетающими и клянутся, что среди этих безлюдных пространств душа человека постепенно уничтожается.

Я тоже вырос не в палатке кочевников и признаюсь, подобные чувства мне знакомы, мне тоже хочется сжаться в комочек и куда-нибудь спрятаться, когда я оказываюсь посреди этих степей.

Но надо заметить, что у меня имелся богатый опыт путешествий в бескрайних степях Луанджи. Путешествия по тем землям требовали большой осторожности, поскольку они далеко не такие ровные, как кажутся. Они покрыты расщелинами, долинами, в которых может годами жить целое племя (в подобной долине останавливалась наша первая экспедиция в Вакаан), и оврагами, в которых удобно устраивать засады на проходящие караваны.

Степи только на первый взгляд кажутся безводными, но на самом деле это не так. Можно отыскать ручейки и речки, вокруг которых образуются оазисы, где мы делали привалы. Встречались также отдельно стоящие колодцы.

Эти земли были далеко не безжизненными. То тут, то там встречались стада антилоп,

стаи птиц, в норах жили многочисленные грызуны, и на них охотились мелкие хищники, похожие на кошек.

Опасаясь погони или засады со стороны враждебных нам сил, я почел за благо идти параллельно дороге от оазиса до оазиса, отмечая при этом пройденное расстояние. За это отвечали три человека, считающие независимо друг от друга. Насчитав сто шагов, каждый завязывал узелок на небольшой бечевке, которую он нес в кармане. Когда насчитывалась сотня сотен, завязывали узел на другой веревке.

Мы установили курс по компасу строго на восток. Так что в случае, если бы мы решили, что находимся в безопасности или идти по бездорожью стало бы трудно, мы бы легко вернулись на дорогу старейшин.

Из тех же соображений безопасности впереди и по флангам у нас шли налегке дозорные. Мы двигались быстро, но не форсируя шаг. Слишком быстро идущие люди частенько подвергают себя риску в силу обычной усталости.

Погода по-прежнему стояла холодная и ветреная, а штормовые порывы ветра от далеких гор, к которым мы шли, заставляли травы волноваться, как поверхность океана. Наши моряки даже развеселились от схожести этого зрелища.

Во время отдыха в очередном оазисе братья Сирильян отправились на охоту и добыли трех антилоп. Мах их разделал и поджарил на углях.

Пока они охотились, мы собирали дрова для костров и наткнулись на животных, похожих на быков, но только с более длинными и острыми рогами, торчащими вперед, как копья, и с длинной лохматой шерстью. Увидев нас, они сначала не испугались, и мы решили подойти ближе.

Но потом они встревожились, зафыркали, издавая предупреждающие звуки. Как по команде они образовали строгое каре, в центр которого поместили телят, а самые крупные быки встали по краям, выставив рога и опустив головы. Фыркание их стало угрожающим. Я уж подумал, что они бросятся в атаку, но эти мирные животные и не собирались расстраивать свою живую крепость.

Когда мы возвращались в лагерь, Джанела заметила клок бычьей шерсти, прицепившийся к колючему кустарнику, и положила его себе в сумку.

— Что вы собираетесь делать с ним, моя госпожа? — удивился Пип. — Вязать свитер?

— Или саван, — сказала она. — Для *очень* маленького человека.

Пип пренебрежительно фыркнул. Но вид у него был встревоженный.

Через день на горизонте мы увидели еще двух больших животных, идущих вслед за нами. Это оказались два волка чудовищной величины. Они были огромными, гораздо больше обычных, хотя я, надо заметить, видел волков и побольше, те охраняли замок принца Равелина и имели в холке по десять футов, в их темных глазах была злоба, а острые клыки обещали смерть. Я сказал всем, чтобы были повнимательнее. Волки относятся к наиболеемышленным врагам человека и никогда не нападают на того, кто хорошо вооружен и находится на чеку. Но мы не знали, относится ли это к подобным жутким созданиям.

По дороге мы несколько раз видели миражи. Однажды показалось огромное, широко раскинувшееся озеро с кораблями и островами. Оно отодвигалось по мере нашего приближения, и, когда мы наконец дошли до того места, где должно быть озеро, стало ясно, что за далекие корабли мы приняли мирно пасущихся длиннорогих мохнатых быков.

Те горы, к которым мы направлялись, иногда появлялись в небе в перевернутом виде.

Иным оказался третий мираж. Как-то в полдень мы увидели великолепный город со шпилями и позолоченными крышами. Мы недоумевали: может быть, хоть это реальность, которая раньше скрывалась в дымке? Но вскоре мы поняли, что и она отодвигается по мере нашего приближения. Детальность изображения была поразительной. Довольно странно, но мираж держался весь день. Все ожидали, что с сумерками он исчезнет, но этого не произошло.

Потом мы отвлеклись, пока готовили ужин и разводили костры. Когда же совсем стемнело, я бросил взгляд в том направлении. Казалось, в десяти или двадцати лигах от нас

по-прежнему стоял город, освещенный огнями, с сияющими шпилями. Я не слышал, чтобы иллюзия держалась так долго, да еще и освещалась сама собой. Все смотрели на эту картину затаив дыхание, разговаривая вполголоса. А около полуночи мираж исчез, и больше мы его не видели.

Четыре дня спустя нам повстречались в этих местах первые люди. И, благодарение Тедейту, не они заметили нас первыми.

Местность становилась все более пересеченной, с оврагами и расщелинами, с небольшими холмами. Поэтому двигаться приходилось медленнее и с большими предосторожностями, чем раньше. Один из выдвинутых вперед разведчиков подал сигнал, и мы остановились. Квотерволз пошел выяснить, что случилось. Он вернулся и доложил, что обнаружены следы, ведущие к той самой дороге, параллельно которой мы двигались, и находящейся к югу от нас.

— И не просто следы, — сказал Квотерволз, — почти торная тропа. Почва утоптана, трава выбита и выщипана до корней по обе стороны тропы. Скорее всего, караванный путь. Есть старый, высохший помет животных. Думаю, что последний караван прошел там несколько недель назад, если не раньше. Трудно сказать точнее, поскольку я не знаю, когда здесь последний раз шел дождь.

Мы двинулись дальше, пересекли эту тропу и продолжили свое путешествие на восток. Караванная дорога через какое-то время тоже повернула на восток.

Последовало очередное предупреждение от разведчиков — двойной свист, означающий опасность. Мы тут же затаились в кустах и оврагах и вновь выслали Квотерволза выяснить, в чем дело. Но он еще не вернулся, а я уже понял, чем вызвана тревога.

Навстречу нам шел караван. Небольшой, из двух или трех дюжин лошадей, и он пока находился достаточно далеко. Мы отошли подальше от тропы, тщательно замаскировались и стали ждать. Тут нас не могли заметить проезжающие путешественники. Имея в этих землях еще неведомого врага, нам резонно было не демонстрировать своего присутствия.

Они подошли ближе, и я разглядел их получше. Караван был невелик, и, судя по всему, хорошей торговлей здесь и не пахло. Хотя, может быть, они несли грузы большой ценности и малого объема, такие, например, как ювелирные изделия или пряности. Впереди ехал тяжело вооруженный авангард из шести всадников, а за ними шли выючные лошади и арьергардная охрана. Я отметил четырех богато одетых людей, по-видимому хозяев.

И вдруг мое чудесным образом обострившееся зрение позволило мне разглядеть еще кое-что. По другую сторону от караванной тропы в кустах прятался какой-то человек. Он тоже наблюдал за приближающимися путешественниками. Он был вооружен. Квотерволз следил за караваном и даже загордился собой, что заметил эту засаду раньше профессионального пограничника и разведчика. Я указал Квотерволзу на кустарник, где прятался вооруженный человек.

— Пятеро... нет, десятеро разбойников, если не больше, — прошептал Квотерволз.

Он посмотрел на меня в ожидании того, что я решу, и, пока я медлил, подсказал:

— Подождем, чем закончится схватка, да, господин Антеро? Соблюдаем нейтралитет?

Я нахмурился.

— У нас своих проблем хватает здесь, — попытался он отстоять свою точку зрения. — Если мы ввяжемся в драку на чьей-нибудь стороне, не зная реальной ситуации, как бы нам не нажить могущественных врагов. Мы даже не знаем, являются ли эти караванщики вашими коллегами, торговцами...

— Нет, — сказал я тихо. — Теперь *мы* выступим в роли тигрицы, посылающей честным людям предупреждение.

Квотерволз, конечно, занимался провоцированием — ведь он знал меня достаточно хорошо и понимал, что я не буду сидеть сложа руки и просто наблюдать за происходящим. Да и можно ли спокойно смотреть, как этих мирных торговцев сейчас будут убивать на моих глазах? Нет, слишком часто нападали на меня из засад, слишком много потерял я

прекрасных товарищей, чтобы помышлять о чем-то ином по отношению к этим головорезам, кроме высокого дерева и веревки вокруг их шеи.

Квотерволз издал звук, похожий на свист охотящегося ящера, и все мои люди скинули поклажу и приготовили оружие. Джанела посмотрела на меня вопросительно, затем усмехнулась, пожала плечами. Боги никогда не бывают милостивы к тем, кто занят только собой, а если и бывают, что это за боги?

— Они нападут минуты через четыре, — сказал Квотерволз.

— Судя по всему, я имею дело с человеком, который знает о дорожных грабежах больше меня, — сказал я. — Так, может быть, ты дашь предупредительный сигнал до того, как они нападут?

Квотерволз с улыбкой кивнул и достал из своего вещевого мешка кусок тряпки, обмотал ее вокруг стрелы, что-то пошептал над ней, высек кремнем искры, и тряпка загорелась. Наложив стрелу на лук, он выпустил ее высоко в небо.

Стрела, оставляя дымный след, пролетела над дорогой, над головами караванщиков и упала в те кусты, где была устроена засада.

Лошади встали на дыбы, послышались крики, предупрежденные охранники схватились за оружие, а через минуту разбойники бросились в атаку. Они выпустили залп стрел, стремясь не столько поразить насмерть караванщиков, сколько внести сумятицу, а следом вылетел отряд верховых, человек тридцать, вопящих и улюлюкающих. Эти разбойники неслись во весь опор, выставив дротики в намерении в несколько минут разделаться с путешественниками.

Но стрела Квотерволза, а за ней и другие наши стрелы расстроили планы злодеев. И вот уже несколько разбойничьих лошадей помчались с пустыми седлами.

Квотерволз скомандовал, и мы ударили разбойникам в тыл. Увидев нас, они перегруппировались. Теперь они оказались между двух огней.

Однако этих степняков нельзя было назвать неопытными бойцами. Их вид был более чем решительным, и они повернули против нас.

— Убивайте их лошадей! — закричал я, зная, что вне седла такие воины чувствуют себя не очень уверенно.

Стрелы полетели в лошадей, те падали, придавливая всадников.

— Вперед! — закричал Квотерволз, и мы сблизилась с ними.

Передо мной поднялся упавший с лошади разбойник в грязной тунике, скрывающей кольчугу. Он парировал мой выпад, и мы сошлись эфес в эфес, но я толкнул его, изо всех сил ударил ногой в живот, и он упал на спину. И не успел снова вскочить, как моя сабля уже вошла ему в бок.

Отави без устали размахивал топором, неприступный, как те быки, которых мы видели. К нему подскочил небольшой человечек, размахивая шипастым шаром на цепи. Отави придержал топор, подождал, пока цепь обмотается вокруг рукояти, дернул топор, вырывая оружие из рук бандита, и тут же опустил острие топора ему на голову.

Охрана каравана стреляла довольно неточно, одна стрела впиалась в землю возле моей ноги, и я выругался, представив себе, что паду жертвой тех, кого мы решили спасти.

Разбойники дрались отчаянно; те, что оставались в седле, теперь стремились уйти в степь, бросив на произвол судьбы своих пеших товарищей. Сомкнув ряды и опустив копыта, они пустили лошадей в галоп.

Когда на тебя несется кавалерия, а ты стоишь на открытом пространстве, то кажешься себе таким маленьким и у тебя появляются все основания для страха, если только ты не *настоящий* солдат. Квотерволз же не зря тренировал нас.

— Копейщики, вперед! — крикнул он. — Сомкнуть ряды!

Наши бойцы уткнули тупые концы копий в землю, встали на одно колено и выставили грозное оружие перед собой. Лошади набирали скорость, словно собираясь перепрыгнуть через нас. Но лошадь — умное и осторожное животное. Человек в безумии схватки может устремиться на стену копий. Лошадь же, видя, что перепрыгнуть невозможно, скорее всего

притормозит и развернется.

Что и произошло. Получилась толчея, давка, люди падали, а затем вся эта банда бросилась врассыпную, спасая собственные жизни поодиночке. За ними побежали пешие, моля о помощи, и надо отдать должное тем разбойникам, которые останавливались, подхватывая товарищей на седло позади себя. Но многие отставали.

Над равниной разносились крики раненых и отставших разбойников, им не приходилось ждать пощады от караванщиков, которых, впрочем, самих при другом раскладе сил ждало бы то же самое.

У нас был единственный раненый — одного из братьев Си-рильян стрела царапнула по руке. Но, поскольку ранение оказалось далеко не смертельным, он смеялся и напевал, дурачась, как юный повеса, выпущенный в город с папиным кошельком и только что опустошивший первую бутылку. Помимо него никто не пострадал — внезапность атаки послужила нам лучшей броней.

Караванщикам повезло меньше — было видно, что по крайней мере половина их людей пала и многих ранило. Джанела, я, Квотерволз, Отави и Пип направились к путешественникам.

От них навстречу нам двинулись четверо. Возглавлял их мужчина моего возраста — я имею в виду по годам, а не по внешности. У него было обветренное лицо и желтая борода, разделенная надвое и свисавшая двумя концами, заплетенными в косицы, на грудь. Его голову венчала кожаная остроконечная шапка. Одет он был в кожаную тунику с металлическими клепками, искусно расшитую рубашку, кожаные бриджи в обтяжку и сапоги до колен. На поясе болталась длинная кривая сабля в ножнах, а с другого боку — кинжал. Второй мужчина был одет похоже, имел с собой лук, колчан и нож за поясом. Двое остальных оказались особами женского пола. Одна женщина была постарше и держалась величественно, как королева. На ней была тесная черная блузка, застегнутая до подбородка, и юбка с разрезами по бокам для верховой езды, при ходьбе виднелись ее крепкие, загорелые бедра. Длинные седые волосы, заплетенные в косу, стягивала на лбу полоска из кожи. Выражение ее лица было слегка презрительным и казалось оставшимся таким с тех пор, когда она увидела первый раз мужчину, снимающего штаны, и догадалась о его намерениях.

Возле нее шла хорошенькая девушка лет шестнадцати. Грудь ее вызывающе выпирала под кожаным камзолом с низким вырезом и виднеющейся бирюзовой шелковой блузкой с высоким воротом. Шаровары из яркой ткани сужались на ее икрах и заправлялись в сапоги. На тонкой талии блестел серебряный пояс, а маленький кинжал казался игрушкой. На маленьком остроносом личике отражались ум и хитрость лисы. Темно-русые волосы, заплетенные в косу, были у нее собраны на затылке в кольцо.

— Приветствую вас, чужестранцы, — пробасил старик. — Вы как могучие волки разогнали шакалов Исмида, полагавших, что они являются истинными хозяевами степей. Мы склоняем головы перед вашей милостью.

Он опустился на колени, подняв обе руки вверх и опустив голову. За ним так поступили и остальные: сначала молодой человек, затем пожилая женщина, выразительно посмотревшая на меня. Девушка улыбнулась мне, прежде чем опуститься на колени.

— Прошу вас, встаньте, — сказал я. — Мы такие же путешественники, как вы, а вовсе не завоеватели.

Старик поднял на меня озадаченный взгляд. Он хотел было что-то сказать, но закрыл рот.

Молодой человек тоже выглядел озадаченным.

— Странно, вы чужестранец, — сказал он, — а говорите на нашем языке.

Старик глянул на него испуганно, словно ожидая, что я прикажу зарубить того за такую дерзость.

— Наш маг, — я показал на Джанелу, — одарила нас способностью разговаривать на языках тех, кого мы встретим.

— Мы сочтем за честь стать рабами столь могущественных мужчин и женщин, —

торопливо добавил старик.

— С чего вы взяли, что мы возьмем вас в рабство? Тут встала и шагнула вперед девушка.

— Меня зовут Саиб, я из племени рез вейн. — Она помолчала, ожидая, какое на меня впечатление произведут ее слова. Я кивнул и вежливо улыбнулся. — Мой отец, Сьюян, отправил меня в обучение к куртизанкам Такны, чтобы я овладела искусством супруги. Там я прекрасно провела время. Я закончила обучение, получила диплом месяц назад и теперь возвращаюсь под отеческий кров, где он найдет мне подходящего мужа, понимающего, какое богатство он получит в виде меня самой.

— Не сомневаюсь, — сказал я.

— А этот пожирающий грязь евнух Исмид, этот варвар-импотент, обесчестивший своего отца, зачавшего его от бродячей дворняжки, этот кривоногий ящер, не признающий ни божьих, ни человеческих законов, узнал о моем возвращении из Такны и решил сделать меня своей наложницей. Но вы спасли меня. Теперь я принадлежу вам и сделаю все, что вы ни пожелаете. Прошу только об одном: смиростивиться к моим друзьям и рабам и позволить им служить вам, или если вы все же решите продать их, то в хорошие руки добрых хозяев. — Она вновь опустила на колени.

Я поднял ее, а затем и старика за руки.

— Я уже сказал, что мы с вами равны, мы такие же путешественники. Я не порабощаю людей, у меня нет рабов. Все мы — свободные люди.

Вся четверка с недоумением вытаращилась на нас. Словно я заявил, что все мы — пустынные демоны.

— Вы не порабощаете людей? — смог выговорить молодой человек. — Но как же вы живете? За счет чего?

— За счет собственного труда, собственных рук, — сказал я. — Любой работающий на меня получает плату золотом или серебром. Ведь ни один раб не работает так хорошо, как человек свободный, да и сам хозяин рабов не может себя считать свободным человеком, коли терпит такое положение вещей.

На мгновение я устыдился, вспомнив, как в далеком прошлом вся Орисса жила за счет рабского труда, да и сам я лишь с помощью Яноша Серого Плаща смог зажечь факел свободы. И теперь, произнося эту речь, чувствовал себя напыщенным ханжой.

Старик был озадачен. Но до молодого человека кое-что дошло.

— Меня зовут Зив, — сказал он. — Вот это наш капитан, Дью. Но если мы теперь не ваши рабы, то *кто* же мы?

— Люди, которым мне посчастливилось помочь, вольны идти своим путем, — сказал я. — И я попросил бы вас только об одном — поделиться с нами знаниями об этих краях, через которые нам предстоит пройти.

Бормоча что-то бессвязное от радости, трое из этих четверых приняли нас обнимать. Я надеялся, что объятие Саиб окажется чуть дольше и крепче, но, видимо, будучи самой молодой, она сильнее выражала чувства и потому была более порывиста.

После этого оба наших отряда встали лагерем неподалеку друг от друга и мы продолжили общение. Я выяснил, что Дью был офицером, отправленным Сьюяном привезти домой его дочь, Зив оказался братом Саиб, а старая Танис была гувернанткой Саиб со дня рождения той, не разлучавшаяся с воспитанницей и в Такие. Я немного удивился их нравам, задумался над тем, что же делала Танис, пока Саиб прекрасно проводила время в том борделе.

Мы засыпали их вопросами и узнали очень много, но все же недостаточно. Степь, по которой мы шли, населяла дюжина вечно враждующих кочевых племен, самым могущественным из которых было племя рез вейн. Так заявил Зив, а я с ним, естественно, согласился. Они занимались торговлей с другими обитателями этих земель, главным образом оружием и ювелирными изделиями, а жили все-таки в основном разведением овец и охотой. Никто в этих краях не считал земли, где кочевал, своей собственностью. Таково было

веле́ние богов. Никто из степняков не имел права нуждаться в большем, нежели стада овец и лошадей, которые дарованы богами. Тот же, кто пожелал бы устроить здесь земледельческую ферму, совершил бы тем самым ужасное святотатство, не говоря уж об основании деревень или городов.

Я спросил у Саиб, найдут ли они шатры ее отца, который мог откочевать в любое место, и она удивленно ответила, что они знают, где расположены шатры, и идут прямо туда. Позже Джанела сказала, что, видимо, шаман племени высылает домашнее заклинание, а может быть, у них века выработали такой инстинкт ориентировки, необходимый для выживания.

Меня же в основном интересовали Королевства Ночи — Тирения. Люди рез войн даже не слышали таких названий. Правда, они сказали, что боги, которым они поклоняются, живут в восточных горах, и указали на затянутые облаками вершины, к которым мы направлялись. Рассказали они и о том, что в дне пути на юг находится дорога, идущая на восток прямо, как копье, и построенная этими богами. Кочевники никогда не пользовались этой дорогой. Джанела спросила почему, и Зив объяснил, что не дело — приближаться к богам или к тому, что те сделали. Лучше обожествлять и то и другое издали.

— Так, стало быть, — сказала Джанела, — никто из вашего народа никогда не видел богов?

— Конечно, нет. Только наши шаманы, но они говорят, что это зрелище настолько ужасающее, что и говорить о нем страшно.

Стало ясно, что обитающие в Тирении старейшины держались замкнуто и не управляли этими племенами непосредственно. Возможно, только с помощью магии.

Я спросил у Зива, не будет ли возражать Сьюян против нашего путешествия по этим землям, и он сказал, что вряд ли. Разумеется, добавил он торопливо, он не уполномочен говорить от лица такого могущественного монарха, как Сьюян, но поскольку мы оказали ему такую услугу, как спасение дочери от этой свиньи Исмида, то, разумеется, нас ждет щедрая награда.

И Дью и Зив выглядели весьма встревоженными, не зная, как отреагирует Сьюян на то, что они чуть было не позволили похитить, а может быть, и убить, его дочь. И если Сьюян был таким же монархом кочевников, как и виденные мною ранее, то шансы у этих двоих отметить свой следующий день рождения были весьма невелики. Впрочем, это была не наша забота.

Нам предложили взять товары на выбор. Мы ограничились лишь сухофруктами, некоторыми сушеными деликатесами и необычными по вкусу специями, которые, по мнению Маха, должны были разнообразить наше меню.

Мы помогли караванщикам согнать лошадей, собрать грузы и приготовиться к дальнейшей дороге. В караванном деле я имел огромный опыт и потому терпеть не мог, когда лошадей навьючивали кое-как, плохо затягивая веревки, отчего и бедные животные натирали спины и бока, и товар мог развалиться от тряски.

Пока я увлеченно занимался этим, слышались пронзительные крики. Я увидел спорящих Саиб и Танис. Спор закончился таким решительным доводом, как пощечина, отпущенная пожилой женщине.

Я вспомнил Диосе, мою первую любовь. В первой попытке отыскать Далекое Королевства мы спасли ее, юную кочевницу, от рабства. Во время путешествия она стала моей любовницей, а по возвращении в Ориксу — женой. Естественно, между нею и этой юной принцессой, направляющейся сейчас ко мне, было мало общего, разве что сила духа.

Когда она подошла, выражение ее лица смягчилось и она даже улыбнулась. Походка стала более соблазнительной, и я заметил, что она переделалась, дабы выгодно просматривались все ее округлости.

— Господин Антеро, — обратилась она. — Вы равный нам, а работаете своими руками. Никогда не слыхала о подобных вещах.

— Я же не король, не монарх, — вздохнул я, поскучив. — Я лишь торговец, владелец

караванов.

— Держу пари, — сказала она, — что караванов у вас множество, а шатры ваши не объедешь и за несколько дней, хотя я думаю, что сами вы живете в одном из этих холодных, безликих каменных домов, какие стоят и в Такие. Я понимаю, что у вас есть много жен, но это не имеет значения.

Она подошла ближе, положила свою руку на мою и так наклонилась, что я увидел ее груди и набухшие от желания розовые соски. Дыхание ее отдавало сладким запахом кардамона и еще какой-то пряностью.

— Знаешь, — сказала она хриплым чувственным голосом, — когда я поняла, что стала твоей рабыней, меня охватил трепет.

— Вот как?

— И я сомневаюсь, что отец найдет мне в мужья такого же красавца, как ты, такого же великого воина.

— Ну, я думаю, найдет, раз пошел на все хлопоты, связанные с твоим... хм... образованием.

— Может быть, — сказала она. — А может быть, и нет. Она коснулась моей бороды кончиками пальцев.

— Я всегда предпочитала мужчин постарше, — сказала она. — Они надежнее. Юноши же... или мальчики... они туда-сюда и кончили. Как кролики. А взрослые знают, как доставить удовольствие. — Она мечтательно улыбнулась. — За это они мне и нравятся.

Она приоткрыла рот и кончиком языка облизала свои губы. Затем сказала:

— И я тоже знаю кое-какие способы доставить наслаждение, от которого не отказался бы и такой великий маг и путешественник, как ты.

Она опустила руку себе между грудей и достала шелковую нитку с узелками через равные интервалы. Пробежав по ней пальцами, она улыбнулась мне.

— В моем племени, — сказала она, — любой мужчина и женщина легко выбирают себе партнера для любви. Надо лишь три раза сказать: «Выбираю тебя своим господином».

Саиб ждала моего ответа. Я вдруг занервничал, огляделся и увидел Джанелу, помогавшую Отави навьючивать лошадь. Саиб, заметив, на кого я смотрю, зашипела от ярости и обиженно поджала губы.

— Я поняла, — сказала она, и нежность пропала из ее голоса. — Ты раб своей колдуньи. Я должна была догадаться!

И она топнула ногой, как это делают в каком-нибудь дешевом балаганном театре.

— Да, — сказал я торопливо. — Именно так и обстоит дело.

Она заносчиво дернула головой, развернулась и ушла. Спустя полчаса туземцы были готовы отправиться в путь.

Караван двинулся по протоптанной тропе. Саиб лишь однажды бросила на меня быстрый и холодный взгляд.

Мы подождали, пока они не превратятся в точки на горизонте, и продолжили свой путь. В течение часа мы шли на север, как и сообщили Зиву, и лишь затем взяли нужный курс. Излишняя предосторожность не повредит.

Джанела шла рядом со мной. В ее глазах плясали искорки веселья.

— Амальрик, как же это великий полководец мог отвергнуть возможность такой победы?

Она догадалась о произошедшем разговоре. Другая женщина рассердилась бы. Джанела же сочла случившееся забавным.

— Ты права, — согласился я. — Такое событие добавило бы искры в мою жизнь. Боюсь только, что вскоре она бы уже не смогла получать то, что хотела, и я бы однажды почувствовал себя ветвисторгим оленем.

— Мне уже жаль того мужа, которого выберет ей Сьюян, — сказала Джанела. — Несомненно, после первых удовольствий он найдет возможность уезжать в длительные поездки, как можно дальше от нее.

Потом она стала серьезной.

— Вот какой меня волнует вопрос. Насколько я знаю, именно ты первый освободил в Ориссе рабов. Теперь уже два или три поколения называют тебя освободителем.

— Возможно, — сказал я. — Хотя молодые скорее всего думают, что я уже давным-давно помер, и воспринимают меня как одно из тех незначительных божеств, статуи которых, засиженные голубями, украшают улицу Богов.

— Но ведь, используя такую популярность, ты запросто мог бы получить какой-нибудь официальный пост, не так ли? — спросила она. — Почему бы тебе не стать магистром? Или даже главным магистром?

Я посмотрел на нее с искренним изумлением и выпалил:

— Да зачем? Какого черта? Мне это не нужно.

Ее смех разнесся над равниной звоном храмовых колокольчиков.

— Вот поэтому-то, Амальрик Антеро, я и люблю тебя.

Она ухватила меня за бороду, подтянула к себе и поцеловала.

Шедшие рядом улыбнулись.

А я?

Я густо покраснел, как школьник.

Глава 15 ВОЛКИ

На рассвете Модин добрался до нас.

Разложив свои одеяла рядом с постелью Джанелы, я крепко спал, когда раздавшийся рев заставил меня вскочить на ноги. Находясь еще в полусне, я уже выхватывал саблю из рядом лежащих ножен.

Над лагерем возвышалась фигура Модина. Возносясь на высоту в двенадцать футов, он одной ногой спокойно попирал угли нашего костра, не ощущая, очевидно, боли от жара.

Джанела выкатилась из постели, сжимая в руке кинжал, а я пришел в себя и наконец смог разобрать последние слова Модина:

— ...призываю тебя, моя собственность, моя добыча. Подчинись. Ты должна позвать меня к себе.

На какую-то секунду я решил, что Модин догнал нас, используя магию. Но почему тогда он такой огромный? И тут я понял, что смутно различаю сквозь его ноги траву, а значит, это всего лишь проекция, хоть мне и непонятно было, с помощью какой магии он мог поместить ее сюда.

— Я подчиняюсь только себе, — сказала Джанела. — Так что не трать время на болтовню. Если ты сотворил какое-нибудь призывное заклинание, то зря потратил энергию. Оно здесь не подействует. Даже при помощи твоих покровителей.

— Я не творил заклинания, — сказал Модин. — И мне не нужна ничья помощь, чтобы сокрушить твои жалкие попытки сопротивляться.

Джанела на мгновение испугалась, но тут же снова приняла спокойный вид. Я заметил, что рука проекции Модина раздута и забинтована и держит он ее в каком-то неестественно напряженном состоянии.

— Чтобы выследить тебя, мне хватило реальной силы моих стражников, — продолжал маг, — моих новых друзей, солдат Клигуса и моего собственного умения. Ты-то думала, что обманула нас, а это я позволял вам бежать все дальше и дальше, теряя силы и кровь. Разве ты не знаешь такой тактики, когда противника сначала изматывают и лишь потом убивают?

— Что с твоей рукой, Модин? — спросил я.

— Посланный тобою демон, Джанела Серый Плащ, хорошо постарался, но не устоял против моего могущества, — сказал он, стараясь не обращать на меня внимания. — Для того чтобы убить его, мне понадобилось менее часа.

Вот теперь мы с Джанелой обменялись недоуменными взглядами: оказывается, Модин

считает Митрайка творением рук Джанелы. Я решил было, что, может, стоит сбить спесь с Модина и сообщить, что демон явился совсем из другого места, из *настоящих* Далеких Королевств, из Тирении. Но передумал. Пусть остается в убеждении, что именно Джанела создала эту тварь, — ведь даже я понимал, что мало кто из воскресителей может вызвать такое создание да еще и заставить его подчиняться себе. Пусть думает, что могущество ее так велико.

Очевидно, Джанела пришла к такому же выводу, поскольку издевательски рассмеялась.

— Целый час, Модин? И сколько же стражников убила моя зверюшка, прежде чем ты справился с ней?

— Все равно у нас сил еще вполне достаточно, чтобы разделаться с твоим жалким отрядом, Джанела, — сказал он. — Через несколько дней я прорвусь через маскирующие вас заклинания, и уж тогда вам от меня не скрыться. Ведь даже по самому существованию этих заклинаний я ощущаю то место, где ты и Антеро залегли, зализывая ваши раны.

Это заявление было столь же озадачивающим.

Я отметил изменения в его поведении по сравнению с тем временем, когда мы встретились в Ираие. Тогда он, по крайней мере, изображал из себя лишь верного слугу короля Гейята. Я решил попробовать уколоть его еще раз.

— Ты сказал «у нас»? Ты имеешь в виду короля? Неужели король Гейят выжил после мятежа?

— А знаешь, Антеро, — сказал он, — вообще-то я предполагал, что ты не почувствуешь моего появления и будешь спать, как и все остальные в вашем лагере. Но теперь вижу, что ваши отношения с Джанелой гораздо более близкие, чем я думал. Но это не важно. Не важно, сколько у нее было любовников, лишь бы она оказалась в моей постели. Возможно, моя потенция даже увеличится, если я окажусь там же, где побывал и Антеро.

Он улыбнулся своим мечтам.

— Ты не ответил на мой вопрос о короле Гейяте, маг, — сказал я. — Или ответил так тихо, что я не расслышал?

— Король Гейят продолжает спокойно рассиживать на своем троне, — прошипел Модин. — Рабы, восставшие против него, уничтожены. Династия короля Гейята будет править, если даже мне для этого придется уничтожить всех мужчин и женщин Ирайи и заселить город заново.

— Речь, достойная истинного монархиста, — сказал я.

Эти слова вызвали у него зубовой скрежет, и я стал думать, чем его еще раздражить, понимая, что человек, ослепленный гневом, делает больше ошибок, которыми можно воспользоваться.

— Чего ты добиваешься, Модин? — спросила Джанела. — Ты так упорно преследуешь нас, до самой конечной цели нашего путешествия. Зачем это тебе? Неужели ты не понимаешь, что твое присутствие ощущается там, в *настоящих* Далеких Королевствах, и оно нежелательно?

— Сомневаюсь, — сказал Модин. — Я много слышал о том, что находится за Восточным морем, и вот теперь, когда появилась необходимость пересечь его, я обнаружил здесь лишь дикарей да зверей. Если что-то и есть впереди, а я сильно в этом сомневаюсь, то скорее всего какие-нибудь обычные шаманы, произносящие заклинания, заученные много лет назад. Старейшины давным-давно покинули эти места. И ты, Джанела, испытала лишь глубочайшее разочарование, выяснив, что настоящее могущество обитает лишь в одном месте — в Вакаане. — Так благодаря этому могуществу не работает ваша модель королевства? — спросил я. И, не дожидаясь ответа, продолжил: — И поэтому люди, вопя от отчаяния, восстают против единственного известного им образа правления, предпочитая анархию порядку? Поэтому заклинания на вашей богами проклятой реке не действуют? И поэтому та власть, которую так легко удерживал отец короля Гейята, Домас, теперь трещит по швам?

Модин счел за лучшее не отвечать. Образ его затуманился, задрожал, стал более

прозрачным. И вдруг рядом возникла проекция образа моего сына Клигуса. Он не казался гигантом, был обычного роста. Возможно, он все это время находился поблизости невидимым, слушая и наблюдая. Но вряд ли. Скорее всего его появление и не планировалось.

Судя по его расширившимся от удивления глазам, правильным было второе утверждение. На Клигуса обрушились сразу два потрясения: во-первых, он оказался совершенно в другом месте, пусть только и в воображении; а во-вторых, он увидел меня, да еще в таком измененном облике. Он испуганно заморгал, словно вновь став мальчишкой, который трепеща стоял в моем кабинете и ожидал наказания за свои проказы. Но он взял себя в руки, и лицо его приняло решительное выражение.

Я первым бросился в атаку:

— Клигус, я удивлен твоим появлением. Но зато это дает мне возможность задать несколько вопросов. Что это ты затеял? И что ты собираешься сообщить Ориссе, вернувшись туда с моей головой? Или ты думаешь, что граждане города объявят триумф в твою честь, узнав, что ты отцеубийца? Или ты думаешь, что Палмерас поверит тебе на слово, не совершив собственного расследования обычным путем или магическим, благодаря чему узнает, что произошло на самом деле?

Он ответил с вызовом:

— Я собираюсь вернуться с исчерпывающими доказательствами твоей измены.

— Отлично, малыш, — сказал я со всем возможным сарказмом. — Во всяком случае, тебе удалось себя убедить в том, что я настоящий злодей. Это всегда самый важный шаг. Но достаточно ли у тебя опыта? Я припоминаю ту бедную служанку, которую ты оставил с ребенком на руках, когда тебе было четырнадцать, а ей — на год меньше. Ты пытался убедить меня в том, что виновата она, поскольку не смогла сделать выкидыш при помощи уксуса. Помнишь, как ты разъярился, когда я заставил тебя продать твоего жеребца, чтобы заплатить девушке отступного?

— Я не желаю это слушать!

— Придется, — сказал я. — Слушай... или исчезни. Модин, неужели ты не мог никого получше найти в союзники, чем этого? Или ты думаешь, что сможешь в одиночку устоять против Антеро и Джанелы Серый Плащ? Поберегись, маг, как бы не пострадала твоя раздутая спесь, когда ты не справишься.

— А ты думаешь, что я выслушал жалкие слова какого-то торговца, лавочника и затрясусь от страха? — ответил Модин. Он, очевидно, взял себя в руки, и его изображение стало более различимым. — Послушай меня, Антеро, — он вырос в два раза, и при этом я успел заметить, что образ Клигуса исчез, — послушай внимательно. Джанела Серый Плащ и ее могущество обречены стать моими. Как я уже сказал, это будет тем слаще для меня, чем больше уловок и хитростей она предпримет, чтобы избежать этого. Но есть и еще один пустяк. Я позволю ей лицезреть сначала твою смерть, которая будет максимально медленна и мучительна. Ты даже не представляешь, какой мощью обладаю я, чтобы наказать тебя. По сравнению с этой болью ерундой покажутся боли всего мира, и твоя душа мучиться будет очень долго, прежде чем уничтожится ее последний кусочек. Смерть из смертей обещаю я тебе, Амальрик Антеро из Ориссы. И уж такую клятву я не нарушу.

И все пропало, остались лишь ветер, колышущиеся травы да равнины без края.

Мы с Джанелой долго смотрели в глаза друг другу. Я первым нарушил молчание.

— Итак, мы зализываем наши раны, да? Может быть, ты сотворила какое-то заклинание, когда мы уходили от дороги, и забыла о нем? Может быть, этим объясняются подобные странные намеки на бродящую тут кучку недостойных ориссиан, зализывающих раны?

— Может быть.

— Ты просто прелесть. Сначала демон, теперь это происшествие. — Я задумался. — Когда я впервые встретил Модина, мне показалось, что он маг, равный по могуществу принцу Равелину. Я ошибался?

— Я сомневаюсь, что он столь смертельно опасен, как Равелин. Все-таки он не является наследником королевской крови и не прошел через те десятки кровавых бань, с помощью которых Равелин усиливал свое темное могущество. Возможно, именно поэтому-то Модин и возжелал взять меня... в союзники. Но возможно, он и *был* могуществен. А оказавшись в этих краях, где действуют следы поистине великой магии, — сказала она, показывая рукой в сторону гор, где лежала Тирения, — он потерял часть своей силы. Может быть, это присутствующее нечто и помогло нам.

— А может быть, мы просто уже привыкли к тому, что в качестве врагов нам противостоят выдающиеся маги, — сказал я.

— Боюсь, что тут ты по-настоящему прав. — Джанела перестала улыбаться. — И не следует пренебрежительно обращаться с Модином. Он таков, каков есть, и не отступится, преследуя нас до самых ворот Тирении. Нельзя забывать и о его войске.

Я кивнул, но ничего не сказал, поскольку в этот момент заворочался Квотерволз, открыл глаза и сел.

— Вы встали в такую рань. Уж не понос ли прохватил? — сказал он удивленно. — Прошу прощения, госпожа, но я и не видел, что вы тоже не спите.

Мы не стали ему рассказывать о визите мага. Занимаясь же сбором в дорогу, я вдруг ощутил странный припадок веселья. То ли оттого, что вышел победителем в словесной перепалке с Модином, то ли оттого, что окончательно убедился в слабости Клигуса.

И я понял, что, сколько бы солдат ни было у Модина и Клигуса, им не одолеть нас. И совсем развеселился.

Разумеется, мое благодушие было не к добру.

После полудня того же дня мы увидели ужасного огромного волка. Он рысцей приближался с юга, прямоком к нам, словно спеша на наш зов, затем, не доходя пары сотен ярдов, повернул, замедлил ход и не спеша двинулся параллельным нам курсом. Мы насторожились.

Волки, как правило, охотятся стаей; волчицы в период кормления щенков молоком ходят за добычей в одиночку, стараясь далеко не удаляться от гнезда. Как и все хищники, волки предпочитают слабых или одиноких зверей, избегая схватки с животным, полным сил.

Достойных врагов у них мало. Равные по силе хищники обычно уважают друг друга. Единственным исключением — врагом, опасным для волков, — является человек, и волки чувствуют это, используя любую возможность прикончить своего двуногого недруга. Бывает, что фермер выходит в поле и больше его никто никогда не видит, а находят лишь мотыгу; без следа исчезают человек, его лошадь и даже кожаная упряжь. Нападают они и на стоящие на отшибе дома, поджидая, пока хозяин уйдет, а потом вышибают дверь или окно и набрасываются на женщин и детей.

Но даже в этой извечной ненависти к человеку они не теряют головы. Они издали мгновенно распознают вооруженного человека и скрываются. Никогда, даже стаей, они не нападут на группу вооруженных людей, но будут бежать не遠деке, как за стадом лосей, в надежде, что кто-нибудь отстанет.

Это единственное животное, вгоняющее меня в трепет. Возможно, теперь он с этим намерением и появился около нас. Следовало ждать остальных.

Обычно мы начинали разбивать лагерь где-то за час до наступления сумерек, чтобы успеть разжечь костер и приготовить пищу, не высвечиваясь особенно в темноте. На этот раз я приказал Квотерволзу не останавливаться, пока не найдем местечко более безопасное, чем прежние стоянки, и поддерживать огонь всю ночь.

Тедейт смилостивился, нам повезло, и мы наткнулись на небольшую, но бурную речку. На берегу возвышался холм с плоской вершиной — замечательная оборонительная позиция, о которой приходилось только мечтать.

Когда мы освободились от поклажи, я спросил, каково мнение Квотерволза об этой позиции. Он огляделся и высказал несколько критических замечаний. В военных условиях он бы распорядился вырубить кусты вдоль реки, чтобы не закрывали вид. И добавил, что

если бы был богом, то вон тот небольшой островок он бы сдвинул дальше от нас вниз по реке, дабы неприятель не воспользовался им как плацдармом.

Моя сестра Рали всегда утверждала, что солдатское чутье относительно ожидающей их судьбы часто оставляет желать много лучшего. Этот островок спас нам жизни.

Мы едва успели разместиться, как караульные доложили о появлении еще двух гигантских волков. Они взялись словно ниоткуда, сообщил часовой, — только что не было, и вдруг есть. Решив, что эти звери просто еще не знакомы с многочисленными человеческими талантами, я послал одного Сирильяна попытаться подстрелить их из самого мощного нашего лука. Но не успел он приблизиться, как звери развернулись и потрусили прочь, оказавшись за линией досягаемости стрелы, и оттуда продолжили следить за нами.

Квотерволз добился своего, и кустарник по берегам реки вырубил. Со всех сторон над степью зазвучали ответные воющие звуки. Нас окружали.

Мне было уже не до Клигуса с Модином — иной враг оказался ближе; поэтому я приказал разводить костры, связывать в пучки ветки кустарника и готовить факелы.

Мы ждали. Волки тоже.

Тянулась ночь.

Перед рассветом, когда людей одного за другим сморил сон, волки бросились в атаку. Мне не доводилось слышать о столь дерзком поведении волков, но, возможно, эти чудовища были более свирепыми, чем их обычные сородичи.

Выскочив из темноты, они бросились на нас с двух сторон. Я ожидал, что это может произойти на рассвете, и потому бодрствовал в полном боевом снаряжении, а на часах стояли наши лучшие воины. Среди них был один из братьев Сирильян. Как опытный охотник, он вел наблюдение, распластавшись на земле, и потому в состоянии был разглядеть движущийся силуэт даже на фоне темного неба. Вероятно, первый волк, бросившийся в атаку, не заметил его. Справиться с собакой или волком сравнительно несложно. Дашь ему ухватить себя за руку, а другой рукой ножом взрезаешь ему глотку или брюхо; или же, если ты безоружен, швыряешь его на землю, стараясь свернуть ему хребет или задушить. Но только не в том случае, когда этот волк размером с лошадь. Когда волк прыгнул, Сирильян, просто перевернувшись на земле на спину, выставил вверх саблю, и зверь сам, под действием инерции движения, распорол себе брюхо.

Волк взвыл, и ему эхом отозвались голоса бросившейся на нас стаи. Послышался нестройный хор кликов и завываний, заблестели в полумраке клинки, вспыхнули факелы, и в лагере разгорелась битва клинков и клыков.

Несколько ориссиан пало с разорванными глотками, но звери понесли больше потерь. Нам удалось отбить первую атаку. Волки отступили, и это дало нам преимущество, потому что мы сразу же схватились за луки и осыпали зверей градом стрел. Отави рванулся вперед и с размаху нанес убегающему волку удар топором по спине, тот изогнулся назад, и голова зверя отделилась от тела. Возбужденный от крови Отави устремился было в темноту, навстречу гибели, но Пип изо всех сил удержал его за пояс.

Отави свирепо озирался, и на мгновение мне показалось, что он сейчас зарубит Пипа. Но наконец он пришел в себя, что-то проворчал, напоминающее благодарность, и изготовился к следующей схватке.

Волки вновь обрушились на нас, но мы уже все были наготове, и наши копья отбросили их. Завывая и рыча, они бегали, не смея приблизиться, за сплошной линией костров. Квотерволз вырвал из земли сухой куст, сунул его в костер и, когда пламя занялось на ветках, швырнул его в волков.

Волки испуганно взвизгнули, но далеко не отбежали. Их количество все возрастало. Откуда-то постоянно прибывали новые. Я понял, что здесь, на холме, они смогут нас даже не загрызть, а просто затоптать, и закричал:

— Все перебираемся на остров!

Наш отряд организованно стал отступать, не поворачиваясь спиной и не бегом. Все двигались в строгом порядке и, зайдя по шею в воду, продолжали держать оружие наготове.

Волки с рычанием надвигались. Прикрывая отступление, лучники дали очередной залп. Раненый волк вцепился в пораженный стрелой бок, натолкнулся на товарища, они затеяли между собой грызню, но быстро, словно по чьей-то команде, прекратили грызться.

Мы все выбрались на остров. Он местами был покрыт густым кустарником, послужившим нам заменой огневой защиты на холме. Стало светать.

Звери вновь бросились в атаку. Я ожидал, что днем они оставят свои попытки одолеть нас, но они лишь удвоили усилия.

Красный блеск их глаз совпадал с цветом их языков и пастей и наших кровоточащих ран. Они с трудом боролись с течением, некоторых из них сносило, кусты препятствовали их прыжкам, чем с убийственной аккуратностью пользовались копейщики, лучники и арбалетчики.

Волки отступили на берег. Но это вовсе не означало окончания боевых действий с их стороны. На холме остались наши вещи, и там же я насчитал пять, нет, семь тел наших павших товарищей. И я решил, что теперь волки накинутся на трупы и на запасы продуктов. Но они, казалось, имели лишь одну большую цель — наше полное и окончательное уничтожение.

Джанела занялась своим делом, встав на колени и раскрыв свою сумку, с которой она, слава Тедейту, никогда не расставалась.

— Посмотрите на них, — сказал Квотерволз. Он перевязывал себе ногу, за которую его цапнул хищник. — Они, кажется, обсуждают свои планы.

Так и было, звери собирались по пять или десять особей, организуя отряды. Уже достаточно рассвело, и от этого стало лишь страшнее — оба берега реки были заполнены этими чудовищами, решившими нас уничтожить.

— Что же получается, — обиженно сказал Пип. — Мы единственная достойная добыча для них в этих благословенных краях? Где божественная справедливость?

— А как тебе понравится *эта* новость, малыш? — проворчал Отави.

Раненые волки отступили, а невредимые и вновь прибывшие... тренировались, видимо для преодоления кустарника. Двое становились рядом. Третий вскакивал им на спины и делал длинный прыжок. Мы подивились такой невиданной смышлености этих зверей пустыни. Я подумал: а не *направлены* ли они против нас, именно против нас? Если Равелин использовал своих ужасных волков в качестве охранников, почему бы и Модину не заняться этим же? Или пусть не Модин, но то неизвестное нечто, находящееся впереди, почему бы ему не приручить этих тварей и не натравить на нас?

Если же это случайное нападение диких зверей, то я надеялся, что Джанела придумает нечто магическое, действенное против них. Это была наша единственная надежда.

— Посмотрите-ка вон на того, — указал Пип, — вон на том холме.

Я посмотрел в том направлении. За охватывающим нас кольцом зверей, на холме, стоял огромный самец. Его шерсть была с седоватым отливом, местами уже белая. Все волки были крупны, но этот был самым крупным. Даже с учетом того, что у страха, как известно, глаза велики, я мог бы поклясться на алтаре любого божества, что голова этого чудовища была как у крупного быка, а рост — побольше лошадиного.

— Возможно, они кем-то и посланы, — подтвердил вслух мои мысли Квотерволз. — Но у них тем не менее есть и свой вожак.

— Что ж, может быть, они и сами по себе напали на нас, — с готовностью согласился я, надеясь, что такое разумное поведение этих зверей вызвано все-таки не магией. — У многих хищников есть вожаки.

Квотерволз прикидывал расстояние.

— Хм. Не достать даже из моего лука. Этот главарь знает, на каком расстоянии держаться в безопасности.

— Может быть, знает, — сказал я. — А может, и нет. Джанела! Она, нахмурившись, оторвалась от работы.

— Амальрик, ты не можешь подождать минутку?

— Нет, — сказал я. — Посмотри вон туда.

Джанела мгновенно поняла, что можно сделать. Она огляделась, увидела большой лук и подняла его. Вытащив кинжал, она прижала его к луку и зашептала заклинание. Я разобрал лишь последние слова:

...прими образ прими изменения
Был жив стал мертв
Прими силу прими мощь
Прими образ прими изменения.

Вместе с ее нашептыванием лук стал расти, желтый цвет тиса сменялся тусклым металлическим отливом. Затем она коснулась тетивы своими волосами и сотворила еще одно заклинание. Я не расслышал ни слова, но только тетива превратилась в плетеную женскую косу, которые применяются при создании самых мощных катаapult.

— Вот тебе лук, Амальрик. Осталось найти лучника. С этим тоже проблем не было.

— Отави, ложись на спину. Квотерволз поможет тебе прицелиться.

Отави лег на спину и, держа лук параллельно земле, уперся каблуками в древко.

Джанела, взяв пригоршню стрел, направилась к труп волка, лежащему на берегу. Она ткнула волка в грудь, так что наконечники стрел окрасились кровью. Затем коснулась наконечниками века своего глаза:

Смотри на то на что я смотрю
Охоться на то на что я охочусь
Убей того кого я убью
Лети быстро
Лети точно.

Она протянула стрелы Квотерволзу.

— Если повезет, то даже особенно целиться не придется. А теперь не мешайте мне.

Она извлекла из сумки длинные пряди какой-то шерсти. Но я отвлекся на стрельбу из вновь сотворенного оружия. Квотерволз встал на колени рядом с Отави.

— Оттягивай на полную, парень.

Отави ухватился за тетиву из волос обеими руками и потянул изо всех сил, так что вены вздулись у него на лбу. Стальной лук, изгибаясь, медленно подавался. Квотерволз наложил стрелу.

— Немного поверни... правильно... так, так... затаи дыхание...

Ноги Отави дрожали от напряжения.

— Пуск!

Щелкнула тетива, Отави завопил, получив отдачу по лодыжкам, а стрела устремилась прочь. На первый раз заклинание не сработало, стрела пролетела мимо вожака волков. Мы промахнулись по крайней мере футов на пять.

Я выругался. Зверь, точно заговоренный, продолжал оставаться на месте. Отави вновь улегся, натянул лук, а Квотерволз наложил стрелу и прищурился.

— Так... чуть ниже... Проклятая стрела, да проникнись же ты заклинанием... Пуск!

Вновь щелкнула тетива...

На этот раз она летела точно, и чудовищный зверь поздно заметил опасность. Он попытался отпрыгнуть, но стрела угодила ему точно в грудь. Он был поражен, видимо, в самое сердце, упал и умер на месте.

Тут же с обоих берегов донесся низкий вой. Он все усиливался по мере того, как волки узнавали, что их вожак сражен. Вой поднимался к небесам, наполняясь незвериной скорбью по потере. Даже я, как ни глупо, ощутил какую-то печаль, как всегда бывает, когда узнаешь, что землю покинул великий вожь, независимо от того, друг он тебе или враг.

Через мгновение этот вой перешел в сигнал к атаке, и звери вновь бросились на нас. Их злоба и ненависть к нам возросли вдвое. Но на нашей стороне был теперь дневной свет, позволяющий лучникам стрелять без промаха.

Волки откатились, теряя погибших, но к ним шла помощь, и я понял, что мы обречены, потому что даже земля затряслась. Мах посмотрел на меня, должно быть, мое лицо было столь же бледным, как и у него.

И тут мы увидели, отчего затряслась земля.

К холму в полном молчании неслось стадо из сотни, а может и больше, тех самых грозных остророгих быков. Джанела улыбнулась: ее заклинание подействовало. Я посмотрел на то место, где она творила заклинание. На песке она не рисовала никаких фигур или магических символов, а изобразила только чертеж реки и острова. Вокруг размещались клочки шерсти, отрезанные, как я сообразил, у мертвых волков. Та же шерсть, которую она вытащила из сумки, оказалась бычьей, найденной ею на кусте во время первой нашей встречи с этими животными. Теперь Джанела магией призвала их на помощь.

Я не знаю, как ей удалось сотворить заклинание, вызывающее быков. Но она сотворила, и они явились. Завидев своих извечных врагов, они, ведомые магией Джанелы, забыли свой обычный оборонительный инстинкт и бросились в атаку.

Выставив вперед свои длинные рога, они врезались в ряды волков. Вот один, второй, третий, четвертый, пронзенные, покатались под копыта стада, и волки не выдержали и бросились спасаться, словно за ними гналась стая демонов. Их одолели не мы, а магия.

Волки промчались вверх по склону противоположного берега реки, взлетели на холм и исчезли в степной траве. Быки, шумно преодолев реку и добежав до холма, замедлили ход, развернулись и пошли обратно, уже не торопясь и тяжело отфыркиваясь. Этим фырканьем они, должно быть, выражали гордость воинов, прогнавших врага с поля боя.

Перейдя реку в обратную сторону и направившись туда, откуда их вызвала Джанела, они принялись по дороге пастись, мычать, неприязненно поглядывая в нашу сторону. Действие магии, видимо, начинало проходить.

Мы вернулись на наш холм. Позаботившись о раненых, собрав убитых и проведя погребальную церемонию, мы вскоре были готовы продолжить поход.

К моему удивлению, Квотерволз и Отави отправились на дальний пригорок и остановились над трупом поверженного вожака волков. Они склонили головы, и Квотерволз высыпал на труп горсть песка, словно хороня погибшего воина и давая успокоение его духу.

Вернувшись, они ничего не сказали, и никто не стал смеяться над ними.

Мы продолжили поход.

На вершине холма я оглянулся. Пятеро погибших у Кулака Богов, семеро здесь... Я взмолился, прося богов, чтобы эти потери были последними.

Ведь нам, я был уверен, надо было, необходимо было встретиться лицом к лицу с Клигусом и Модином. До того, как мы доберемся до Тирении.

Мы приближались к горам, и степь становилась все более изрезанной оврагами и холмами. Нам столько раз приходилось совершать обходные маневры, что я даже боялся, как бы нам не сбиться с пути. Тогда мы решили вернуться на дорогу старейшин.

Мы повернули строго на юг и начали отсчитывать шаги. Все стремились поскорее увидеть мощеную дорогу.

Признаюсь, у меня было и еще одно желание — убедиться в собственных способностях ориентироваться, поскольку до сей поры я знал за собою способность только к тому, чтобы окончательно заблудиться. Мне хотелось, подобно морским штурманам, неделями не видящим ничего, кроме солнца и звезд, уметь точно выходить к нужной гавани. Если бы мне такая штука удалась хоть раз, я бросил бы все и остаток жизни провел бы на коленях, восхваляя то божество, которое помогло совершить мне такой подвиг.

И поэтому, когда, отмерив положенное количество шагов, мы не обнаружили и следа дороги, я несколько не встревожился, полагая, что все в порядке вещей и просто под моим руководством мы в очередной раз заблудились.

И тут идущий впереди разведчик что-то разглядел. Но не дорогу, а селение. Мы с Квотерволзом прошли вперед, чтобы посмотреть на это. Большая деревня раскинулась как раз поперек нашего пути. Она состояла из сотни приземистых каменных домов различных размеров. Деревня выглядела давно заброшенной, и мы решили пройти через нее.

Чем ближе мы подходили, тем более странное впечатление производила эта деревня. Выяснилось, что идти до нее гораздо ближе, чем казалось вначале. Просто дома были не выше пяти футов. Без окон, с круглыми крышами, они казались серыми куличами, разбросанными в беспорядке на песке.

Странное ощущение усилилось, когда мы подошли еще ближе и увидели дверные проемы. Они имели не более двух футов в высоту, зато четыре фута в ширину. Ни один человек не станет делать таких дверей в своем доме, и я задумался, что же за создания строили эти кулики и жили в деревне.

Квотерволз, шедший первым, дал нам сигнал остановиться и поманил меня. До края деревни оставалось футов тридцать.

Я поспешил к нему. Он, ни слова ни говоря, указал на ближайшую хижину. Каменные стены всех зданий покрывали барельефы. Я подошел поближе разобрать, что же там такое изображено, и холод пробежал у меня по спине.

Не могу описать существ, изображенных на стенах. Но стоит упомянуть, что это были не люди, это были вообще неизвестные мне создания. Не походили они и на демонов, описанных в книгах воскресителями, а представляли собой нечто перетекающее, наподобие медуз, но тем не менее эти медузы держали какое-то оружие и сражались с себе подобными.

Волосы зашевелились у меня на голове, и я почему-то решил, что долгое лицезрение этой настенной скульптуры плохо может отразиться на здоровье. Не осмелился я заглянуть и внутрь, страшась, что деревня эта не мертва, а внутри спят жутковатые обитатели. Я приказал Квотерволзу провести людей через деревню с удвоенной скоростью, и он ничего не сказал, лишь кивнув.

Мы торопливо миновали деревню, и никто из нас не оглядывался, пока она не скрылась из виду.

Прошло еще полдня в походе, и только тогда мы наткнулись на дорогу и двинулись по ней на восток. Мы выяснили, почему ориентировка подвела нас. Ошибки не было. Мы полагали, что дорога идет прямо, а она огибала эту деревню, словно и старейшины страшились общаться с ее загадочными обитателями.

Наверное, этот факт должен был бы меня напугать, но я обрадовался, узнав, что есть *кое-что*, чего страшатся и сами старейшины.

Через три дня горы уже возвышались над нами, а дорога начинала постепенно карабкаться вверх. Гигантские пики и перевал, куда уходила дорога, были затянуты облаками.

Впереди на дороге показалось какое-то темное пятно. Мы приблизились и разглядели трех всадников, сидящих неподвижно в ожидании. Места вокруг были открытые, никакой опасности не замечалось, и мы подошли к ним.

Я узнал одного всадника. Это была Саиб, прекрасная в своих шелках и отороченной мехом накидке, но с лицом холодным, как горы позади нее.

Возле нее сидел на лошади невысокий старый человек. Волосы его волнами ниспадали из-под шлема, представлявшего собой верхнюю половину черепа волка; спина и плечи были укрыты совершенно необыкновенным плащом, многоцветным, созданным из перьев невиданных радужных птиц, и старик, несомненно, гордился этим предметом своего одеяния. Его костюм дополняли только меховая набедренная повязка и сандалии. Казалось, он не замечал холода. Я решил, что это шаман.

Третьим был здоровенный мужчина высотой футов шести с половиной. Ему уже перевалило за пятьдесят, но можно было не сомневаться, что он остается могучим воином. На нем были бриджи тонкой красной кожи, искусно расшитой золотыми нитками, черные сапоги до колен и того же цвета туника с бронзовыми пластинами. На голове он носил

корону, которая, правда, могла считаться и боевым шлемом, отделанную золотом и драгоценными камнями. Борода его была аккуратно пострижена. За плечом виднелась длинная сабля с широким лезвием. К седлу были привязаны две сумки из пятнистой кожи.

— Ты Амальрик Антеро из далекого города Ориссы, — утвердительно заявил воин. По всему было видно, что это и есть вождь племени рез вейн.

— А ты — Сьюян, вождь племени рез вейн, — так же утвердительно сказал я.

— Да. Ты спас мою дочь от псов Исмида.

— Совершенно верно.

— Тем не менее ты отказался взять ее и остальных в рабы. Или воспользоваться правом победителя другим образом.

— И это правда.

— Тебя устрасило мое имя? Ты испугался моей мести? Я усмехнулся и промолчал.

— Думаю, что нет, — предположил он.

— Я не доверяю рабам, — сказал я. — И не верю, что сабля дает человеку какие-то особенные права, какого бы она ни была размера.

— Так полагают только слабые люди, — фыркнул Сьюян. — Но ты не слабак.

Он пристально посмотрел на меня.

— Возможно, в ближайшие годы я совершу путешествие в твои края, в твой город, и попытаюсь понять, откуда у тебя такие мысли, — заявил Сьюян.

— Если ты решишься на это, вся Орисса будет приветствовать тебя как гостя моей семьи.

Я улыбнулся, представив себе, что будет твориться на улицах, когда он и необходимая, по его мнению, свита, прибудет в Ориссу. Увидев мое выражение лица, он кивнул, словно я высказал свою мысль вслух, и тоже улыбнулся.

— Не будучи у меня на службе, ты хорошо послужил мне, — сказал он. — А вот судьба тех, кто служит мне плохо. — Он открыл седельную сумку, сунул внутрь руку и вытащил человеческую голову. Он швырнул ее, и голова покатилась мне под ноги. Она принадлежала Дью, старику, который отвечал за безопасное возвращение Саиб домой. Рядом с глухим стуком упала другая голова, Зива.

— И поскольку ты, будучи вождем, оказал услугу другому вождю, я должен отслужить тебе.

Он замолчал, и я понял, что он ждет моего ответа. Но я не знал, что ответить. Тогда он сказал:

— Я сожалею о том, что ты попал в сети к той колдунье, о которой рассказала мне дочь. Возможно, я вернул бы тебе долг, уничтожив ее, но мой главный шаман посоветовал мне не связываться с магией чужих земель, поскольку она может исходить от тех кудесников за горами, против которых я бессилён. А жаль.

— Тебе надо найти для Саиб хорошего мужа, мужчину, достойного стать отцом ее детей.

— Что ж, тогда прощай, Антеро. Спасибо тебе. Они развернули лошадей и галопом помчались на север. Саиб так и не оглянулась на меня.

Джанела подошла ко мне, за ней остальные. Она посмотрела на горы, затем вслед удаляющейся троице.

— Хорошие друзья у тебя появились, — только и сказала она. На следующий день дорога наконец достигла гор. И теперь ей пришлось опять превратиться в серпантин.

Мы насторожились, страшась новых засад.

За первым же поворотом мы наткнулись на двух стражников из Вакаана. Вернее, на их головы.

Насаженные на копья, они торчали по обе стороны дороги. Лица мертвецов выражали ужас.

Квотерволз подошел к одной голове и потрогал обрубленную шею. Он вернулся, вытирая пальцы.

— Кровь свернулась, но недавно. Их убили не ранее чем вчера.

Мы двинулись дальше, готовые к схватке. Но нам попадались лишь новые головы. Они страшными верстовыми столбами торчали на копьях через равные интервалы по обе стороны дороги. Мы считали их. На сто пятидесятой кончились головы в красных шлемах и сменились головами ориссиан.

Они окаймляли дорогу впереди, насколько хватало глаз. Кое-кто из наших людей цинично веселился, утверждая, что наши враги получили то, что заслуживали. Но потом шутки смолкли, когда среди ориссиан стали попадаться знакомые лица.

Квотерволз указал на одно из них.

— Это капитан Джамот. Порядочное дерьмо. Его выгнали из пограничной стражи за то, что он приказал вырезать идущих на переговоры парламентаров под белым флагом.

Я тоже знал этого человека.

Теперь я понял, чьих рук это дело. Сюян возвращает мне долг. Джанела с мрачным выражением лица шла рядом со мной. Я хотел было спросить ее, не ощущает ли она здесь присутствия магии, иначе как объяснить, что вся армия попала в западню и позволила себя уничтожить. Но царил такая жуткая тишина, что я не решился ее нарушить.

Незаметно я ускорил шаг, всматриваясь в каждую голову и страшась того, что будет дальше.

Так мы дошли до высоты, откуда начинались горные луга, где хорошо было бы устроить привал. Но теперь вокруг стоял ужас смерти. Зеленая травка и цветы были все в крови, вокруг лежали сотни обезглавленных тел. Никто не был связан. Судя по всему, армия Клигуса угодила в магическую паутину и люди безропотно стояли на коленях, ожидая своей судьбы со смирением овец.

Ветер стих, была полная тишина.

Вдруг послышался стон. Он доносился оттуда, где сложенные тела образовывали собой ужасную звезду. В центре фигуры корчились два еще живых человека. Оба были обнажены.

Первый находился без сознания. Джанела ахнула, увидев, что сделали с ним. Узнать его было трудно, потому что ему выжгли глаза.

Он был кастрирован, и его кровь стекала в лужицу между бедер.

Это был Модин.

Второй человек бессвязно бредил. Рана в боку была у него даже перевязана.

На ногах ему перерезали жилы, как делают это жестокие фермеры с козами, чтобы они не могли бегать.

Это был Клигус.

Сюян сторицею вернул долг, оставив более чем полное доказательство своей жестокой власти. Но теперь, когда желудок у меня готов был выскочить из горла, я уже сожалел, что спас его дочь, а не оставил ее разбойникам Исмида.

Я встал на колени рядом с Клигусом, поражаясь, как они с Модинем до сих пор живы и почему их не прикончили стервятники. Должно быть, шаман племени рез вейн обладал истинным могуществом.

Клигус открыл глаза и узнал меня:

— Отец?

Он понял, что не бредит. Лицо искривилось от боли:

— Итак, ты победил.

Голова его откинулась, и он потерял сознание.

Конечно, Клигус был мерзавцем, но я не мог оставить сына умирать вот так, независимо от того, что он сделал против меня. Я спросил Джанелу, не хочет ли она прикончить Модина. Она покачала головой.

— Я никогда не была убийцей. Он ослеплен, лишен мужского достоинства и силы и теперь не опасен. И я не хочу его смерти.

Я приказал соорудить носилки, чтобы взять несчастных раненых с собой. Квотерволз собирался перечить, но, увидев мой строгий вид, смирился.

Я отошел подальше от места бойни и сел, глядя в пустоту. Я плакал, плакал по сыну, по тому, каким бы он мог стать, и по тому, каким стал, и оплакивал себя.

Послышались шаги, и рядом со мной села Джанела.

Она подождала, пока я успокоюсь, протянула мне носовой платок. Я вытер глаза.

— Не знаю, утешит это тебя или нет, но такой конец был неизбежен, — тихо сказала она.

Я кивнул. Она была права. Но в настоящий момент никакое сочувствие мне не помогало. Она встала. Помолчав минуту, она сказала:

— Проклятие! И удалилась.

Долго я сидел так, ощущая себя очень старым и обессиленным. Наконец кое-как совладал с собой.

Спустя некоторое время мы продолжили поход.

Дорога кружила, поднимаясь вверх. Все более разреженный воздух сказывался на дыхании.

— Клянусь, если за этой горкой окажется снова равнина, а за ней новые горы, я дезертирую и присоединюсь к этим головорезам-кочевникам, — сказал Пип.

Вскоре мы поднялись выше облаков. Преодолев перевал, мы спустились в долину. И там увидели то, к чему стремились так долго.

Глава 16 ТИРЕНИЯ

Город ослеплял белыми стенами, башенками с куполами из нефрита и золотыми воротами. Я протер глаза, и цвета изменились: белый — в сверкающе-розовый, зеленый — в бледно-голубой, а золотой — в серебряный.

Наплыла тень от темной тучи, и город-крепость превратился в серый и унылый, как кусок гранита. При взгляде на эти стены, неприступные для любой армии, я представил, как поблескивает на них магическое оружие, мне послышались крики и лязганье сабель древней армии, тщетно пытающейся одолеть эти стены. Туча прошла, и я ладонью прикрыл глаза от ярких красок городских строений.

— Тирения! — зачарованно выдохнула Джанела.

Да, она была права, потому что другого такого места не могло быть.

Вдруг городские ворота широко распахнулись, и через них выехало несколько огромных экипажей. Они неслись вниз по дороге с невероятной скоростью. Красные, отделанные золотом открытые колесницы имели на ступицах золотые, вращающиеся серпы. В них были впряжены свирепые белые жеребцы ростом в два раза выше обычной лошади и еще более устрашающего вида от черных с заклепками попон на них. На передней колеснице развевалось на ветру знамя — золотая корона на голубом поле.

Мы остановились, и через пару минут колесницы подлетели к нам. Передняя, выбросив из-под колес сноп искр, развернулась, останавливаясь. В ней сидели человек шесть вооруженных людей, но только один из них соскочил на дорогу и направился ко мне, снимая золоченый шлем с изящным белым плюмажем с головы. По широким плечам рассыпались золотые кудри. Благородные черты лица этого высокого и красивого человека с бородой такого же цвета, как и волосы, говорили о его высокородном происхождении. Я даже испугался — так он походил на того короля из древней придворной сцены с танцовщицей. Хотя этот был слишком юн, видимо, едва достиг совершеннолетия.

Он улыбнулся, показывая великолепные белые зубы, и сказал удивительно мелодичным голосом:

— Я — принц Соларос, сын короля Игнати, предоставившего мне честь приветствовать вас, господин Антеро. Наши многочисленные подданные уже давно ожидают вашего прибытия.

Соларос грациозно поклонился Джанеле.

— Вся Тирения готова склониться у ваших ног, госпожа Серый Плащ. Ведь если бы вы не подняли знамя, выпавшее из рук вашего великого предка, этот день никогда бы не настал.

Затем он раскинул руки, словно собираясь обнять весь наш отряд, и сказал громким, глубоким голосом:

— Добро пожаловать! Добро пожаловать всем! Добро пожаловать в королевство, которое вы называете... Королевствами Ночи.

Не много найдется людей, живущих ныне или уже умерших, которым удавалось при игре в кости с богами дважды подряд выкидывать священные семерки. Впервые я встряхнул эту чашку с кубиками еще в юности и открыл земли, в существование которых почти никто не верил, а если и верили, то полагали, что уж добраться до них и подавно невозможно. И в конце жизни — когда уже тень Черного Искателя маячила надо мной — я вновь бросил кости и вновь выиграл главный приз. И заключался он не только в открытии мифических земель. Стало ясно, что сказки, которые мы слушали в детстве, оказались правдой, а песни о сказочной стране, золотых людях и дорогах среди цветов сочинены не случайно.

И вот во второй раз в моей жизни я добрался до чудесных земель. Теперь у меня за плечами была долгая, трудная жизнь. Многие поступки, вызывающие стыд и сожаление, покрывали шрамами мою душу.

Однако же теперь открылось второе дыхание, пряное вино победы разгоняло кровь, все было свежо и радовало, как в юности.

Мы прибыли в Тирению, как пилигримы, уставшие и покрытые дорожной пылью. Мы явились невежественными и униженными искать мудрости самого древнего города среди земель Тедейта. Мы прибыли в благоговении перед старейшинами, потомки которых обитали здесь. Мы явились, трепеща от надежд и страха, — не отвергнут ли нас, не посмеются ли над нашим невежеством? Особенно уязвимым чувствовал себя я. Моя беда по имени Клигус лежала, постанывая, на носилках рядом со мной в карете принца, когда мы подъезжали к воротам Тирении.

Первое, что я увидел, оказавшись в Тирении, — толпы, стоящие вдоль улицы, приветствовали нас, посылали нам воздушные поцелуи и осыпали наш путь цветами.

Первое, что я услышал, — громогласное чествование чужестранца как героя, о котором я-то знал, что он всего лишь обычный человек.

Я сидел слева от принца Солароса, а Джанела — справа. Он сам правил колесницей одной рукой, приветственно помахивая толпе другой. Ясно было, что он пользовался у народа большой популярностью, и его имя выкрикивалось наравне с нашими. Лицо его порозовело от восторга, длинные волосы развевались на ветру, как и широкий белый плащ, небрежно наброшенный на плечи и открывающий широкую грудь в кольчуге из серебра. От его стройной фигуры не могли оторвать глаз тиренские женщины.

Мы катились по широкой гладкой улице, вымощенной жемчужного цвета камнем, подковы издавали такой звук, словно лошади ступали по утрамбованному песку океанского побережья.

Рессоры колесницы работали при помощи магии, так что мы не ощущали ни единого толчка при движении, словно находясь в полете. Над нами реяли висящие поперек улиц многоцветные бумажные змеи, наполняющие воздух запахами прохладного сада и фруктовых оранжерей. Звучала музыка, столь чарующая, что я всплакнул по Омери, которая не дожидая до этого дня, чтобы услышать ее. Музыка звучала с небес, из городских парков, улиц, казалось, ее издавал даже каждый камень, по которому мы проезжали.

Город занимал всю вершину горы и соединялся с крепостями поменьше и еще несколькими горами магическими мостами, подвешенными на тонких канатах. Тирения состояла из множества крепостей, расположенных одна внутри другой, с изящными домами, богатыми магазинами и изобильными рынками, расположенными между очередными стенами с башенками. Но, несмотря на богатства этих зрелищ, я успевал замечать и бдительных солдат, стоящих на стенах, и понимал, что все эти дома, магазины и рынки могут быть оставлены в случае опасности, когда люди уйдут под защиту следующих стен,

обороняемых солдатами.

Открывались ворота за воротами, и за каждым нас встречала восхвалениями следующая толпа.

Наконец впереди показались последние ворота, более массивные, чем остальные. Когда они распахнулись, я понял, что вижу древнее великое сердце Тирении. Камни здесь позеленели и покрылись трещинами от старости. Над башнями курился магический дымок, а тройные купола центрального здания отливали жутковатым светом.

Грумы и слуги бросились к нам навстречу. Принц соскочил с коляски и стал давать распоряжения, где нас разместить и какой следует предоставить нам комфорт.

Улыбаясь, он обратился к нам с Джанелой:

— Мой отец человек нетерпеливый и приказал привести вас к нему немедленно. И боюсь, мне придется попросить вас немного потерпеть, а отдохнуть и привести себя в порядок после дороги потом. Ваши люди будут размещены в удобных помещениях, вы можете быть совершенно спокойны за них.

Джанела согласно кивнула и быстренько достала из сумки зеркальце, чтобы хоть немного причесаться. Я встревожено посмотрел на Клигуса и Модина, и принц понял мой взгляд.

— Я распоряжусь, чтобы им обеспечили должный уход, пока вы будете заняты своими делами. Королевский лекарь займется их ранами, — сказал он сочувственно. Немного помолчав, он добавил: — Вы отзывчивый человек, Амальрик Антеро. Мой отец считает это слабостью. Я с ним не согласен, но... впрочем, вы сами увидите... различий между нами много. И все же, если бы я оказался на вашем месте, не думаю, чтобы проявил подобную снисходительность.

Я внезапно рассердился, но прикусил язык, дабы не сказать лишнего, и покачал головой, овладевая собой. Когда эмоции улеглись, я сказал:

— Благодарю вас, ваше высочество. А теперь, если пора, то ведите нас. Король, как вы сказали, ждет.

Принц несколько замялся:

— Должен предупредить, чтобы вы были настороже. При дворе моего отца вы не встретите тот же восторженный прием, что и у наших подданных. Ситуация у нас сложная, и позднее я опишу ее вам подробнее. Знайте же, что здесь найдутся и те, кто совсем не рад вашему прибытию, равно как есть и другие, считающие ваше появление счастьем, в результате чего мы сможем выступить единым фронтом против нашего общего врага.

Джанела кивнула:

— Я это чувствую, ваше высочество. Не окажусь ли я дерзкой, если выскажу предположение, что в этом споре вы с королем придерживаетесь различных точек зрения?

Принц вздохнул.

— Более различных быть не может. Но прошу вас, наберитесь терпения. Я уверен, что правда окажется за мной... Хотя, боюсь, времени у нас мало. — Он расправил плечи. — Ну пока хватит об этом. Когда мы выберем время поговорить, все разъяснится.

И он повел нас к мрачному зданию дворца короля Игнати. Я удивился, оказавшись в тронном зале. Я не знаю, что я ожидал увидеть, но то, что увидел, сильно меня разочаровало — как-никак здесь обитали потомки легендарных старейшин.

Огромный, плохо освещенный зал наполняли унылые статуи и истуканы странных божеств с ликами. Высокие стены были расписаны сценами из битв древних тиренцев с полчищами демонов. Здесь сабля взлетала против когтей, маг противостоял черному колдуну, а колдовские боевые машины стремились сокрушить неподдающиеся стены. Между фресками располагались портреты королей и королев Тирении, столь разрушенные временем, что едва угадывались черты лиц. Пол пестрел тысячами высеченных в камне имен, и я понял, что под нами лежат останки правителей Тирении и величайших героев. Ощущение было такое, что дом полон призраков.

В дальнем конце зала показалось какое-то движение. Когда мы подошли ближе, из

ниши выступили несколько юных особ. Соларос шепотом представил нас друг другу. Я запомнил Эмерля, Трэйда и еще кое-кого,

Джанела дернула меня за рукав, обращая мое внимание на одного молодого человека, высокого, невероятно худого и бледного. На его длинном лошадином лице больше всего запоминались широко посаженные глаза и крупные, выступающие изо рта зубы. Звали его Вакрам. Когда мы по тиренскому обычаю коснулись ладонями друг друга, мою кожу закололо ощущением магической энергии. И я не удивился, узнав, что мы познакомились с магом принца.

Место королевского трона находилось в обширной нише со сводом, мягко освещенной каким-то магическим источником света. Стены тут обтягивали темные ковры, и такие же ковры покрывали пол. Вокруг располагалось десятка два низеньких столов и стульев, обтянутых черной плотной материей. Большинство сидений пустовало, а придворные толпились у трона.

Король Игната при нашем приближении поднял голову и едва ответил на наши поклоны.

— Ваше величество, — сказал его сын. — Я имею честь представить вам Амальрика Антеро и Джанелу Серый Плащ.

Король ничего не сказал, лишь склонился вперед, всматриваясь в нас холодными узкими глазами.

Король казался мужчиной средних лет. Его светлые волосы ниспадали из-под широкой короны, а длинная золотая борода опускалась на грудь, загигаясь на конце вверх. Светлую кожу покрывали какие-то темные пятна, а на длинных тонких пальцах обращали на себя внимание острые, отполированные ногти. Я не мог в полутьме разобрать цвет его глаз, казавшихся слезящимися. Чем внимательнее я вглядывался, тем яснее понимал, что его старение просто остановлено с помощью магии. Тонкие линии морщин покрывали все его лицо, а розоватый оттенок щек, который я сначала принял за доказательство здоровья, указывал на сердечное заболевание.

Он бросил на меня лишь мимолетный взгляд, сосредоточившись на Джанеле, хотя в его взгляде не читалась похоть.

— А вы симпатичнее, чем мне говорили, — наконец сказал он. Голос был высоким, даже несколько визгливым.

— Благодарю вас, ваше величество, — сказала Джанела. Король покачал головой.

— Не сочтите это за комплимент. — Он повернулся к смуглому мужчине в мантии мага. — Я не доверяю симпатичным людям, не так ли, Тобрэй?

Маг улыбнулся и поклонился королю, а затем и Джанеле.

— Король вовсе не хотел вас обидеть, моя госпожа, — сказал он.

— Не надо объяснять людям, Тобрэй, что я хотел и чего я не хотел, — сказал король магу. Затем обратился к Джанеле: — Но это правда, я не хотел вас обидеть. Просто высказал мысль вслух.

— Никто и не обиделся, ваше величество, — сказала Джанела. Король беззаботно махнул рукой и обратился ко мне:

— Так вы, стало быть, и есть тот самый великий Амальрик Антеро? — сказал он. В его голосе явно слышался сарказм.

— Имя свое признаю, ваше величество, — сказал я, — но на величие не претендую.

Игнати фыркнул. Если он и хотел изобразить веселье, то звук для этого был избран весьма неприятный.

— Умен. Очень умен. — Он повернул голову к магу Тоб-рэю. — Но ведь я всегда признавал его ум, не так ли, Тобрэй?

— Совершенно верно, ваше величество, — кивнул Тобрэй и сказал, обращаясь ко мне: — Король всегда выражал восхищение вашим умом, господин Антеро.

Игнати раздраженно застучал ногтями по подлокотнику трона.

— Не *всегда*, Тобрэй, — сказал он. — А лишь время от времени.

— Как скажете, ваше величество, — согласился Тобрэй. — Лишь время от времени.

— Не надо внушать этим двум приезжим, что я от них в восхищении, — сказал король. — Не надо равнять меня с тем сбродом на улице, управлять которым меня проклинали боги. Безумная толпа — вот как бы я их еще назвал. Они полагают, что мы живем во времена упадка, в то время, когда дела обстоят лучше некуда. Я дал им мир, а они сочли это слабостью с моей стороны. — Он сверкнул глазами на Тобрэя. — И не спорь со мной. Я *знаю*, о чем они думают.

Тобрэй, и не думавший спорить со своим монархом, покачал головой, сохраняя на лице спокойную улыбку.

— Разумеется, знаете, ваше величество, — сказал он. Взгляд короля метнулся к нам. — Безумная толпа, — вновь произнес он. — Они увидели простого смертного, похожего на них, совершившего удивительный подвиг — а должен признать, ваша экспедиция заслуживает такого определения, — и раздувают это событие сверх всяких приличий. И начинают полагать, что вы спасете их от демонов, хотя, видят боги, я полностью контролирую ситуацию. *Полностью* контролирую.

— Я удивлен, как и вы, ваше величество, — сказал я. — Я ничего не знаю о ваших делах, но за время поездки по улицам Тирении в сопровождении принца Солароса я убедился, что боги даровали вашим подданным мудрейшего из правителей.

Король вновь фыркнул.

— Умен, умен, нечего сказать! Немудрено, что ваше предприятие закончилось успехом.

— Мы игрушки в руках судьбы, ваше величество, — вмешалась Джанела. — Просто боги чаще улыбались нам, чем нашим врагам.

Игнати хрипло рассмеялся и, прежде чем заговорить, сплюнул в носовой платок.

— И ты умна, — сказал он. — Как и твой прадед Янош Серый Плащ. — Он помрачнел и уставил на Джанелу костлявый палец. — И ты так же опасна, как и он был в свое время, хотя теперь, когда я увидел тебя своими глазами, я вижу, что у тебя другие намерения.

Джанела напустила на себя озабоченный вид.

— Но что же я сделала такого опасного, ваше величество? — спросила она.

— Как, а постоянное, к месту и не к месту, применение магии, — сказал Игнати. — Почему бы просто не ограничиться целебными травами или вызывать дождь, когда он нужен, и останавливать дождь, когда он не нужен?

— Но есть еще и обычное любопытство, ваше величество, — сказала Джанела.

Король нетерпеливо отмахнулся от этого аргумента:

— Да, да. Я уже слышал это раньше. Что ж, это неудивительно, если брать во внимание твое происхождение.

Джанела лишь поклонилась, благоразумно промолчав. Настала моя пора подвергнуться королевскому недовольству.

— Надеюсь, ты догадываешься, что ваше семейство ничего не приносило нам, кроме хлопот.

Я пожал плечами.

— Но каким же образом, ваше величество? — сказал я.

— Я имею в виду вашу склонность к приключениям и сражениям с демонами, — сказал он. — Экспедиция туда и сюда. Поддержка этих Серых Плащей в совершении их глупостей. Я не порицаю твою сестру. Она человек военный. Но должен заметить, что если бы ты не покинул Вакаан сломя голову, то война бы и не началась. Да, я понимаю, у тебя были сложности с Равелином, заключившим собственную сделку с демонами. Ну и что из этого? Я бы на вашем месте немного уступил демонам на западе. Тем более что там никто и не живет, кроме каких-то варваров. Почему же вы не сделали этого?

Принц кашлянул, стараясь привлечь к себе внимание отца.

— Прошу прощения, отец, — сказал он. — Но его народ живет как раз среди тех самых варваров.

— Да, да... конечно, — признал король. — Я понимаю, что в той ситуации действия ориссиан были оправданны. Я лишь пытаюсь пояснить, сколько проблем они создали этим для нас.

— Проблем много, отец, — сказал принц, — но эти люди явились причиной лишь одной из них — демонов.

— Какая разница, — сказал Игнати. — Просто я сказал об этой проблеме один раз, а могу сказать тысячу. Как король, я еще и фокусник. Мы слишком долго воюем, а чтобы остановить эту войну, всего-то и надо — понять точку зрения другого. Чего хочет он? Чего хочу я? Где-то посередине наши интересы должны сойтись. И без проклятой войны, будь она неладна!

Я увидел, что принц, наш благодетель, начал сердиться, когда дело дошло до, очевидно, старых споров, и попытался вмешаться.

— Позволено ли мне будет проинформировать вас о целях нашей экспедиции, ваше величество? — спросил я. — Мы прибыли в поисках знаний. Но еще более — просить вашей помощи. Наше отечество под угрозой. Мы стали свидетелями упадка Ва-каана, и я боюсь, то же ждет и Ориссу, если мы не отыщем путей к спасению.

— Если хочешь мудрости, услышь ее из этих уст, — сказал король. — Заклужи мир с демонами. Ты же купец. Ты умеешь торговаться. Отступи немного здесь, зато получишь немного там. А затем доверься богам, коли помыслы твои чисты, и все кончится хорошо.

Поначалу я принял его за помешанного, а затем за труса. Слышать такое от короля старейшин было просто оскорбительно.

— Что же касается остального, — продолжил Игнати, — я нисколько не возражаю против того, чтобы Джанела Серый Плащ покопалась в наших старых книгах по магии. Естественно, с чисто научными целями. Со временем я еще оценю последствия вашего прибытия сюда. А признаться честно, если бы не шумное одобрение вашей экспедиции моими подданными, то я бы просто устроил в вашу честь пир, назвал бы вас в глаза храбрецами, а за спиной — дураками и выпроводил бы обратно. Но я взял за правило позволять толпе быть счастливой, если это в моих силах. В настоящий же момент они находятся в столь восторженном состоянии по поводу вашего прибытия, что я оставляю вас погостить, пока они не угомонятся. Я не думаю, что это будет для вас очень неудобным. Как дети, они обо всем забывают быстро.

Принц подавил улыбку.

— Я присмотрю за тем, чтобы у них все было хорошо, отец? Игнати фыркнул.

— Я так и знал, что он попросит об этом, Тобрэй, — сказал он магу. — Если бы он был нормальным парнем, то все бы мамыши кругом тряслись за своих дочек, а хозяева таверн радовались бы прибыли от его гулянок. Но он же у нас серьезный, весь в мать — да покоится она в мире. Набрал шайку храбрецов-единомышленников, восхваляющих его за здравомыслие... Иногда, когда у меня скверное настроение, я даже подумываю, не позволить ли им воевать. Пусть сразятся с демонами, чтобы узнали, почем фунт лиха.

— Я был бы счастлив, отец, — сказал Соларос.

Игнати издал тот самый звук, которым у него выражался смех.

— Не искушай меня, сын, — сказал он. — Пусть уж все идет заведенным порядком. Ты просто юн. И скоро поймешь, что к чему. Ну а пока развлекайся. Играй в свои новые игрушки. И когда наконец *ты* станешь королем, ты поймешь, что твой отец был не так уж и глуп.

Принц хотя и был юн, но все же обладал достаточной мудростью, чтобы оставить последнее слово за отцом. Он низко поклонился и повел нас из тронного зала.

— Теперь вы все поняли? — спросил Соларос, когда мы вышли в коридор.

— Думаю, да, — сухо сказала Джанела.

Она ответила за нас обоих. Ей несложно было догадаться о моем мнении.

— Но не надо думать, что дело обстоит так уж безнадежно, — сказал он. — Намерения моего отца могут и измениться.

— И именно вы, ваше высочество, должны позаботиться об этом, — сказал один из его единомышленников. Это был тот самый маг с лошадиной физиономией — Вакрам. — Не так ли, друзья мои?

Друзья принца вразнобой заговорили о том, что Соларос имеет на короля большое влияние.

— А теперь, когда с нами господин Антеро и госпожа Серый Плаш, — продолжил Вакрам, — убедить его будет еще легче. И я надеюсь, что теперь, мой принц, демоны убавят спесь и угомонятся со своими требованиями. А мы посмотрим, насколько крепки у них хребты, чтобы выйти на бой!

Принц покраснел от удовольствия и сказал нам:

— Если позволите, я еще немного задержу вас. Я понимаю, как вы устали. И голодны. Но все-таки прошу еще уделить мне внимание. Очень скоро вас покормят и вы отдохнете.

— Мы в вашем распоряжении, ваше высочество, — сказал я.

— На самом деле я не собираюсь распоряжаться вами. Речь идет об истинном партнерстве, — сказал принц. — А теперь, если вы пойдете со мной, я объясню вам то, что обещал.

Он отпустил своих друзей, и мы пошли за ним по лабиринту коридоров, казавшихся все более древними с каждым поворотом.

Когда мы, по моим прикидкам, добрались до задней части крепости, до нас донесся шум каких-то строительных работ. Принц откинул в сторону плотную портьеру, и мы увидели рабочих, вырезающих квадратные куски камня, и других — заменяющих старые куски на новые. В воздухе столбом стояла пыль, и принц, извиняясь, пожал плечами, отворил тяжелую дверь и поманил нас за собой.

— Вот мои покои, — сказал он с оттенком гордости. Он захлопнул дверь, и звуки работ смолкли. — Все это крыло осталось еще от первоначального дворца. Со временем его забросили, стали пристраивать новые помещения. Я очень увлекся прошлым нашей семьи, которое проходило здесь, и испросил разрешения и денег у отца на ремонт этой части дворца, где и разместились мои покои.

Мы вошли в комнату, которая, очевидно, служила кабинетом. Он был приятно освещен, искусно декорирован и обставлен удобной мебелью. В центре кабинета стоял письменный стол, окруженный стульями, а на столе — небольшой крутящийся глобус.

Соларос пригласил нас сесть и велел слуге принести нам еду и питье. Пока он распоряжался, мы с Джанелой изучали глобус, быстро сообразив, что это — модель нашего мира. Несмотря на маленький масштаб, мы нашли на нем далекие западные острова, исследованные Ради, знакомые очертания побережий и морей близ Ориссы. Оттуда уже легко было проследить наш путь до Ирайи, через опасное Восточное море, по реке и по заброшенной дороге до Тирении.

— Какая занятная штука масштаб. В несколько моих ладоней уместилось все наше путешествие, — с улыбкой сказала Джанела. — Я думаю, нам было бы легче, если бы у нас был такой глобус, а не наша приблизительная карта.

Слуга принес заказанное, и Соларос, усевшись между нами, изящными движениями стал раскладывать по двум тарелкам деликатесы и наливать вино.

— То, с чего скопирован этот глобус, настоящая магическая модель нашего мира, занимает шесть этажей большой башни, — сказал принц. — Мы видим на ней все, и наши маги по ней управляют погодой. Мы наблюдаем за всеми важнейшими событиями в жизни людей.

— И нас с Амальриком, ваше высочество? — спросила Джа-нела.

— Да, — сказал принц. — Знаете, с каким волнением вся Тирения следила за вашей с Яношем Серым Плащом экспедицией?

— В которой мы открыли не то, что искали? Соларос улыбнулся и отпил вина.

— Вы не потерпели неудачу. Вы просто рано остановились. Конечно, все это происходило задолго до моего рождения, но вся Тирения скорбела, когда Янош Серый Плащ

утратил ощущение нашего влияния, запутавшись в магии Ирайи. Тем не менее ваше достижение считалось удивительным и давало нам надежду на объединение наших сил.

— И вашему отцу, ваше высочество? — спросил я, скрывая сарказм.

— В общем, да, — к моему удивлению, сказал принц. Он помолчал, подбирая слова. — Будет легче, если я начну с самого начала. И прошу вас потерпеть, если я буду говорить, как старый нудный школьный наставник.

Он вновь наполнил наши бокалы и начал:

— Как вы давно уже подозреваете, некогда в нашем мире долго процветала великая цивилизация старейшин. Что случилось с ней, мы точно не знаем, поскольку время скрыло от нас подробности. Однако большинство наших ученых соглашаются в том, что мы, тиренцы, были в свое время столь же невежественны и дики, как и остальные народы. Но нам был присущ талант к обучению, и когда мы обрели письменность, то хорошо воспользовались наследством старейшин.

Принц улыбнулся.

— Короче говоря, мы оказались дотошными учениками. В результате наши маги сумели найти применение древней магии, добавив к ней свой опыт. И в этом они превзошли магов наших врагов и всех соседей, земель которых мы домогались. Должен честно признать, что в таких делах мы были и остаемся такими же людьми, как и все остальные. Мы создали непобедимую армию, с легкостью подавляющую все попытки жалких варваров выступить против нас и удерживающую их под нашим господством.

Лицо его стало скорбным.

— Почти во всех случаях, насколько мне известно, дело кончалось нашей победой и их порабощением. — Он пожал плечами. — Но кто я такой, чтобы судить предков? Это были суровые люди, такие же, как и их время.

Я отпил вина, чтобы скрыть охватившие меня чувства. Мне, освободителю рабов Ориссы, были глубоко противны все поработители. Что же касается суровых времен, это не оправдание — чем они отличаются от любых других? Но по крайней мере принцу, в отличие от его отца, была, кажется, присуща деликатность в суждениях.

— Впрочем, войн было не так уж много, как можно подумать, — продолжил принц. — Под единым правлением собралось несколько больших территорий. Даже чаще иноплеменники присоединялись к нам мирным путем, нежели в результате войн. Это было естественно. Некоторые из страха перед нами, некоторые под влиянием тех чудес, что создавали наши маги. Цивилизация принесла свои плоды — тяжелого труда становилось все меньше, никто не голодал, нравы смягчались. Наступала эра наслаждений. Эпоха искусств, музыки и литературы. Так обстояли дела до тех пор, пока не напали они...

— Демоны, ваше высочество? — прошептала Джанела.

— Да, демоны, — сказал принц. — Но вы должны понимать, что эти создания не были нам в диковинку. Мы сталкивались с ними испокон веку и либо делали из них фаворитов, либо убивали, если они являлись слишком могучими и опасными. Но это были дикие существа. Скорее коварные, нежели умные, не имевшие иных целей, кроме немедленного удовлетворения своих диких потребностей.

— Подобно демону Азбааса, ваше высочество? — спросил я. Соларос кивнул.

— Большинство из наших великих магов полагали, что эти существа столь же естественны для нашего мира, как и такие злые люди, как сам Азбаас. И воспринимали их примерно такими же досадными мелочами, как тигров, нападавших на жителей деревни в джунглях, или морских хищников, расправлявшихся с зазевавшимся моряком. Маги и прочие образованные люди не понимали, что демоны являлись из иного мира, иных миров... привлеченные нами, как пиявки запахом свежей крови.

— Другими словами, — сказала Джанела, — чем больше процветало человечество, тем сильнее привлекало к себе их внимание.

Принц задумался.

— Наверное, так, — сказал он. — Хотя, насколько мне известно, еще никто не доказал

эту гипотезу.

Джанела глубоко вздохнула и выпрямилась, словно ощутив внезапное потрясение. Взгляд ее на мгновение затуманился, затем вновь обрел ясность — она поняла что-то очень важное.

— Ваше высочество, я думаю, что тот, кто это докажет, будет величайшим из людей, — сказала Джанела. — Но не будем сейчас останавливаться на этом. Прошу вас, продолжайте.

— Атака не была единичной, — сказал принц, — множество атак одновременно. Сказать, что нас застали врасплох, было бы явным преуменьшением. Ведь мы даже не подозревали вообще о существовании этого врага в таких количествах. Мы оказались перед лицом легионов свалившихся с небес демонов, которых вел самый коварный и могущественный король, которого только можно себе представить. Звали его Баланд, и, кажется, он бессмертен, поскольку и по сей день правит демонами.

Я опушу подробности тяжких боев, того, сколько полегло наших людей, главное, что мы не могли остановить орды короля Баланда. И не только потому, что их магия превосходила нашу, но и потому, что нам еще не приходилось сталкиваться с такой хорошо обученной и организованной армией. В прошлом, как я сказал, нам противостояли лишь варвары. Тем не менее мы мужественно сопротивлялись демонам, война затянулась, и прошло не одно столетие, пока они заставили нас отступить. Мы оставляли им с кровью пядь за пядью нашей земли, пока в наших руках не осталась лишь Тирения. Здесь мы их остановили, моля богов, чтобы пришло время, когда мы избавим отбитые у нас земли от власти короля Баланда.

— Прошу прощения, ваше высочество, — сказал я. — Но я хотел бы задать дерзкий вопрос.

— Прошу вас, — сказал принц, — спрашивайте что угодно.

— Тогда скажите мне, пожалуйста. Если Тирения вот уже несколько веков ведет войну, почему в наших краях никто не имеет о ней ни малейшего понятия? Не слыхали о ней ни во времена моего отца, ни во времена деда. Наверное, наши маги не сравнятся в могуществе с вашими, но наверняка от них не укрылось бы, что в бой вступили такие могучие силы.

Принц вспыхнул.

— В самом деле, — пробормотал он, и в его взгляде на меня промелькнуло презрение.

Я не стал допытываться, надеясь, что из дальнейшего рассказа все станет ясно.

— Прежде всего, — продолжил принц, — мы пытались удержаться в краю, который вы называете Вакааном. Там мы потеряли половину наших сил. Мы так мучительно переживали это поражение, что очень немногие решаются говорить на эту тему до сих пор. Потом мы хорошо укрепились на нашем побережье Восточного моря. — Я кивнул, вспомнив о разрушенном городе в джунглях и людях-зверях. — Мы вновь потерпели поражение. Но на этот раз мы сражались более отчаянно и заставили демонов понести существенные потери. По этой причине их атаки ненадолго прекратились. И в это время демоны предприняли первую попытку дипломатического контакта.

Юный принц вздохнул.

— Случившееся позже является позорнейшим событием в жизни нашей фамилии. Правивший в то время король Фарсан был слабым человеком. Трусом, если угодно. На протяжении многих лет он вел переговоры с королем Баландом. И потихоньку сдавал остатки нашего королевства. Во время его правления демоны даже получили свободный доступ в Тирению, развращали наш народ и самовольно являлись на наши самые священные церемонии.

Одна из наших легенд с печалью повествует о прекрасной танцовщице, которой увлекся король Баланд. Это миф, но, как и большинство мифов, он в основе своей содержит скорее всего подлинную историю. Эта танцовщица, как гласит предание, была одной из самых красивых и талантливых женщин Тирении. Ее танец был не просто искусством, а излучал магию, так что обвораживал любого. Король Баланд проявлял к ней все большее

внимание, но она была с ним холодна. Он не отступал в своих ухаживаниях. Танцовщица обратилась за помощью к королю Фарсану, тот отказал ей. И в конце концов демон овладел ею. Сделал наложницей. Рабыней. Однако дух ее остался несломленным, она сохранила свою душу.

Я посмотрел на Джанелу. Она подняла палец к губам, призывая меня к молчанию. По каким-то своим соображениям она не хотела, чтобы я рассказал принцу о том, что мы уже знаем о танцовщице.

Принц продолжил:

— Наконец король Фарсан умер. Его преемник изгнал демонов из Тирении, вернул окрестные земли и в нескольких сражениях продемонстрировал Бланду нашу решимость. И, хотя потом мы чаще оборонялись, чем отбивали завоеванное ранее, короли продолжали вести ту же воинственную политику. И с течением времени демоны, казалось бы, утратили интерес к войне. Похоже, их даже устраивало такое положение дел, когда Тирения осталась единственной высокоразвитой страной среди погруженного в состояние варварства остального человечества.

Я дерзнул прокомментировать эти слова:

— Похоже, не только мы, варвары, остаемся погруженными в застывшее состояние.

И вновь принц спокойно воспринял мой укол. Он надолго замолчал, внимательно глядя на нас, словно оценивая, достойны ли мы продолжения. Наконец кивнул, удовлетворенный наблюдением.

— С точки зрения стороннего наблюдателя, это походило на перемирие, но таковым оно не являлось. Мы начали медленно, но неуклонно терпеть поражение изнутри. То, о чем я сейчас собираюсь рассказать, вряд ли можно назвать легендой. Я произвел изыскания в наших архивах, подобные тем, чем занимался Янош Серый Плащ в Ирайе, и, к несчастью, раскопал историю, похожую на правду. Во время этого фальшивого перемирия некоторые наши старейшины, воспринявшие всю мудрость тех древнейших старейшин, наши истинные лидеры, величайшие философы, мыслители и маги... покинули нас.

— Почему? — спросила Джанела. — Я не знаю, если сказать откровенно, но это так. Как сказано в оставленном одним из них прощальном письме, «это последнее время, когда еще можно выбраться отсюда, чтобы увидеть другие миры».

— Подобно тому, как делают это демоны?

— Нет. Совсем по-другому. Во-первых, тело при этом умирает. Своего рода самоубийство. Но это не является смертью души. Это лишь разрушение физической оболочки. После их ухода правивший в то время король приказал магам разузнать причину и способ подобного исчезновения старейшин. Наилучшее объяснение предложил один человек, который был скорее поэтом, нежели магом; он составил коротенькую записку правителю, в которой назвал место пребывания их душ местом, где нет ни мужчин, ни женщин, ни демонов, ни самих богов, где нет даже смерти. И он тоже убил себя, — сказал принц с кривой улыбкой. — Эту информацию скрыли не только от людей, но, естественно, и от демонов. Иначе вторые пришли бы в отчаяние, узнав, что где-то есть такое место, куда им никогда не добраться, и они бы не отставали от нас, требуя поделиться известными нам знаниями.

Но с течением лет мы утратили это знание, мы сами помогли ему затеряться, также пропала сама идея победы над демонами, и все погрузилось в спячку.

Джанела склонилась вперед.

— И тут появляются Янош Серый Плащ и Амальрик Антеро, — вдруг сказала она.

Принц, казалось, был удивлен ее догадкой. Он улыбнулся.

— Да, именно тогда демоны... вновь начали проявлять к нам интерес. Здесь, в Тирении, должен сказать, все почувствовало себя увереннее оттого, что наши братья и сестры в родных землях постепенно сбрасывают с себя покров варварства. Мы приходили в восхищение от успехов Ориссы и особенно Вакаана — там открывали старые книги и начинали тянуться к знаниям старейшин. Это давало Тирении надежду полагать, что мир

вновь станет таким, каким он был прежде. Но мы не осмеливались показать вам себя, не желая привлекать к происходящему внимание Баланды.

Когда познакомились Серый Плащ и Антеро, у нас было ощущение, словно освободилась какая-то великая сила. Наши маги говорили, что даже в эфире пробудились какие-то непонятные им силы. Некоторые утверждали, что Янош Серый Плащ, судя по всему, находится на грани великого открытия. Но он погиб, не успев совершить его. Затем Рали, сестра Амальрика Антеро, совершила свое великое путешествие на запад. И вновь в эфире поднялось неистовое волнение магической энергии, когда она, преследуя архонта, оказалась в тех мирах, где повелевают демоны.

Король Баланд очень рассердился, поняв, что произошло. Но по каким-то причинам он не смог или устрасился предпринять нападение на ваши края, как он сделал это в свое время с нами. И он пустился на хитрости, проникая в Ориссу и Вакаан и заключая сделки с людьми, склонными к сотрудничеству со злом, подобно принцу Равелину или архонту Ликантии. Вновь его стало страшить наше присутствие здесь, в Тирении.

Принц побледнел и разволновался. Он налил себе вина, опустошил бокал, налил еще и вновь выпил.

— Он явился к моему отцу и пригрозил большой войной. Он сказал, что сокрушит нас и изгладит даже саму память о нас. Мой отец поначалу не сдавался. Но тут началась чума, унося многие жизни, в том числе — и моей матери. Участились небольшие, но кровопролитные нападения на наши оборонительные позиции. Постепенно мой отец... начал сдавать. Он перестал лелеять давно выношенные планы о том, чтобы вновь раздвинуть границы королевства до Восточного моря. Он только отдавал.

Принц с болью посмотрел на Джанелу.

— Когда вы явились, подхватив эстафету прадеда, к Амальрику Антеро и убедили его отправиться в это путешествие, король Баланд вновь прибыл к отцу. И в то время как вся Тирения радовалась вам, а во всех тавернах распевали песню о танцовщице, отказавшей королю демонов, мой отец и пальцем не шевельнул, чтобы хоть чем-то помочь вам. Более того, он сделался раздражительным и стал поносить имена Антеро и Серый Плащ.

Соларос вытер набежавшую слезу.

— Я делал, что мог, — сказал он Джанеле. — И потихоньку использовал магию, чтобы хоть чем-то помочь вам.

— Я знаю, — ласково сказала Джанела. — Время от времени я чувствовала чью-то помогающую руку. И именно тогда, когда мы больше всего в ней нуждались.

Принц благодарно кивнул.

— Мое мнение таково, что сейчас самое время схватки. Мы должны атаковать демонов всеми силами, как они сделали это много веков тому назад. Большая часть армии разделяет мое мнение. И я верю, что того же хочет и народ. Я надеюсь, что с вашей помощью мне будет легче убедить отца в моей правоте.

— Можете рассчитывать на нас, ваше высочество, — сказал я, прекрасно понимая, что он еще слишком зелен для войны.

Все-таки я ощущал растерянность. Проехать и пройти столько лиг, столько вынести, почти потерять собственного сына в Поисках королевского легендарного величия. А на самом деле орех оказался внутри пустым.

Видимо, Соларос понял, какие чувства обуревают меня. Поэтому он сказал:

— Мой отец не всегда был таким. В юности он был великим мечтателем. Но Баланд капля за каплей выжал из него ту кровь. И теперь отец боится, что Тирения балансирует на краю пропасти. Ведь мы сражались с демонами много веков. И эти нескончаемые битвы требовали постоянного величия духа. Вы должны знать это, чтобы понять дилемму, стоящую перед моим отцом.

Он встал и пошел к дальней стене, жестом приглашая нас следовать за ним. Стену закрывала плотная портьера. Принц потянул за шнур, и портьера отползла в сторону.

— Смотрите, — сказал он.

И мы увидели, что вместо каменной стены за портьерой находится огромное магическое окно, из которого открывался вид на земли, расположенные далеко от Тирении.

Мы словно заглянули в другой мир. С затянутого холодной серой пеленой неба смотрели незнакомые звезды, сверкая глазами голодных хищников, собирающихся ночью вокруг лагеря путешественников. Над голыми холмами висела унылая луна. Но это была не та луна, изящная богиня, которую мы знали в нашей стране. Луна краснела, словно налитая кровью, и я ощущал, как из уголков памяти, где я прятал самые мрачные мысли, вырывается все спрятанное мною. Я изо всех сил напрягся, не давая выплеснуться волне кошмаров. Равнину, открывшуюся перед нами, покрывали бесчисленные шрамы от прошедших войн. Ветер нес над нею облака пепла, похожие на беззвучно кричащих призраков.

Зрелище было настолько ужасным, что я не выдержал и отвернулся. Я посмотрел на Джанелу. Она выглядела столь же ошеломленной. Принц задернул портьеру.

— Теперь вы, наверное, понимаете, откуда пошло название «Королевства Ночи», — тихо сказал он.

Глава 17 КОЛДУНЯ И КОРОЛЕВА

Говорят, что небеса — обитель верховных богов. И утверждают, что боги — это такие блаженные всезнающие существа, которым неведомы боль, желания или страх. Многие из них благосклонно взирают на наши дела, дела простых смертных, и милостиво разрешают нам поклоняться им. Однако же наша суетность, должно быть, иногда доводит их до чесотки, как дикаря, осыпанного вшами, и, чтобы снискать их доброту, мы вынуждены приносить на их алтари многочисленные приношения.

Но отставим последнее замечание в сторону, ибо в прошлом я не был таким циником. Когда Янош начинал высказывать сомнения относительно богов, мое школьное образование приводило меня в смятение от услышанного. Подобно большинству богобоязненных мужчин и женщин, я хранил в уме небольшой храм, четырьмя столпами которого были Вера, Страх, Миф и Невежество. И я представлял себе Божественную Обитель столь же прекрасной, как и мифические Далекие Королевства, разве что тайна придавала ей больше величия.

Но когда мы прибыли в Тирению и увидели этого трусливого короля, этого мужественного, но глуповатого принца и их смазливых подданных, столпы моей религиозности обвалились один за другим, кроме последнего — Страх. Янош некогда говорил мне, что всю жизнь искал мудрых людей, но каждый раз, когда ему казалось, что нашел, выяснялось, что они отнюдь не мудры, и он погружался в глубочайшее разочарование. Это приводило Яноша в отчаяние, поскольку, как мудрейший человек, по крайней мере своего времени, он лучше всех представлял, насколько мелок может быть колодец человеческого знания.

Увиденное в Тирении заставило меня вспомнить то самое отчаяние, которое, возможно, и являлось загадочной причиной трагедии Яноша. Драматическая мольба принца приподняла ту завесу, о которой он и не подозревал. Я внезапно подумал, что в мире нет ничего, кроме хаоса. И нет никаких богов, а если и есть, то они столь же никчемны, как и ушедшие в неизвестность старейшины. И нет никакого величественного небесного дворца, приготовленного богами для пребывания там наших душ, как в конечной инстанции.

Я никогда не считал себя человеком чересчур религиозным. Я делал свою работу, оставляя богам традиционные дары, и полагал, что это все-таки приносит какую-то пользу. И, когда этот костыль из-под меня вышибли, я с удивлением увидел, что приходится напрягать все силы, дабы удержаться в равновесии. В последующие дни удерживать это сомнительное равновесие становилось все труднее.

Во-первых, сказалось отсутствие Джанелы. Подобно прадеду, она с головой погрузилась в архивы старейшин. Дни и ночи напролет просиживала она над старыми книгами и свитками. И все дальше углублялась в подземные лабиринты библиотеки Тирении

в своих поисках. Она бродила по музеям в поисках редких экспонатов. Она пробиралась в темные и заброшенные помещения дворца, вынюхивая содержащиеся в них древние секреты.

Встречаясь с ней, я каждый раз вглядывался, не появились ли признаки того воздействия, которое испытал Янош, променявший с помощью принца Равелина душу за знания. Джанела выглядела усталой, глаза у нее покраснели, но каждый раз она болтала со мной с таким воодушевлением, что было очевидно — ее дух только крепчал в то время, как мой все больше скисал.

Желая произвести на меня впечатление, принц Соларос распорядился устроить грандиозный воинский парад и попросил меня проинспектировать его войско. Должен признать, парад получился на славу. Подразделения боевых колесниц с их могучими конями и ослепительными доспехами возниц наполняли окрестности грозным грохотом. Военные маги демонстрировали удивительные машины, которые могли превратить одно боевое заклинание в целый рой волшебных снарядов. Лучники натягивали луки такой величины, что по плечу лишь гигантам. Пращники метали свои камни в невероятную даль. Копья и дротики летели в цель с поразительной точностью, а смуглые воины издавали такие боевые кличи, что, несомненно, страх вселился бы в сердце любого врага. Женщины Тирении при этих криках сладостно обмирали.

На учениях после парада герои на колесницах заходили во фланг к воображаемому сопернику, совершая мгновенные маневры, магические машины метали снаряды в пустоту, а смуглые могучие пехотинцы с легкостью рубились с собственными теньями.

Я и принц наблюдали за воинскими утехами из королевской ложи в компании с двумя тиренскими генералами — Эмерлем и Трэйдом. Присутствовавший здесь же маг Вакрам вел себя не как маг, а как обитатель казармы.

Когда какой-нибудь особенно искусный маневр привлекал его внимание, а это происходило часто, он обнажал свои лошадиные зубы и восклицал:

— Божественное зрелище!.. Посмотрите на этого фехтовальщика!.. Мы заставим демонов жрать пыль!

При этом он хлопал по спинам то Эмерля, то Трэйда, в зависимости от того, подразделение какого генерала вызвало особенное восхищение.

Когда спросили мое мнение, я со всем присущим мне дипломатическим искусством напустил столько туману, что можно было воспринять сказанное как похвалу и только при сильном желании, разобравшись во всей этой болтовне, можно было бы отыскать и скрытую критику.

— Вы с любовью относитесь к армии, — сказал я. — Смотрится как театральное представление.

Принц и генералы расцвели от удовольствия, а Вакрам воскликнул:

— Прекрасно сказано, господин Антеро! Прекрасно! Я не удержался и ехидно заметил:

— Господа генералы, судя по всему, не только прекрасные воины, но и прекрасные хореографы.

— Разумеется, — не понял моей иронии Эмерль. — Мы постоянно отрабатываем каждое движение, как и все действие целиком.

— Ваше сравнение с театром исключительно уместно, — добавил Трэйд. — И мне приятно, что представление моих солдат Доставляет высокое эстетическое наслаждение, как хороший спектакль.

Тут бы моя сестра Рали не выдержала бы и просто покатила со смеху. Я же лишь кашлянул.

— Какое любопытное явление, — сказал я. — Воины как артисты. В некоторых армиях от случая к случаю применяют для проверки боеспособности... как бы так выразиться, чтобы вы не сочли меня совсем за дилетанта... а, вот как... Применяют маневры с более активным и менее условным противником. Каково на этот счет ваше мнение, господа?

Генералы нахмурились.

— Какой в этом толк? — спросил Эмерль. — У нас детально расписаны все существовавшие в истории стратегии. И на каждое действие есть известное противодействие.

— С такими знаниями и вышколенностью, — сказал Трэйд, — нам попросту незачем подвергать людей риску случайного ранения.

— К тому же хорошо известно, — добавил Эмерль, — что ранения плохо отражаются на моральном состоянии войска.

— Да, наверное, — сказал я. — Да... Теперь я понял.

Мои хозяева довольно улыбнулись, радуясь тому, что убедили меня. Я посмотрел на мага Вакрама и увидел, что тот скорее выглядит задумчивым, нежели довольным. И на мгновение мне показалось, что в этих странных, широко посаженных глазах промелькнуло отражение недюжинного интеллекта.

Несмотря на все мое разочарование, о тиренцах я думал все-таки хорошо. Я побывал почетным гостем на многих званых вечерах. Джанела пропускала их, будучи слишком занята архивами. А количество названных в нашу честь новорожденных несколько ставило под сомнение кислое высказывание короля о том, что его легкомысленные подданные скоро о нас забудут.

На этих вечерах мне встречались исключительно приятные люди — те, кто много знают, но мало болтают. Когда я выпивал достаточно вина, чтобы забыть о тревогах и расслабиться, то признавался, что более красивого народа я еще не встречал. Даже изящные жители Ирайи выглядели простаками по сравнению с этими людьми. Большинство тиренцев имели ясные глаза и здоровую светлую кожу, почти как у детей. Одевались они очень хорошо, со вкусом подбирая цветовую гамму, и надо заметить, что за все время пребывания в Тирении я не видел двух одинаковых нарядов. Ну а поскольку дни и ночи тут всегда стояли теплые, зачастую такой наряд состоял лишь из одной тоги, зато носимой с необыкновенным изяществом, да ювелирных украшений, подчеркивающих красоту лица и тела.

Мои спутники тоже приятно проводили время. Келе и Квотерволз рассказывали, что каждому члену нашего отряда поступали самые романтические предложения, и их так засыпали деньгами и дарами, что уже невозможно было в случае отъезда захватить все с собой. Они уже жаловались, что слуги так их избаловали в роскошных квартирах, что еще немного — и руки и ноги откажутся им повиноваться, лишённые достаточной практики.

— Ущипните меня, господин Антеро, — сказала мне Келе. — С нами обращаются так, словно мы, а не они потомки старейшин. Каждое утро от меня выходит такой любовник, что я уже думаю, будто я избалованная куртизанка, а не капитан корабля.

Квотерволз со свойственным ему сарказмом добавил от себя:

— Теперь-то я понял, как вам жилось, мой господин, все эти годы. Совсем не так, как мне. Ведь я все время на службе, мне некогда заняться собой, подумать о том, о чем хочется, пойти, куда захочется, прилечь или отправиться куда глаза глядят. Но когда ты знаменит, как вы, мой господин, дело другое. Тебе пожимают руки и приглашают — кто на обед, кто в постель. Но мне-то сейчас эти почести за что? Все, конечно, прекрасно, и все вокруг добры, однако это уже так надоело, что я твержу как попугай: спасибо большое, но, видите ли, я занят.

Каждый торговец знает, что лучшие источники информации о привычках, обычаях и тайнах потенциального покупателя — работающие у него простые люди, с которыми он общается ежедневно. Хоть я еще и не знал, какой товар я могу предложить, но я понимал, что рано или поздно придет день, когда придется или заключить сделку, или умереть.

Поэтому я задал вопрос им обоим:

— Что вы думаете об этих людях?

— Поначалу я думала, что они какие-то салаги, мой господин, — сказала Келе. — Хорошенькие, миленькие и глупенькие, но не *настолько* миленькие и не *настолько* глупенькие, чтобы пропустить проплывающее бревно.

Я покачал головой, ничего не поняв.

— Хорошо, попробую просигнализировать другими флагами, мой господин, — сказала она. — Те тиренцы, с которыми я познакомилась, готовы расшибиться о палубу ради моего удовольствия. Но если я им не понравлюсь, они вышвырнут меня за борт быстрее, чем мелкая рыбка проскакивает через глотку чайки.

— Понятно, — сказал я. — Значит, у них есть крепость духа, в отличие от их короля. Продолжай. Ну а что... гм... насчет их глупости?

— Они как-то мило глупы, мой господин, — сказала Келе. — Поскольку не желают смотреть в лицо фактам. Они готовы играть в гляделки с демонами, хотя всем известно, что демоны не мигают. Потому что у них нету век. Вместо того чтобы обозревать горизонт, тиренцы смотрят на палубу, замечают там какое-нибудь пятнышко и все заносят в судовой журнал, где и так полно чепухи о других пятнышках. И они переписывают и переписывают этот журнал, пока не узнают все о каждом пятнышке на их корабле. И только тогда, когда журнал о пятнышках станет самым совершенством... может быть, тогда они и примутся счищать эти пятнышки и красить корабль заново.

— Такое ощущение, мой господин, что они какие-то замороженные, — сказал Квотерволз. — И словно бы не уверены, каким путем им идти. И поэтому они идут привычным путем, боясь свернуть с него и вообще заблудиться. С другой стороны, можно ли винить их в этом, когда у них такой король? Никто из них не знает, что ждать от завтрашнего дня. К тому же когда долго живешь в ожидании войны, то начинаешь проживать каждый день именно так, словно завтра уже не наступит.

Келе кивнула и сказала:

— Я хочу вернуться к теме их кажущейся глупости, мой господин. Они очень не любят короля Игнати. Вообще ему не доверяют. Так почему бы не сбросить его с трона? Народ они достаточно самостоятельный и вовсе не походят на тех мальков, которые плавают в надежде, что акула заметит их собратьев прежде, чем их самих. У них есть мозги, мой господин. И весьма неплохие. Тем не менее они позволяют этому недотепе оставаться их королем.

Я пожал плечами.

— А как ты думаешь почему?

— А кем его заменить, мой господин? — сказал Квотерволз. — Они любят принца Солароса, но воспринимают его скорее как любимого племянника, чем настоящего лидера. Они понимают, что он слишком юн, слишком неопытен и слишком храбр.

— Опасная смесь, — сказал я.

— Обо всех нас говорили так в свое время, мой господин, — сказал Квотерволз. — Тем не менее тиренцы полагают, что со временем принц станет первоклассным королем. Когда-нибудь. Для этого понадобится не один год. Но уж тогда, я скажу вам, господин Антеро, они пойдут за ним хоть в преисподнюю.

— Если доживут до того дня, — заметил я. Келе фыркнула, а Квотерволз сказал:

— В том-то и дело, мой господин.

Наступила пауза. Наконец Квотерволз решился спросить о главном.

— Вот мы тут немного удивляемся, мой господин, — сказал он. — Добрались мы сюда с трудом, но добрались. И теперь выясняется, что ждали-то мы совсем не того. А если заглядывать в будущее, то получается, что нас, кроме битвы с демонами, ничего и ждать не может? Так, что ли?

— В общем, ты хочешь знать, что мы собираемся предпринять? — уточнил я,

Квотерволз вздохнул: — Да, мой господин. Неплохо было бы узнать о таком пустячке.

— Это не пустячок, — сказал я. — И с ходу тут ничего нельзя сделать. Не так все просто. — Я почувствовал себя нерешительным, как король Игната. — Джанела Серый Плащ, как вы знаете, занята важными исследованиями. А я привык прокладывать курс не спеша. Но, с благословения Тедейта, наши планы скоро станут ясными.

— Приятно слышать, мой господин, — сказала Келе.

— Да, мой господин, — сказал Квотерволз. — Мы передадим эту новость остальным. Это их успокоит.

Но когда мы расстались, на душе у каждого осталось неприятное предчувствие чего-то ужасного, что нам грозило.

Больше всего Янош критиковал меня за мягкосердечие. Во всяком случае, он считал меня таким человеком.

— Милосердие, как добродетель, сильно переоценивают, — заявил он мне однажды. — Оно заволакивает взор, когда ты стоишь над поверженным врагом. Оно сдерживает тебя, расслабляет и рассеивает злость, необходимую для нанесения решающего удара. А все эти чувства необходимы, чтобы поставить врага на колени. Если же ты считаешь его достойным жалости, то лучше и не начинай с ним сражения. Милосердие лишает тебя способности мечтать, мой друг. А я предпочитаю пусть мрачные мечты, чем не мечтать совсем.

Янош по-своему был прав. Но я не изменился. Я не тот холодный, стальной человек, каким был Янош. Тем не менее я *достиг* более солидного возраста, чем он. И хотя я мягкосердечен, это вовсе не означает, что я дурак. Когда я удержал свою руку и оставил в живых Клигуса и Модина, я вовсе не собирался прижимать к груди моего сына с ядовитой душой. Уж этой-то ошибки я не совершил. Да, я оставил их в живых. Но при этом позаботился, чтобы у них вырвали ядовитые зубы.

Джанеле и мне выделили роскошные апартаменты рядом с покоями принца. По моей просьбе там же выделили комнаты Клигусу и Модину. Их разместили в трех смежных больших комнатах без окон и с единственным выходом наружу. Я попросил укрепить эту дверь и сделать в ней замок, который бы запирался только снаружи.

Отвечал за их охрану Квотерволз, мой самый надежный человек. Он назначил одного караульного внутри комнат, другого снаружи и менял их достаточно часто, чтобы они не утратили бдительность. Он лично совершал обходы днем и ночью, набрасываясь с бранью на часового, который на посту хотя бы зевнул. Чтобы уж быть окончательно во всем уверенным, я и сам заходил туда время от времени, проверяя, все ли в порядке.

Единственным недостатком всех этих мер было то, что, наблюдая за ними столь близко, я невольно все больше переживал за сына, видя его постоянно перед собой. Иногда — и совершенно внезапно — я вдруг вновь начинал относиться к нему как к ребенку. Я вспоминал его невинные игры в саду или как он сидел у ног Омери, когда она наигрывала на флейте какую-нибудь веселую мелодию. Мы возлагали на него такие надежды, такие мечты, так бурно обсуждали его будущее, находясь в интимной обстановке нашей спальни, так живо представляли себе, как из золотого мальчика он превратится в золотого мужчину.

Наверное, похожие добрые чувства рождались и в нем теперь, потому что однажды, войдя к нему, я увидел — он обрадовался моему приходу. Модин же, как обычно, отвернул от меня свое обезображенное, безглазое лицо. Когда же я спросил мага, могу ли я чем-нибудь быть ему полезен, он прошипел ругательство и попросил избавить его от моего присутствия.

— Все в порядке? — спросил я Клигуса. — Не нуждаешься ли в чем? Ничего не надо принести?

Он посмотрел на отвернувшегося мага и слабо улыбнулся.

— Разве что компанию получше можно было бы пожелать, — сказал он. — Уж слишком Модин был уверен в себе, когда сила была на нашей стороне... Никогда еще не видел мага, который столько болтает, — разве что Палмераса. Теперь же, потерпев поражение, если Модин и открывает рот, то только для того, чтобы выругаться или пожаловаться на свои раны.

Внезапно я разозлился. Мне захотелось рывкнуть: «Ты сам выбрал себе такую компанию! Будь ты проклят!» Но тут же мне стало грустно, и я промолчал.

— Прошлой ночью мне снился чудесный сон, — сказал Клигус. — Помнишь, как я в детстве сильно болел?

Я кивнул. Я все хорошо помнил. Это случилось до того, как мы сумели овладеть магическим искусством Ирайи, и нас еще посещали заразные болезни. Клигус подхватил летнюю простуду, которая растянулась на несколько недель, несмотря на все наши усилия

побороть недуг. Я уже потерял жену и дочь от чумы и пребывал в еще большем отчаянии, нежели Омери. Постепенно Клигус выздоравливал, но еще не одну неделю провел на попечении сиделки и часто раздражался, потому что хотел играть, но был еще слишком слаб, и мы его удерживали в кровати. Мы всячески развлекали его, чтобы лежать было не так скучно.

— Мама сама мне готовила, — сказал Клигус, с улыбкой вспоминая безграничную доброту Омери. — Она выдумывала разнообразнейшие деликатесы, которые принял бы мой слабый желудок. А я так хотел поесть чего-нибудь простого.

— Поджаренный сыр, — сказал я, подхватывая его воспоминания и улыбаясь в ответ. — И суп из томатов, которые росли у нас на огороде.

— И сверху насыпать перца и добавить масла, — сказал Клигус.

— Да, — сказал я. — Я помню, как подал тебе однажды этот суп. Ты скривил губы, наморщил нос и сказал: «А где же масло и перец?» Ты вел себя как опытный гурман, которого оскорбили, предложив крестьянское блюдо.

Мы оба рассмеялись.

— А когда я сегодня проснулся, — продолжил Клигус, — на минуту мне показалось, что я снова всего лишь больной ребенок, за которым ухаживают нежные родители. С минуты на минуту я ожидал, что раздастся стук в дверь и войдет мама с подносом, на котором сыр, хлеб и суп. — Он вздохнул. — И тут я вспомнил, где нахожусь и... Ну да ладно. Жизнь иногда так поворачивается, правда?

И я ответил совершенно спокойно:

— Если тебе нужно мое прощение, считай, что ты его получил. Мне и раньше доводилось прощать негодяев. Кроме того, этого требует и память о твоей матери. Но если ты просишь меня смягчиться... — мой голос зазвучал хрипло, — то этого не будет!

Клигус покраснел от внезапного гнева.

— Ты думаешь, я прошу у тебя прощения? Да плевать мне на твое прощение! Во всем виноваты вы, господин Антеро. Если бы вы обращались со мной честно, ничего бы не произошло. Я всего лишь предался воспоминаниям с человеком, который знал меня в детстве. С тем, кто всегда умел поговорить со мной. Что же касается просьбы о смягчении... зачем я буду тратить слова? Единственное, о чем бы я попросил вас, Антеро, это прийти и поужинать со мной. И во время ужина отвернуться, чтобы я успел добраться до ножа!

Я пожал плечами и вышел, оставив за ним последнее слово.

Проходя мимо часовых, охраняющих моего сына, я вспомнил Яноша. И стал молить богов, чтобы они вырвали милосердие из моей груди.

Спустя несколько недель после парада принц пригласил меня в свои апартаменты. Я не раз здесь бывал раньше, но лишь затем, чтобы рассказать о своих приключениях или выслушать его точку зрения на разные проблемы, как правило, чем более страстную, тем менее осмысленную.

На этот раз, однако, Соларос удивил меня.

Когда меня пригласили войти внутрь, я застал принца расхаживающим по комнате с руками, сцепленными за спиной, и погруженного в раздумья. У стола, на котором стоял глобус, сидел Вакрам.

Увидев меня, принц остановился.

— Господин Антеро! Как я рад видеть вас! Мне так нужен ваш совет!

Я спросил, что случилось, и он сказал:

— У моего отца побывали посланники короля Баланда.

— Что ж, этого следовало ожидать, — сказал я. — Их прибытие связано, очевидно, со мною и Джанелой.

Соларос покачал головой.

— Ваши имена не упоминались, — сказал он.

Вакрам неприятно усмехнулся, обнажая длинные зубы.

— О вашем пребывании здесь, разумеется, им известно, господин Антеро, — сказал

он. — И эта тема была во время беседы как бы подводной частью айсберга.

Принц с минуту смотрел на него, затем кивнул.

— Да, скорее всего, именно так, — медленно проговорил он. — Вот уже довольно долго между моим отцом и демонами на бумаге существует перемирие. В результате переговоров король Баланд согласился несколько умерить свою враждебность, что, впрочем, не мешает демонам нарушать это соглашение различными способами. Тем не менее отец делает им одну уступку за другой, собственно, из-за чего у нас с ним и возникают основные разногласия, как вы понимаете. С его же точки зрения, достигнут немалый прогресс и требованиям демонов скоро будет положен конец. Осталась лишь такая пустая формальность для заключения мира, как договор.

— Позвольте мне высказать предположение, — сказал я. — Король Баланд прислал своих парламентариев сказать, что в свете новых событий весь документ должен быть пересмотрен.

Вакрам заржал.

— Какой же вы умница! Именно таковыми и были слова этого злодея. Не так ли, ваше высочество?

Принц не ответил ему, обращаясь только ко мне.

— Посланцы Баланды проинформировали нас, что в настоящее время их король занят составлением нового договора, который вскорости и будет нам предъявлен с присовокуплением каких-то новых пунктов.

— И могу догадаться, — сказал я, — что по этим новым пунктам для вас торг невозможен.

— Ни по каким пунктам торг невозможен! — сказал принц.

— Какая наглость с их стороны, — воскликнул Вакрам.

— Более того, — продолжил Соларос, — они ждут, что мы не только согласимся, но еще и подпишем договор именно в День Творца, наш ежегодный праздник, когда мы почитаем наших древних предков, основателей нашего королевства, и богов, благословляющих нас.

— Коварно задумано, — сказал я. — Демоны настроены испортить ваш самый символический день символами собственного изобретения. Если ваш отец согласится, это можно считать капитуляцией.

Вакрам хлопнул себя по лбу.

— А я и не подумал об этом! — сказал он. — Вот же сволочи!

— А вот я подумал, — раздраженно сказал принц. — Вы полагаете, что ваш отец согласится? — спросил я.

— Он не ответил отрицательно, — сказал Соларос. — А я бы просто вышвырнул их вон. Немедленно!

Вакрам выкатил глаза.

— Но ведь это означало бы *немедленную* войну, ваше высочество, — сказал он.

Черты лица принца приобрели несвойственную юности жесткость.

— Именно поэтому я и захотел встретиться с вами, господин Антеро. Я обязан убедить отца ответить отказом на их притязания. И тогда, если мне это удастся, пусть будет война. И мы должны приготовиться к ней.

Вакрам удивленно выкатил глаза.

— Что вы предлагаете, ваше высочество? — спросил он.

— Я хочу, чтобы господин Антеро помог справиться с этой задачей, — ответил принц.

— Но ведь я не солдат, — сказал я.

— Я знаю это, — сказал Соларос. — Но в вашем отряде есть опытные солдаты.

Пока я переваривал это заявление, он сказал:

— Я понял суть ваших замечаний, высказанных генералам на параде. Мне передал это Вакрам. Сначала я не сообразил, что скрывается за ними. А когда сообразил, то, откровенно говоря, был раздражен. Гордость моя была уязвлена. Вообще-то я могу командовать всеми

войсками отца — от его имени. Но в душе я — возница, а возница — сродни жеребцам, несущим его в бой, он преисполнен их мужеством, скоростью и быстрой реакцией на изменяющийся характер местности. И мы мчимся туда, куда нас направляют, не думая о последствиях и обо всей стратегии, приводящей к разным последствиям. В общем, я не сразу принял вашу критику, суть которой сводилась к тому, что наши войска обучены плохо. И что мы больше обороняемся, чем атакуем. Теперь я все понял. И я настроен исправить положение вещей.

— Ваши предложения, ваше высочество, сочли бы безумными, если бы они исходили от кого-то другого, — вмешался Вакрам.

— Что ж, если это называется безумием, — сказал принц, — так тому и быть! И с этой минуты мы начнем обучаться так, словно перед нами настоящий неприятель, а не собутыльник из таверны.

— Но ваши генералы никогда на это не пойдут, ваше высочество, — сказал Вакрам. — Это приведет к ранениям. И не забывайте о моральном духе людей!

— Будь проклята такая мораль! — отозвался принц. — Если у демонов получится задуманное, мы с вами будем обсуждать мораль рабов, а не солдат.

Вакрам проглотил готовую сорваться резкость и склонил голову.

Затем принц обратился ко мне:

— Вы согласны, господин Антеро? Время подготовиться еще есть, хоть его и не много. Если война снова начнется, то скорее всего в День Творца. А он наступит через несколько месяцев.

Я сказал, что мы научим их воевать, как это умеют ориссиане.

Мое согласие, может быть, и ставило под угрозу обычаи тиренцев, но вызвало совершенно удивительную реакцию со стороны моих товарищей. Когда я созвал их, чтобы объяснить, что нам предстоит делать, мое решение было встречено с огромным энтузиазмом.

Как по магической команде Квотерволз и его пограничники вцепились в эту новость.

— Первое, что мы сделаем, парни, — сказал Квотерволз, — это заставим их убраться с парадного плаца и будем обучать, как нас обучали на службе в пограничной охране. Такого они в книжках не прочтут.

— Да и у меня уже задница растолстела от всех этих вечеринок да застолий, — сказала Келе. — Мы, конечно, люди морские, но знаем такие боевые приемы, годные и на суше, которые этим салагам и не снились.

Тоура и Берар громогласно выразили поддержку Келе.

— Если они хотят научиться, как выкручиваться из затруднительного положения, — сказал Пип, — лучшего наставника, чем я, им не найти.

Братья Сирильян пустились в горячую дискуссию по поводу замеченных ими у местных солдат недостатков в стрельбе из луков, и прежде, чем я что-то успел еще сказать, вокруг уже кипели споры о том, какие пункты должны быть включены в программу обучения. О моем присутствии попросту забыли.

Впрочем, основных осложнений я ожидал не со стороны простых тиренцев, а со стороны генералов. Ни один генерал не любит учиться, полагая, что раз он дослужился до такого звания, то все знает. Но мы, оказалось, пользовались таким авторитетом среди тиренцев, что сами солдаты все решили в нашу пользу, громкими криками одобряя заявление принца по этому поводу, так что в этом хоре потонули возражения генералов.

За учебу они взялись с желанием, их дух окреп от одной мысли, что сами эти тренировки уже являются вызовом демонам. Вскоре вся Тирения была охвачена лихорадкой подготовки к войне, что затрудняло королю Игнати проводить его обычную осторожную политику, он лишь ворчал по поводу лишних расходов и намекал, что в такой ситуации ему трудно вести переговоры с Баландом.

Я воспрял духом. Даже обнаружил, что тиренцы вовсе не так уж меня и разочаровали. Тем не менее я не питал иллюзий относительно короля Игнати. Он все-таки правил. А монархи редко предпринимают такие действия, которые подвергают риску их корону.

В это же время из своих подвалов выбралась Джанела, чуть не ослепшая от своих многодневных трудов. Едва перебирая от усталости ногами, она забрела в наши апартаменты. Но ее глаза сверкали огнем победы.

— Я почти закончила, Амальрик, — сказала она. — Я у той самой черты, за которой, как утверждал мой прадед, и находится открытие.

— Что же ты обнаружила? — спросил я. Джанела обессилено покачала головой.

— Пока не могу сказать, — заявила она. — Но что могу, завтра *покажу*.

И она едва дотащилась до постели.

На следующий день Джанела проснулась поздно и выбралась из своих покоев только перед самым полуднем. Вокруг глаз у нее появились тонкие морщинки, но она, казалось, лучилась энергией.

Она увлекла меня на прогулку по дворцовым садам, вытянувшимся вдоль наружных стен центральной цитадели.

— Вообще-то хорошо, что я такая соня, — сказала она. — С тем, до чего я докопалась, надо обращаться очень осторожно. Я не собираюсь держать долго этот секрет при себе, просто боюсь, это еще не все, а лишь часть, так я, по крайней мере, понимаю это сейчас.

Я огляделся и озадаченно улыбнулся. Стоял яркий веселый денек, вокруг спокойно прогуливались горожане, осматривая рыночные ряды с товарами, выстроившиеся вдоль крепостных стен. Богатые бездельники устраивались на пикники посреди великолепных лужаек, а пара десятков детишек благородного происхождения играли на широком поле.

— Если тебе необходима секретность, то сейчас не очень подходящее время, — сказал я Джанеле. — Самое лучшее время ночью. Будет страшно и без твоих фокусов. Запросто можно наложить в штаны.

Джанела рассмеялась.

— Но если кто-то нас застукать ночью, — сказала она, — это может вызвать подозрения. А у демонов тут свои глаза и уши.

— Верно, — признал я.

Джанела взяла меня за руку. Ее ладонь была теплой и гладкой как шелк.

— Если мы изобразим влюбленную парочку, нам никто не помешает.

Она была права. Хотя на нас, как на иностранцев, обращали внимание, все взгляды тут же отводились в сторону, когда видели, что мы всего лишь прогуливаемся как любовники в приятный день. При этом горячие руки Джанелы и аромат ее духов все больше лишали меня уверенности, что я всего лишь актер, разыгрывающий роль.

Мы дошли до небольшой таверны возле одного из музеев, в котором она трудилась. Таверна располагалась под огромным деревом, и я с изумлением увидел, что это точно такое же дерево с серебряными листьями, какое мы обнаружили на острове после того, как покинули королеву Бадрию.

— Не надо так таращиться на это дерево, Амальрик. Да, это оно.

Я с трудом отвел взгляд, и мы вошли в таверну, где было малоллюдно в этот час. Хозяин расцвел, увидев Джанелу, и поспешил к ней сказать, что все готово, как она и просила, а пока можно отведать его лучшего вина.

Джанела сказала, что с удовольствием, и повела меня к столу, расположенному рядом с танцевальной площадкой, как мне это вначале показалось. Вновь я удивился. Вместо пола здесь я увидел окно из толстого стекла, служащее прозрачной крышей для помещения, освещенного изнутри. Это была небольшая древняя баня, рассчитанная человек на двадцать. Вдоль стен из полированного камня стояли статуи нагих женщин, держащих наклоненные кувшины. В свое время из этих кувшинов в бассейн лилась вода. Стены были расписаны фресками, но столь пострадавшими от времени, что я не смог разобрать ничего, кроме фрагментов женских фигур.

— Когда принц рассказывал нам, что он занимается реставрацией старой части дворца, я ошибочно подумала, что именно там и жили все тиренские монархи с самого начала, — сказала Джанела. — На самом деле королевство гораздо старше этого дворца. Тот дворец,

что мы видим, и окружающие строения были возведены на остатках еще более древней цитадели. Когда строили музей, то наткнулись на развалины того, что ты видишь здесь. Никто не смог найти этой находке применения, поэтому ее просто закрыли стеклом.

Я улыбнулся.

— Но умный владелец таверны превратил это в главную достопримечательность своего заведения, не так ли? — заметил я и оглядел таверну. Присутствующие посетители явно относились к весьма зажиточным и культурным тиренцам. — Ну разве найдешь лучшее местечко для ужинов и обедов, чем на развалинах, скрывающих тайну твоих древних предков?

Джанела кивнула. — У тебя мышление коммерсанта, Амальрик, — сказала она. — Да, произошло именно так. Когда я ужинала здесь в первый раз, выйдя из музея, то кое-что поняла. Я подумала о том дереве снаружи и об этой находке. Потом сотворила заклинание и обнаружила, что у помещения бани и дерева приблизительно одинаковый возраст. Поначалу интерес мой к этому был незначителен, но чем глубже я погружалась в то, что, по моим расчетам, спасет нас, тем тверже понимала, что эти руины заслуживают более внимательного изучения.

Она показала на баню.

— Здесь принимала ванны жена короля Фарсана, — сказала Джанела после того, как хозяин таверны принес вино и удалился. — Помнишь короля в сцене с танцовщицей на картине в разрушенном городе?

— Ну конечно, — сказал я. — Я понял, о ком ты говоришь. О том малом, которого Соларос назвал трусливым монархом Тирении.

— Звали ее Монавия, — продолжала Джанела. — Легенда утверждает, что она тяжело переживала трусость своего мужа. Когда они венчались, вся империя радовалась бракосочетанию такой красивой пары. Когда Монавия принимала присягу как королева, она поклялась, что в случае необходимости сама наденет доспехи, чтобы отразить демонов. Но все изменилось после рождения первого ребенка. В первый день жизни ее сына король демонов прислал своих дипломатов просить короля Фарсана о мире. Это было как раз во время самого главного праздника Тирении.

— День Творца? — спросил я. Джанела подняла брови:

— Да. Ты это знаешь?

Я быстро рассказал ей о своей встрече с принцем и опасных намерениях короля Баланды.

Джанела встревожилась, но затем успокоилась.

— Так. Ну тогда все становится еще яснее, — пришла она к своему выводу. — Итак, посланники Баланды появились в День Творца. Они ориентировались в Тирении так уверенно, что многие заподозрили — это не первый их визит сюда. Подозрение усилилось, когда один из демонов потребовал частной аудиенции и король покорно приказал очистить зал, запереть двери и поставить возле них охрану. Никто не знает, о чем говорилось тогда. Тайное совещание продлилось два дня.

Можешь себе представить, какую тень это событие бросило на оба праздника! Все королевство волновалось: что же происходит? Может быть, король умер? И в тот самый момент, когда королева уже собралась отдать приказ солдатам взломать двери, те распахнулись и появился король с громогласным заявлением, что настал самый счастливый день со времени основания Тирении. Война с демонами окончена, сказал он.

И с этого дня демоны стали желанными гостями при дворе. Более того, собирався пожаловать сам король Баланд, и в честь его прибытия объявлялись большие торжества.

Я отпил вина и сказал:

— Интересно, в чем же состояли те тайные переговоры?

— Неизвестно, — ответила Джанела. — Я изучила все древние документы в поисках хотя бы намека. Может быть, ему угрожали убийством юного принца. Или королевы. Или король боялся потерять трон. В конце концов я пришла к выводу, что это не так уж важно, и

дальнейшие поиски сочла пустой тратой времени. Ведь известно, что демоны искусны по части влезания в чужие, самые потаенные секреты, чтобы потом использовать твои самые сильные страхи или постыдные желания против тебя самого.

Более интересной мне показалась реакция королевы Монавии на то, что Баланд и его демоны заполонили двор и вели себя там все более развязно. Она сопротивлялась изо всех сил, грозила даже разрывом королевского брака. Но тогда король Фарсан запер сына с его прислугой в башню и объявил, что он будет там находиться до тех пор, пока король не найдет себе другую королеву; и, как только родится другой наследник, этот ребенок будет убит.

— Как жестоки бывают трусы, — сказал я.

— Я с тобой согласна, — сказала Джанела. — К счастью, королева оказалась неглупой женщиной. К тому же она обладала терпением. Она несколько лет мужественно исполняла королевские обязанности. А между тем втайне затеяла заговор со своей служанкой, которая к тому же была и могущественной колдуньей. Имя ее утеряно для истории. Зато известно место рождения. Один старый историк не пожалел нескольких язвительных страниц для описания этого места. Он сообщает, что она прибыла из озерного края, где рождается Небесная река.

— Что это за река? — спросил я.

— Та, по которой мы сюда плыли, — ответила она. Я чуть не расхохотался.

— Так, значит, эта колдунья могла быть предком королевы Бадрии?

Джанела усмехнулась.

— Помнишь, как она с видом старой школьной наставницы пыталась убедить нас в том, что Тирении не существует?

— Конечно. Бадрия напомнила мне одного моего наставника, который вдалбливал мне истины, оказавшиеся потом абсурдом. Так, он призывал небеса в свидетели, уверяя меня, что у женщин меньше зубов, чем у мужчин.

Тут уж Джанела чуть не схватилась за живот.

— Он что же, не мог просто пересчитать их? — спросила она.

— Ну да! — ответил я. — А я пересчитал. Мой отец вскоре его уволил. Слава Тедейту, у меня был мудрый отец. — А у него — мудрый сын, — совершенно серьезно отметила Джанела.

Я вспыхнул, как ребенок, услышавший долгожданную похвалу.

— Но продолжим, — сказала Джанела. — Колдунья смогла заставить черенок сухого магического листка родного дерева, которое растет в ее родных краях, пустить корни. Когда появился проросший стебелек, она посадила его у ручья, воды которого славились способностью омолаживать и исцелять людей. Дерево росло быстро и вскоре стало самым большим в королевстве. Вскоре корни его стали доставлять людям неприятности, проникая в фундаменты зданий и разрушая их. Но королева запретила трогать дерево, объявив его священным.

А ручей, питающий корни дерева, своей водою наполнял и ванну королевы, что, как свидетельствовал один историк, защищало ее от демонов, которые понимали, что она настроена против них.

Я собирался задать ей вопрос, но тут подошел хозяин таверны с большой плетеной корзиной. Он заверил госпожу Серый Плащ, что приготовил нам самые изысканные блюда и самые превосходные напитки к этим блюдам. Потом спросил, не нужен ли ей слуга для помощи в сервировке пикника. Джанела сказала, что не нужен, поскольку пикник у нас интимный. Она подмигнула. Хозяин таверны удалился, весело помахав нам рукой.

Джанела допила вино и поднялась.

— Мы идем, мой господин? — спросила она шутливо-официальным тоном.

— Да, да, конечно. Но прежде, чем мы уйдем, скажи мне еще вот что.

— Если смогу.

— При чем тут дерево? — спросил я.

— Вот это и есть один из поводов для нашего пикника, — сказала Джанела. — Мы и должны выяснить, при чем тут дерево. Хотя у меня уже есть догадка.

— И в чем же ее суть?

Джанела бросила на стол серебряную монету и сказала:

— Монавия при помощи дерева хотела убить короля.

Глава 18 УБИЙСТВО ВО ДВОРЦЕ

Окаймленная кустарником тропинка огибала таверну и дерево, уходя в уединенный садик, разбитый хозяином таверны для любителей романтических свиданий, каковым ему представлялось и наше. Для пикников был приготовлен украшенный цветами павильон, но Джанела, занеся туда корзину с провизией, пригласила меня пройти дальше, на лужайку между двух могучих корней дерева с серебряными листьями. Здесь в тени бурно разросся густой мох.

Она указала на квадратную впадинку, размерами фута четыре на четыре.

— Тут нам предстоит покопаться.

Она опустила на колени и принялась вырезать пушистый мох ножом.

— Прошу тебя, скажи, зачем нам это нужно? — спросил я.

— Чтобы попасть в старый дворец, — сказала Джанела. — Я сотворила заклинания, чтобы отыскать вход, и они указали на входы либо слишком засыпанные, либо совсем открытые, как в таверне, за стеклом. Осталось только здесь. А теперь помоги мне снять этот мох.

Все еще не понимая, зачем это нужно, я стал ей помогать.

— Я измеряла магическую энергию, — пояснила Джанела, — и открыла, что именно в этом месте наиболее сильные возмущения эфира, и, видимо, связаны они как раз с присутствием дерева колдуньи. Я не знаю, в чем дело, хоть кое-что и подозреваю. И уверена, что исследования провести необходимо, это очень важно. Я отыскала старые чертежи дворца Фарсана и смогла проследить за источником возмущения эфира. Если нам повезет, мы выясним, права ли я.

С этими словами она сделала последний надрез, и мы вытащили аккуратный кусок дерна. Влажная земля под ним крошилась в пальцах, и доносился звук бегущей воды. Отбрасывая в сторону почву, Джанела докопалась до древней каменной решетки. Снизу сквозь щели поднимался холодный приятный запах.

— Странно, — сказал я. — Я ожидал, что воздух из подземелья будет влажным и затхлым.

Джанела не отвечала. Она расчищала какой-то едва различимый отпечаток изображения на краю решетки. Из-под ножа полетели искры, и влажный камень зашипел там, где его коснулся нож. Решетка осыпалась вниз и с плеском рухнула в водный поток.

Ее уверенные действия изумляли. Я не видел, шепчут что-нибудь ее губы, и, уж разумеется, не мог слышать слов. Но не успел я спросить, каким способом ей удалось справиться с решеткой, как она достала из сумочки магическое ожерелье, которое слабенько засветилось, затем ухватила за края дыры и стала спускаться вниз, хватаясь руками и упираясь ногами в выдолбленные в камне отверстия.

Яма уходила вниз всего лишь на десять футов, и Джанела быстро добралась до дна. Я увидел, как она, осматриваясь, перемещает ожерелье то туда, то сюда.

— Это древняя штольня, — крикнула она мне торжествующим голосом. — Как я и надеялась. Спускайся, Амальрик. Тут не так уж и сыро.

Я спустился и оказался на нешироком каменном парапете, идущем вдоль воды. Штольня была широкой и достаточно высокой, так что можно было спокойно выпрямиться в полный рост. Я поднял свое ожерелье и увидел, что вода вытекает из небольшого бассейна, который при ближайшем рассмотрении оказался переполненным колодцем. Вода бежала по

штольне в туннель, который, судя по направлению, уходил под таверну.

Джанела присела, зачерпнула воды, попробовала и удовлетворенно кивнула. Я сделал то же самое. Вкус был точно такого же живительного эликсира, что мы пробовали из ручья на острове. Джанела махнула мне рукой, и мы двинулись по туннелю.

Чем дальше мы шли по этой каменной тропинке под землей, тем сильнее оглушал нас доносящийся издали ревущий звук, так что вскоре мы уже не могли слышать друг друга. Но мы так и не добрались до источника этого звука, потому что туннель внезапно расширился и мы оказались в небольшом помещении. Вода протекала посередине помещения и устремлялась вниз с края. Я заглянул вниз, но свет не достигал дна. Джанела тронула меня за плечо, и я увидел нишу, вырезанную в противоположной стене. Мы перепрыгнули через поток и подошли поближе. Там обнаружилась массивная дверь, вырезанная из цельного камня. Она ничуть не пострадала за прошедшее время, оставаясь такой же гладкой и прочной, какой ее сделали давным-давно.

Найдя ручку, Джанела ухватилась и потянула что есть сил. Дверь же открылась с такой легкостью, что мне пришлось подхватить потерявшую равновесие Джанелу. Мы рассмеялись. В глазах у Джанелы плясало возбуждение, она быстро обняла меня и что-то сказала, но я не смог разобрать слов из-за шума падающей воды. Она пожала плечами и сделала мне знак следовать за ней.

Мы вошли в большой зал, уставленный какими-то предметами. Джанела захлопнула дверь, закрывавшуюся так плотно, что шум воды совсем не был теперь слышен. Она подняла над головой ожерелье, и комната осветилась холодным светом.

Предметы оказались изящными вазами и кувшинами различных размеров. Мы внимательно осмотрели некоторые из них. Поражала их отделка. На больших вазах изображались сцены купания женщин. Маленькие были украшены цветами. Джанела взломала печать на крышке одной из ваз, и помещение наполнилось дивным ароматом.

— Какая прелесть, — пробормотала она, смазывая себя этим веществом за ухом. — Свежесть сохранилась, несмотря на то, что прошло столько веков.

У ближней стены стоял большой чан, в котором мог бы запросто поместиться человек. Под ним размещалась небольшая печка, сохранившая угли и золу от давно угасшего костра.

— Отсюда служанки королевы брали подогретую воду для ее купания, — сказала Джанела. — А через эту дверь они приносили сюда воду из ручья. Затем подогревали ее в этом чане. Добавляли благовония из этих кувшинов. И несли воду в этих вазах в баню.

Я не сомневался в правильности ее предположений. Она обратила мое внимание на смотровой «глазок» шириною приблизительно в два пальца в другой двери. Я посмотрел в него и увидел то самое помещение, которое находилось под стеклом в таверне. Присев и заглянув повыше, я смог даже увидеть, как наверху промелькнул кто-то из посетителей таверны.

Здесь же обнаружилась и третья дверь, за которой в темноту, изгибаясь, уходил длинный коридор, в котором мы разглядели еще три двери. Одну дверь мы не смогли открыть — очевидно, с другой стороны ее завалило камнями. Джанела высказала догадку, что там, должно быть, находилась спальня королевы Монавии. Другая дверь открылась легко, демонстрируя нам лабиринт коридоров, исчезающих в развалинах дворца. Третья слегка скрипнула на петлях, и когда мы заглянули внутрь, то обнаружили небольшую пустую комнату с каменным сооружением, которое я поначалу принял за ложе. Однако когда мы подошли ближе, то увидели, что это своего рода алтарь, такой же, как в разрушенном городе близ моря. В центре даже располагалось уже знакомое нам углубление для коробочки. Только теперь оно было пустым.

Джанела достала коробочку, которую мы нашли на острове, и поднесла ее к отверстию. Те же размеры и форма. На мгновение я встревожился о том, какие будут последствия, если она положит коробочку в углубление. Сердце забилося, а ладони вспотели при воспоминании о том, что произошло со мной на острове, хотя случившееся тогда и страшило и привлекало меня.

— Не надо, — сказал я.

Джанела удивленно посмотрела на меня.

— А в чем дело? — спросила она.

— Если ты ее туда положишь, что-то случится, — сказал я. — Не знаю что, но, мне кажется, нас это не порадует.

Джанела больше не стала ни о чем спрашивать и, к моему облегчению, убрала коробочку. Затем закрыла глаза и надолго застыла в таком положении.

Наконец открыла их и сказала:

— Ты был прав, предупреждая меня, Амальрик. В этой комнате занималась магией колдунья королевы. Возможно, даже зарядила эту коробочку нужной ей магией.

— Вот эту самую коробочку? — спросил я. — Или ее близнеца?

— Думаю, эту самую, — сказала Джанела. — А если так, то колдунья должна была потом вернуться в родные края и устроить на том острове священное место, где бы коробочка сохранилась до тех пор, пока не потребуется вновь.

Я облизал пересохшие губы, не желая даже задумываться, для чего могла пригодиться такая коробочка. Должно быть, Джанела почувствовала мое состояние, потому что, легонько поцеловав меня, она поманила из комнаты ведьмы и повела дальше по коридору.

Мы шли по нему чуть ли не час, Джанела поднимала ожерелье, и от него загорались древние факелы, заставляя отступать тени, как солдат давно побежденной армии. Нам попадались другие двери и другие коридоры, но Джанела проходила мимо, не обращая на них внимания, идя по невидимому следу магии, которую она ощущала. Затем коридор вывел в сводчатое помещение, в дальнем конце которого имелись двойные мощные двери. На металле дверей была вырезана королевская корона. Когда мы подошли ближе, я ощутил холод, как от сквозняка, хотя чувствовал, что воздух остается неподвижным.

Джанела у дверей помедлила. Она ощупала металл, затем приложила ухо и прислушалась.

— Это здесь, — сказала она низким голосом.

Она отступила назад и широко раскинула руки. Двери резко распахнулись, с громовым стуком ударившись о стены. Она сделала несколько шагов вперед, раскрутила над головой ожерелье, и громадный зал за этими дверями заблестал огнями.

Мы прошли вперед и оказались в тронном зале короля Фарсана.

Я увидел тот двойной трон, на котором в свое время, полуоткинувшись, восседали он и королева Монавия, наблюдая за танцовщицей. Я увидел подмости из белого камня, на которых она танцевала, оркестровую яму, где играли музыканты. И ложу, в которой некогда восседал, наблюдая за танцовщицей, похотливый король демонов.

Паутина и слои пыли покрывали призрачным покрывалом каждый предмет в зале. Они окутывали троны, кресла и маленькие столы для закуски, где так и остались до сих пор стоять бокалы и тарелки. В одном углу располагались два огромных банкетных стола, заваленные засохшей пищей. На окислившимся блюдах возлежали покрытые пылью мумифицировавшиеся, некогда зажаренные туши животных; рассыпающиеся торты еще несли на себе украшения из засахаренных фигур; на тарелках окаменели изысканные деликатесы. Во многих местах корни гигантского дерева, прорвавшись через сводчатый потолок, уходили через пол дальше вниз. Толстые корни, причудливо переплетаясь, были покрыты свисающими клочьями паутины.

Мы молча подошли к трону, испытывая угнетенное чувство от этой картины.

У подножия трона короля Фарсана лежал украшенный драгоценными камнями кубок. Джанела подняла его. С минуту она стояла молча, а затем сказала:

— Тут король и умер.

Она принялась к кубку, словно после стольких лет еще мог остаться какой-то запах.

— Его отравили? — спросил я. Джанела кивнула и указала на кубок:

— Но не отсюда.

Она поставила кубок на трон. Потом взобралась на сцену и прошла по ней.

Остановилась, поглядела вниз, скривилась, словно увидев призрак. И подошла к ложе короля демонов. Там за перегородкой оказались ряды позолоченных кресел. Она села в то кресло, которое занимал некогда король Баланд, и захлопнула дверцу перегородки. Облокотившись на нее, посмотрела на сцену. Посидев так недолго, она вышла и вернулась ко мне, нахмутив брови и погруженная в раздумья.

— Мне кажется, я поняла, что произошло здесь, — сказала она. И тут же вновь задумалась. — Но я не понимаю, как это *могло* произойти.

Она оглядела зал, всматриваясь то туда, то сюда, подергиваясь, очевидно от усилий, уходящих на излучение магической энергии. Она побледнела и начала как-то обмякать, словно израсходовав все резервы. Я бросился к ней, решив, что она сейчас просто рухнет. Обняв ее, я почувствовал, что она полностью лишилась сил. Я испугался.

— Джанела! — крикнул я.

Она вздрогнула от моего крика. Минуту спустя я почувствовал, как к ней возвращаются силы. Она выпрямилась и легонько отстранила меня.

— А вот теперь я знаю и *как*, Амальрик, — слабым голосом произнесла она. — И нам лучше как можно быстрее рассказать обо всем принцу.

После этого она все-таки лишилась чувств.

На следующий день, пока Джанела отдыхала, я собрался на аудиенцию к принцу. Я не собирался рассказывать ему обо всем, поскольку Джанела настояла, чтобы такая информация, как обладание нами коробочкой с острова, осталась в секрете.

— Это естественная предосторожность, принятая среди магов, — сказала она. — Мы любим, чтобы кое-что оставалось в запасе. Но вообще-то это нужно для того, чтобы не встревожить демонов. О, разумеется, они вскоре узнают кое-что о моих планах, если уже не узнали. Но чем больше будет сохранено в тайне, тем выше наши шансы застать их врасплох.

Она отпила приготовленного ею укрепляющего эликсира для восстановления сил.

— Кроме того, мы еще далеко не все знаем о коробочке. На досуге я бы хотела заняться ее изучением, приняв предварительно меры безопасности. И не только по тем причинам, о которых ты думаешь. Ты ведь знаешь, мой дорогой Амальрик, что у нас там внутри содержится демон короля Азбааса. Если мы его выпустим, это будет не самое приятное существо на свете.

Помня об этих наставлениях, я предстал перед принцем и рассказал ему достаточно, чтобы убедить в важности открытия Джанелы. И пояснил, что если это открытие применить с толком, то можно направить его против демонов.

Два дня ушло у Джанелы на восстановление сил и чуть больше недели — на подготовку к демонстрации задуманного. Толстый кошелёк убедил хозяина таверны на время закрыть заведение, чтобы мы без помех могли вскрыть пол и более простым путем попасть в подземный дворец — через баню.

Когда все было готово, принц обратился к мудрейшим магам и самым видным жителям города с просьбой присутствовать на устроенном Джанелой представлении. Он убеждал прибыть и отца, но король заявил, что ему некогда заниматься такими глупостями.

«Мне смешна сама мысль о том, — передали нам его слова, — что чужеземный маг, да еще женщина, сможет чему-то научить наших магов».

Принц же был так увлечен предстоящим событием, что король Игната не решился запрещать что-либо. Правда, он обозвал сына дураком и сказал, что, может быть, урок унижения, которое тот испытает, научит его хоть чему-нибудь, прежде чем принц унаследует престол.

Однако в назначенный день позиция короля сказалась на настроениях собравшихся у таверны. Когда мы с Джанелой повели гостей через дверь бани к тронному залу короля Фарсана, слышались скептические замечания и мы ловили на себе косые взгляды.

Громче всех высказывались Тобрэй и Вакрам, к тому же брезгливо морщась при каждом слове Джанелы. Ну, Тобрэй как главный маг Тирении и ближайший советник короля меня не удивил своим поведением. Другое дело Вакрам. Хоть он и первый возражал против

переобучения тиренских войск, тем не менее, когда тренировки пошли полным ходом, он вновь стал изображать из себя нашего самого закадычного приятеля. Более того, он не возражал и тогда, когда я передал принцу Соларосу просьбу Джанелы о проведении демонстрации. Впрочем, я не слышал и его слов в поддержку.

Весь этот шумно выражаемый скепсис тиренцев мигом рассеялся, когда мы вошли в тронный зал. Мужчины и женщины в благоговейном ужасе застыли перед свидетельством жизни их предков — пиршеством, прерванным в самом разгаре.

Разинув рты разглядывали они трон и опрокинутый бокал, который Джанела положила точно на то место, где нашла.

Но глупые шутки зазвучали вновь, когда Джанела попросила пришедших рассестся вдоль стен зала на расставленных ею креслах, и усилились, когда они увидели разложенные Джанелой различные магические предметы на стоящем поблизости столе.

Не обращая внимания на шум и насмешливые взгляды, Джанела принялась за дело так, словно вокруг собрались друзья, доброжелатели и ценители.

— Уважаемые дамы и господа, жители Тирении, — начала она звучным и уверенным голосом, — благодарю вас, что пришли сюда сегодня. Вдвойне благодарю вас за любезную готовность выслушать такого мага, как я, не осуждая его как невежественного выскочку. Я знаю, что все вы пользуетесь заслуженной репутацией людей умных, мыслящих широко. Именно это требуется для понимания моего открытия.

Наше искусство порою опасно. Настолько опасно, что грозит гибелью непосвященному. Однако непосвящение не является врожденным качеством тех людей, кто не занимается магией. Знания могут быть доступны всем. Я не собираюсь подробно останавливаться на этой теме, но уверена, что в ближайшем будущем сохранение секретности вокруг этой темы не только окажется глупым, но и вредным. Поскольку если мои предположения верны, то каждый мужчина, женщина и даже ребенок — обученные соответствующим образом — смогут заниматься волшебством и *пожелают* им заниматься, как в старину это делали все ваши предки.

Последние слова вызвали громкий ропот и новый приступ смеха.

— И тогда любой уличный бродяга, склонившись над кучей свинячьего дерьма, сможет щелкнуть пальцем и обратить его в золото.

— И тогда он уже не будет больше слоняться по улицам, а поселится в своей вилле и будет продолжать щелкать пальцами, — сказал Вакрам своему соседу, но достаточно громко, чтобы было слышно всем.

Тобрэй, настроенный столь же скептически, обратился к Джанеле:

— Мы все слышали эту ерунду и раньше, — сказал он при шумной поддержке остальных. — Но тем не менее по неведомым нам причинам боги благословляют таким талантом далеко не каждого. И даже в этом случае — способность к магии у них неодинакова. Базарная колдунья, например, может исцелить опухоль коровьего вымени. А я, например, могу вызвать — или прекратить — эпидемию чумы.

— Из вашего заявления можно вывести частный закон, но не всю теорию, — ответила Джанела. — Да, кто-то в чем-то лучше другого. И действительно существует широкая пропасть между тем, кто владеет кое-какими практическими навыками в магии, и таким талантливым человеком, как вы.

Тобрэй кашлянул, услышав столь льстивое утверждение, и не стал его оспаривать.

— В любых человеческих действиях ощущается разница в способностях, — сказала Джанела. — Любой может дунуть во флейту. И даже извлечь мелодичный звук, при соответствующей тренировке, разумеется. Но никто не может мастерски играть на флейте, едва научившись извлекать из нее звуки. Когда я говорю, что любой сможет заниматься магией, я вовсе не утверждаю, что все при этом проявят одинаковые способности. Да и не каждый захочет. Не каждый откажется от нормальной жизни с ее нормальной любовью и простыми радостями, теми, что порой недоступны нам, магам.

Когда она сказала это, я вспомнил Гэмелена, воскресителя, друга Рали, и его признание

о том, как в свое время он был вынужден отказаться ради магии от любви и как горько сожалел об этом до конца жизни.

— Но как я уже отметила, — продолжила Джанела, — не это тема моего сегодняшнего выступления. Это лишь один из многих логически вытекающих выводов, а потом и практических результатов. И если вы доверитесь мне хоть немного и выслушаете, то постепенно согласитесь со мной.

— Очень хорошо, госпожа Серый Плащ, — сказал Тобрэй. — Мы внимательно слушаем. Прошу вас, продолжайте.

При этом с его лица не сходила презрительная усмешка.

— Как вам, должно быть, известно, — сказала Джанела, — теория моего предка, Яноша Серого Плаща, утверждает, что все в мире подчиняется нескольким общим законам, или, иначе говоря, все предметы роднятся между собою и состоят из одинаковых элементов. Вся разница в количестве этих элементов и расположении. — Она улыбнулась Вакраму. — И золото действительно содержится в куче свиного дерьма. Все зависит от того, что эта свинья ела. Но вот в золоте может не оказаться свиного дерьма, если это только не скверное золото...

Сосед Вакрама рассмеялся.

— Но даже и самое чистое золото можно разложить дальше, — продолжила Джанела. — С помощью магии можно выделить его мельчайшие элементарные частички. Хотя я не думаю, чтобы кому-то захотелось заниматься этим из любопытства. Потому что, кроме чисто финансовых потерь, при таком разложении, как показывают мои вычисления, освобождаются и гигантские силы.

— Пойдите, — вмешался Тобрэй. — Золото не может обладать иной силой, кроме той, которой я его наделяю. — Он снял золотой браслет и бросил ей. — Например, силой броска моей руки.

Джанела поймала браслет. Она подняла его над собой, чтобы видели все, повернула так и эдак, убеждая окружающих, что сейчас это просто ювелирное изделие и ничто иное.

— Вы видели, как этот предмет был брошен? — обратилась она ко всем.

Тиренцы снисходительно кивнули.

— Значит, вы видели в действии несколько проявлений, а точнее, направлений естественных механических сил. Одна сила была приложена к предмету. Вторая воздействовала на воздух, пока предмет летел. Третья заставила предмет падать. Четвертую силу я приложила, чтобы поймать и удержать предмет.

Тобрэй нетерпеливо фыркнул.

— Да, да. Мы все слышали об этой теории вашего прославленного предка. Некоторые ограничились чтением, а кое-кто из молодых даже потратил драгоценное время на эксперименты.

В общем ропоте уже не слышался единодушный скепсис.

— Например, Янош Серый Плащ утверждал, — продолжил Тобрэй, — что и свет обладает массой. Может быть, и так. Но что толку от *такого* знания, даже если оно и истинно? Им не пообедает. Я не могу из этого сделать какой-нибудь инструмент. В общем, какой прок от света? Он лишь освещает нам путь или мешает спать.

— Что толку? — удивилась Джанела. — Применений очень много, как же вы не видите? Но я не буду отнимать время перечислением. Я лучше предложу вам кое-что полезное, если не на земле, то под *землей*... и покажу.

Она вновь подняла браслет. Затем взяла магический кубок из своих атрибутов и бросила браслет внутрь. Джанела взмахнула рукой, и кубок засверкал.

— Вот и свет.

Она встряхнула кубок. Не донеслось ни звука. Она взяла еще один сосуд, поместила его на расстоянии под кубком и наклонила золотую посудину.

Все с удивлением увидели, как свет, подобно воде, переливался из одного бокала в другой. Часть жидкости попала на пол и разлетелась сияющими каплями. Джанела даже

отхлебнула из полного теперь второго сосуда. Брови ее от удовольствия поднялись вверх.

Смахнув светящийся след с верхней губы, она сказала:

— На вкус — как... свет!

Она передала бокал Тобрэю, который принялся внимательно осматривать предмет. Он тоже отхлебнул, и на лице его отразилось изумление. Затем он передал бокал остальным, чтобы и те могли осмотреть и попробовать содержимое.

— Хорошо, что вы мне дали свой браслет, мой господин, — сказала Джанела. — Поскольку свет более всего похож на металл. Из другого предмета его получить было бы трудно. Например, из пера.

Вакрам фыркнул.

— Трюк фокусника, и ничего больше, — сказал он. — Любой из нас сделает его, немного попрактиковавшись.

— Так ведь я же в самом начале сказала, что, конечно, это смогут сделать все... если захотят, — сказала Джанела.

Послышался смех, и Вакрам вспыхнул.

— Тем не менее, — сказал он, — это магия. И ничего иного.

— Да, — согласилась Джанела. — Ничего иного, кроме демонстрации магической силы, превращающей золото в жидкость, холодную и подчиняющуюся обычным законам. Я наклонила кубок, и ей ничего не оставалось, как вылиться.

Что же касается того, что это трюк фокусника с применением простой магии, то это утверждение не совсем верно. Простая магия требует энергии, а я не получала ее из обычных источников. Я не произносила заклинания, не пользовалась дополнительными магическими предметами.

Она оглядела собравшихся.

— Надеюсь, вы согласны, что магия забирает энергию и выделяет? И что иногда выделяет даже больше, чем забирает?

Послышались слова согласия. Кое-кто просто кивал.

— Наверное, вы согласитесь и с тем, что вы берете свою энергию... из некоего места... и там ее гораздо больше, нежели может показаться на первый взгляд?

Кое-кто задумался, многие же вновь закивали, вновь слышались слова согласия, особенно со стороны тех юных магов, о которых пренебрежительно отозвался Тобрэй.

— Тем не менее и у этой энергии есть предел. И иногда, когда вы мысленно обращаетесь в то место, откуда взяли энергию, обращаетесь слишком быстро после произведенного действия, там ее оказывается слишком мало, чтобы можно было повторить заклинание. И поэтому вам приходится обратиться... дальше, чтобы, как говорится, отыскать еще, так?

Кое-кто продолжал надменно улыбаться. Но появились и те, кто посерьезнел, словно до них наконец дошло.

— Я вовсе не хочу, чтобы вы верили мне на слово, — сказала Джанела. — Это даже против принципов моего прадеда. Все предположения должны быть проверены и перепроверены. Но если впоследствии вы заинтересуетесь, я покажу вам, как я провожу эксперименты, подключая догадки на основании данных, почерпнутых, кстати, из ваших же архивов.

Услыхав эти слова, все перестали скептически хихикать и улыбаться. И в том числе Тобрэй. Мне это понравилось. По крайней мере, он обладал здравым смыслом и практическим чутьем.

— Что вы имели в виду, когда сказали, что в фокусе с браслетом использовали совсем другой источник энергии? — спросил он.

— Я просто преобразовала ту энергию, которую вы приложили к броску, и ту, которую я приложила для удержания браслета, — сказала Джанела.

— Но это невозможно! — воскликнул Вакрам.

Он выглядел встревоженным, хотя я и не мог понять почему. Он не принадлежал к тем

магам, что выдвигают настолько серьезные идеи, которые имело бы смысл опровергать серьезными доводами.

— Как я уже сказала, мой господин, — ответила Джанела, — все, что я тут утверждаю, можно затем проверить. Но я скажу вам, коллега, что для волшебных целей применима любая энергия. Точно так же, как силой дыхания вы можете сдвинуть с места детскую игрушку на колесиках, так этой же доли энергии достаточно для совершения небольшого магического действия, например для освежения дыхания, если за обедом вы наелись чеснока. — Джанела усмехнулась. — Правда, я сомневаюсь, что этой энергии хватит для того, чтобы исправить плохое настроение.

Над Вакрамом вновь засмеялись. Тот покраснел от злости, отчего смех еще более усилился. Когда его взгляд встретился с насмешливым взглядом принца, Вакрам быстро отвернулся.

Джанела продолжила:

— Теперь мы можем спокойно порассуждать о том, как действуют силы в этом, обычном мире. Существуют тепло и свет, существует сила, заставляющая предметы падать, заставляющая вращаться стрелку компаса, и силы, проявляющиеся в момент удара молний. И так далее, и тому подобное.

Но есть и необычные силы. Силы духовные, магии и волшебства. Которые тоже связаны с изменением форм предметов. Но все они, как я думаю, являются составными частями обычных сил. Когда-нибудь это, видимо, будет доказано. То есть они являются, если можно так выразиться, обратной стороной той же монеты.

— А как же боги? — спросил Тобрэй.

— А что боги? — сказала Джанела. — Они должны подчиняться тем же законам, что вы и я. Если они, боги, вообще существуют.

Все примолкли, ошеломленные такой ересью. Первым пришел в себя Тобрэй.

— Вы хотите сказать, что магия не важнее других сил? — спросил Тобрэй, своим спокойным тоном показывая, что его трудно чем-нибудь шокировать.

— Дело не в важности, мой господин, — ответила Джанела. — Просто это факт — так обстоит дело. Если мне нужно приготовить то самое блюдо с чесноком, которое так любит господин Вакрам, то я должна использовать законы тепла, иначе он останется голодным или будет вынужден съесть блюдо сырым.

Вакрам побагровел, но ничего не сказал. Никто уже не смеялся. Джанела поняла, что допускает ошибку, добивая уже поверженного оппонента, и быстро сменила тему.

— Важно же на самом деле то, — сказала она, — что все те силы, которые мы обсудили или которые лишь упомянули, на самом деле являются проявлением одной силы. Мы разделяем их лишь потому, что наблюдаем разное их проявление. Тепло готовит нам пищу. Свет освещает. И так далее.

— То есть, — сказал Тобрэй, — как бы один бог, но со множеством ликов. И мы видим только тот лик, который желаем увидеть или вынуждены увидеть.

— И этот бог... — начала фразу Джанела.

— ...сам должен быть выражением общей силы, — закончил за нее Тобрэй, — и, следовательно, — лишь частью целого.

— Допустим, что это так, — сказала Джанела.

— Только допустим, — пробормотал Тобрэй. — Допустим.

Поднялся Вакрам.

— Прошу прощения, госпожа Серый Плащ, — сказал он, — но могу я задать вопрос, не рискуя получить в ответ колкость?

— Прошу меня извинить за мою бестактность, — сказала Джанела. — Меня взволновало присутствие столь высокопоставленных особ с самого начала, и я говорила не думая.

Вакрам кивнул, но видно было, что он не принял предложенных извинений.

— Вопрос же мой таков: а какая разница — много сил или одна? Как уместно заметил

маг Тобрэй, этим знанием сыт не будешь. Даже приправив его чесноком. И я пока не вижу, что можно извлечь полезного из этого знания.

— Можете, и пользуясь вашими излюбленными методами, господин Вакрам, — ответила Джанела. — То есть магическими инструментами. Ведь волшебство, в отличие от религии, ведет к пониманию и умению действовать согласно собственному желанию.

Она обвела жестом стол с расставленными на нем предметами.

— Для демонстрации я приготовила много вещей, — сказала она. — Но теперь я не вижу в этом необходимости. Я просто обучу всех желающих моим методам. А в моей рукописи вы найдете и доказательства. Уверена, там найдется и немало ошибок. Я писала в спешке. Но даже и в этом случае я жизнью ручаюсь за правильность конечных выводов.

Что же касается практического использования, то именно поэтому я и просила вас всех собраться. Если бы вопрос представлял собою лишь академический интерес, я могла бы переговорить с каждым из вас в отдельности.

— Вы имеете в виду проблему демонов? — спросил принц. — Вы нашли способ обратить это знание в копье, направленное против демонов? — Его глаза засветились надеждой.

— Да, ваше высочество, — сказала Джанела. — Я уверена, что нашла.

Она повернулась и указала на огромные корни дерева, пробивающиеся сквозь потолок.

— Вы все видели то дерево, что возвышается над этими руинами, — сказала она. — И всем вам известно, что оно магическое.

— Совершенно верно, — сказал Тобрэй. — Но магия его невелика. Это дерево — не более как романтическая достопримечательность, делающая день более приятным для приходящих в сад парочек.

— Прошу прощения за то, что вынуждена возразить вам, господин Тобрэй, — сказала Джанела, — но это не просто романтическая достопримечательность. Если вы займетесь его обследованием, то обнаружите, что оно выделяет больше энергии, чем можно ожидать. Тот самый трюк с браслетом удался мне легко именно потому, что рядом находится это дерево.

Я убеждена, что деревья этого вида разводились специально как источники энергии. Так садовники разводят один цветок для приятного вида, другой — для благоухания. И здесь оно выращено для целей, имеющих огромную важность для Тирении. Это не просто чей-то каприз, не случайность. Его посадила колдунья, открывшая магический ручей, подобный которому существовал в ее родных краях.

— Но откуда же само дерево черпает энергию? — спросил Тобрэй.

— Из мира, которым правят демоны, — ответила Джанела. — Из страны короля Баланда.

Маги были потрясены. Поднялись тут и там споры, но Тобрэй величественным взмахом руки заставил всех замолчать.

— Прошу вас, объясняйте дальше, — сказал он.

— С удовольствием. Дерево берет энергию из мира демонов так же, как они берут ее из нашего. Они, как пиявки, засасывают все, что могут. Особенно пользуясь человеческим несчастьем, силой, которую мы не упомянули. Но есть и такая. Есть. Именно стремление к нашему несчастью и манит их сюда, заставляя совершать на нас опустошительные набеги все эти тысячелетия.

И вам должно быть это известно. Все, что обычно в нашем мире, в их мире считается магическим. Именно этим и снабжает нас дерево — дерево, дающее совсем иной вид энергии. А именно: энергию, с помощью которой можно одолеть наших врагов.

Вновь раздался хор взволнованных голосов. Только теперь споры не были слышны. Теперь передо мною сидели исстрадавшиеся люди, готовые ухватиться за малейшую надежду.

— Все вы знаете историю о короле Фарсане и королеве Монавии, — сказала Джанела. Тиренцы согласно закивали.

— Мы прекрасно ее знаем, — улыбаясь, сказал Тобрэй. — Это одна из самых любимых

сказок тиренской детворы. Добрая королева и трусливый король. Похотливый демон, одолевший танцовщицу с помощью зла.

Вмешался Соларос, добавив:

— И принц, которого трусость короля заперла в башню. — Он оглядел собравшихся. — Эта часть истории, как правило, умалчивается. Но нашим гостям и это стало известно. Джанела это просто вычитала в архивах. Ориссиане настоящие исследователи, в отличие от наших.

Джанела рассмеялась.

— Благодарю вас, ваше высочество, — сказала она. — Большого признания я и не мечтала заслужить.

Она глубоко вздохнула, собираясь с силами перед новым выступлением. И извлекла фигурку танцовщицы из рукава.

— Все ли вы знаете, что это такое, дамы и господа? — спросила она.

— Разумеется, — сказал Тобрэй. — Это некогда популярная игрушка в Тирении. Таких фигурок было сделано немало.

При этих словах я невесело улыбнулся. Сколько риска, вызванного детской безделушкой, если еще вспомнить и Яноша.

— Я собираюсь продемонстрировать вам настоящую историю Фарсана и Монавии, — сказала Джанела. — И из этой истории вы поймете, как загнать в тупик демонов.

Джанела повернулась ко мне. Она улыбнулась, и я понял, что она еще не готова к финальному показу.

— Амальрик, — сказала она, — вероятно, я вновь могу пострадать, как и в прошлый раз. У постели я положила некоторые снадобья и руководство по их применению. Справишься... если я не смогу сама?

— Может быть, нам не следует показывать все, — сказал я. — Это слишком опасно.

— Нет, это необходимо, — сказала Джанела.

Сказав так, она подошла к каменной сцене, поместила фигурку в центр и отошла назад.

Она склонила голову, концентрируясь. Свет потускнел, и в зале стало тихо, когда знакомая сцена с крошечной фигуркой танцовщицы задрожала перед глазами у нас. И тут танцовщица исчезла, а вместо нее остались кукольные фигурки придворных.

Джанела сделала какой-то жест, и сцена стала расти у нас на глазах, заполняя собою весь тронный зал. А мы превратились в зрителей оживших картин прошлого. До нас доносилось приглушенное бормотание придворных, словно мы находились среди них. Мы слышали, как из оркестровой ямы, где сидели музыканты, полилась музыка. Воздух наполнился теплом живых людей. Тронный зал вновь стал прежним. Исчезли лохмотья паутины, пропали проникшие внутрь корни, улетучился запах мертвечины.

Банкетный стол застонал под тяжестью свежей и соблазнительной пищи. Запах изысканных соусов и пряностей перемешивался с ароматом тонких благовоний. Ловкие слуги сновали в толпе, подливая вина и наполняя тарелки.

Но в этой праздничной атмосфере звучала и зловещая нота. В воздухе разносился и кислый запах плоти демонов. Они выделялись в толпе, а из особой логи единственным желтым глазом сверкал король Баланд. Я посмотрел в сторону тронов и увидел тиренского монарха, короля Фарсана, угрюмого и пьяного. Сидящая рядом королева Монавия пыталась весело улыбаться в ответ на остроту шута. Но выглядела она задумчивой и встревоженной, словно в ожидании того, что должно произойти что-то ужасное.

И тут Баланд проревел:

— При вашем дворе что-то скучно этим вечером. Музыка смолкла, и в тронном зале наступила тишина. Фарсан съезжился и схватил еще один бокал вина, чтобы скрыть ощущение позора оттого, что к нему обращаются столь бесцеремонно.

— Где танцовщица? — потребовал демон. — Где Талила? Позовите ее, король, немедленно!

Фарсан осушил бокал и жестом показал слуге вновь наполнить его.

— Да, да, — сказал он. — Вы правы, мой друг. Мне и самому стало скучно. — Он хлопнул в ладони, вызывая танцовщицу.

Музыканты начали играть вновь, и взгляды всех присутствующих — и тех, кто видел это в действительности, и нас — устремились на сцену.

Раздвинулся полупрозрачный занавес, и в музыке закружилась девушка. Она была прекрасна и соблазнительна. Волна ее чувственности была одновременно наполнена невинностью, словно сама танцовщица не понимала, какие сложные чувства вызывает в окружающих ее танец.

Но вот все изменилось, и невинность исчезла. Теперь Талила танцевала, как куртизанка. Каждое движение бедра и подрагивание груди молили о ласке. Глаза ее загорелись всезнающей греховностью, а пальцы медленными изящными движениями заскользили по изгибам тела. Губы складывались в ожидании поцелуя. В томной неге трепетало все тело.

Я возбудился так, как никогда в жизни. Член мой встал, превратившись в твердый прямой дротик, когда-то с такой же страстью охотившийся за Мединой, женщиной, похитившей мою невинность, до сих пор еще смутными воспоминаниями иногда беспокоящей мой сон. Я ощутил вожделение, наверное, более сильное, нежели король Баланд, который, скрежеща зубами, хрипло выкрикивал танцовщице непристойности.

Я с трудом оторвал взгляд, пытаюсь избавиться от этих чар. Посмотрев в сторону тронов, я увидел, что королева Монавия исчезла, а король Фарсан, уронив голову на грудь, пьяно похрапывает.

Когда я более-менее пришел в себя и вновь посмотрел на сцену, то в руках у Талилы увидел розу. Она водила цветком по телу, бросая дразнящие взгляды королю демонов и улыбаясь. Демон шурился от похоти, выпуская и втягивая когти.

Моя страсть сменилась ознобом ужаса, когда я увидел, как Талила, танцуя, сбегает со сцены и приближается к Баланду. Она дразнила его, то набегая, то отступая. С каждым движением она оказывалась все ближе и ближе, пока не очутилась перед самой ложей. Она засмеялась и протянула ему розу. Баланд выпрямил лапу, но как-то медленно, словно в удивлении. Затем усмехнулся и выхватил розу из ее руки. Поцеловав цветок, он высоко поднял его, чтобы все видели. Подданные демона одобрительно зарычали. Талила игриво закружилась, ее прозрачный шлейф обвился вокруг обнаженных бедер. Вновь она шагнула вперед, гибкая ручка метнулась и оторвала лепесток у цветка. Демон потянулся за ним, но танцовщица ускользнула, дразняще помахав пальчиком. Баланд вскочил с места, перешагнул через барьер ложи и неуклюже двинулся к Талиле, которая, отступая, вновь оказалась на сцене.

Там она остановилась в ожидании. Непонятно было — испугалась она или нет. Баланд вскарабкался на сцену и подошел к ней. Он остановился и свирепо оглядел толпу в тронном зале горящим желтым глазом.

— Оставьте нас! — выкрикнул он.

И все — люди и демоны — торопливо вышли.

Он повернулся к Талиле. Мне показалось, она задрожала, но если это и было так, она быстро взяла себя в руки и подняла голову, весело улыбаясь демону. Баланд схватил ее в объятия, и его черный плащ накрыл их обоих.

В тронном зале не было ни души, не считая похрапывающего на троне короля Фарсана.

Среди группы реальных зрителей начались разговоры, кто-то вскочил с места. Все решили, что сцена закончилась, и теперь недоумевали, с какой целью ее им показали. Смутно виднеющаяся в тени фигура Джанелы пришла в движение, и демон с Талилой исчезли из виду. Сцена сменилась.

Перед нами предстала комната королевской колдуньи. Когда мы с Джанелой впервые заглянули туда, там было пусто. Теперь там стоял небольшой лакированный столик с колдовскими атрибутами. У стены находился шкаф с различными сосудами причудливой формы. На стенах висели ковры с вытканными на них символическими картинками. А у стола

стояла женщина в колдовской мантии и старательно растирала что-то в ступе. Женщина была высока, с крупными, но красивыми чертами лица, в которых угадывалось происхождение из озерного народа. Рядом со ступкой лежало несколько серебряных листьев с того самого магического дерева, как я понял. Она брала их один за другим и измельчала пестиком.

Открылась дверь, и в комнату вошла королева Монавия.

— Король уснул, — сказала она. — Нам надо торопиться, Комана.

Колдунья, ничего не говоря, продолжала работать. Раздался стук в дверь, и обе женщины испуганно обернулись. Стук оказался условным, и женщины облегченно вздохнули. Королева открыла дверь.

В комнату вошла танцовщица. Она выглядела пугающе юной и беззащитной в своей белой мантии и со следами крови на щеке.

— Баланд ждет меня в своих покоях, — сказала она. — Я должна вернуться быстро, а то он заподозрит неладное.

Королева обняла ее.

— Мне так жаль, Талила, — сказала она. — Если бы только существовал другой способ...

— Но его нет! — заявила колдунья. — И нечего ее жалеть. Нам всем придется расплатиться за эту ночную работу.

Комана протянула руку танцовщице:

— Розовый лепесток. Где он?

Танцовщица вытащила лепесток из рукава. Колдунья схватила его и принялась за работу.

Монавия и танцовщица застыли, глядя в глаза друг другу.

— Я никого не люблю, кроме тебя, — сказала Талила.

— И я тоже, — ответила королева.

— Баланд может овладеть мною, — сказала танцовщица. — Но от меня он дождется лишь холода и ненависти.

Королева Смахнула слезу. Женщины слились в долгом поцелуе.

— Ну вот я и готова, — сказала колдунья.

Две любовницы разомкнули объятия. Бросив прощальный взгляд, танцовщица почти неслышно выпорхнула из комнаты.

Колдунья подошла к каменному алтарю и взяла оттуда коробочку, лежащую в центре. Подняв крышку, положила туда лепесток и вновь закрыла крышку. Длинные пальцы колдуньи извлекли из ступки порошок и осыпали коробочку. Порошок заискрил, покрывая высеченное изображение танцовщицы.

Комана заговорила:

Жизнь из тьмы
Благородство из зла
Раздвинься демонский занавес
Выпусти нас на свободу
Танцовщица к розе
Роза к танцовщице
И прах
От демонского поцелуя
И нет преград
Между одним миром
И другим.

Коробочка осветилась изнутри жутковатым светом.

Комана отложила коробочку, взяла кувшин, вылила воду из него в ступку, где

растворились остатки порошка. Я понял, что вода в кувшине из подземного ручья. Получившуюся серебряную жидкость колдунья вылила в небольшой кубок и передала его королеве, сказав:

— Наберите в рот, ваше величество, и держите, пока не наступит нужная минута. Но храни вас боги проглотить хоть каплю, иначе умрете. И что тогда будет с вашим сыном?

Королева кивнула.

— Я понимаю, — сказала она.

Мы, застыв как в трансе, наблюдали, как королева следует наставлениям колдуньи.

Дошел черед и до коробочки. Не дожидаясь команды, королева открыла коробочку и достала лепесток.

Взяв его, она содрогнулась, и колдунья быстро подхватила выпавшую из ее рук коробочку.

Королева застыла как замороженная. А затем мы увидели, как прозрачный и легкий дух вышел из тела королевы и поплыл, как я некогда оставлял свое тело при колдовстве Джанелы. Призрак королевы дышал жизнью и энергией. Он не колеблясь двинулся прочь, провожаемый пристальным взглядом колдуньи.

Дух Монавии не обратил никакого внимания на дверь. Он прошел сквозь нее, оставив сзади неподвижно стоящее тело. Призрак плыл по длинным коридорам сквозь стены других помещений, мимо находившихся там людей, не замечающих его.

Наконец Монавия оказалась в темном тронном зале с остатками пиршества, с похрапывающим королем Фарсаном, все еще держащим в руке кубок с вином.

Призрак королевы подплыл к нему. Наклонившись, он мягко повернул королевскую голову и выплюнул жидкость ему в ухо.

И отлетел прочь, улыбаясь. Потом громко сказал:

— Проснись, мой господин и хозяин.

Король застонал, заворочался, рассеянно стирая серебряные капли с шеи.

— Кто тут? — сердито спросил он. И дух сказал:

— Поторопись, мой господин. Твоему сыну нужен твой трон.

— Монавия? — спросил он, крутя головой, но не замечая призрака. — Где ты?

Он покачал головой и пробормотал:

— Много выпито. Эта сучка уже является ко мне в кошмарах. Но ничего, подожди, увидишь голову своего сына. Я прикажу отрубить ее завтра же. А потом узнаем, у кого сны веселее!

Дух королевы рассмеялся, словно зазвенели колокольчики под ветром.

Король Фарсан завертелся и чуть не упал с трона, пытаясь понять, откуда доносится звук.

И тут яд начал действовать. Король пронзительно вскрикнул, отбросил кубок и схватился за ухо. Судя по воплю, боль была ужасной.

Королева лишь рассмеялась и улетела прочь.

Двери с грохотом распахнулись, в зал вбежали встревоженные придворные и увидели, что на полу пустого зала лежит мертвый король.

На какое-то время среди них воцарилось молчание. Потом раздались взволнованные крики:

— Что же делать?.. Как такое могло случиться?.. Во всем виноваты доктора! Они должны были знать, что ему нездоровится!

И тут в дверях показалась королева Монавия. Это была *настоящая* Монавия, а не тот смертоносный призрак, который мы видели. Поверх ночной сорочки она небрежно накинула халат, словно одевалась в спешке. Она увидела лежащего на полу короля и совершенно спокойно подошла к нему, не обращая внимания на суету придворных. Растолкав их, она опустилась на колени рядом с трупом.

Долго вглядывалась в покрасневшее лицо мужа. Затем прошептала:

— Трус!

И плюнула на труп.

Придворные застыли в шоке, хотя некоторые и удовлетворенно кивнули. Королева, поднявшись, повернулась к ним.

— Мой муж умер, несомненно, от злоупотребления вином, — решительно заявила она.

Никто не посмел возражать. Монавия продолжила:

— Я хочу, чтобы мой сын был немедленно освобожден. Завтра он займет трон, и, несмотря на скверное отношение к нему отца, я думаю, он объявит соответствующий траур по Фарсану.

Придворные принялись осторожно выражать согласие. Появились даже улыбки, когда всем стало ясно, какие ветры теперь подуют. Фарсан как король не пользовался особой популярностью.

Королева посмотрела на остатки пиршества, и губы ее скривились от отвращения.

— Это было самое позорное время в нашей истории, — сказала она. — Этот зал и весь этот дворец видели нас всех униженными Баландом и его приспешниками. Но с этим покончено, тиренцы! Мой сын, как я полагаю, сразу же вышвырнет их отсюда, как только наденет корону.

Что же касается этого помещения, никто из нас больше не ступит и ногой в этот зал позора. Я хочу, чтобы его закрыли, слышите? Оставив все как есть. И забить двери. Мы немедленно начнем строить новый дворец, а этот пусть разрушается. Я и ночи не проведу в этих стенах.

И королева величественно вышла из зала под аплодисменты подданных.

Тут я услышал вздох Джанелы; сцена исчезла, и бывший тронный зал снова оказался затянутым паутиной.

Обессиленная Джанела рухнула подле сцены. Я подбежал к ней и поднял на руки. Она слабо мне улыбнулась.

— Они ведь все видели, как это произошло, правда, Амальрик? — спросила она.

— Да, — сказал я. — А теперь отдыхай, любимая. К нам подошел Тобрэй.

— Спасибо, вы произвели впечатление, госпожа Серый Плащ. Надеюсь, потом у нас будет время поговорить об этом.

— И все же, — сказала она. — Теперь-то вы поняли? Ворота находятся здесь. Ворота в мир демонов.

— Да, да, — сказал Тобрэй. — Я понял. А теперь отдыхайте. Когда снова будете в форме, покажете, как открыть их.

Джанела кивнула, закрыла глаза и провалилась в сон. Я впервые видел такое безмятежное выражение на ее лице.

Я отнес ее в спальню и положил на постель. Следуя оставленным ею инструкциям, я влил ей эликсир в рот. Затем я раздел ее и обтер изящное тело каким-то сладко пахнущим снадобьем, действуя так же осторожно, как некогда обмывал дочь, ушедшую к Черному Искателю.

Я укрыл ее и собрался уходить, когда она пробормотала, чтобы я остался. Я пристроился рядом, обнял ее и так лежал, пока сам не уснул.

Поздно ночью я проснулся в испуге. Джанела, вскочив, торопливо' натягивала халат.

— Что такое? — сказал я, не понимая, что случилось. — Сейчас же ложись. Ты переутомилась.

Джанела, не обращая внимания на мои слова, сказала:

— Идем, Амальрик! Быстрее!

Я соскочил с кровати и пошел за ней. Мы добежали до покоев моего сына, и я выругался, увидев открытую дверь и спящего на посту часового.

— Магия! — прошептала Джанела и вбежала внутрь. Другой часовой распластался на полу, также пав жертвой заклинания.

В центре комнаты лежало еще чье-то тело. Но это был труп, раскинувшийся в луже крови.

Труп Модина.

Страх придал мне силы, и, обогнав Джанелу, я рывком открыл дверь в комнату Клигуса.

Комнату заливала кровь. Мой сын, раскинувшись посреди сбитых простыней, глядел в потолок неподвижным взглядом мертвеца.

Мои колени задрожали, комната закружилась, словно я находился в центре смерча.

Сквозь это безумное вращение проник голос Джанелы:

— Они не просто мертвы, Амальрик. Их обобрали. Теперь их силы используют во зло.

— Кто? — спросил я, не в силах пошевелить и пальцем. — Кто сделал это?

— Такое мог сделать только демон, — сказала она. — И... только очень могущественный.

— Король Баланд?

— Да, — сказала она. — Король Баланд.

Глава 19 КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

Скорбь, охватившая меня после убийства Клигуса, почти все скрыла от меня. Если бы кто-то даже еще вчера сказал мне, что я буду ощущать такую боль, я назвал бы такого человека лжецом. Но когда я увидел эту родную плоть, превратившуюся в труп, то все ранее сдерживаемые эмоции, вся злость и вина, вкупе с растерянностью, присущей каждому человеку в такой ситуации, парализовали меня. Я не плакал, нет. Не падал в обморок. Я стоял, не в состоянии двинуться с места, и взирав на человека, которого боги даровали мне в сыновья.

Несмотря на собственную слабость, Джанела нашла в себе силы сказать Квотерволзу, что надо сделать, а сама, с помощью Пипа, отвела меня в наши апартаменты. Она дала мне чего-то выпить, чтобы я успокоился, затем обняла меня, пока ее собственная слабость не одолела ее и она не уснула.

Но отдыхать долго нам не пришлось. Утром в дверь забарабанили. Ворвался Квотерволз и сказал, что нас вызывает король.

Плохо соображающий после снотворного, я поплескал себе на лицо водой и кое-как оделся. Джанела зашевелилась и спросила, что случилось.

— Король зовет, — сказал я. — А ты спи. Я сам с ним разберусь.

— Прошу прощения, мой господин, — вмешался встревоженный Квотерволз. — Но курьер говорит, что вы *оба* должны предстать перед королем. Я пытался спорить, но там в вестибюле находятся солдаты короля, и они намерены добиться выполнения его приказа.

Джанела подскочила в постели.

— Что происходит? — спросила она. Лицо ее посерело от усталости, а глаза лихорадочно блестели. Мне не требовалось особенно внимательно смотреть на нее, чтобы понять — на этот раз ей необходим гораздо более длительный срок для восстановления сил.

Но я лишь повторил то, что сообщил Квотерволз, и сказал, что уж раз король присылает курьера, а с ним и солдат, то лучше подчиниться.

Для нас, столь чтимых в Тирении героев, которыми мы являлись до сих пор, встреча в тронном зале короля Игнати была организована не очень-то радушно.

Здесь было по-прежнему мрачно, освещался лишь трон, а солдаты с какой-то нервной торопливостью подгоняли нас, когда мы шагали по полу, на котором были высечены имена тиренских героев. Мне показалось, что они выполняли возложенное на них задание как-то неохотно и даже как бы стыдясь.

Солдаты, как и я, испугались, увидев демона, стоящего рядом с тронном Игнати.

Огромных размеров, как и все демоны, он походил на ящера. Он стоял на двух задних лапах, как те ящеры, которые охотятся на шакалов среди холмов в окрестностях Джейпура. Рыло его было огромным, глаза горели раскаленными углями, а мешочки ядовитых желез по

обеим сторонам шеи раздувались и розовели от злобы.

Когда мы подошли, змеиный язычок вырвался из пасти демона.

— Так вот эти смертные, — прошипел он, — которые доставляют столько хлопот моему королю.

Игнати свирепо поглядывал на нас со своего трона.

— Во всем виновато мое доброе сердце, — сказал он. — Разве не пошел я на это лишь для того, чтобы доставить удовольствие толпе? Не так ли, Тобрэй?

Я оторвал взгляд от демона, чтобы посмотреть, кто еще находится здесь. Поначалу, кроме солдат и охранников, я заметил лишь Тобрэя. Затем у дальней стены разглядел лениво привалившуюся длинную фигуру Вакрама, и мне стало любопытно, что он тут делает. Но я нигде не видел его патрона, принца Солароса.

Тут только я обратил внимание, что Тобрэй не отвечает на вопрос Игнати.

— Я сказал — не так ли, Тобрэй? — повторил король.

Маг явно волновался, но нашел в себе мужество ответить достойно:

— В данном случае, ваше величество, — сказал он, — я думаю, вы были правы, прислушавшись к мнению народа.

Демон-посланник недовольно зашипел.

— Как ты смеешь говорить своему королю такое? Ты кто — дурак или предатель?

Игнати тоже нервничал. Ему явно не понравилось, что демон позволяет себе такие вольности с королевским подданным. Даже если король и собирается кого-нибудь обезглавить, ему не понравится совет постороннего, пусть он и советует то же самое.

— Да, да, — сказал король демону. — Я полностью разделяю твоё раздражение, Яшура. Но не обращай внимания на Тобрэя. Он хороший малый. И все делает правильно. Вот только говорит, что думает. Я же поощряю такую привычку у моих придворных. — И добавил, повернувшись: — Не так ли, Тобрэй?

— Именно так, ваше величество, — выдохнул Тобрэй. — Это и делает вас величайшим из монархов. И, как служащий вашему величеству честно и без страха, я вновь рискну вызвать ваш гнев просьбой выгнать этого демона вместе с требованиями его короля.

Маг еще больше вырос в моих глазах. Когда мужественный человек говорит мужественно, это нормально. Но когда так говорит Тобрэй, это воспринимается как акт высшей храбрости.

— Вы хотите войны? — взвизгнул Яшура. Игнати покачал головой.

— Разумеется, не хотим. К чему сразу такие слова? Разве два разумных монарха не договорятся между собой, разве они начнут тут же выкрикивать «война», едва услышав чью-то глупость?

Он протянул руку, словно собираясь покровительственно похлопать демона по плечу, но на полпути до чешуйчатой кожи отдернул.

Я воспользовался этой минутной передышкой.

— Зачем вы нас вызвали так внезапно, ваше величество? — спросил я. — Разве мы нарушили какой-то тиренский закон? Я просто не понимаю. Мы во всем действовали открыто, испрашивая вашего разрешения на каждый наш шаг.

Прозвенел голос принца Солароса:

— Это совершенная правда, отец.

Принц стремительно вышел из незаметной боковой двери. Он был одет наспех.

— Прежде чем мы продолжим беседу, отец, — сказал он, — я хотел бы узнать, почему меня не поставили в известность об этой встрече. Ведь вы же знаете о моем дружеском отношении к нашим гостям из Ориссы. И вы знаете, как глубоко я заинтересован в наших будущих отношениях с королем Баландом.

Игнати фыркнул.

— Я даже знаю, что ты пытаешься в них вмешиваться, — сказал он. — Но время таких штучек миновало. Слишком многое поставлено на кон. Слишком многое. Поверь мне на слово.

Принц заметил Вакрама:

— А ты что здесь делаешь?

Вакрам не смутился. Казалось, его нисколько не тронуло неудовольствие принца.

— Наблюдаю, ваше высочество, — сказал он. — И ничего больше.

— А мне представляется странным, — сказал Соларос, — что мой личный маг находится здесь, ничего мне не сообщив о происходящем.

Не дожидаясь, пока начнется выяснение отношений, Игнати взмахнул рукой, словно отгоняя надоедливых мух.

— Присутствия мага Вакрама потребовал Яшура, сын мой, — сказал он. — Он хотел услышать подробности того маленького происшествия в старом дворце.

Король покачал головой.

— Должен сказать, что все дело представляется мне отвратительным. Все мои маги оказались во власти шарлатанки. К тому же шарлатанки, отвергающей существование богов, не так ли?

— Если бы вы присутствовали там лично, ваше величество, может быть, у вас сложилось бы несколько иное мнение, — сказала Джанела.

— Мнение о чем? — рявкнул Игнати. — О дешевых фокусах или о пропаганде войны?

— Да ведь король Баланд сам провоцирует этот кризис, отец, — сказал принц. — Это он выдвигает требования, в случае выполнения которых мы окажемся в отчаянном положении. И требования эти совершенно неприемлемы. Это к разговору о войне.

— А каковы же цели ваших военных учений, ваше высочество, если не война? — сказал демон.

— Опять это слово, — сказал король. — Война, война. Мне бы хотелось, чтобы вы говорили более дружественным языком. Слово «мир» гораздо милее человеческому языку. Оно звучит как название изысканного блюда. В то время как «война» звучит как... — Король задумался, затем пожал плечами. — Ну не знаю, как звучит. Но в любом случае отвратительно.

Несмотря на всю эту пустую болтовню, я чувствовал, что Игнати все больше раздражается.

— Король Баланд настаивает, чтобы эти военные учения прекратились, — сказал Яшура.

Игнати кивнул и обратился к принцу.

— Ты уж займись этим, — сказал он. — Это требование выполнить несложно. Тем более, сын мой, если подумать, то такие наши действия в самом деле могут восприниматься нашими бывшими... э-э... соперниками как оскорбительные и подозрительные. — Он посмотрел на Яшуру. — На самом же деле эти учения затеяны от скуки, да, именно так. Чтобы поднять моральный дух солдат... Не так ли, Тобрэй?

Маг открыл рот для ответа, но король махнул рукой, призывая всех к тишине.

— Не надо, — сказал он. — Сегодня неизвестно, что ждать от тебя, Тобрэй. Я бы даже спросил: хорошо ли ты себя чувствуешь?

Демон нетерпеливо зашипел.

— А я все-таки требую, чтобы вы признали ваши учения провокацией и немедленно прекратили их, ваше величество, — сказал он. — И еще требую...

Король сурово посмотрел на демона.

— Я должен поговорить с твоим господином, Яшура, о выборе им своих представителей. Мне не нравятся те визитеры, которые чего-то от меня *требуют*. Здесь я ношу корону, и только я могу требовать. Но если у тебя есть *просьба*, так и скажи. Хороший король внимательно относится ко всем просьбам.

Демон поклонился.

— Простите, ваше величество, — сказал он. — Пусть будет *просьба*. Однако должен заметить, что *просьба* весьма *решительная*.

Король нахмурился, оценивая эту игру в термины. Затем кивнул.

— Итак, что же именно просит твой господин?

Яшура посмотрел на нас.

— Наказания, — сказал он. Игнати облегченно вздохнул.

— Резонно, — сказал он. — Передай королю Баланду, что я сурово накажу этих двух ориссиан. — И повернулся к Соларосу, подмигнув: — Видишь, как все просто, сын мой?

— Боюсь, что такой ответ нас не удовлетворит, — сказал демон. — Королю Баланду нужно нечто большее, чем ваши заверения.

Игнати нахмурился.

— Что же это? — спросил он.

Демон-посланец не ответил, лишь устремил на короля жесткий взгляд. Король не выдержал первым.

— Видите, что получается? — сказал он Джанеле и мне. — Жизни моих подданных — против ваших. Но не переживайте, я лично, — и он свирепо посмотрел на Яшуру, — *попрошу* короля Баланды разделить с вами побыстрее и по возможности с наименьшими мучениями.

Он улыбнулся Яшуре.

— Можешь отправляться, — сказал он. — Проблема решена. Недоразумение устранено.

Но тут завелся Соларос.

— Я не допущу этого, отец! — воскликнул он. — Госпожа Серый Плащ и господин Антеро находятся под моим покровительством. А это все равно, как если бы Баланд попросил *мою* жизнь!

— Это тоже можно устроить, ваше высочество, — сказал демон.

Игнати побледнел. Затем покраснел от ярости и даже дернул себя за бороду.

— Да как ты *смеешь*? — воскликнул он. — Как ты смеешь угрожать жизни моего сына? И не говори, что это слово случайно соскользнуло с той мерзкой штуки, которую ты зовешь своим языком! Ты чрезвычайно дерзок и за это посидишь в моих подземельях, посол, за эту свою дерзость, пока твой король не пришлет мне извинений. И вот это уже решительное *требование*, а не просьба!

Он повернулся к магу.

— Не так ли, Тобрэй?

Тобрэй широко улыбнулся.

— Как всегда, ваше величество, — сказал он, — ваши слова — само совершенство.

Король довольно кивнул. Его реноме во дворце было восстановлено.

Затем он сказал:

— Охрана, избавьте меня от присутствия господина Яшуры. Вы знаете, куда его препроводить. Я не думаю, что мне нужно уточнять.

Солдаты, усмехаясь, отсалютовали и шагнули вперед.

— Вот видишь? — сказал король сыну. — Так делаются дела. Когда меня не будет, вспоминай, как надо действовать. Обращайся с людьми по-доброму, но не позволяй им считать твою доброту слабостью. Иначе...

— Довольно! — воскликнул Вакрам и подскочил к трону.

— Берегитесь! — закричала Джанела. — Это же Баланд! Она выхватила кинжал и бросилась вперед. Ни о чем не спрашивая и без раздумий, я вытащил свой клинок и бросился вслед за ней.

Вакрам развернулся к нам. Он взревел, и одновременно с этим человеческая оболочка слетела с его лица и проступило рыло, обрызгивая нас ошметками плоти и крови, а тело его, корчась, стало расти и расти, разрывая кожу и мантию придворного мага. Перед нами предстал сам король Баланд, король демонов, его единственный глаз горел пламенем ярости, жаркое дыхание обдавало нас серным запахом, а острые когти тянулись к нам.

Из этих когтей с такой силой вылетели дым и пламя, что нас отбросило на несколько футов. Мы упали, и на нас обрушился уже такой заряд дыма и огня, что дышать стало нечем,

легкие обожгло.

И вдруг все стихло. Повеяло прохладой. Дышать стало легко. Но двинуться я не мог. Слышно было только, как рядом стонала Джанела.

Над нами стоял Баланд. Его желтые клыки сверкали в широкой ухмылке. А потом он отвернулся, словно мы больше не заслуживали его внимания.

Я огляделся. Возле трона лежали два обливающихся кровью охранника. Король Игнати в ужасе застыл на троне, его сын с обнаженной саблей стоял рядом.

Баланд рассмеялся. Смех этот булькал, как густая жидкость в сточной канаве.

Послышался стук множества когтей, и из мрака явились демоны-солдаты.

Баланд взмахнул рукой, и сабля, выпав из руки Солароса, с лязгом упала на пол.

— Ну а теперь обсудим мои *просьбы* в более спокойной обстановке? — насмешливо обратился Баланд к тиренскому королю.

Игнати молчал. Он выглядел сейчас очень старым и больным. И крепко схватился за руку сына.

— Моя первая просьба такова, — сказал король демонов. — В День Творца вы любезно подпишете то, что я вам предложил. В честь улучшения взаимоотношений между двумя нашими королевствами на эту церемонию вы приведете этих двух ориссиан. Где сами казните их. А до дня подписания, который наступит через несколько месяцев, эти двое будут содержаться под охраной, которую назначу я. И, если им удастся сбежать, я обещаю, что наказания в Тирении будут суровыми.

Как видите, я настолько заинтересован в мире, что хочу положить конец любым возможностям возникновения конфликтов. Жертва, которой я требую, должна не только привести к тому, что Серый Плащ и Антеро не побеспокоят нас больше, но и к тому, чтобы ни один из смертных больше не смел следовать их примеру.

Он сверкнул глазом на короля Игнати и его сына, все еще молчавших. Я заметил, как принц поглядывает на саблю, лежащую у его ног.

Баланд взмахнул рукой, и сабля, пролетев по воздуху, оказалась у него в когтях. Он усмехнулся.

— К тому же я не могу забыть и о ваших недавних военных приготовлениях. И я хочу, чтобы в день подписания договора на площади построилась тысяча ваших самых лучших солдат. Безоружные, раздетые и закованные в кандалы. В нужный момент они мне понадобятся для решающего благословения. Я думаю, вид тысячи голов будет приятным зрелищем.

Баланд повернулся и насмешливо спросил:

— Не так ли, Тобрэй?

Старший маг шагнул вперед, но прежде, чем он успел что-нибудь сказать, Баланд метнул в него саблю. Сабля развернулась в полете, засверкала магической энергией, вонзилась в руку мага, лезвие прошло насквозь и воткнулось в каменную стену, пригвоздив мага к ней.

Тобрэй издал стон, но не вскрикнул. От усилий удержаться от унижительного вопля у него даже кровь выступила на губах.

— Итак, ваше величество, — сказал Баланд. — Что вы думаете о моих просьбах? *Потребуете* ли вы их выполнения, как и надлежит мудрому монарху?

Игнати, слишком ослабевший, чтобы отвечать, лишь отрицательно покачал головой. За него ответил сын:

— Ты видел его ответ. Если из-за этого нам суждено умереть, пусть будет так. Но вот что я скажу тебе, Баланд: как только мы погибнем, тебе лучше убираться отсюда как можно быстрее, потому что наши подданные наверняка отомстят за нас. А если ты сбежишь, их решимость вести войну лишь возрастет.

— Я вижу, ты все еще полагаешь, что у вас есть выбор, — сказал Баланд. — Что ж, я тебя разочарую.

Он взмахнул рукой, и Игнати подался вперед. Еще взмах, и король пронзительно

вскрикнул. Грудь его вздулась, разрывая одежду.

Принц прыгнул вперед, но Баланд ударом лапы сбил его с ног. Жуткий вопль короля эхом разнесся по залу, и тут сердце его, разодрав грудную клетку, вылетело и оказалось в когтях Баланды. Демон сжал его, и король закричал еще ужаснее.

Баланд опустил сердце так, чтобы принц его видел. Соларос сидел на полу с раскрытым ртом.

— Вот жизнь твоего отца, — сказал Баланд. — А теперь соображай быстро. Ты соглашаешься с моими предложениями, а я возвращаю Игнати жизнь. Или ты продолжаешь упорствовать, и в этом случае...

Он вновь сжал сердце, и Игнати закричал еще громче.

— Мы согласны, — выдохнул принц. — А теперь прошу тебя, не мучай его больше.

— Ты отвечаешь за свои слова? — спросил король демонов. Еще раз сжал сердце, еще один крик.

— Отвечаю, — всхлипнул принц.

Баланд кивнул.

— Как будет угодно вашему высочеству.

Он медленно подошел к трону, улыбнулся страдающему Игнати и вложил сердце тому в грудь. Он подул на зияющую дыру, и в мгновение ока не осталось следов ни от кровавой раны, ни даже от разрывов в одежде.

Баланд похлопал короля по плечу.

— Я рад, что теперь вы оба разделяете мое мнение, — сказал он. Баланд повернулся к Яшуре.

— Проследи, чтобы мои пожелания были выполнены, — сказал он. Затем указал на нас с Джанелой. — Особенно те, что касаются этих двух. И до моего возвращения в Тирению я не должен даже вспоминать о них.

Яшура поклонился, и тут же тьма закружилась вокруг Баланды. Она окутала его плащом... и он исчез.

И вновь я стал узником короля. Но только теперь не такого жестокого, как Азбаас, или деспотичного, как архонты, некогда правившие Ликантией. А короля Игнати, сдавшегося от боли, загнанного в угол.

Несмотря на все свои заблуждения, он любил своего сына. А сын любил его.

И из-за этой любви должны были умереть мы, а с нами еще тысяча человек.

В эти свои последние дни я не страдал от физических мучений. Нас заперли в наших апартаментах, а оставшиеся при мне в качестве слуг Квотерволз и Келе заверили меня, что остальные наши люди содержатся в схожих условиях.

Демоны охраняли нас днем и ночью. Несколько раз в день демоны обнюхивали нас, удостоверяясь, что мы не занимаемся магией.

Не было никакой надежды на побег.

Джанела не сразу восстановилась после выпавших на ее долю испытаний. Но ей становилось все лучше, и она каждый день уговаривала меня не отчаиваться. И я говорил ей: да, любимая, я знаю, как сильны волны надежды и жизни. И я старался выглядеть по возможности спокойным, чтобы не волновать ее.

Вы, возможно, уже заметили, какие нежные выражения применяю я. Это не игра в слова. Джанела действительно моя любовь. И мне кажется, с самого начала нам обоим было понятно, что нам не избежать любви.

Я не сожалею о тех напрасно потраченных днях и ночах, проведенных нами порознь. Потому что иначе все было бы по-иному. Может быть, это отразилось бы на нашей совместной деятельности, дружбе во время этого грандиозного приключения. И наши объятия омрачались бы виной перед Яношем и другими смущающими обстоятельствами, такими, например, как рассуждения: действительно ли это любовь или просто изощренная ирония судьбы?

Я не могу точно вспомнить тот момент, когда мы наконец стали одним целым.

Я даже не помню, день это был или ночь. Но мне кажется, что в тот момент я как раз делал свои записи в этом журнале. И тут, ощутив руку Джанелы на плече, я повернулся к ней. Она стояла с бокалом вина в руке для меня, улыбаясь, но, когда взгляды наши встретились, улыбка исчезла, а я просто погрузился с головой в темные глубины ее глаз.

И тут мы словно вернулись в джунгли, на берег, где купались тогда Джанела и остальные наши женщины. И я уже не стал отворачиваться, а подхватил ее на руки и отнес на песок, где мы занимались любовью, пока в сладостную тьму ночи не полетели искры костров.

А потом мы оказались в той целомудренной постели, в Ирайе, где разыгрывали любовников, чтобы одурачить Модина. Но только на этот раз я был юн, а скользнувшие вниз руки Джанелы ощутили мою мощь. Она рассмеялась и, отбросив покрывала, оседлала меня и помчалась, прищипывая меня и размахивая гривой волос, как дикая степная кобыла.

Для меня она слилась с образами Омери и Диосе. Наша любовь наполнилась огнем и страстью, оставаясь нежной и мечтательной, и вокруг зазвучали волшебные флейты. Она иногда даже становилась для меня Мелиной с дразнящими глазами и ласками, но раздвигающей бедра при первом же прикосновении.

Но все же она оставалась самой собой, Джанелой. Таинственной и неуловимой, как шлейф колдуньи. Женщиной, уносящей меня туда, где исчезали все тревоги. Мы занимались любовью в горных долинах. Бежали по сугробам к горячим гейзерам. Забирались под покров густых ветвей деревьев и срывали с себя одежды. Лежали, тесно прижавшись друг к другу, на палубе какого-то корабля, и вокруг шумели волны и ветер.

А однажды она сотворила кувшин с вином и медом, и мы, обмазав друг друга, по очереди слизывали пьянящую сладость друг с друга, пока не оставался только вкус любимой кожи.

Но больше всего мне нравилось то праздное время после любовных утех, когда мы лежали просто так и болтали о далеких землях, о живущих там людях и о собственных мечтах. Потому что разговаривать с Джанелой — это все равно что разгадывать тайны звезд. И с волнующим страхом узнавать, почему луна показывает нам только одну сторону своего лика и что будет, когда солнце сгорит.

Как-то она напомнила мне рассказ принца Солароса о тех старейшинах, которые отыскивали дверь в мир более совершенный и скрылись туда, так и не вернувшись.

— Мне кажется, Амальрик, я знаю, как открыть эту дверь, — сказала она.

— Так открой ее немедленно, — сказал я. — И мы освободимся из этого плена.

Джанела покачала головой.

— Существует небольшое условие, — сказала она.

— Какое же?

— Требуется для начала умереть.

— Ну и что? — сказал я. — Баланд все равно собирается убить нас. Зачем доставлять ему это удовольствие?

— Есть и еще кое-что, — сказала Джанела. — Нам необходимо избавиться от Баланда.

— Что-то уж слишком много для того, чтобы оказаться в загробной жизни, — усмехнулся я. — Ну да ничего. Чем меня теперь разочаруешь? Я уже видел два Далеких Королевства, и ни одно из них не стоило их мифической репутации. Сказать правду, Джанела, я не против того, чтобы покончить с жизнью прямо сейчас. Пусть даже и нет никакого соблазнительного *другого* мира. Просто я стар. Даже в теле молодого человека я стар. Достаточно я пожил. Я буду сожалеть лишь о том, что расстаюсь с тобой. И закончится мой самый увлекательный роман. Я взбирался в горы. Я видел далекие звезды. Я уплывал уже в неизведанное и возвращался. И теперь пора отдохнуть.

Джанела молчала.

— Я обидел тебя? — спросил я. — Извини, если так. Я лишь размышлял вслух. Иногда это не очень умно.

Джанела смахнула слезу.

— Ты не обидел меня, любовь моя, — сказала она. — Я сожалею только о том, что не могу обеспечить достойного завершения мечты твоей жизни.

Я обнял ее.

— Не о чем сожалеть. Кроме того, я уже заканчиваю свои записки. На них ушло больше времени, чем я предполагал, но мне не хотелось ничего упускать.

Я посмотрел на стол, где в углу, ожидая продолжения, высилась кипа страниц.

— Близится День Творца, — сказал я. — И мне лучше заняться продолжением рукописи до последней возможности. Вдруг я забуду то, что явится ключом к спасению Ориссы? Вряд ли, конечно. Но если все-таки так случится и я пропущу что-то, то стану самым несчастным призраком.

— О, ты будешь замечательным призраком, Амальрик, — сказала Джанела. — И очень привлекательным. Вот увидишь, сколько женских призраков потянутся к тебе с желанием схватить в объятия. И ты будешь бродить по земле и всех ободрять, поддерживать и улыбаться. И никогда не узнаешь, что они будут желать лишь твоего несуществующего тела.

— Я думаю, надо мной будут смеяться, — сказал я. Джанела широко округлила глаза.

— Смеяться? — сказала она. — Над великим Антеро? Ну что вы, мой господин. Только не над вами...

И я заставил ее замолчать, закрыв рот поцелуем.

А начал я эту рукопись вскоре после того, как Джанела восстановила свои силы.

Мы вдвоем, да еще Квотерволз с Келе, много часов провели за обсуждением сложившейся ситуации и пришли к выводу, что любой ценой мы должны предупредить Ориссу. И я обращаюсь с мольбами ко всем богам, милостивым к нам: помогите это сделать, помогите попасть туда моим рукописям. В этих воспоминаниях может отыскаться средство остановить вторжение короля Баланда в Ориссу.

Слишком много поколений потратили свои силы на то, чтобы выбраться из того пепелища, которое осталось после последнего нашествия демонов на нас. И я боюсь, что после нового вторжения нам уже не оправиться.

Большая часть нашего мира все еще пребывает во тьме невежества. Только Орисса да еще несколько мест просвещены знанием. А ведь мы могли бы создать мир, по сравнению с которым даже деятельность старейшин показалась бы бледной. Как узнали мы в Тирении, старейшинам сильно не повезло. Да и сами они были не идеальными, порой пользовались и недостойными методами, устраивая резню, грабеж, порабощая другие племена при создании собственной державы. Они ревниво охраняли свои тайны, не делясь знаниями ни с кем.

И в конце концов именно старейшины оказались виновниками поражения человечества. Потому что, когда явились демоны, отпор им старейшины вынуждены были давать в одиночестве. Остальной мир был просто не в состоянии помочь им. И старейшины оставили простых смертных на произвол судьбы, скрывшись за последними стенами своего королевства. Которое мы знали под очень подходящим названием — Королевства Ночи.

Когда я закончу мою рукопись, Квотерволз и Келе увезут ее в Ориссу. Мы отыскивали возможность для их побега, но я не стану вдаваться в подробности, как не сообщу и имена тех тиренцев, которые нам помогают, дабы не пала на них кара в случае, если мои посланники будут пойманы.

Впрочем, я не думаю, что их будет ждать слишком уж суровое наказание. Баланд вряд ли сочтет их настолько важными персонами, чтобы тратить на них свои силы. Но ситуация может круто измениться, если к побегу присоединимся и мы с Джанелой.

Мы решили, что, когда нас поведут к месту казни, наши друзья останутся здесь. Джанела с помощью магии скроет их отсутствие. После нашей смерти Квотерволз и Келе уйдут, пока демоны будут наслаждаться нашими муками и праздновать свою победу.

И, может быть, Тедейт снабдит наших друзей крыльями, чтобы донесли они домой весточку от нас.

День, которого мы все боялись, наконец настал. Это последние слова, с которыми я обращаюсь к тебе, мой дорогой Гермияс.

Я обещаю мужественно встретить выпавшую нам долю. Знай, что удовлетворение королю Бланду принесет лишь только сам факт нашей смерти. Он не услышит ни единой просьбы о пощаде, не увидит, чтобы хоть один мужчина или женщина из нашего отряда зарыдали от жалости к себе.

Так мы решили. В этом поклялись.

Я слышу, как по коридору приближаются демоны.

Я слышу, как поскрипывают их доспехи, как звякает оружие, как стучат когти по полу.

Они идут за нами.

Прощай, мой любимый племянник.

Прощай.

Книга третья ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ ТИРЕНИИ

Глава 20 ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мой милый Гермияс. Ты видишь эти каракули, нацарапанные пером, и понимаешь, что я еще жив.

Но прежде, чем я открою тебе тайну, как это произошло, я прошу тебя щедро наградить Пипа и Отави. Они через многое прошли вместе с нами и вынесут еще больше, доставляя это приложение к моей рукописи.

Я верю, что ты уже сделал сказочно богатыми капитана Келе и Квотерволза, моих преданных друзей с мужественными сердцами. Убедительно прошу сделать то же самое и для этих двух храбрецов, которые доставят тебе мое последнее послание. Семья Отави давно и честно служит нашему семейству. А Пип из обычного бездельника превратился в настоящего человека, пройдя через все испытания, когда, казалось, все восстало против нас.

Должно быть, и еще кто-то из нашего отряда доберется до дома, хотя точно этого я сказать не могу. Но я всем им сказал, чтобы по прибытии в ОриССу они отыскивали тебя, и ты осчастливишь их жизнь за тот великий вклад, что внесли они в историю.

Читая эти строки, ты, должно быть, пришел к выводу, что сам я возвращаться не собираюсь. Если так, то ты прав.

Эти строки — вместе с рукописью, которую ты уже должен был получить, — являются моим особым даром миру.

Миру, который я вскоре покину.

Когда я завершал ту рукопись, у нашей двери уже стояли демоны. А я торопливо дописывал последние слова.

До сих пор успех мне сопутствовал. А последующие события убедят даже самого упрямого скептика в величии достижений Джанелы.

И в том, как много еще можно достичь.

Мне казалось, что я уже видел все повороты всех дорог, которые предназначила мне Судьба. Мне казалось, что я уже взлетал на такие высоты, на которых обитают лишь гиганты, и опускался на такие глубины, где царит лишь Черный Искатель. И тем не менее я оставался жив.

В этом и заключается старческое высокомерие.

Когда за нами пришли демоны, мы ожидали их, успев принять ванну и одевшись в самые лучшие наряды. Я выбрал военную форму, желая тем самым показать непокорность, хотя все тело дрожало в ожидании предстоящих пыток. Джанела надела черные леггинсы, розовую тунику и свои любимые сапоги. В шляпу она воткнула перо под цвет туники.

Надев драгоценности, два браслета она оставила Квотерволзу и Келе.

— Когда войдут демоны, заклинания на браслетах спрячут вас, — сказала она. — Когда

я подам сигнал, думайте только о темноте. Сосредоточьтесь на ночи и на тех укромных уголках, в которых можно спрятаться ночью, и демоны не увидят вас, когда войдут. От этого даже мысли их, если они попытаются вспомнить о вас, рассеются. И никто не заметит вашего отсутствия в наших рядах.

Наши друзья надели браслеты, как было велено, но при этом опутив головы и бормоча что-то о том, как им стыдно.

— Уж раз настали последние минуты побыть нам вместе, — сказал я, — так по крайней мере почему бы вам не ободрить нас веселыми выражениями лиц? Или вы хотите, чтобы я запомнил вас такими вот кислыми? И вспоминал бы лишь ваши опущенные головы?

С этими словами я откупорил последнюю бутылку бренди, принесенную нами из Ориссы, и налил всем.

— Попробуйте этой магии, — сказал я. — Если выпьете достаточно, то ослепнете, как и демоны.

Хороший руководитель показывает пример первым, поэтому я осушил бокал и наполнил его вновь до края. Джанела рассмеялась и последовала моему примеру.

Очень неохотно Квотерволз, а затем и Келе — тоже выпили.

— Пей, пей, — убеждал я Квотерволза и легонько подталкивал его бокал под донышко, пока последняя капля не скатилась ему в рот.

— Ну, меня направлять не надо, — предупреждая сказала Келе и тоже выпила до дна.

Я снова разлил бренди.

— Я знаю, вы оба думаете, что если мы через столько прошли вместе, то вместе должны и конец встретить. Однако же перед вами стоит задача, которая важнее всех наших жизней вместе взятых.

Я кашлянул.

— Кроме того, шансов прорваться у вас не так уж много, так что как вы можете ощущать себя виноватыми?

Квотерволз улыбнулся. И сделал порядочный глоток.

— Ваша правда, мой господин, — сказал он. — Шансов не много. Примерно столько же, сколько у подростка не возбудиться при виде обнаженной девицы.

Он посмотрел на Келе и усмехнулся, заметив:

— В лучшем случае демоны недолго нас помучают. За то, что доставили много хлопот.

Келе улыбнулась, вдохновленная столь веселой перспективой.

— Но даже если они нас и не поймают, велики ли наши шансы добраться до Ориссы?

Квотерволз кивнул.

— Видят боги, ты права! — сказал он. — И чего мы с тобой переживаем? Если нас не убьют демоны, так это путешествие доконает.

Он опустошил бокал и протянул его за следующей порцией. Я долил ему. Квотерволз явно повеселел.

— Благодарю вас, мой господин, — сказал он, — за то, что указали, насколько безнадежна наша ситуация. Теперь мне гораздо лучше.

— Не торопите так с выпивкой, мой господин, — сказала Келе, отодвигая бокал Квотерволза своим. — Вы же знаете, я девушка деликатная, и поэтому мне нужна соответствующая доза, чтобы я не упала в обморок.

Квотерволз фыркнул.

— Ты потеряешь сознание, только если как следует надерешься. — Он вновь фыркнул. — Деликатная девушка! Задница!

— А вот по твоей заднице пройдет мой сапог, если ты будешь продолжать задевать мою чувствительную натуру, — ответила Келе.

— Дети, дети! — укоризненно сказал я. — Это вы так и собираетесь вести себя по дороге домой?

Квотерволз и Келе посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Конечно, мой господин, — сказал Квотерволз. — Иначе помрем со скуки.

Келе согласно кивнула.

— Для салаги Квотерволз не так уж и плох, — сказала она. — Лет через сто, глядишь, и получится из него настоящий моряк.

— Ни за что, — возразил он. — Я ненавижу воду. А рыбу — еще больше.

— Что ж, тогда тебя впереди ждут одни удовольствия, — радостно сказала Келе.

Еще когда Джанела одевалась, я заметил висящий у нее на шее мешочек с каким-то талисманом. Когда она надела тунику и, глядя в зеркало, оправила ее так, чтобы с помощью складок совершенно скрыть талисман, я понял, что это такое. Это же была та самая коробочка!

— Неужели у тебя есть план спасения? — спросил я.

— Так хотелось бы сказать «да», любовь моя. Но я не могу ничего придумать для нашего спасения.

— Зачем же ты берешь с собой коробочку?

— Я уже думала об оружии, которое мы могли бы спрятать на себе, — сказала она. — В призрачной надежде ранить одного-двух, прежде чем нас убьют.

— Я сам думал об этом, — сказал я. — Да что толку? Нанести царапину или две на чешую демона? Нет уж, лучше я приму грядущее спокойно, не размахивая попусту руками, как старый истеричный дурак.

Я внимательно посмотрел на нее.

— Но тем не менее ты так и не сказала мне, зачем же ты берешь с собой коробочку?

— На всякий случай, — серьезно сказала она. — Чем больше я ее изучаю, тем больше убеждаюсь, что эта коробочка, созданная королевской колдуньей, увеличивает мощь заклинаний. А вот насколько, сказать не могу. И мне пришло в голову, что когда Баланд будет совершать задуманное против нас и при этом боги смилятся над нами, то я смогу заклинание Баланда направить против него. Мы при этом все равно умрем. Но, по крайней мере, есть шанс сделать так, чтобы и он тоже пострадал.

— Из твоих бы уст да прямо в уши Тедейту, — сказал я.

— Именно об этом, дорогой мой Амальрик, я и думаю. Когда демоны-солдаты повели нас из наших апартаментов, мы не знали, где окажемся. Я не мог себе представить, чтобы они решились устроить над нами экзекуцию в каком-нибудь амфитеатре на глазах у всего населения. Ведь даже если Баланд держал в заложниках короля, такое публичное действие могло привести к грандиозному мятежу.

Но, пока мы шли, я молился богам, чтобы король Баланд пошел на такую глупость. И тогда даже ему и его солдатам не сдержать разъяренную толпу.

Но такая возможность таяла на глазах по мере того, как мы все дальше уходили от дворца. Нас повели не к амфитеатру, а по той тропинке, по которой проходили мы с Джанелой в тот день, когда впервые спустились в подземный тронный зал.

Остальные люди нашего отряда уже ждали нас в парке под усиленной охраной. Завидев нас, они вскочили и стали выкрикивать наши имена, а также имена Квотерволза и Келе, которых, как им казалось, они видели рядом с нами, что доказывало успешное действие заклинания Джанелы.

Не обращая внимания на демонов-охранников, наши друзья окружили нас, кто-то смеялся, кто-то плакал, проклиная судьбу, загнавшую нас в столь безвыходное положение.

— Подумать только, сколько денег перевел я, оплачивая жертвоприношения, мой господин, — жаловался Пип. — И вот мне за это благодарность! Вы уж в своей рукописи, надеюсь, предупредили потомков, чтобы они задумались. А десятина, которую я платил даже с наворованного? Что толку, спрашиваю я вас?

— Ты, Пип, поосторожнее со своими богохульными речами, — сердито сказал Отави. — Другие воспринимают происходящее по-иному. А боги по ошибке могут принять твою черную душу за чью-нибудь еще.

— Это вряд ли, — мрачно сказал Пип. — Они заметили меня, когда я еще на

четвереньках бегал. — Он усмехнулся мне, показывая обломанные зубы. — А может быть, мне в последней дороге ухватиться за ваш рукав, господин Антеро? Ведь там, где окажетесь вы, богатств наверняка больше, чем в загробной обители для бедных, куда попадет страдалец Пип.

— Держись, если хочешь, — сказал я. — Но не промахнись. Говорят, что в загробной жизни богатых ждут лачуги, а бедных — дворцы королей.

Пип фыркнул.

— Прошу прощения, мой господин, но только такого пустого сотрясения воздуха я не слышал с того времени, как мой дед съел блюдо испорченных бобов. Богатые останутся богатыми, куда бы боги их ни закинули.

Я рассмеялся, хлопнул его по спине и сказал, что он говорит ерунду. Хотя я понимал, что сказанное им может быть и правдой. Если есть загробная жизнь, почему там справедливость должна быть иной? Могущество любит могущественных. Власть любит властных. И боги, стало быть, любят богатых.

Иначе почему так много негодяев процветает, а не наоборот?

Охрана, нетерпеливо подталкивая нас копьями, выстроила всех ориссиан в цепочку, которую возглавили мы с Джанелой, и повела дальше.

Я ощутил потрясение, когда мы оказались на том месте, где мы устраивались как будто на пикник. Там, где раньше стояла таверна, вырыли большую яму, и теперь вниз, к руинам старого дворца, вела широкая лестница. Рабочие-тиренцы со скорбными лицами расчищали последние обломки, огрызаясь на удары плеток, которыми подгоняли их солдаты-демоны.

Еще больше потрясло меня магическое дерево. Изрубленный топорами ствол, обвязанный канатами, рабочие пытались повалить с помощью лебедки. Земля стонала, и из-под корней выбивалась вверх вода ручья, убегая вновь в туннель.

— Они быются тут уже почти две недели, — прошептал мне Пип. — Сначала с топорами и пилами. Но это дерево — молодчина, тупило все лезвия, даже когда за них брались демоны. Теперь они пробуют новый метод. Пытаются вытащить его, раз не удастся срубить.

Он рассмеялся. Громче, чем следовало бы.

— Но, похоже, и этот способ не срабатывает.

Охранник зарычал на него и подтолкнул копьем. Пип отмахнулся.

— Не трогай меня, вонючий ящер, — сказал он. — А то отведаешь кулаков старины Пипа.

К первому охраннику присоединились еще двое, и Пип с улыбкой повалился на спину.

— Ну, все на одного, давайте, давайте, — воинственно закричал он.

Мы вошли в туннель.

Здесь было жутковато. Магическое освещение потускнело и мигало, словно добирая остатки энергии. Вода капала со свода, стекала со стен, и идти приходилось по вязкой грязи.

Джанела шикнула, привлекая мое внимание.

— Выпей немного воды, — прошептала она. — И передай, чтобы остальные сделали то же самое.

Не сбиваясь с шага, она наклонилась, черпнула мутноватой воды и выпила. Я последовал ее примеру, знаком показывая остальным делать то же самое.

Несмотря на грязь, вкус у воды из ручья был столь же восхитительным, как и раньше. Я ощутил прилив энергии. Мне показалось, что я стал выше ростом, шаг стал увереннее, а глазам прибавилось зоркости. Судя по реакции остальных — все ощутили то же самое.

Я коснулся Джанелы.

— Ты что-то придумала? — прошептал я. Она покачала головой и прошептала в ответ:

— Просто делаю то, что, может быть, позволит нам избежать неизбежного.

С этими таинственными словами, зарождавшими надежду, мы и вступили в древний тронный зал короля Фарсана.

Несмотря на огромные размеры зала, в нем было тесно от набившихся людей, жарко от

тепла их тел и влажно от дыхания. У одной стены вместе с демонами стояли тиренские чиновники и представители самых высокородных фамилий. У другой стены стояли тиренские солдаты, выбранные Баландом для жертвоприношения. Их руки и ноги, закованные в кандалы, цепями присоединялись к широкому металлическим поясам на талиях.

Впереди стояли их генералы Эмерль и Трэйд. Без цепей, они стояли прямо и гордо, как и подобает командирам. Они иногда, обернувшись, говорили подбадривающие слова своим воинам.

Сверху доносились стоны и поскрипывание механизмов, сражающихся с упрямым деревом. Снизу доносился плеск воды ручья. Поток становился все мощнее, разбуженный вмешательством в его жизнь людей.

От сцены для танцовщицы до сдвоенных тронов пространство оставалось свободным. Демоны отделили нас с Джанелой от остальных и погнали вперед, не давая оглядываться и прощаться с товарищами, кричащими нам вслед последние слова.

Нас остановили недалеко от сцены. Сдвоенный трон скрывался в полутьме. Вспыхнул яркий свет, и я, прикрыв глаза козырьком ладони, посмотрел туда. На одном троне сидел король Игнати, на другом — принц Соларос. Свет немного потускнел, и я разглядел выражение отчаяния на лице Игнати. Щеки его втянулись, а глаза глубоко запали от несчастий и усталости.

Соларос выглядел ненамного лучше, хоть и попытался улыбнуться ободряюще, увидев нас.

Освещение приобрело холодную голубую окраску, и стало видно лучше. Свет исходил от третьего трона, в два раза превосходившего размерами первые два. Его окружало широкое, зловеще сияющее магическое поле. На этом троне, развалившись, восседал король Баланд. Перед ним на четвереньках, как собака, сидел обнаженный человек. Каждая косточка у него выпирала от истощения, волосы свисали грязными прядями. Металлический ошейник на его шее цепью присоединялся к кольцу в руке Баланда. Я с трудом узнал в этом человеке Тобрэя.

Увидев нас, король демонов дернул за цепь. Цепь раскалилась добела, а Тобрэй застонал от боли.

— Посмотри-ка, кто к нам пришел, Тобрэй, — сказал Баланд. — Встань и поприветствуй их лаем, как и положено хорошей собаке.

Тобрэй не двигался. Король демонов дернул за цепь еще раз и прошипел:

— Встань, я сказал!

Но Тобрэй не повиновался, а наоборот, свернулся в клубок, словно надеясь в таком положении избежать боли. Я сморщился, увидев, как задымилась кожа на его шее, и под ним расплылась лужа, когда он потерял контроль над мочевым пузырем.

Баланд скривился.

— Какое же ты грязное животное, Тобрэй, — сказал он и пнул его^, — Следовало бы заставить тебя вылизать все это, да только потом придется нюхать вонь твоего дыхания.

Король демонов посмотрел на нас. Указал на Тобрэя:

— Вот видите? Все напрасно. Вы искали сказочную страну, где улицы покрыты золотом. А вместо этого оказались там, где и приличной собаки не сыщешь.

Я дерзко посмотрел в единственный глаз демона.

— Зато я знаю, дружище, где ты можешь отыскать себе собаку, — сказал я. — В одном местечке, где побывала моя сестра. В королевстве водорослей и гниющих кораблей. Малый, который там заправляет, стал бы для тебя шикарным псом. Если будешь в тех местах, загляни к нему. Он прыгнет к тебе на колени и оближет тебе физиономию, когда ты скажешь, что тебя прислал один из Антеро.

Вообще-то я нес полную чушь, по предложению Джанелы просто оттягивая время. И почему-то на ум пришел именно тот демон, которого провела Ради.

Чушь или нет, но она понравилась Баланду. Он хлопнул себя по бедру и весело захохотал.

— Элам? — сказал он. — Ты хочешь, чтобы собакой у меня стал Элам? Да ведь он перегрызет мне горло, а потом и тебе за такое предложение.

— Ну, моя-то шея наверняка предназначена не для того, чтобы на нее надели медаль, — сказал я. — Но постой, что же получается? Такой могущественный король, как ты, боится такую низкую тварь, как Элам?

— Дело не в страхе, — ответил Баланд. — Просто стараюсь держаться от него подальше. — Он махнул в сторону своих свирепых солдат. — Ты здорово удивишься, узнав, что не все демоны столь же цивилизованны, как мы. Иногда некоторые из них доставляют нам столько же хлопот, сколько и ты, и твои Серые Плащи. Но их мало, поэтому мы просто не связываемся с ними, и они живут сами по себе. Кроме того, они тоже питаются несчастьями смертных. А вы в этом смысле представляете весьма восхитительное блюдо.

Он чмокнул губами.

— Итак, вы с ними не связываетесь? — уточнил я. — Это потому, что они слишком могущественны?

Баланду не понравился такой поворот в разговоре.

— Не болтай о том, о чем не имеешь понятия, — сказал он. — Передо мною ты сейчас стоишь. И об этом тебе надо думать, человек.

Я уголком глаза заметил, что Джанела медленно что-то вытаскивает из-за пазухи. Я не понимал, что она затевает. Но старался изо всех сил привлекать внимание Баланды к своей персоне.

— Веский аргумент, что и говорить, — сказал я Баланду. — Мы здесь. Ты на троне. Но вот что странно: если ты такой могущественный, что же ты так долго не мог с нами разобраться?

Желтый глаз Баланды прищурился.

— Сам не понимаю, — сказал он. — Я отрядил целый легион демонов-магов, чтобы ответить на этот вопрос. Почему Антеро и Серые Плащи — а особенно когда они вместе — так опасны для нас? Мои лучшие маги годами бились над этим вопросом. Но безуспешно. Я заковывал их в цепи, стегал, даже отрывал им конечности, но загадка решительно не поддается.

— Но ты бы не был королем, если бы и сам об этом не задумался, — сказал я. — И наверняка у тебя есть свои догадки.

— Разумеется. Дело в вашей крови. Я понимаю, что это объяснение на уровне рыночной колдуньи. Но в этой магической простоте есть доля правды. Кровь Антеро и рода Серого Плаща несет в себе семена могущества и величия. К нашему счастью, немногие смертные удостоены этой отметины. Когда мы впервые явились в ваш мир и обнаружили питательную благодать для нас, таких, как вы, насчитывалось совсем немного. Однако они сражались яростнее других и наносили нам самые серьезные потери. Но мы истребили их всех, истребили братьев их и сестер и тех детей, которых обнаружили. Среди нас, однако, ходили легенды о том, что кое-кто из таких людей все же избежал расправы, где-то скрывается и производит потомство, чтобы оно впоследствии начало борьбу с нами. Возможно, эти легенды оказались правдой и вы — результат того потомства.

— Наиболее толковая из всех слышанных мною гипотез, — сказал я. Затем усмехнулся. — И я от души надеюсь, что когда-нибудь эта гипотеза получит полное подтверждение. И лучшим доказательством явятся живые люди. Скажем, объединяющиеся в пары новые Антеро и Серые Плащи?

— Нет, — ответил Баланд, — это почти невероятно. Вероятность того, что Антеро и Серый Плащ встретятся еще раз, непредставимо мала. Дважды такую комбинацию не выкинуть даже самому счастливому и упорному игроку в кости. Тем не менее я не желаю испытывать судьбу. Заклинание, которое я сотворю из вашей крови сегодня, позаботится, чтобы такие, как вы, больше не появлялись. А чтобы уж окончательно увериться в этом, я разыщу всех ваших родственников и даже призраков ваших родственников и поглощу все их души, чтобы они стали моими.

— Ты бы поаккуратнее обращался со своим пищеварением, дружище, — сказал я. — Лично я позабочусь, чтобы моя душа стала самой горькой.

— Хорошо сказано, — рассмеялся Баланд. — Знаешь, мне даже жаль, что наконец этот день настал. Хотя теперь я буду жить спокойно, зная, что ты уже никуда не денешься, заточенный внутри меня. Не будешь бродить по свету, без конца доставляя мне хлопоты.

— Мы старались, — насмешливо сказал я.

— Не сомневаюсь, — сказал король демонов. — И за это вы с этой девкой умрете столь мучительно, что и представить не можете. Правда, кое о чем я сожалею. Чувствуешь себя спокойнее, когда знаешь своих врагов. И еще спокойнее становится, когда враги просят пощады. Но вот убьешь их — и где такие враги? Вновь наступает время неизвестности и беспокойного сна. И просыпаешься в тревоге и спрашиваешь себя: в самом ли деле ты убил их, не замышляется ли против тебя опять магическая хитрость?

— Мой призрак постарается, чтобы сны твои действительно стали беспокойными, — пообещал я.

— Не рассчитывай, — ответил Баланд. — Ведь я сказал уже, что даже призраков не останется.

Джанела хрипло рассмеялась.

— Сказать-то ты сказал, Баланд, — заметила она. — Но неужели тебя тревожат даже призраки? Такой могучий малый, как ты, и боишься слабеньких духов, которые лишь и могут постучать ночью в стенку да постонать.

— Я ждал, что вы заговорите, о моя дорогая госпожа Серый Плащ, — ответил демон. — Ты многих убедила в том, что являешься великим магом, возможно, даже более великим, чем твой прадед Янош Серый Плащ. Так скажи мне, о мудрейшая: какие слова мудрости ты приготовила нам в этот день?

Джанела пожала плечами.

— Мудрость никогда не интересовала меня. Мудрость означает размышления кого-то по поводу чего-то. А я предпочитаю все увидеть сама. И делать свои простые выводы из этого.

— Ну так расскажи мне, что ты видишь, — сказал Баланд. Джанела с минуту его разглядывала, затем сказала:

— Я вижу нелепого короля. Настолько нелепого, что даже непонятно, как удерживается корона на его голове. Похоже, этот король демонов боится слишком многого, что очень удивительно. Я перечислю его страхи. Ты боишься *нас*, и ты этого честно не отрицаешь. Ты боишься призраков. Ты боишься такого дикого демона, как Элам. — Она указала вверх, на корни, которые раскачивались в ответ на усилия рабочих. — Ты боишься даже этого дерева.

Баланд зашипел. Ему не понравились ее слова. Но он ничего не сказал.

— Также я думаю, что в своем собственном мире ты и тебе подобные сожрали слишком много энергии власти, больше, чем диктует благоразумие. Тут уместно сравнение с городом, который расширяется, вырубая вокруг леса, строит из них дома, отапливает их дровами из леса. Постепенно в лес становится ездить все дальше и платить дорогую цену за то, что некогда было под боком. Вот что вы сделали. И, возможно, не только в своем и нашем мире. Должно быть, существуют другие короли-демоны, с такими же проблемами, короли, которые с удовольствием понаблюдадут за падением их брата-монарха. А если так, дела твои, Баланд, совсем плохи, тебе все больше приходится напрягаться, удерживая то, что отхватил.

К Баланду вернулось его скверное чувство юмора.

— Жаль, что я раньше тебя не поймал, — сказал он. — Я бы превратил тебя в такую же маленькую забавную зверюшку, как эта. — Он пнул Тобрэя. — Намного лучше, чем эта.

Джанела положила руку на грудь.

— Ах, что вы, ваше демонство! — сказала она застенчиво. — Такое внимание со стороны вашего демонства заставляет биться сердце бедной девушки. Мы же все знаем, как

ваш образ действует на простых смертных женщин. Как вы очаровали прекрасную Талилу, она прямо пританцевала в ваши объятия, сгорая от желания.

— Ну, желала она или не желала, — прорычал Баланд, — но она стала моей.

— Разве? — сказала Джанела. — А может быть, ты стал *ее*? Она же играла тобой, как дурачком, ты же знаешь. Какой успешный заговор она осуществила против тебя. Неужели ты не знал? Не знал, пока я не продемонстрировала это здесь?

— Ты все врешь, ведьма! — рявкнул Баланд. — Показанное тобою — просто фокус. К тому же дешевый.

— Вот как? — спросила Джанела.

Она вытянула вперед руку. На ее ладони лежала каменная коробочка. В голубом свете на поверхности отчетливо виднелась высеченная фигурка танцовщицы.

— А хочешь, я позову ее для тебя? — спросила Джанела. — Не хочешь увидеть ее танец еще раз?

С этими словами Джанела изобразила в воздухе рукой изгибы тела. Баланд повернулся к страже, собираясь отдать приказ отобрать коробочку. Но в это же мгновение знакомая соблазнительная фигурка появилась, покачиваясь в воздухе, и Баланд не смог оторвать от нее взгляда. Из пустой оркестровой ямы зазвучала музыка, и фигурка девушки вдруг обрела плоть.

Король демонов, разинув пасть, уставился на пришедшие в движение изящные руки и ноги танцовщицы.

В этом освещении она казалась ледяной, но этот лед просил тепла, которое могло бы растопить его. Бедра извивались, ожидая ласк, груди набухали в томлении по поцелую любовника, губы обещали неземное блаженство. Ее духи заполнили своим соблазнительным ароматом весь зал. Я увидел, как затрепетал Баланд, когда она медленно и дразняще провела руками от бедер до грудей.

Джанела взмахнула рукой, и танцовщица исчезла. Это произошло так внезапно, что Баланд так и застыл с широко раскрытой пастью, как какой-нибудь морской змей.

Она шагнула вперед, протягивая коробочку.

— Здесь, — прошептала она, — находится Талила. Для тебя.

Баланд обнажил клыки и протянул руку. Джанела поднялась по ступеням. Оказавшись рядом с защитным полем, она сказала:

— Она ждет, Баланд. Ждет только тебя.

Баланд нетерпеливо взмахнул рукой, и поле пропало.

Джанела поднялась еще на одну ступень и вдруг рывком открыла крышку коробочки.

Демон Митель взвился вверх, яростно завывая от долгого заточения. Бывший фаворит короля Азбааса первым перед собой увидел Баланда и, завывая от предвкушения крови, бросился на него.

Баланд настолько был ошарашен, что Митель чуть не ухватил его. Но король демонов сгруппировался и сделал сальто назад через спинку трона. Трон разлетелся на куски, а Тобрэй едва успел отползти в сторону, когда Митель бросился за Баландом.

Солдаты-демоны устремились на помощь господину, который, вскочив на ноги, уже изготовился схватиться с Мителем врукопашную. Король Игната закричал, вскочил с трона. Ближайший к нему демон обнажил саблю, приблизился, и лезвие сабли легко вошло в грудь короля Тирении.

Его сын прокричал проклятие, прыгнул на убийцу отца, обхватил мускулистой рукой его за шею и с хрустом сломал.

Соларос отбросил труп и кликнул своих людей. Закованные солдаты загремели цепями, стараясь освободиться, а остальные тиренцы поспешили к ним на помощь. Принц помчался по залу, зовя тиренцев в бой.

Баланд тем временем сражался с Мителем. Митель пытался вонзить клыки в горло Баланду, а Баланд отбивался ногами. Наконец королю демонов удался могучий удар, и Митель отлетел назад, рухнув на солдат-демонов. Те покатались вниз, и у моих ног с

лязганьем упала сабля. Я схватил ее и машинально рванулся вперед.

Джанела уцепилась за мою руку и закричала:

— Стой, Амальрик!

На постаменте для тронов Баланд наскочил сзади на Мите-ля. Тот попытался вслепую отбиваться когтистыми ногами, но тут уже налетели солдаты Баланды и принялись кромсать врага саблями.

Баланд вскочил, призывая своих солдат и отыскивая нас своим желтым глазом.

Я услышал, как Пип и остальные наши выкрикивают мое имя, и понял, что они спешат к нам на помощь.

Баланд увидел нас, а Джанела еще крепче сжала мою руку, не давая мне двинуться с места. Король демонов вскинул руки, произнося какое-то могучее заклинание, чтобы поразить нас.

Джанела подняла вверх коробочку и крикнула:

— Откройся!

Разверзся пол в зале, и в то же мгновение навстречу клубку летящих на нас молний Баланды из-под земли вырвался фонтан. Но не той живительной влаги, а мертвящей, похожей на серебристую ртуть.

Две стихии встретились. Раздался ужасающий взрыв, разметавший в стороны Баланды и его демонов.

В ушах у меня что-то громко взвыло, и огненный белый ветер швырнул меня вверх.

Затем мы стали падать. И падали, и падали, а Джанела все крепче и крепче сжимала мою руку.

Мы падали так долго, что я уже решил, конца этому не будет.

Глава 21 НЕСКОНЧАЕМАЯ БИТВА

Я стоял на гигантской равнине, окруженной горами, изрыгавшими огонь в небо, затянутое темными облаками, подсвеченными снизу красным закатом. Позади разверзлась пасть пещеры, и я понял, что появился оттуда, а вовсе не упал с неба, как казалось поначалу.

На мне была грубая туника ниже колен, подпоясанная сухими стеблями лиан. За этот пояс был заткнут кинжал, выточенный из кремня. Я держал в руках дубинку, из конца которой торчал обсидиановый заостренный осколок.

Вокруг меня стояли люди, числом более тысячи, вооруженные такими же дубинками и копьями и одетые так же, как и я. Они стояли шеренгами в ожидании битвы. Я узнал их: это были Пип, Отави, Тоура, Берар, все *четыре* брата Сирильян, все те, кто вышел со мною в плавание из Орииссы. Здесь же находились тиренские солдаты, которых мы обучали, вместе с генералами — Эмерлем и Трэйдом, — все те, кого Баланд избрал для жертвоприношения. Я осмотрелся и не увидел принца Солароса — почему-то он не перенесся в этот мир вместе с нами.

Передо мною стоял Квотерволз, а недалеко — и Келе.

— Нет, — сказал Квотерволз. — Мы от Тирении уже далеко и сейчас находимся возле той пустой деревни.

— А как же...

— Мы в настоящем, а может, и в будущем, везде, где есть в нас нужда... когда есть в нас нужда.

И, прежде чем я смог спросить еще что-то, загремели барабаны. На одном фланге моей маленькой армии приплясывали, приговаривая, несколько шаманов, и громче всех звучал голос Тобрэя. Перед ними обнаженная, с развевающимися волосами, в полном экстазе плясала, воздевая руки к небу, Джанела. Я ощутил желание, и член мой напрягся, но тут же злость охватила меня, когда громче загремели барабаны и по равнине двинулась армия демонов. На нас, на наши дома...

Впереди шел король демонов. Я знал, что это должен быть Баланд. Я воинственно закричал, и мы помчались в атаку, не чувствуя острых камней, впивающихся в босые ноги.

Демоны тоже устремились вперед, и наши армии столкнулись. И уже ничего не осталось в мире, кроме этой бойни, ударов, круговерти дубинок, когтей и клыков. Отави снес голову одному чудовищу, и оно, успев издать вопль боли, упало, истекая кровью. Другое чудовище с четырьмя лапами, вооруженными острейшими, как серпы, когтями, одним ударом оторвало руку Отави. Захохотав безумным смехом, мой бывший конюх направил обрубок в морду чудовищу, залил ему глаза кровью, нанес сокрушительный удар в грудь и умер.

Пип сначала рубился дубинкой с небольшим — с него ростом — демоном на четырех кривых лапах, приземистым, как жаба; затем они сошлись вплотную, сцепились и покатались по земле, вонзая друг в друга кинжалы.

Передо мною возникла тварь с мордой тигра, окруженной щупальцами. Ко мне устремилась лапа с длинными когтями, и я своей дубинкой изо всех сил ударил зверя в горло, успев выхватить зазубренное оружие, когда тварь упала.

Вокруг безумствовало убийство; клубок сражающихся со стонами и проклятиями мотался то туда, то сюда, скользя по окровавленным камням и в лужах той странной многоцветной жидкости, что заменяла демонам кровь.

И я продолжал сражаться, не обращая внимания на раны, укусы и царапины, успевая осматриваться в поисках Баланды. Я увидел его в окружении демонов, считавшихся у них благородного происхождения, и стал пробиваться к нему.

За мной устремились мои люди, прокладывая мне путь в толпе сражающихся чудовищ к королю демонов, и в острие этого клина находился я.

Но, пока мы пробивались вперед, все вокруг вдруг изменилось. Я не знаю, как это получалось, но я словно бы участвовал в нескольких сражениях одновременно, потому что я вдруг то оказывался в одиночестве на равнине, окруженный врагами, то в толпе своих войск. Вот я хочу сделать шаг вперед к Баланде, а пячусь назад, к нашим пещерам.

Я выругался в гневе и беспомощности, поняв, что это король демонов насылает на нас путающее заклинание, и тут же услышал, как монотонно и уверенно начала приговаривать Джанела на неизвестном мне языке, но слова эти придали новых сил, и я сообразил, как двигаться в этом странном мире, где шаг вперед оказывается шагом назад, и вскоре до Баланды, нетерпеливо царапающего когтями каменистую почву, было футов десять. Я рванулся к нему.

Демоны одолевали моих товарищей, почти окружив их, и мне кричали, чтобы я отступал, что мы должны спасаться бегством.

Но ни их гибель, ни моя смерть ничего не значили перед моим намерением сокрушить Баланду. Однако его уже не было передо мной, он теперь стоял в отдалении на каком-то валуне, что-то весело крича.

Ко мне вернулось чувство реальности, и я увидел лежащего мертвым Берара и увидел, как рядом со мной Квотерволз отражает выпад рогатого монстра и пробивает копьем его налобный щиток, а чудовище шипит, корчится и падает замертво.

— Назад! Назад! Бежим! — донеслись крики, и мы побежали, уже не как организованная армия, а устремляясь в паническое бегство потерпевших полное поражение.

Передо мной с горящими глазами возникла Джанела.

— Сейчас мы остановимся, — выдохнул я, чувствуя, как трудно дышать.

— Нет! — закричала она. — Мы не можем больше сражаться! Теперь уже не здесь! И не сейчас...

Я глянул назад. Армия демонов с Баландом во главе, победно вопя, устремлялась по склонам к нашим пещерам-домам. Тот стал выше, сильнее, напитавшись энергией наших погибших товарищей.

Я развернулся — к черту здравый смысл, если они собираются уничтожить наши жилища! — поднял дубинку для последнего боя, и рядом оказался Квотерволз, истекающий кровью, но не обращающий внимания на раны, и я уже не вслушивался в мольбы и просьбы

Джанелы и...

Мы падали, падали без конца...

На зеленую чудесную лужайку падал с небес легкий теплый дождичек. Мой конь нетерпеливо заржал, предчувствуя приближение битвы.

Я был одет в форму древнего кавалериста: кожаный шлем с полоской стали от макушки до кончика носа, стальные пластины на щеках, стальная кираса и бриджи, заткнутые в высокие сапоги со стальными пластинами по бокам. Конь мой также был облачен в доспехи: жутковатого вида шлем на голове с прорезями для глаз и кожаная попона, спускающаяся ниже седла. Я был вооружен саблей, притороченной к седлу, кинжалом и длинным копьём с вымпелом, в цвет такому же маленькому вымпелу, что развевался на гребне моего шлема.

Но если наша одежда еще что-то напоминала знакомое, то вымпел с гербом неведомого мне города не говорил ни о чем.

Рядом сидела в седле своей лошади Джанела, одетая точно так же. Лишь сабля ее была полегче моей. Позади нас также верхом находились мои капитаны Тоура, Берар, Келе и Квотерволз.

А дальше на приплясывающих в нетерпении лошадях располагались остальные мои солдаты, ориссиане и тиренцы.

Мы маскировались за деревьями, внимательно глядя на расстилающиеся впереди луга. По ним уверенно шагала армия демонов, выстроившись в форме гигантского полумесяца. По флангам ехала их кавалерия — демоны на странных зверях и других демонах.

Справа от меня располагалась наша пехота, усиленная боевыми слонами и охотничьими котами — гепардами.

Послышался звук фанфар и грохот барабанов, и две армии начали сближаться.

— Ну уж в этот раз мы им устроим, — пробормотал Квотерволз.

Джанела протянула мне руку, я пожал ее, не отрывая глаз от поля боя.

А она принялась заклинять:

Ты не видишь ничего
Ты видишь ничто
Ничто лишь деревья
Ничто лишь траву
Здесь все безопасно
Здесь все безвредно
Твой враг не здесь
И не надо его здесь высматривать
Глядеть не на что.

На поле боя столкнулись две армии. Вначале полетели стрелы, а затем вперед вышли копейщики и меченосцы, и началась бойня.

Келе воскликнула, что, дескать, пора, но, не обращая на нее внимания, я продолжал внимательно наблюдать, как то одна сторона, а затем другая одерживают верх. Я усмехнулся, увидев — как и было запланировано, — как наш левый фланг начал отступать, словно терпя поражение. Назад, назад, и вот уже слышно, как победно вопят демоны.

Теперь настал наш час, и я, выхватив саблю и привстав в стременах, прокричал команду. Моя кавалерия устремилась с господствующих высот на правый фланг демонов.

Я никогда не был солдатом, но почему-то все команды были теперь мне знакомы и легко срывались с губ:

— Шагом марш!

— Рысью!

— Копья наперевес!

Более ста пятидесяти стальных наконечников опустились, обещая смерть врагу.

— Галопом в атаку!

Они так и не заметили нас, пока мы не врезались им во фланг, вонзая длинные копы в их тела, и вопли боли с криками удивления вознеслись к небесам. Мое копые вырвалось у меня из руки, застряв в теле двуглавого чудовища, ошетилившегося чешуей со смертоносными наростами. Я выхватил саблю и начал рубиться.

Мой конь взвизгнул от боли и взвился на дыбы. Зверь разорвал ему горло. Я высвободил ноги из стремян и соскочил на землю, отпрыгивая в сторону, а конь рухнул на своего убийцу. Послышались крики:

— Командир упал... Антеро...

Тут же рядом оказалась Джанела, я вскочил сзади на ее коня, и мы устремились в гущу схватки, рубя и коля, устремляясь к центру армии демонов, где реяли знамена Баланда.

Мы оказались среди демонов, одни стремились схватиться с нами, другие старались избежать нашей смертоносной стали. Но невероятная давка сохраняла нам жизни — у демонов просто не было пространства развернуться, и мы продвигались все ближе и ближе к Баланду. Я соскочил на землю.

Он возвышался над нами, щеголяя шелками поверх доспехов. Он был вооружен дротиком и кинжалом. До него оставалось не более полудюжины футов... Рядом с ним развевался его штандарт, который держало ужасное чудовище, на которое более нескольких секунд и смотреть было невозможно.

Баланд сделал выпад в направлении Джанелы, та увернулась, а я напал на него сбоку. Удар его дротика был отбит моей саблей, а его кинжал я ухитрился выбить ногой. И тогда моя сабля воткнулась ему в бок, пробила доспехи, демон завыл, а его кровь — ужасная черно-зеленая слизь — потоком выплеснулась наружу.

Баланд взвыл и покачнулся, падая назад, а я тут же нанес удар демону, державшему его флаг, но промахнулся, угодив по алебарде, которой был вооружен этот демон. Но, прежде чем чудовище обрело равновесие, я свободной рукой вырвал у него штандарт и поднял высоко вверх, вызывая у демонов крики ярости и страха.

Послышался крик Джанелы, я обернулся и увидел, как какой-то демон вскочил на ее лошадь и, обхватив девушку за горло когтистой лапой, душит ее. Но вот одно движение ее руки с кинжалом — и тварь упала с коня.

Баланд находился всего лишь в нескольких футах от меня, и я собирался его добить, но тут нас разъединила толпа сражающихся, и я потерял его из виду.

Рядом оказалась Джанела, затем и остальные. Со лба у меня текла кровь, я вытер ее с бровей и мгновенно огляделся.

Вокруг меня собрались оставшиеся бойцы моего отряда, не более тридцати мужчин и женщин, все израненные. Нас уже окружали демоны, радостно вопя, что наконец-то поймали меня в ловушку.

Отряды моей армии находились далеко, отчаянно стараясь пробиться мне на выручку.

Появился Квотерволз с моим штандартом и воткнул его в землю. Промокший от крови флаг с изображением герба дома Антеро захлопал на ветру. Квотерволз усмехнулся.

— Теперь у них, по крайней мере, есть цель, — сказал он.

Ярдах в пятидесяти отсюда прорывалась группа моих боевых слонов, но они еще были слишком далеко, и сабли демонов уже пели нам отходную.

Но на этот раз, подумал я, на этот раз я серьезно ранил Баланда, может быть даже смертельно, и армии его досталось. И не важно, что я умру сейчас, если он будет лежать рядом.

Я ранил неуклюжего четырехлапого демона с двумя саблями, ушел от удара копыем и...

Мы падали, падали...

Наши корабли штормом мотало на волнах, под порывами восточного урагана, так, что никто, даже самые опытные моряки, не мог удержаться на палубе, не схватившись за что-либо. Но мы не обращали внимания на качку. Ведь мы прижали флот демонов к берегу, и им было хуже, чем нам. Нас оберегала магия Джанелы.

Их флот состоял из огромных кораблей трех типов. Самые гигантские были похожи на баржи; их на буксире тащили однопалубные галеры. На этих кораблях демоны разместили свои орудия и солдат, готовых броситься на abordаж, если рядом окажется вражеское судно. Другой тип представляли большие трехмачтовые суда, превосходящие размерами любое наше судно. У них на палубах также стояли катапульты и другие орудия. Их здорово трепало штормом, насланным Джанелой, но мы не видели у демонов даже намека на панику, словно они и не сознавали, что их вот-вот выбросит на берег.

Наши маленькие корабли были совершенно необычны. Они имели одну мачту и странный защитный навес над фордеком. Гребцы прятались за высокими фальшбортами, изогнутыми внутрь. Только посреди судна оставалось открытое пространство. Передо мной стояли две катапульты, еще две — на палубе, приподнятой над рядами гребцов, а я, вместе с Джанелой, Келе, Квотерволзом и Отави, находился в открытой круглой башенке на юте. Отави был у нас рулевым и стоял около устройства, выполнявшего роль невиданного прежде штурвала — две вертикальные палки, уходящие в прорези на палубе, и он ими двигал взад или вперед в зависимости от команд Келе.

Я вспомнил о кораблях-«черепахах», встреченных Ради в великой морской битве далеко на западе.

Но странными были не только корабли, еще более поражали меня моряки. В некоторых из них я узнавал знакомых ориссиан и тиренцев. Но были и другие, которых я не мог как следует разглядеть. Глазам почему-то было больно смотреть на них, и я старался не разглядывать их внимательно.

Джанела стояла на коленях перед пентаграммой, обведенной кругами, помеченными магическими символами. Рядом валялись пустые кожаные мешки, в которых, должно быть, раньше содержался ветер. Возле пентаграммы горела ровным огнем свеча, пламя которой ничуть не пугалось завывающего штормового ветра.

Внезапно ветер стих, и мы начали терять скорость. Потом внезапно ветер ударил нам в лицо. Заклинание Баланда пересилило наше.

— Ну нет, — пробормотала Джанела и поднесла свечу к жаровне. Вверх взметнулось многоцветное пламя в два раза выше человеческого роста, и ветер вновь задул в прежнем направлении. — Ему придется схватиться с нами, — сказала она.

Вокруг нас в воде вздыбились взрывы — это катапульты демонов открыли стрельбу.

Мои корабли шли клином, направленным острием в сердцевину вражеского флота, гребцы налегали изо всех сил на весла, ветер наполнял наши паруса. Атака была дерзкой и стремительной — ведь наши корабли были меньше кораблей демонов.

Но я собирался сражаться по-новому, и мои капитаны знали свою задачу.

Ведь на нашей стороне был колоссальный опыт Рали, полученный ею в великом путешествии на Запад и переданный мне, правда, я не помнил когда.

— Мы на расстоянии прицельной дальности, — сказал Квотерволз.

Я кивнул ему, и наши катапульты начали метать в сторону неприятеля громадные камни и тяжелые стрелы.

Но не это было нашим главным оружием — оно скрывалось под водой, в бурунах пены, поднимаемых носами наших судов.

Каждый наш корабль избрал себе целью вражеский. Мой собственный устремлялся прямо на громадный флагман Баланда.

Мы приближались, и демоны на борту флагмана взвыли от радости, видя нашу глупость, наше желание сблизиться с кораблем гораздо больших размеров и подвергнуться их атаке.

В последнюю минуту Келе отдала команду, курс нашего корабля слегка изменился...

Теперь-то демоны заметили наш подводный заостренный таран, их корабль начал медленно поворачиваться.

— Держись! — выкрикнула Келе, и все схватились кто за что смог, чтобы не упасть.

Раздался сильный удар, и многие из нас полетели на палубу, несмотря на готовность к столкновению. Демоны пришли в себя и начали карабкаться на реи повыше, чтобы оттуда прыгнуть на нас.

Келе выкрикнула команду, гребцы налегли изо всех сил на весла, при этом с левого борта гребли в одну сторону, а с противоположного — в другую. Как и было задумано, наш корабль развернулся и таран с громким скрежетом вырвался из борта флагманского корабля, и мы отошли в сторону от поврежденного судна.

В то же время катапульты Квотерволза продолжали посылать снаряды на палубу вражеского искалеченного судна, не давая демонам прийти в себя.

— Все на корму! — крикнула Келе.

Все, кто был, устремились на корму, отчего нос нашего судна слегка приподнялся. Моряки, находившиеся на носу, быстро открыли люки, отвязали остатки разрушенного тарана, на его место поставили новый, закрепили и захлопнули люки, впустив внутрь совсем немного воды.

— Все по местам!

И наш корабль вновь занял боевую позицию уже с новым смертоносным клювом.

Под всеми парусами и на всех веслах мы пролетели сквозь вражеский строй почти до опасного берега. Там развернулись и вновь атаковали их флот. Так действуют волки, отбивая по частям группки овец от общей стаи. При первой атаке потери наши оказались ничтожными, как я и надеялся.

На этот раз мы ударили в корму вражеского корабля и отскочили назад, наблюдая, как он тонет. Демоны пытались спастись, хватаясь за обломки или на шлюпках.

В этот день милосердием и добротой не пахло. Мы перевернули три шлюпки, лучники расстреливали тонущих тварей, хватающихся за наши борта, и мы приготовились к новой атаке.

Шторм разыгрался не на шутку, и флот демонов несло к суше, где корабли ожидало крушение. Флот Баланда рассеялся, и каждый корабль теперь в одиночку стремился спастись.

Я огляделся, отыскивая флагманский корабль, намереваясь покончить с ним и...

Мы падали, но на этот раз гораздо медленнее...

Далеко внизу расстилалась земля, красивый озерный край. Позади вставало солнце. Двадцать наших кораблей плыли по воздуху к горным вершинам, где находилась цитадель короля демонов.

Я не знал, в каком мы мире, в каком времени, поскольку никогда и не слышал о существовании таких аппаратов, на которых мы летели.

Они представляли из себя длинные трубы, длиною в восемьсот или девятьсот футов, заостренные на концах и с длинными палубами, висящими под этими цилиндрами. На палубах, в ожидании битвы, стояли мои вооруженные солдаты.

По бокам палуб возвышались мачты, по которым сновали матросы, разворачивая нужные паруса.

Я не понимал, как мы удерживались в воздухе, но мне вспомнилось, как в детстве я складывал бумажные пирамидки, держал их над огнем в камине, и они, набрав теплого воздуха, улетали в трубу вместе с дымом. Может быть, и в этих цилиндрах содержался воздух, подогреваемый магией.

Келе предупреждающе крикнула и показала на маячащие впереди огромные горы, где из пещер и расселин навстречу нам вылезали демоны. Некоторые из них садились верхом на крылатых тварей, а некоторые и сами *были* этими тварями. Копья и длинные сабли служили им оружием.

Послышалось какое-то жужжание, и один из моих кораблей, охваченный пламенем, начал падать, переворачиваясь в воздухе, подобно детской игрушке, слишком близко оказавшейся к огню.

Джанела, творя контрзаклинание, зажгла свечу, обхватила ее руками и стала дуть на пламя, приговаривая:

Не гори
И не сжигай
Я лишаю тебя жизни
Я лишаю тебя пищи
Приказываю умри
Я распоряжаюсь твоей смертью.

Теперь летучий рой чудищ устремился на нас, чтобы схватиться врукопашную. Мы открыли стрельбу. Я хладнокровно взвел тетиву арбалета, пока она не щелкнула в зажиме. В направляющий желобок я положил стрелу.

Одно из четырехкрылых чудовищ, похожее на громадную стрекозу, подлетело ближе и протянуло лапы с когтями к моряку на рее. Он завопил, видя приближающуюся смерть, а я прицелился и выстрелил. Я промахнулся, но стрела, свистнув между тварью и жертвой, напугала чудовище, и когти его ухватили пустоту. Оно взвизгнуло от злости, сделало вираж и скрылось.

Некоторые из демонов спрыгивали со своих «коней» к нам на палубы, обнажив когти или оружие. К ним бросались люди, и скоро то там, то здесь человек или чудовище, вопя, срывались в бездну. И нередко даже пара противников, вцепившись в глотки друг другу, летела навстречу неизбежному, не прекращая схватки.

Настала пора использовать наше особое оружие.

Джанела раскрыла перед собою ладонь, смазанную маслом, пошептала, и вверх взлетело пламя, магический огонь, не обжигающий ее руку.

Она подняла с палубы бумагу, свернутую в трубку, положила на ту же ладонь и легонько подула.

Гигантский огненный палец прочертил небо, отыскивая крылатых чудовищ и сжигая их.

Послышался громоподобный рев, и на нас устремился гигантский змей с тремя парами крыльев. Я понял, что это и есть Баланд. Но я был спокоен как никогда. Неторопливо зарядив арбалет, я тщательно прицелился и выстрелил в змеиное тело Баланда. Чудище, извиваясь, полетело вниз...

Мы падали, покачиваясь в воздухе, как осенние листья, устремляясь к далекой земле...

Теперь не было ни суши, ни неба, ни воды.

Хаос... мутный хаос, темнота и свет одновременно.

У меня не было тела. Рядом, невидимая, парила Джанела.

Что-то пролетело мимо, задев меня и отбросив в сторону. Это казалось странным. Какое-то столь же бестелое существо обладало такой энергией, силой...

Я испугался, но тут ощутил уверенное прикосновение Джанелы, ее знание наставило меня на путь истинный. И я, *потянувшись* во тьму, нащупал мою собственную силу, отыскал ее и швырнул в ту сторону, где парил Баланд. Удар оказался столь мощным, что весь этот мир содрогнулся.

Появились и другие демоны, но тоже бестелесные. Это было само воплощение зла, скрученное в змеиные спирали... Вдруг все пропало в страшной яркой вспышке. Сначала ничего не было видно, а потом я понял — демоны восстали против демонов.

Этот призрачный колдовской мир причинял демонам страдания, и они пытались

вырваться из этого мира. Я понял, что демоны по-настоящему погибают в этой странной междоусобице в пустоте.

Еще что-то попало в меня, обжигая ногу выше колена. Обратно полетели два заряда, выпущенные мною и Джанелой, и вселенная раскололась от боли Баланда.

Мы стояли на голой каменистой равнине, куда серебряный взрыв отправил нас в первый раз.

Теперь нас осталось только трое. Мы с Джанелой были обнажены и держали в руках факелы этого чудного серебряного огня.

У наших ног, сжавшись, стоял на коленях Баланда, в мольбе подняв вверх руки с когтями.

— Пощади, Антеро. Я прошу пощады, Серый Плащ. Ваши души действительно оказались горькими для меня.

— Пощады? — Джанела звонко рассмеялась.

— Да. Отпустите меня, отпустите нас с оставшейся у нас силой, и я клянусь, что мы больше не появимся в вашем мире.

— И ты думаешь, что я поверю твоему слову? — спросил я.

— Я сдержу его, — сказал он. — Посмотрите, вот здесь у меня на груди особый знак, и вы поймете, почему должны поверить мне, почему должны отпустить нас живыми.

Я машинально склонился... и когти Баланда вылетели вперед, прямо к моему сердцу. Но вспыхнуло серебро, отбивая его нападение, мое оружие по своей собственной воле нанесло удар, и голова Баланда покатилась по камням.

Его гигантский глаз полыхнул желтым и потемнел, и я ощутил уход Баланда — что-то исчезло в этом мире, что-то черное, что-то смертельное, что-то веками висевшее на нас свинцовым грузом.

Джанела стояла рядом, став на мгновение целиком серебряной, как танцовщица Талила, а затем та серебряная сила, что спасла меня, пропала.

Я дотронулся до Джанелы, и мы оказались в древнем тронном зале короля Фарсана.

Вокруг меня толпились солдаты, сражавшиеся с демонами за наш мир и победившие. Квотерволз, Келе, Отави, Пип, остальные ориссиане, Тобрэй и жители Тирении...

Но в зале не было ни принца Солароса, ни придворных. В зале также находились три трупа: короля Игнати, демона Мителя и короля Баланда, который сидел на своем троне, почерневший и обезглавленный.

На моем теле не было ни царапины, но зато болели все раны, которые я получил в бесконечных многочисленных сражениях в различных мирах.

Квотерволз усмехнулся и хотел что-то сказать, но тут же он и Келе исчезли, ведь на самом деле они были далеко, на пути к Ориссе.

Внезапно мною овладела неуверенность. Я не понимал, ни где я, ни кто я, но Джанела крепко держала меня за руку, и мир вновь обрел реальность и стал моим миром.

Мы повернулись и, с трудом переставляя ноги, побрели по туннелю вверх, к свету дня.

Глава 22

ПРОВИДЕЦ-ПРИЗРАК

Когда толпы радостных тиренцев приветствовали нас наверху, я, как призрак, почувствовал себя странно: нахожусь вроде бы здесь и в то же время очень далеко. И меня больше привлекал безмятежный покой, нежели буйство жизни вокруг.

Мне рассказывали, что призраки видят больше, чем простые смертные. Призраки привязаны к своему прошлому цепями, которые не в силах разорвать, потому на настоящее взирают бесстрастно и к тому же способны предвидеть будущее.

Итак, облачившись в мантию провидца, мой дорогой Гермияс, я обращаюсь к тебе со следующими словами.

Из Солароса получится хороший король. Я внимательно наблюдал за ним, когда в

Тирении праздновалась победа над Баландом и его ордами демонов. Соларос прекрасно держался в потоке восхвалений, которыми осыпали нас его подданные. Он ничуть не ревновал к тому, что большая часть славы досталась нам с Джанелой. И, как только затянувшееся празднество закончилось, он тут же принялся планировать будущее для своих еще похмельных и непроспавшихся подданных.

Тирения изменится, и в этом нет сомнений. Теперь, когда нет демонов и не с кем сражаться, тиренцам придется отложить оружие и привыкать к новой жизни. Это будет непросто. Ведь эти люди так долго жили в постоянном страхе, в состоянии войны. Слишком долго унижали их, заставляя все время отступать, оставлять свои земли, пока не осталась в их владениях лишь последняя крепость. И память об этом позоре изгладится не скоро.

Что же касается вас — любимых моих ориссиан, — то вас ждут еще более великие изменения. Теперь, даже с исчезновением Баланды, не следует ждать, что в ваши дома сразу придут радость и единодушие. Многие опасности поджидают вас, и среди них опасность выбора пути развития, которая может довести до междоусобицы. Будь бдителен, племянник. Это может оказаться страшнее, чем король демонов.

Я заключил договор с королем Соларосом. С помощью Джанелы все полученные здесь знания передаются и Ориссе. Вскоре отсюда отбывает группа магов, и я прошу тебя достойно принять их в Ориссе. Они принесут с собою ту истину, которую Серый Плащ и его правнучка украли у богов. Если этой истиной свободно и щедро наделить всех, то, по крайней мере, мы избавимся от власти тех господ воскресителей, которые так ревниво охраняли от нас эту истину. Этому тебе не надо бояться. Но если же спрятать истину в каком-нибудь жалком хранилище сокровищ, то придет роковой день, когда все проклянут тех, кто сокрушил Баланду, и будут призывать на себя удары его плетей, как воспитание справедливого, но строгого отца.

И вот я подошел к той части моего повествования, которая пугает меня более всего. Я знаю, что ты, прочтя эти слова, спросишь: «Да что с тобой, мой дорогой дядюшка? Что с тобой?»

Я собираюсь расстаться с жизнью.

Вот так.

Я ведь говорил уже об этом.

Надеюсь, ты не возненавидишь меня за это и не назовешь меня глупым старым придурком, боящимся встретить естественную кончину. Что ж, ты вправе так думать. А то, что ты прочтешь дальше, вообще заставит тебя подумать, что я еще и сошел с ума.

Меня убьет Джанела.

Но как же, спросишь ты, любящая женщина согласится пойти на такое? Или это давно задуманная месть за убийство Яноша? И вся ее любовь — уловка?

Нет, именно в силу любви она и преподносит мне этот дар.

Она зашла ко мне, когда я собирался с мыслями, чтобы изложить их в финальной части моей рукописи. С момента нашего возвращения с битвы она почувствовала, что мною владеет дурное настроение, но молчала.

— Я все думала, что ты сам со мною заговоришь, Амальрик, — сказала Джанела. — Но ты не говоришь, и чем дольше тянется молчание, тем больше мне чувствовать, что ты мне не доверяешь.

— Извини, любимая, — сказал я. — Дело не в глубине или сложности моих размышлений. Это всего лишь вернулось старческое недомогание.

— Ты устал от жизни, — сказала она.

— Да, — сказал я. — Я уже был смертельно уставшим, когда впервые увидел тебя, когда ты постучала в мою дверь и сказала: «Пойдем со мною искать Далекое Королевство, старик».

— А разве наше путешествие не вернуло тебя к жизни? — спросила она.

Я вздохнул:

— Разумеется, вернуло. Но это был лишь кратковременный подъем духа. Я должен был

закончить ту работу, которую мы с Яношем начали.

— И теперь, когда дело сделано, — сказала она, — тебя уже ничто не манит вперед?

— А что еще может быть впереди? — сказал я. — Я сейчас ощущаю себя старым бродягой, который ближе к вечеру ищет местечко, где бы устроиться на отдых.

Джанела долго молчала, пристально глядя на меня. И наконец приняла решение.

— Помнишь наш последний разговор во дворце, Амальрик? Я сказал, что помню. Он происходил в те минуты, когда мы ждали, что вот-вот войдут охранники и отведут нас к Баланду.

— А помнишь, какой я предлагала тебе выход из ситуации?

— Помню. Ты сказала, что знаешь, как открыть дверь, в которую ушли старейшины.

— Но я не могла ее открыть, пока был жив Баланд.

— Но теперь он мертв, — сказал я, ощущая, как внезапно стало сухо во рту.

— Да, — сказала Джанела.

Я собирался с духом для ответа, потому что не эти слова она желала бы услышать от меня.

— Ты сказала, что надо принять это как дар, — наконец выговорил я. — Я же не могу его принять. Жизнь моя практически подошла к концу, и я рад этому. И зачем мне нести это бремя дальше?

— Но прежде, чем дать отрицательный ответ, неужели ты даже не хочешь посмотреть, что ты отвергаешь?

Я пожал плечами, полагая, что нахожусь еще в здравом уме.

— А какой в этом смысл? — спросил я уже не очень уверенно.

— Я не узнаю тебя, Амальрик. Ты судишь о чем-то, даже не взглянув на это.

Я кивнул в знак согласия с ней, и она рассмеялась.

— Вот теперь узнаю Амальрика Антеро, — сказала она. — Настоящего. Того, который ни за что не устоит перед неизведанным ради того, чтобы посмотреть, какие товары продаются на новых рынках.

Ее слова заставили меня улыбнуться, и этой улыбкой я дал свое согласие, и Джанела обняла меня.

Этой же ночью при свете всего одной свечи она усадила меня за маленький столик. Разожгла благовония и уселась напротив так, что наши колени соприкасались. На середину стола она положила каменную коробочку. Приказав опустить на коробочку руку, свою ладонь она положила на мою.

И сказала:

— Закрой глаза.

Я закрыл. Я ждал, что будет дальше, но ничего не происходило.

— Что мне теперь делать? — в нетерпении спросил я.

— Ничего, — сказала она.

— Может быть, думать о чем-то?

— Может быть.

— А о чем?

— О чем хочешь.

— Хорошо, — сказал я. — Буду думать о тебе.

Я представил себе ее образ. Вообразил, что вижу ее через зарешеченное окно моей садовой стены. Она сидела на прекрасном коне и была — само совершенство. Она поманила меня, я раскрыл ворота и бросился к ней со всех ног. Схватившись за стремя, я вскочил сзади нее в седло. И едва я успел обнять ее за талию, как она пустила коня в галоп. Мы мчались в сторону Ориссы, но места казались незнакомыми. Вскоре мы оказались у крутого холма. Это препятствие лишь раззадорило скакуна, и он довез нас до вершины за несколько секунд.

Там мы спешили. Джанела, взяв меня за руку, подвела к краю пропасти.

— Смотри, Амальрик, — сказала она.

Передо мной раскинулся край серебряных лесов, братьев того дерева, с помощью

которого мы победили Баланда. Среди этих лесов к далекому морю несла свои отливающие золотом воды река. По ней плыли корабли поразительных форм с парусами того цвета, который приобретает небо перед наступлением ночи. Кораблями управляли изящные существа — не люди, не звери и не духи, но объединяющие в себе все три эти ипостаси. Ветер дальних странствий наполнял их паруса.

Меня до слез потянуло в дорогу.

Джанела что-то прошептала, и я вновь оказался в комнате, сидящим за столом напротив нее.

Я так был ошеломлен увиденным, что долго не мог заговорить. Джанела принесла мне бренди, прижалась ко мне и стала ждать, когда я, согревшись напитком, приду в себя.

— Ты знала, что мы увидим именно это? — спросил я.

— Откуда же мне знать? — сказала она.

Голос ее звучал странно. Ее глаза были мокры от слез.

— И я действительно могу оказаться там? — спросил я.

— Да, Амальрик, — сказала она. — *Мы* можем.

— Но... ты же говорила — для того, чтобы отправиться в это путешествие, надо умереть.

— Да, — сказала она.

— Но тебе-то зачем умирать? — запротестовал я. — Ты же молодая женщина. К тому же достигшая такого величия, какого никому еще не удавалось достичь. И у тебя впереди много лет, чтобы и дальше трудиться на своем поприще.

— Нет. Как бы долго я ни жила, большего мне уже не достичь. Помнишь, я говорила тебе, Амальрик, что как только найду решение той задачи, которую поставил перед собою мой прадед, то буду вопить от радости. Я же впала в отчаяние, поскольку все загадки разгаданы. Ведь я же исследователь и мыслитель. И передо мною *должна* быть цель для исследований. Где она, Амальрик?

Что я мог ответить ей, мой дорогой племянник?

И мы заключили договор.

Но я чуть не передумал, когда узнал, какой способ смерти она предлагает. Мы должны были выпить вина, причем достаточно много, чтобы почти ничего не ощущать. Открыть каменную коробочку. Затем Джанела должна была ввести мне в вену смертоносное снадобье, но перед этим взять у меня капельку крови и перенести ее на лепесток магической розы в коробочке. А затем все то же самое она сделает и с собой.

— Но у меня хватит мужества самому покончить с собой, — заявил я.

— Способ должен быть именно таким, — сказала Джанела. — И ты первым должен стать духом, чтобы увлечь меня за собой.

И все же у меня вызывало протест то, что она решила расстаться с жизнью в столь юном возрасте. Она же убеждала меня, говоря, что если я люблю ее, то не позволю остаться одной в этом мире. И в конце концов мы пришли к согласию.

Теперь ты все понял, Гермияс? Помни, что я любил тебя.

А теперь мне пора. Джанела ждет, да и я уже истерзался от затянувшихся прощаний.

Манит отлив, прозвучала последняя команда капитана к отплытию.

Там, куда мы с Джанелой направляемся, нас ждут неведомые и чудесные моря и корабли. И ветер там дует только попутный. И все берега таят загадки. И душа стремится в путь.

Там сбываются все наши мечты...

Там, в настоящих Далеких Королевствах.